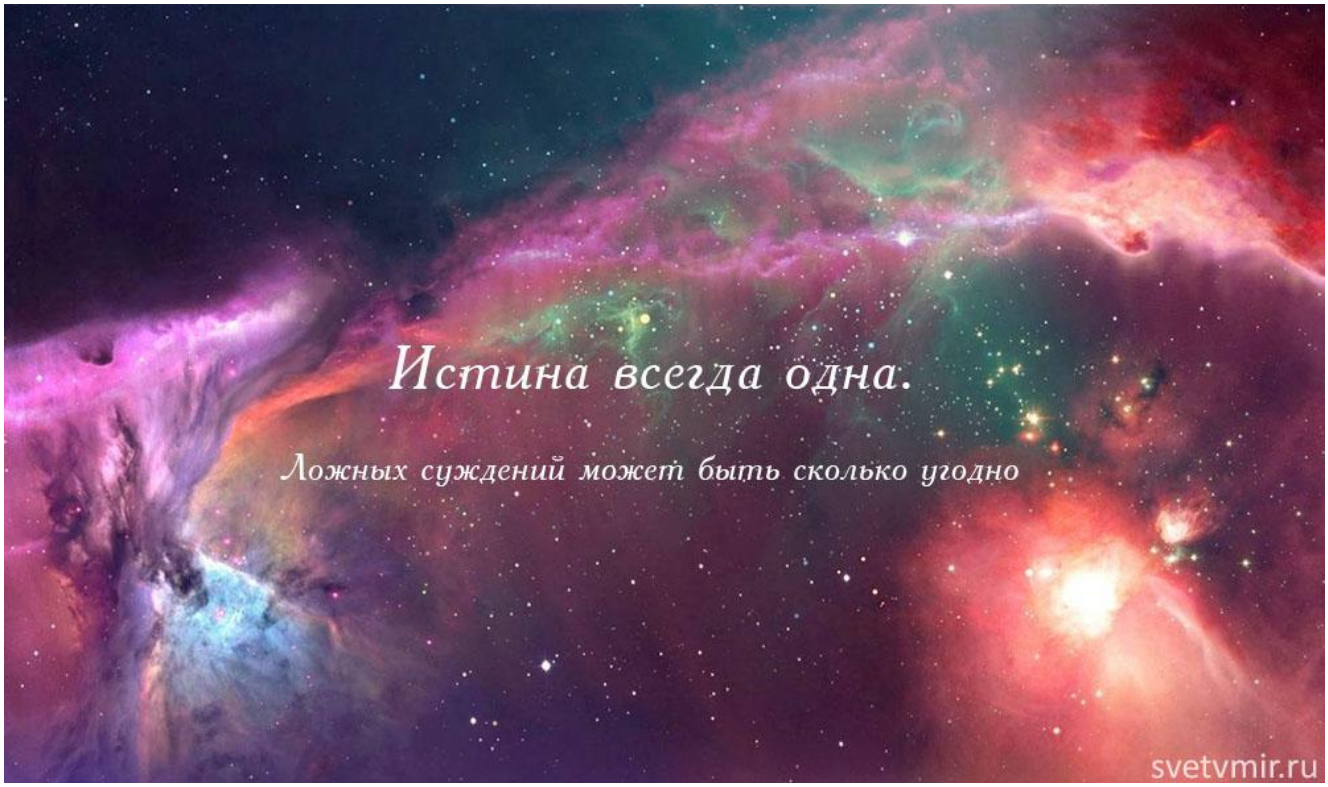
Владислав Фельдблюм

Междисциплинарная общеэкономическая теория в действии

(электронная копия печатного издания)

Ярославль

2015

УДК 330.8
ББК 65.01
Ф39

Фельдблюм, В. Ш.

Ф39 Междисциплинарная общеэкономическая теория в действии. – Ярославль : Изд-во ИПК «Индиго», 2015. 304 с.

ISBN 978-5-91722-212-7

Автор книги, доктор химических наук, профессор, в течение многих лет самостоятельно изучал политическую экономию и производственную экономику, математическую экономику, высшую и прикладную математику, историю, философию, психологию и другие научные дисциплины. Его целью было по-новому подойти к решению важной и сложной задачи – к созданию общей теории социально-экономического развития. Как известно, первую попытку такого рода предприняли в своих трудах Карл Маркс и Фридрих Энгельс, но эта задача не могла быть решена научными средствами того времени и на базе только прежнего исторического опыта. Теперь это стало возможным. Для этого потребовались нетривиальные подходы и исследования на стыке наук, применение методов естествознания и математики в гуманитарных науках, анализ дополнительного исторического опыта от времен Маркса и Энгельса до наших дней. Результатом стало создание междисциплинарной общеэкономической теории, которой и посвящена настоящая книга. Новая теория может рассматриваться как продолжение и обобщение экономических учений Карла Маркса, Альфреда Маршалла, Василия Леонтьева и других выдающихся экономистов применительно к современным историческим условиям. Автор не только излагает свою теорию, но и показывает, как она «работает», насколько ее результаты, выводы и прогнозы подтверждаются на практике, в реальной жизни. В книге рассматриваются актуальные вопросы внешней и внутренней политики России. Выдвигается и обосновывается концепция нового гуманного общества, к которому, по мнению автора, придет страна при условии продолжительного осуществления оптимальной государственной политики.

Книга адресована политикам, ученым, общественным деятелям и, конечно, всем тем, кто хочет понять объективные законы общественно-экономического развития, кому небезразлична судьба нашей страны и перспективы ее развития в современном мире.

© В. Ш. Фельдблюм, 2015

К моему 80-летию и 20-летию моей книги «К общеэкономической теории через взаимодействие наук» (1995)

Автор

«Нам нужны экономисты типа Нильса Бора, де-Бройля, Гейзенберга и Дирака, чтобы реконструировать или революционизировать экономическую теорию так же, как эти люди революционизировали физическую теорию»

Гардинер Минс

Содержание

Предисловие..... 7
Введение..... 8
Глава 1. Основы междисциплинарной общеэкономической теории..... 9
1.1. О предмете междисциплинарной общеэкономической теории… 9
1.2. Политическая экономия и естествознание..... 12
1.3. Политическая экономия и математика..... 14
1.4. Об аналогии природных и общественных процессов..... 18
1.5. Процесс труда и его необычная аналогия..... 22
1.6. Одушевленная производственная функция..... 29
1.7. Макроэкономический баланс. Революционная ситуация на языке математики..... 34
1.8. Производительные силы, производственные отношения и общий экономический закон..... 36
1.9. Мотивация труда как основа производственных отношений..... 38
1.10. Научно-технический прогресс..... 45
1.11. Общественно-экономические формации..... 53
1.12. Первобытное, рабовладельческое и феодальное общества..... 62
1.13. Ранний капитализм..... 66
1.14. Современный капитализм..... 73
- Капитализм как многообразная система..... 75
- Обуздание рыночной стихии..... 78
- Макроэкономическое регулирование..... 81
- Гуманизация труда 91
- Научно-технический прогресс..... 95
- Наследие раннего капитализма..... 96
- Основной экономический закон..... 99
1.15. Социализм и коммунизм..... 103
- Социализм в междисциплинарной общеэкономической теории..... 104
- Коммунизм в междисциплинарной общеэкономической теории..... 107
- Экономический парадокс коммунизма..... 112
- Советский вариант социализма..... 114
- Перестройка..... 121
1.16. Россия на перепутье..... 130

Глава 2. К новому гуманному обществу: программа для России
2.1. Научная основа программы…… 178
- Междисциплинарная общеэкономическая теория и Карл Маркс……... 181
- Междисциплинарная общеэкономическая теория и «экономикс»…… 188
- Идеология и наука……... 188
2.2. О «Стратегии 2020» и «Стратегии XXI»…… 189
2.3. Новое гуманное общество – не капитализм…….. 202
2.4. Новое гуманное общество – не социализм и не коммунизм…… 208
2.5. Новое гуманное общество – не «постиндустриальное общество»…….. 214
2.6. К новому гуманному обществу……... 219
2.7. Программа для России: стратегия и тактика……. 222
2.8. Программа для России: темпы и качество экономического роста……... 225
2.9. Программа для России: принципы оптимальной политики……. 255
- Государственное строительство и эффективность власти…. 258
- Демографическая политика……... 261
- Экономическая политика…….. 266
- Инфляция и конкуренция с российской спецификой……. 268
- Борьба с коррупцией…….. 273
- Социальная политика…… 276
- Аграрная политика…… 277
- Кредитно-денежная и налоговая политика…… 279
- Жилищная политика…….. 280
- Здравоохранение…… 281
- Наука и образование…….. 283
- Молодежная политика……... 284
- Импортозамещение как актуальная задача промышленной, аграрной и научно-технической политики…… 285
- Внешняя политика и обороноспособность страны…… 293

Вместо заключения: ответы на основные вопросы моих читателей……..... 298
Перечень литературных источников……. 301
Именной указатель…… 308
Приложение…….. 312
Об авторе……. 315

ПРЕДИСЛОВИЕ

Страсть к познанию - вот источник высоких радостей,
уготованных для благородных душ.

Гюстав Флобер

В преддверии восьмидесятилетия пора подводить итоги жизненного пути. Мне крупно повезло! Нет, я не выиграл миллион, не заполучил груду имущества или кучу денег. Я не стал начальником, академиком, заслуженным деятелем или почётным членом. Я - обычный профессор. Но у меня есть нечто большее, чего никогда не было у многих: мне посчастливилось испытать те высокие радости, о которых сказал великий Флобер.

Мне повезло в главном: судьба позволила мне прожить с чистой совестью. Я не угодничал, не выпрашивал послаблений и привилегий. Не растрачивал силы и время на поиски выгоды, на обзаведение нужными знакомствами, на интриги и всё такое, без чего не пробиться в сильные мира сего. Конечно, не всегда бывал до конца откровенным, не резал правду-матку, но не врал, не льстил, не пресмыкался. Никому не сделал подлостей, но и не прощал, когда пакостили мне. Людям останутся мои книги, изобретения, публикации в журналах, статьи в интернете. Я испытал радости от любви и дружбы, от научных находок, от искреннего уважения подчинённых, от воспитания молодых учёных, от общения со студентами, от встреч и совместной работы с очень интересными людьми.

Как химик и технолог я успел сделать всё, что запланировал. Но судьба преподнесла мне сюрприз: я увлёкся исследованиями на стыке наук, созданием современной общеэкономической теории, новой политической экономии, междисциплинарной и математической по своей сути. На этом поприще удалось сделать то, чего даже не ожидал от себя. Я не ограничился научными исследованиями и внёс свой вклад в общественную практику, повлиял на весь ход нашей жизни.

Я это не афишировал. Только благодаря многолетней закрытости мне удалось на протяжении десятилетий сосредоточенно работать над важной и сложной проблемой, без помех, ни на кого не оглядываясь, не спрашивая ни у кого разрешения. Иначе я не смог бы сделать ничего. Не смог бы на протяжении достаточно продолжительного времени проверять, как работает моя общеэкономическая теория, согласуется ли теория с практикой, подтверждаются ли мои выводы и прогнозы реальной жизнью. Оказалось - подтверждаются! Это главный мой итог. Я работал как вол, выложился полностью, не требуя ничего взамен. Люди ещё вспомнят обо мне и, может быть, скажут спасибо.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателям книга является завершающей в своеобразной «трилогии». В 1995 году в Ярославле вышла моя книга «К общеэкономической теории через взаимодействие наук». Она была издана небольшим тиражом, очень скромно. В продажу не поступала, весь тираж был передан в дар библиотекам, научным институтам, вузам, общественным организациям и отдельным лицам. Я получил благодарственные письма от библиотек, многие читатели высказали свое мнение, критические замечания и вопросы. Старался всем отвечать. Главное, что заинтересовало читателей – как случилось, что химик пришел в политическую экономию. Я ответил на него во второй книге «Вторжение в незыблемое: путь химика в политическую экономию». Книга была опубликована в 2007 году и размещена в интернете. И вот теперь эта, третья книга. Основным мотивом к ее написанию стали многочисленные просьбы читателей сообщить, как они могли бы ознакомиться с первой книгой. Чем можно было им помочь? Ведь первая книга стала библиографической редкостью.

Восполнить этот пробел я постарался в настоящей, третьей книге. Она состоит из двух глав. В первой главе излагаются основы междисциплинарной общеэкономической теории, над которой я работал без малого тридцать лет и до сих пор продолжаю эту работу. Эта глава, по сути, является переработанным и дополненным вариантом первой книги. Анализ проблемы доведен до наших дней. С целью упрощения исключена часть математического аппарата. Значительно расширен перечень использованной литературы: он включает ссылки как на фундаментальные труды классиков сто- двухсотлетней давности, так и на публикации самого последнего времени. Расширен перечень ссылок на зарубежные издания. Из перечня исключены многие ссылки на журнальные статьи непринципиального характера, предпочтение отдано отечественным и зарубежным научным монографиям, освещающим те или иные крупные проблемы экономики, социологии, политики.

Вторая глава – это, собственно говоря, иллюстрация применения междисциплинарной общеэкономической теории к пониманию новейшей истории России. В отличие от естествознания, где правильность научных выводов можно проверить, поставив научный эксперимент, в гуманитарных науках надежность и адекватность научных теорий можно оценить главным образом тем, насколько они подтверждаются общественной практикой, жизнью. Этот тезис и стал лейтмотивом второй главы. Она показывает, как «работает» междисциплинарная общеэкономическая теория. Более того, предлагается концепция нового

гуманного общества и принципиальная программа его создания в нашей стране. Отдаю себе отчет в дискуссионности моих взглядов. Мой долг – аргументированно высказать их, а не заставлять в них поверить.

ГЛАВА 1.
Основы междисциплинарной общеэкономической теории

1.1. О предмете междисциплинарной общеэкономической теории

Для целей этой книги, прежде всего, важно выяснить три вопроса: что является предметом междисциплинарной общеэкономической теории? Насколько объективны результаты этого исследования? Применимы ли в междисциплинарной общеэкономической теории методы исследования, используемые в естествознании и математике?

Советские учебники политической экономии много лет ориентировали читателей на определение Фридриха Энгельса из «Анти-Дюринга»: «Политическая экономия, в самом широком смысле, есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе» [1, т. 20, с. 150-154]. По его мнению, политическая экономия исследует сначала специфические законы каждой отдельной ступени развития производства, и лишь «в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще». Развивая эту мысль, Энгельс поясняет, что такая теория «еще только должна быть создана», а пока что экономическая наука «ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства».

Итак, Энгельс верил в возможность создания общеэкономической теории, называя ее политической экономией «в самом широком смысле». Не менее оптимистично высказывался по этому вопросу Карл Маркс: «Нет никакого сомнения в том, что человеческое производство во всех формах имеет известные неизменные законы или отношения. Это идентичное является совершенно простым и может быть суммировано очень немногими общими местами» [1, т. 48, с. 157]. Маркс был убежден, что впоследствии естествознание и наука о человеке станут «одной наукой» [1, т. 42, с. 124].

Менее оптимистично оценивал перспективы создания общеэкономической теории Альфред Маршалл. По его мнению, «объединенная общественная наука хотя и желательна, но не достижима» [2, т. 3, с. 208].

В советское время лишь в ходе перестройки была признана необходимость создания цельной общеэкономической теории, раскрывающей общие для всей цивилизации закономерности. Как справедливо отметил академик В.А. Медведев, современная политическая экономия уже немыслима без общеэкономической теории как своей основы. В учебнике политической экономии [3, с. 63] было впервые со всей определенностью сказано, что во времена Маркса, Энгельса и Ленина анализ общих экономических законов не был настолько актуален, как в современных условиях, а «в известной мере он был бы и преждевременным». В современных же условиях раскрытие общих экономических закономерностей «стало настоятельной необходимостью, ибо это позволяет рассматривать общественное развитие как единый мировой процесс». Признавалось и то, что «современная наука накопила достаточно большой запас знаний, позволяющий выявить и сформулировать эти законы». К сожалению, это осознание необходимости и возможности создания общеэкономической теории не было подкреплено конкретными делами. Слишком велика была инерция мышления тех, кто в то время делал погоду в официальном обществоведении. Слишком большой она остается и в образе мышления их последователей. Провозглашаемая на словах необходимость междисциплинарного подхода для решения новой сложной задачи на деле воспринимается с трудом.

Говоря о важности познания, общеэкономических законов, необходимо сразу же ответить на вопрос, являются ли эти законы действительно объективными, не зависящими от воли и сознания людей. С одной стороны, экономические законы – это законы человеческой деятельности, а всякая человеческая деятельность – это деятельность сознательная. С другой - утверждается, что экономические законы объективны. Нет ли здесь противоречия? «Противоречие здесь, разумеется, есть. А где его нет? Важно другое: оба высказанные положения верны», - писал академик Л.И.Абалкин [4, с. 47-48]. Хотя книга советского академика об экономических законах социализма с сегодняшних позиций может вызвать возражения, но его глубокая констатация объективного характера экономических законов абсолютно верна. Каждый человек

действует вполне сознательно. Он совершенствует технику, производит и обменивает продукты. В ходе этой деятельности он взаимодействует с другими людьми. В результате возникает такая система общественных отношений и связей, которая уже не зависит от сознания людей и развивается по своим объективным законам.

Что же является предметом междисциплинарной общеэкономической теории? Приведенное выше определение Энгельсом предмета политической экономии – далеко не единственное. Многие авторы давали другие определения, акцентирующие внимание на тех или иных чертах экономической деятельности. На общем фоне представляется очень ценной формулировка, которую предложил Маршалл в своей фундаментальной книге, впервые изданной в 1890 году. Определяя сущность предмета политической экономии как науки, он пишет: «Экономическая наука занимается изучением того, как люди существуют, развиваются и о чем они думают в своей повседневной жизни. Но предметом ее исследований являются главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее сильно и наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни» [2, т. 1, с. 69]. Таким образом, Маршалл, в отличие от Энгельса, прямо включает психологический аспект в сферу экономической теории. По его мнению, «нам в поисках ключевых мотивов развития истории человечества надлежит обратиться к изучению форм трудовых усилий и деятельности человека» [2, т. 1, с. 147]. С таким подходом соглашались не все. Например, французский экономист Эмиль Жамс считал, что «психологическая мотивировка человеческих поступков не относится к предмету экономической теории» [5, с. 69-70].

Думается, что определение Маршалла столь же верно, как и определение Энгельса. Они не противоречат, а дополняют друг друга. Каждое из них характеризует какую-то одну сторону общественного производства. Поэтому лучше всего их объединить. Но этого мало. Как будет показано в дальнейшем, от способа мотивации труда зависит общественно-экономический строй, направление его развития и те коренные перемены, которые принято называть социальными революциями. Кроме того, как читатель увидит далее, представление Маршалла об определяющей роли «побудительных мотивов» согласуется с современным анализом понятия «труд», данного Марксом в первом томе «Капитала». На основании всего сказанного можно считать, что междисциплинарная

общеэкономическая теория – это наука о труде и способах его мотивации, о наиболее общих законах производства и распределения материальных благ, об общественно-экономических формациях в истории человечества.

1.2. Политическая экономия и естествознание

Междисциплинарная общеэкономическая теория – результат естественно-научного подхода к традиционной политической экономии. Этот подход отнюдь не игнорирует методологической специфики общественных наук по сравнению с естествознанием. Но он отрицает изоляцию и разобщенность. В этом аспекте интересно рассмотреть взаимоотношения политической экономии и естествознания. В советское время взаимодействие наук на словах декларировалось, а на деле игнорировалось. И до сих пор можно услышать «глубокомысленные» высказывания о принципиальной невозможности использования методов естествознания в общественных науках. Любые попытки в этом направлении еще не так давно объявлялись «механицизмом». На основании каких аргументов? На эту тему в свое время рассуждал В.И. Вернадский: «Несомненно, перенос в область социологии научных идей и конструкций, выросших на почве естествознания и математики, не принес тех результатов, какие от них ожидались. Нет у нас ни социальной физики, ни социальной механики; далеки, в общем, методы исследования и особенно формы представлений общественных наук от методов и схем естествознания. Отчего это произошло? Являются ли эти попытки по существу невозможными вследствие коренного различия явлений общественных и явлений, охваченных научными методами естествознания? Или эти попытки были преждевременны, время для них не приспело, а в новой обстановке…результаты усилий будут иные? Или, может быть, были иные причины, которые указывают, что явление, которое перед нами раскрывается, было гораздо более сложным? Нам кажется, что именно так обстоит дело» [6, с. 223]. Думается, сегодня можно с полным основанием сказать: и время пришло, и результаты иные!

Объект изучения общественных наук, в отличие, например, от физических или химических наук, включает самого человека. Это обстоятельство, конечно, сильно затрудняет научный подход. Более того, общество – это не просто сумма индивидов, а сложная система. Исследование общественных процессов осложняется непрерывно

изменяющимся характером общества. Эти сложности и сами по себе могли бы объяснить тот факт, что естественные науки достигли более значительных успехов, чем общественные. Но есть более важное обстоятельство. Как отметил Джон Бернал, весьма сомнительно, чтобы ссылки на сложность изучения общественных явлений сами по себе могли объяснить отставание общественных наук от естествознания. Эти ссылки, по мнению Бернала, «скорее похожи на оправдание отставания, чем на его причины». Главной причиной Бернал считает классовую структуру общества. Именно это сильнее, чем что-либо другое, препятствует становлению строго научной, а значит беспристрастной, общественной науки. Ученый утверждает: «Во всех антагонистических обществах общественные науки неизбежно становятся продажными» [7, с. 531-533]. С этим утверждением можно согласиться, но с существенной поправкой – общественные науки становятся продажными, если делаются людьми, чье материальное или общественное положение напрямую зависит от того, какие результаты и выводы они обнародуют. К счастью, хотя и редко, но попадаются неподкупные люди, способные делать общественную науку чистыми руками. Только от них можно ожидать результатов, о которых говорится в эпиграфе к настоящей книге.

По принятой системе классификации общественные и естественные науки помещаются в противоположных концах ряда. Этот ряд начинается с математики и идет через физику и химию к биологии животных, к биологии человека, к психологии и социологии. Но пришло время сделать вывод, что общественные и естественные науки являются не обособленными учениями, а единым исследованием единого развивающегося мира. Взаимопроникновение методов и понятий различных наук выражает одну из важнейших тенденций развития на современном этапе – интеграцию научных знаний. На авансцену выходит методология комплексного, системного познания. Существующие отрасли науки находятся в процессе непрерывного изменения. Происходит обновление научных учреждений. Это относится и к университетам. Вводятся новые научные дисциплины, объединяются на новых путях традиционные дисциплины. Приобретение новых знаний о мире является главной движущей силой современного общества. Но эта сила имеет значение только в ее приложении к труду. Труд нельзя определить в рамках каких-то отдельных дисциплин. Конечные результаты труда являются междисциплинарными по своей сути.

Комплексный подход к исследованию сложных процессов и явлений требует наивысшей степени интеграции научного знания. Это справедливо вообще, а для политической экономии – особенно. Сегодня нет такого уголка в многогранной жизни и деятельности человека и всего общества, который бы не был затронут этой важной наукой. Именно поэтому на смену традиционной политической экономии приходит междисциплинарная общеэкономическая теория. Глубоко прав Василий Леонтьев в своем утверждении: «Для того чтобы углубить фундамент нашей аналитической системы, необходимо без колебаний выйти за пределы экономических явлений, которыми мы ограничивались до сих пор» [8, с. 271]. Эта мысль выдающегося экономиста послужила источником и стимулом в моей работе.

1.3. Политическая экономия и математика

Еще великий Леонардо да Винчи утверждал, что «ни одно человеческое исследование не может назваться истинной наукой, если оно не прошло через математические доказательства» [9, с. 11]. Это утверждение многим, особенно гуманитариям, наверняка покажется слишком категоричным. А между тем, если вдуматься, оно подтверждается историческими тенденциями развития науки. Что касается естествознания, то это уже совершенно очевидно. Энгельс в «Диалектике природы» писал, что применение математики в механике твердых тел – «абсолютное», в механике газов – «приблизительное», в механике жидкостей – «уже труднее», в физике – больше в виде попыток и относительно», в химии – «простейшие уравнения первой степени», в биологии – «равно нулю» [1, т. 20, с. 587]. В настоящее время ситуация совершенно другая. Уже не только в физике (которая сегодня вообще немыслима без математики), но и в химии, и в биологии математика занимает важное место. Возникли новые науки, такие как математическая физика, математическая химия. В гуманитарную сферу проникли математическая экономика, математическая психология. Становится все яснее, что принципиально нематематических дисциплин вообще не существует. Математика является одним из мостиков, которые объединяют гуманитарное и естественно-научное мышление. С помощью математики духовные ценности, накопленный опыт и научная культура перемещаются из одной сферы интеллектуальной деятельности в другую.

Более того, роль математических методов исследования возрастает по мере усложнения предмета исследования. И не потому, что математика имеет дело с количественными оценками и точными расчетами, как принято обычно думать. Главное в том, что математика строгими научными методами изучает отношения, качественные особенности. Изучение сложных явлений требует разнообразной компетентности, выходящей за узкопрофессиональные рамки, требует объединения усилий ученых разного профиля. Здесь требуется продуктивный диалог между ними. Это относится и к диалогу между математиками и нематематиками. В этой ситуации необходимо «объединение формальных методов мышления, свойственных математике, с неформальными методами, традиционными для гуманитарных дисциплин» [10, с. 52].

Известно, что Маркс и Энгельс проявляли большой интерес к использованию математики в политической экономии. Маркс в письме Энгельсу в 1873 году писал: «Ты знаешь таблицы, в которых цены, учетный процент и т.д. представлены в их движении в течение года в виде восходящих и нисходящих зигзагообразных линий. Я неоднократно пытался – для анализа кризисов – вычислить эти повышения и понижения как неправильные кривые и думал…математически вывести из этого главные законы кризисов» [1, т. 33, с. 71-72]. Но Маркс все же отказался от этой попытки. Задача математического моделирования колебаний экономической конъюнктуры теперь решена [11].

В развитие экономико-математической школы большой вклад внесли Г.Госсен, Л.Вальрас, У.Джевонс, В.К.Дмитриев, Ф.Эджуорт, В.Парето, Дж. Фон Нейман, Я.Тинберген, В.В.Леонтьев, П.Самуэльсон, К.Эрроу, Д.Хикс, Р.Солоу, Л.В.Канторович, Т.Купманс, В.С.Немчинов, В.В.Новожилов и др. В нашей стране начало экономико-математическим исследованиям было положено выдающимися трудами Л.В.Канторовича в 1938-1939 гг., который основал новую область математики в применении к экономике – линейное программирование. В 1975 году Л.В.Канторовичу совместно с Т.Купмансом (США) была присуждена Нобелевская премия за исследования в области оптимального использования ресурсов. В 1957-1958 гг. в СССР создаются первые экономико-математические подразделения, в вузах начинается подготовка соответствующих специалистов. Выдающуюся роль в организации и пропаганде экономико-математических методов сыграл В.С.Немчинов. В 1964 году была присуждена Ленинская премия

авторам цикла фундаментальных работ: Л.В.Канторовичу за работу «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов» (1959), В.В.Новожилову за работу «Измерение затрат и их результатов в социалистическом хозяйстве» (1959) и В.С.Немчинову за работу «Экономико-математические модели и методы» (1962). В 60-х годах были созданы Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ) и другие центры такой же направленности, организованы Главный вычислительный центр Госплана СССР и вычислительные центры Госпланов союзных республик. Довольно широкое применение получили работы В.В.Леонтьева по межотраслевым балансам, математическому моделированию отраслей производства, моделированию территориальных систем, планирования и управления предприятиями. В 70 и 80-е годы появились не только переводные, но и отечественные монографии по математической экономике [12, 13]. Особо следует отметить интересные исследования по системному анализу развивающейся рыночной экономики, выполненные под руководством А.А.Петрова [14, 15]. Была сделана попытка математического моделирования и социалистической экономики [16], с нашей точки зрения, не слишком удачная.

Отдавая должное этим экономико-математическим исследованиям, приходится констатировать, что трудности формализованного описания сложных экономических систем все-таки не позволили разработать вполне адекватную математическую модель. Неизбежно приходилось вводить многочисленные допущения. Они позволяли как-то упростить решение задачи, но это, естественно, снижало адекватность моделирования. В частности, вводится допущение о совершенной конкуренции. Оно сводит моделирование реальной экономики к описанию лишь такой идеализированной ситуации, при которой можно говорить о полностью свободной рыночной экономике. В этой ситуации все производственные единицы управляются множеством независимых мелких фирм, которые стремятся максимизировать свою текущую прибыль. При этом постулируется, что каждая из фирм контролирует лишь малую долю общей мощности и не может влиять на цены. В такой идеализированной системе цена действительно определяется лишь соотношением спроса и предложения. Проблема монопольных цен в таких моделях не учитывается. Государственное влияние на экономику считается весьма слабым. Среди других допущений – независимость уровня жизни от природных условий, сугубо

гипотетический учет влияния технологического прогресса, отсутствие спекулятивного спроса на деньги, неучет расходов на образование и др.

Еще американский экономист Бен Селигмен отметил, что покупка и продажа являются не только движением товаров и денег в противоположных направлениях (как постулируется в упомянутых выше экономико-математических моделях). Акты покупки и продажи – важные характеристики взаимоотношений между людьми, затрагивающие интересы классов и групп [17, с. 532]. Эти характеристики трудно моделировать математически. Следование по пути дальнейшего усложнения математических моделей без учета междисциплинарного характера всей проблемы – бесплодно. Такой подход оставляет без внимания главную цель – включение в рассмотрение живой человеческой личности. Несовершенство экономико-математического моделирования на текущем этапе развития этой науки породило чувство разочарования и неверия. Сегодня многие употребляют наименование математической экономики не иначе как в кавычках, связывая с этой наукой бесплодные упражнения и отрыв от реальной экономической жизни. Даже В.В.Леонтьев не избежал крайнего скепсиса: «Нужно с сожалением констатировать, что ни более простые варианты экономической теории, ни их наиболее современные динамические версии не продвинули нас намного вперед в детальном объяснении, не говоря уже о прогнозировании, конкретных состояний существующей системы» [8, с. 59]. Он иронизирует над тем, как год за годом экономисты-теоретики продолжают создавать десятки математических моделей и детально исследовать их формальные свойства, а эконометрики – приспосабливать алгебраические функции различных видов и форм к прежним наборам статистических данных, «будучи не в состоянии заметно продвинуться в понимании структуры и принципов функционирования реальной экономической системы» [8, с. 25].

Эта критика справедлива, но отдает чрезмерным пессимизмом. Не отвергать математическую экономику, а включить ее в систему знаний о природе, человеке и обществе – вот путь к успеху. Те, кто скептически относятся к попыткам математического описания процессов общественной жизни, часто задают вопросы типа «Зачем применять математику, которую знают немногие, вместо обычной логики, понятной всем?» или «Зачем нужна математика там, где все ясно без формул и уравнений?» Задавая такие вопросы, обычно

упускают из виду, что многие научные результаты, которые сегодня кажутся бесспорными или очевидными, сначала были найдены и сформулированы с помощью строгих математических методов. С другой стороны, длительные дискуссии по поводу некоторых мнимых истин могли бы давно и успешно закончиться, если бы заядлые спорщики захотели и смогли сопоставить свои аргументы на строгом математическом языке.

Современное состояние математической экономики, да и вообще традиционной экономической теории, можно в известной мере охарактеризовать как кризисное. Но кризисы в истории науки – обычное явление. Они говорят о необходимости «смены инструментов». Об этом прекрасно сказал Эмиль Жамс: «Изучать длительный период – это значит идти дальше скрупулезных моделей и эконометрических таблиц, составленных современными теоретиками. Это значит вернуться в область исследований первых экономистов-классиков начала XIX века и вслед за ними поставить вопрос, куда идет наша экономика, к застою или к прогрессу…Трудная задача!» [5, с. 462]. Именно эту «трудную задачу» и пытается решить междисциплинарная общеэкономическая теория.

1.4. Об аналогии природных и общественных процессов

Когда думаешь о необходимости взаимодействия наук для разработки междисциплинарной общеэкономической теории, на ум приходят многочисленные примеры глубокой аналогии между природными и общественными процессами. Еще знаменитый Франсуа Кенэ [18] многократно отмечал, что экономическая жизнь общества подчиняется действию естественных законов. Карл Маркс в «Капитале» сравнивал понятия тяжести и стоимости [1, т. 23, с. 66-67], а до этого проводил аналогию между меновой стоимостью товара и химическим эквивалентом [1, т. 13, с. 20-21]. Тем самым Маркс ввел здесь понятие экономического эквивалента, по аналогии с химическим эквивалентом. Не обошел вниманием эту тему и Фридрих Энгельс: «История, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения» [1, т. 37, с. 396]. В «Анти-Дюринге» Энгельс употребил термин «химический денежный товар» [1, т. 20, с. 320].

Альфред Маршалл обращал внимание на «многие черты глубокого сходства» между человеческим обществом и «естественной организацией высших животных» [2, т. 1, с. 320-321]. Рассматривая взаимное влияние различных производственных факторов, Маршалл сравнил их с шарами в чаше, регулирующими положение друг друга [2, т. 2, с. 228]. Эта, как он выразился, «параллель из области физики» заслуживает того, чтобы когда-нибудь физики, математики и экономисты совместно использовали эту интересную аналогию, подобно тому, как химики используют при изучении скорости химических реакций механическую, гидродинамическую или математическую аналогию.

Заслуживает внимания и интересная книга о многочисленных примерах глубокой аналогии в различных областях науки, техники и технологии [19]. В ней отмечается, что аналогии не только широко используются, но и могут обладать «любой степенью совершенства» (там же, с. 78). В книге приведен интересный пример аналогии между такими далекими друг от друга процессами, как биологический рост клеток и развитие техники (там же, с. 121).

Вскоре после Октябрьской революции 1917 года в России публикуются первые статьи, посвященные проблеме аналогии между экономическими и природными процессами. В 1923 году В.А.Базаров в своей статье о денежной эмиссии отметил, что «уравнения, формулирующие законы эмиссии, тождественны с уравнениями идеальных газов» [20]. По мысли Базарова, денежная масса в обращении действует аналогично давлению газа, а курс рубля подобен объему газа. Емкость рынка характеризует «уровень энергии системы» и ставится в соответствие произведению физической постоянной Клапейрона на абсолютную температуру. Доход от эмиссии Базаров уподобляет работе газа при расширении. Он подчеркивает: «Это не случайная аналогия, не курьезное совпадение, а один из бесчисленных примеров действительного единства или, точнее говоря, тождества организационной структуры в явлениях, по материальному составу своему совершенно различных». Эту же мысль Базаров развивает и в своей книге о капиталистических циклах [21]. В ней он делает попытку «применить к изучению динамических закономерностей общественного хозяйства конструктивные модели по образцу точного естествознания». Базарова не обескураживает аргументация оппонентов о неприменимости математических методов к обществоведению ввиду качественного своеобразия и большой сложности социальных явлений. По его мнению, отрицать сложность

общественных явлений не приходится, но она не есть нечто исключительное. Он пишет: «Многие биологические, химические, физические процессы ничуть не менее сложны, чем процессы социальные, что отнюдь не исключает возможности применения точных методов количественного анализа» [21, с. 66].

В развитие своих представлений об аналогии природных и общественных процессов Базаров идет еще дальше. Он проводит аналогию между распродажей товаров на рынке и химической реакцией раствора соды с соляной кислотой. Он рассуждает следующим образом: «Несколько упрощая процесс, можно допустить, что реакция превращения соды в поваренную соль (реализация единицы товара на рынке) происходит каждый раз, когда молекула соды встречается с молекулой соляной кислоты (когда нуждающийся в товаре покупатель фактически наталкивается на товар)…Покупатели нашего товара, в отличие от молекул, наделены сознанием и волей; их намерения, планы, расчеты бесконечно разнообразны, но, во всяком случае, не более разнообразны, чем те стихийные толчки, которые постоянно испытывают находящиеся в растворе молекулы, наталкиваясь друг на друга и на молекулы растворителя. Поэтому, поскольку мы имеем дело с массовым и притом анархически-рыночным процессом, нет никаких оснований ожидать, что статистические закономерности будут здесь при прочих равных условиях менее строги, чем в кинетической теории газов или в теории растворов» [21, с. 70]. Столь подробное цитирование – дань глубокого уважения к этим трудам В.А.Базарова, показывающим его поразительную наблюдательность, смелость и широту мышления.

В 1925 году в Одессе А.Н.Щукарев публикует статью, название которой говорит само за себя [22]. Он пишет: «Прочтя это заглавие, читающий несомненно спросит, что общего между термодинамикой как наукой о тепле, или кинетикой как наукой о движении и явлениями общественной жизни? Можно ли их как-либо сопоставлять или сравнивать? Ответом на этот вопрос послужит все содержание настоящей статьи». Щукарев пришел к построению термодинамических и кинетических уравнений общественных процессов, разрабатывая в течение 25 лет до этого узкие физико-химические проблемы. Ему, как он сам пишет, «сразу бросилась в глаза полная конструктивная аналогия общественных и химических процессов». По его наблюдению, «весь процесс соединения двух молекул подчинен теории вероятностей, и совершенно то же самое имеет место и в обществе людей». Как показал Щукарев, физическое уравнение скорости растворения с тем же успехом описывает процесс

заключения браков между мужчинами и женщинами, процесс совершения преступлений, процесс смертности населения. Более того, он доказывает применимость своего подхода к описанию скорости распределения потока населения между городом и деревней. Этот процесс, по мнению Щукарева, «вполне аналогичен процессу распределения новых порций йода, поступающего в смешанную двухфазную систему, состоящую из слоев хлороформа и воды». В результате своих исследований Щукарев формулирует следующий вывод: «К обществу, как системе, состоящей из собрания независимо действующих индивидуумов, могут быть с успехом прилагаемы законы и понятия термодинамики. Можно говорить о потенциале для тех или других составляющих общества, строить изопотенциальные кривые, определять скорость общественных процессов, можно говорить об энергии, энтропии и, наконец, о температуре общества».

Исследования А.Н.Щукарева продолжил его сотрудник Г.А.Прокопович. Будучи не химиком, а аспирантом кафедры политической экономии Харьковского университета, он опубликовал в 1926 году в «Украинском химическом журнале» оригинальную работу [23]. В ней он разработал понятие непрерывно изменяющейся вероятности и применил его к описанию скорости химической реакции и процесса купли-продажи товаров на рынке.

Смелые и плодотворные идеи о взаимодействии общественных наук с естествознанием выдвинул академик Н.Д.Кондратьев. Еще в 1924 году он выступил с докладом в Институте экономики первого Московского государственного университета на тему «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры». В этом докладе Кондратьев рассматривает возможность перенесения физико-химических понятий в область экономики. Он приходит к выводу, что различие объекта исследования этих наук «не может служить препятствием для расширения этого понятия (имеется в виду понятие обратимых и необратимых процессов – В.Ф.) до применения его к явлениям социально-экономическим. Иначе говоря, понятие обратимых и необратимых процессов в экономике мы можем рассматривать как частный случай более общего понятия о них» [24, с. 61].

К сожалению, талантливым русским экономистам того времени не суждено было продолжить свои работы. Их смелые попытки производят сильное впечатление. Конечно, это были лишь самые первые шаги на пути соединения экономической теории с естествознанием и математикой. Анализ В.А.Базарова и

А.Н.Щукарева ограничился рассмотрением совокупности независимых продавцов и покупателей, но не проник в область материального производства. Рассмотренные ими примеры все-таки больше относятся к формальной аналогии. Тогда еще не было ни нынешнего арсенала экономико-математических методов, ни современного уровня физико-химических исследований, ни надлежащего развития математики и вычислительной техники. А самое главное – не хватало исторического опыта социально-экономических процессов, на базе которого смогла возникнуть междисциплинарная общеэкономическая теория.

1.5. Процесс труда и его необычная аналогия

Всегда полезно не только говорить или писать самому, но и прочитать, что о тебе пишут другие. Поэтому я начинаю этот раздел с изложения статьи о моих исследованиях, опубликованной в книге [25, с. 496-497]. В статье говорится:

«Аналогия Владислава Фельдблюма.

Российский исследователь Владислав Фельдблюм (1995) пришел к мысли о возможности переноса в экономику математического аппарата физической химии, когда обнаружил аналогию между воздействием человека с помощью различных средств труда на вещество природы в процессе материального производства и воздействием катализатора на вещество в процессе каталитической химической реакции. Знакомясь с «Капиталом» Карла Маркса, В.Фельдблюм нашел в данной книге утверждение о том, что: 1) человек, 2) имеющиеся у него средства труда и 3) вещество природы, на которое он воздействует с помощью этих средств, образуют комплекс. Это оказалось аналогично тому комплексу, которое образовано веществом (соединением) и катализатором, воздействующим на него в ходе химической реакции. В.Фельдблюм в книге «Вторжение в незыблемое (путь химика в политическую экономию)» (2007) пишет: «Не вдаваясь в подробности, скажу, что я впервые подверг понятие о труде, взятое из «Капитала», детальному математическому анализу с применением физико-химической аналогии. Обнаружилось поразительно глубокое сходство между обобщенным процессом труда и обратимой химической реакцией,

протекающей в присутствии катализатора! Этот интересный вопрос подробно рассмотрен в моей книге «К общеэкономической теории через взаимодействие наук», к которой я и адресую читателя, желающего разобраться во всем этом более основательно. Эта феноменальная аналогия открыла уникальную возможность применить для исследования социально-экономических процессов строгие научные методы естествознания и математики. Я действовал примерно тем же методом, который в свое время применил австрийский физик-теоретик Эрвин Шредингер, основоположник современной квантовой химии» (Фельдблюм, 2007, с.34).

В.Фельдблюм в статье «О Марксе по-новому» (сайт «Физтех-Портал», 26.03.2009 г.) говорит о том, как он обнаружил аналогию между схемой Маркса, в которой труд интерпретируется как функционирование комплекса «человек - средства труда -предметы труда (вещество)» и схемой каталитической реакции «катализатор -природное вещество». «Если бы я не был физико-химиком, - подчеркивает В.Фельдблюм, - то наверняка не обратил бы внимания на поразительное сходство этой схемы с кинетической схемой некоторых химических реакций. Что происходит при химической реакции, протекающей в присутствии катализатора? Учитывая, что читателем этого сообщения может быть и неспециалист, несколько упростим изложение и отметим лишь главное. Имеются исходные вещества - реагент и катализатор. Они образуют каталитический комплекс. В нем реагент превращается в продукт реакции. Эту химическую реакцию специалисты по физической химии уже давно изображают так называемой кинетической схемой. И вот, мне удалось сделать поразительное наблюдение: если сравнить обе схемы, то получается абсолютно полная аналогия!» (В.Фельдблюм, 2009). Далее в той же статье В.Фельдблюм перечисляет основные параллели (аналогии) между химическими реакциями и процессом материального производства: «Химическому понятию скорости реакции можно поставить в соответствие понятие скорости общественного производства. Материальному балансу химической реакции соответствует экономический баланс, но уже не только в натуральном, как в химии, но и в денежном выражении. Важными характеристиками химических реакций являются константы скорости. По аналогии, есть экономические факторы,

определяющие скорость общественного производства. Ключевым понятием физической химии является энергия активации химического процесса. В экономике это - трудовая активность экономических агентов. И этот перечень химических и экономических аналогов можно продолжить» (В.Фельдблюм, 2009).

Резюмируя сказанное, ученый отмечает: «Смысл и значение этой удивительно глубокой аналогии между экономическими и химическими процессами заключаются в том, что открывается уникальная возможность применить для математического анализа общественного производства уже давно известные и надежные математические методы физической химии» (В.Фельдблюм, 2009).

Теперь все по порядку. Создание междисциплинарной общеэкономической теории невозможно без переосмысления и нового углубленного исследования самой основы политической экономии – понятия о труде. Казалось бы, основополагающие работы экономистов-классиков должны были поставить это понятие во главу угла. Оказывается, это не так. Знаменитая книга Адама Смита [26] начинается с главы о разделении труда, а четкого определения понятия «труд» в ней нет. Франсуа Кенэ [18], Анн Робер Жак Тюрго [27], Давид Рикардо [28], Джон Стюарт Милль [29] в своих фундаментальных сочинениях также не дают строгого научного определения понятия «труд». Альфред Маршалл ограничивается указанием на то, что «производство, в узком смысле этого слова, изменяет форму и свойства предметов» [2, т. 1, с. 123]. Что же касается понятия «труд», то Маршалл лишь цитирует определение Джевонса: «Можно определить труд как всякое умственное или физическое усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достичь какого-либо результата, не считая удовлетворения, получаемого непосредственно от самой проделанной работы» [2, т. 1, с. 124]. Определение Джевонса уже ближе к истине, ибо в нем говорится о результате. И все же это определение не назовешь строго научным, так как оно указывает на цель труда, но не раскрывает его сущности. По этой логике «трудом» можно назвать и действия грабителя или взломщика сейфов.

Йозеф Шумпетер говорит не о труде, а о производстве, определяя его следующим образом: «С технической или экономической точки зрения производить – значит комбинировать имеющиеся в нашем

распоряжении вещи и силы…Мы представляем процесс производства, используя понятие комбинаций производительных сил. Их результатами являются продукты» [30, с. 72-73]. Это определение уже более конкретно. В нем, по крайней мере, упоминаются производительные силы, а также продукты. Но и это определение, сводящее процесс производства к неким «комбинациям», оставляет чувство неудовлетворенности. Оно в несколько иной версии представлено и у Василия Леонтьева. Он определяет производственный процесс как «переработку одного ряда переменных – затрат – в другой ряд – выпуск продукции». Количественная связь между затратами и выпуском определяется по Леонтьеву «набором всевозможных технологических вариантов». Он пишет: «Среди всевозможных технически доступных комбинаций затраты-выпуск фирма выбирает одну, которая позволяет максимизировать разницу между доходом и издержками» [8, с. 46]. Это определение относится не к труду или общественному производству в целом, а к современной производственной фирме, для которой характерно стремление максимизировать прибыль. Здесь нет историчности и необходимой общности. В истории человечества были времена, когда еще не было ни фирм с их прибылью, ни набора «всевозможных технологических вариантов», ни даже денег, но уже был труд и было материальное производство, хотя и примитивное. Да и в наше время сообщество людей, занятых созидательным трудом, не состоит только из фирм, стремящихся максимизировать прибыль.

В современных экономических учебниках определение понятия «труд» выглядит, например, следующим образом: «Труд – это широкий термин, который экономист употребляет для обозначения всех физических и умственных способностей людей, применимых в производстве товаров и услуг…Таким образом, работы, выполняемые лесорубом, продавцом, машинистом, учителем, профессиональным футболистом, физиком-ядерщиком – все они охватываются общим понятием «труд» [31, т. 1, с. 37]. Согласно такому, с позволения сказать, «определению», труд – это всего лишь «набор способностей», а раскрытие сущности труда как понятия прагматично заменяется ссылками на примеры. О созидательной или преобразующей роли труда здесь нет и речи.

Все рассмотренные выше определения понятия о труде нельзя признать удовлетворительными. Они не дают ответа на очевидные вопросы. Трудились ли люди во все времена или начали трудиться

лишь в наше время? Что происходит в процессе труда? Какова цель труда и каковы механизмы ее достижения? Чем пользуются люди в процессе труда? Ответ на эти вопросы содержится, как оказалось, в определении понятия «труд», принадлежащем Карлу Марксу. Именно он дал в первом томе «Капитала» уникально точное определение понятия о труде. Несколько забегая вперед, сразу отметим, что в советской политической экономии, основанной на экономическом учении Маркса, это определение понятия «труд» не получило должной оценки, ибо все внимание было сконцентрировано на революционном содержании марксизма. Теперь нет советской системы и ее идеологии. Появилась возможность для объективной научной оценки марксизма. И эта оценка говорит о том, что многое из революционного содержания марксизма не подтвердилось в ходе мирового исторического процесса. Но строго научное и необыкновенно точное определение Марксом понятия «труд» сохраняет непреходящее значение для экономической науки. На этом определении и основывается междисциплинарная общеэкономическая теория. Это дает основание считать эту теорию продолжением и развитием экономического учения Маркса применительно к современным историческим условиям. Так же, впрочем, как обобщением и развитием экономических учений Альфреда Маршалла, Йозефа Шумпетера, Василия Леонтьева и других выдающихся представителей экономической науки. Однако вернемся к вопросу, обозначенному в заголовке этого раздела.

Давая определение понятию «труд», Маркс пишет: «Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи» [1, т. 23, с. 190]. Уникальная точность этого определения допускает его формализацию на основе физико-химической аналогии, что мы сейчас и увидим. Итак, мы имеем средство труда (обозначим его через К), работников (L) и предмет труда (А). Работники (L) помещают средство труда (К) между собой и предметом труда (А). При этом образуется то, что мы в дальнейшем будем называть производственным комплексом (AKL).

Далее Маркс пишет: «В процессе труда деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте. Продукт процесса труда

есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы» (там же, с. 191-192). Обозначим через B продукт труда. В процессе труда работники (L) соединяются со средствами труда (K), и образуется комплекс человек - машина (KL). Затем происходит его взаимодействие с предметом труда, и образуется производственный комплекс (AKL). Далее, в соответствии с определением Маркса, в производственном комплексе осуществляется «заранее намеченное изменение предмета труда», т.е. комплекс AKL превращается в комплекс BKL. Наконец, процесс «угасает», т.е. продукт труда B отделяется от комплекса человек - машина KL. Этот последний снова соединяется с предметом труда A, и таким образом производственный цикл повторяется. (Указание Маркса на «угасание процесса» относится именно к продукту, а не к процессу труда в целом). Продукт труда (B) – это и есть «потребительная стоимость, вещество природы», который получен путем переработки («изменения формы») исходной вещи (A), с целью удовлетворения потребностей человека.

Таким образом, процесс труда осуществляется согласно общей схеме:

$$A + KL \longleftrightarrow AKL \longleftrightarrow BKL \longleftrightarrow KL + B$$

$$L + K \longleftrightarrow KL$$

Здесь стрелки обозначают возможность протекания процесса как в прямом, так и в обратном направлениях. Эта возможность очевидна. Пояснения требует лишь центральная стадия превращения AKL в BKL и обратно. Примеров обратного превращения продукта труда в предмет труда уже достаточно, и они умножаются. Достаточно назвать, например, процессы переплавки металлического лома или рециркуляции химических продуктов. Более того, с развитием производства возрастает необходимость одновременного решения проблем экологии и воспроизводства ресурсов. Одним из путей ее решения является обратная переработка излишков продукции и отходов производства в исходное сырье. В частных случаях эта стадия может рассматриваться как необратимая.

Полученная схема, по всей вероятности, мало о чем скажет узкому специалисту по экономике. Но специалист по физической химии, а точнее по химической кинетике, сразу узнает в ней схему химического превращения реагента A в продукт B. Взглянув на эту схему, физико-

химик скажет, что K и L – это некие химические вещества, способные быстро и обратимо соединяться друг с другом и образовывать катализатор KL. Затем физико-химик скажет, что образовавшийся катализатор взаимодействует с исходным реагентом A, в результате чего образуется каталитический комплекс AKL. Этот комплекс в результате химической реакции превращается в новый комплекс BKL. Последний распадается на продукт реакции B и катализатор KL, который таким образом регенерируется и может повторно взаимодействовать с исходным реагентом A. Далее, в результате конструктивного диалога экономиста с химиком, выяснится, что применительно к экономике A – это природные сырьевые ресурсы, B – совокупный конечный продукт производства, а KL – своего рода «экономический катализатор». Он воспроизводится (это в терминологии экономиста, а в терминологии химика – регенерируется) на соответствующей стадии производственного процесса. Углубляя диалог, экономист и химик найдут и другие аналогии между экономическим и химическим процессами (табл. 1). Смысл некоторых величин будет ясен из дальнейшего изложения.

Таблица 1. Физико-химические понятия и их экономические аналоги

Обозначения	**Физико-химические понятия**	**Соответствующие экономические аналоги**
A	Исходный реагент	Сырьё (природный ресурс)
B	Продукт реакции	Совокупный продукт производства
K	Вспомогательный реагент	Средства труда (машины)
L	Вспомогательный реагент	Люди (работники)
KL	Химический катализатор	Комплекс человек - машина («экономический катализатор»)
AKL	Каталитический комплекс 1	Производственный комплекс 1
BKL	Каталитический комплекс 2	Производственный комплекс 2
V	Объём химического реактора	Объём экономического пространства
k_i, Φ_i	Константа скорости химической реакции (k_i)	Фактор скорости общественного производства (Φ_i)
K_p, Φ_p	Константа химического равновесия (K_p)	Фактор экономического равновесия (Φ_p)
α, β	Стехиометрические коэффициенты	Эконометрические коэффициенты

1.6. Одушевленная производственная функция

Автора этой книги и впрямь можно было бы считать ненормальным, если бы он, усматривая аналогию между экономическим и химическим процессами, не видел различия между ними. Выше уже говорилось, что экономику как общественную систему традиционно считают гораздо более сложным для изучения объектом по сравнению с природным химическим процессом (о моделировании сложных систем есть хотя и довольно старая, но не потерявшая научного значения книга [32]). «Здравомыслящий» читатель может сразу отвергнуть любые рассуждения о рассматриваемой аналогии уже на том основании, что никак нельзя сравнивать химические молекулы с живыми людьми. Но такое основание, при всей кажущейся его очевидности, не может быть принято. Принять его – значит заранее отказаться от любых попыток поиска того общего, что связывает общественные процессы с природными. О научной бесплодности столь консервативных взглядов уже говорилось. Вместо категоричного отрицания следует попытаться в ходе сравнительного исследования учесть различия между природными и общественными процессами.

«В отличие от большинства естественных наук мы изучаем систему, которая не только чрезвычайно сложна, но и к тому же находится в состоянии непрерывного изменения», - пишет Василий Леонтьев [8, с. 270]. Эту важную особенность экономических процессов отмечал и Альфред Маршалл: «Материя, с которой имеет дело химик, всегда остается той же самой, но экономическая наука, подобно биологии, имеет дело с материей, внутренняя природа которой и строение, как и ее внешняя форма, постоянно изменяются» [2, т. 3, с. 210]. Простим Маршаллу упрощение, касающееся химии. При химической реакции материя изменяет и «строение», и «внешнюю форму». Но в том, что касается экономики, то Маршалл прав. Вполне определенно высказался на эту тему и Артур Пигу, отметив, что «экономические константы не одинаковы в разные периоды времени». Развивая эту мысль, он подчеркнул: «Гравитационная постоянная всегда одна и та же. Экономические же константы…в силу своей природы зависят от человеческого сознания и подвержены изменениям» [33, т. 1, с. 71-72].

С учетом сказанного, в ходе нашего исследования химические константы заменены на соответствующие им переменные

экономические факторы. Фундаментальным общим свойством всех процессов, протекающих во времени, является их скорость. Это относится и к химическим, и к экономическим процессам. Но вместо константы скорости химической реакции, постоянной во времени, междисциплинарная общеэкономическая теория вводит в рассмотрение переменную величину – фактор скорости общественного производства. Тем самым, в какой-то степени учитывается изменчивость процесса, протекающего в объеме экономического пространства, по сравнению с реакцией, протекающей в химическом реакторе. Приведенная выше общая схема, аналогичная для химической реакции и экономического процесса труда, открывает принципиально важную возможность: на основании этой схемы можно вывести уравнение скорости процесса, используя известные из химической кинетики и достаточно проверенные математические методы. Вывод уравнения дан в книге [34]. Не воспроизводя его здесь, сразу приводим полученное уравнение:

$$Y(t) = \Phi_I \Phi_{II} [A] V \Phi_p [L]^{\alpha} [K]^{\beta} ,$$

где $Y(t)$ – совокупное производство обобщенной продукции (материальных благ) как функция времени t, Φ_I – психологический фактор мотивации труда («человеческий фактор»), Φ_{II} – фактор научно-технологического прогресса, $[A]$ – концентрация природных ресурсов, V – объем экономического пространства, Φ_p – фактор равновесия между комплексом человек - машина и образующими его компонентами, L – трудовые ресурсы, $[K]$ – концентрация производственного капитала (производственных фондов), α, β – показатели степени, близкие по смыслу к коэффициентам в макроэкономическом уравнении динамизированной производственной функции Кобба-Дугласа. В отличие от последней, наше уравнение включает дополнительные переменные – факторы мотивации труда, природных ресурсов, объема экономического пространства, а также фактор равновесия Φ_p. Обычная производственная функция Кобба-Дугласа становится теперь частным случаем выведенного уравнения (при равенстве единице этих дополнительных факторов).

Особенно важно наличие в выведенном уравнении «человеческого фактора» - психологического фактора мотивации труда. Это принципиально отличает новое уравнение от функции Кобба-Дугласа. Поэтому в междисциплинарной общеэкономической

теории новое уравнение названо «одушевленной производственной функцией» (ОПФ). Уравнение ОПФ объясняет тот факт (на который обращали внимание наиболее проницательные экономисты, в частности американский экономист Эдвард Денисон [35]), что выпуск продукции может ускоряться или замедляться даже тогда, когда производственные фонды, число работников и уровень техники остаются неизменными.

Для глубокого раскрытия содержания фактора Φ_I необходимо привлечение представлений антропологии, психологии, социологии и других наук о человеке как главной производительной силе материального производства. Как биологический вид, наделенный сознанием, человек удовлетворяет в труде свои физиологические и интеллектуальные потребности. В самом общем смысле известны только два мотива к труду: либо принуждение, либо внутреннее побуждение. Принудительный способ стимулирования может реализовываться двумя путями: либо через непосредственное воздействие (личное подчинение), либо через объективные (экономические условия) жизни и деятельности человека. Внутреннее побуждение (интерес) как стимул трудовой активности может удовлетворяться в двух сферах: материальной (стремление максимизировать благосостояние) и интеллектуальной, духовной (стремление к творческому самоутверждению, общественному признанию или получению удовольствия от результатов труда). Таким образом, можно говорить о четырех основных способах (факторах) мотивации труда. Это внеэкономическое принуждение (обозначим этот фактор через Φ_{I1}), экономическое принуждение (Φ_{I2}), материальный интерес (Φ_{I3}) и нематериальный (творческий) интерес (Φ_{I4}). Кроме того, необходимо ввести в рассмотрение и пятый фактор (Φ_{I5}), тождественный нулю, ибо могут существовать и такие условия, при которых труд никак не стимулируется. В свете физико-химической аналогии экономического процесса, факторы мотивации труда – это своего рода «экономические катализаторы» трудовой деятельности людей. Образно говоря, человека могут побуждать к труду «кнут», «пряник» или внутренняя потребность (творческая увлеченность, возвышенное чувство долга).

Пусть β_i - доля работающего населения, стимулируемая фактором i. Тогда, в соответствии с изложенным, общий фактор мотивации труда определится как алгебраическая сумма частных факторов в соответствующих долях:

$$\Phi_I = \sum \beta_i \Phi_{Ii}\ , \quad 0 \le \beta_i \le 1,$$

где $i = 1,\ldots 5$ и $\sum \beta_i = 1$, причем $\Phi_{Ii} \ge 0$, $\Phi_{I5} \equiv 0$

Теперь уравнение ОПФ принимает вид:

$$Y = \Phi_{II}\,[A]V\Phi_p[L]^{\alpha}[K]^{\beta\sum \beta_i \Phi_{Ii}}$$

Это выражение нам потребуется в дальнейшем при рассмотрении производственных функций различных общественно-экономических формаций.

Фактор научно-технического прогресса (Φ_{II}) в уравнении ОПФ имеет более широкий социально-экономический смысл, чем в обычной динамизированной функции Кобба-Дугласа. Он аккумулирует все величины, характеризующие рабочую силу, средства труда, производственный комплекс в целом, равно как и условия его функционирования в общественно-экономической системе. В этом смысле он является в той же мере экзогенным, как и эндогенным. Более глубокое изучение и математическая формализация этого фактора (как и фактора Φ_p) – дело будущего. Уравнение ОПФ на данном этапе развития междисциплинарной общеэкономической теории не может быть использовано для точных количественных расчетов. Но оно позволяет повысить качество социально-экономического анализа и научно обоснованного прогноза, так как содержит все ключевые переменные, характеризующие развитие социально-экономической системы и показывает взаимодействие между ними. Благодаря этому междисциплинарная общеэкономическая теория открывает возможность делать достоверные выводы там, где до сих пор предпочитают спорить до хрипоты или гадать на кофейной гуще.

Уравнение ОПФ описывает процесс труда в его наиболее общей форме. По своей природе ОПФ является долгосрочной, даже, пожалуй, сверхдолгосрочной. Она описывает экономический процесс в историческом масштабе времени. Она применима не только к современной капиталистической, но и к любой экономической системе. Как будет показано, из нее в качестве частных случаев вытекают уравнения ОПФ конкретных общественно-экономических формаций, как уже известных, так и еще не известных из исторического опыта. Последнее особенно важно для понимания исторических тенденций развития нашей страны в развивающемся

мире. Теория ОПФ не является ни плодом голой абстракции, ни итогом эмпирического обобщения. Она родилась как логический результат теоретического анализа, предпринятого на основе интеграции научного знания о природе и обществе. И до сих пор можно услышать высказывания в том смысле, что любая производственная функция представляет собой фикцию. В одном отношении такой взгляд является обоснованным: производственная функция выдумана экономистами и в традиционном виде является чуждой инженерам и деловому миру. Именно так уже давно характеризуют традиционные производственные функции [36, с. 23]. В то же время признается, что применение производственных функций полезно уже тем, что оно «вызвало к жизни полезные гипотезы, которые могут быть проверены». При этом Браун ссылается на естественные науки, где можно найти примеры теории, которая постулирует «соотношения и количества, которые не могут быть немедленно измерены, но, несмотря на это, создает ценные гипотезы». Именно абстрактность производственной функции является, по мнению Брауна, «источником ценности». Если эти здравые суждения справедливы в отношении традиционных производственных функций, то они должны быть тем более справедливы в отношении одушевленной производственной функции.

Когда-то великий австрийский физик Эрвин Шредингер явил миру знаменитое уравнение, носящее его имя. Он вывел его на основе аналогии между качающимся маятником в больших комнатных часах и электроном в атоме. Трудно придумать более парадоксальное сравнение. Однако именно уравнение Шредингера положило начало новой науке – квантовой механике. Что касается химии, то здесь уравнение Шредингера имело огромное значение – оно позволило объяснить Периодический закон химических элементов, открытый Д. И. Менделеевым, выстроить в единую теоретическую систему периодическую зависимость свойств элементов от электронного строения их атомов. А ведь уравнение Шредингера, строго говоря, справедливо для точного количественного описания только одного атома – водорода. В случае других элементов оно послужило основой для гипотез и полуэмпирических методов. Такова удивительная судьба этого научного открытия в естествознании. Не станет ли такой же судьба междисциплинарной общеэкономической теории? Ведь она, благодаря возможностям ОПФ, выводит традиционную экономическую теорию на уровень новой науки – математической политэкономии.

1.7. Макроэкономический баланс. Революционная ситуация на языке математики

Уравнение макроэкономического баланса в натуральном выражении в момент времени t имеет вид

$$Y = C + I + \frac{dQ}{dt}$$

где Y,C, I – совокупные значения выпуска продукции, потребления и инвестиций как функции времени t. Переменная Q представляет собой запас продукции в системе ($Q \geq 0$). Проинтегрируем это уравнение на отрезке времени t_0, t:

$$\int_{t0}^{t} Y(t)dt = \int_{t0}^{t} C(t)dt + \int_{t0}^{t} I(t)dt + \int_{Q0}^{Q} dQ$$

Интегральное выражение можно записать с использованием теоремы о среднем:

$$Y(t - t_0) = C(t - t_0) + I(t - t_0) + (Q - Q_0)$$

где Y, C, I – среднеинтегральные значения на отрезке времени t_0,t.

Перепишем это выражение в следующем виде:

$$Y(t - t_0) = (C + I)\,(t - t_0) + (Q - Q_0)$$

Это уравнение иллюстрирует установленное еще классической политэкономией положение о труде как источнике благосостояния. В случае снижения выпуска на этом интервале времени до нуля получаем:

$$C = (Q_0 - Q)/(t - t_0) - I$$

то есть в этой ситуации потребление и инвестиции обеспечиваются исключительно за счет запаса. С течением времени сначала сокращаются инвестиции ($I \longrightarrow 0$), затем расходуется текущий запас ($Q \longrightarrow 0$) и, наконец, исчезает и первоначальный запас ($Q_0 \longrightarrow 0$).

Вслед за этим падает до нуля и потребление. Любая экономическая система реагирует на такую ситуацию общественно-экономическими переменами. Цель этих перемен – сменить власть и вывести на политическую арену приверженцев к новой экономической системе и, прежде всего, к новому, более прогрессивному типу мотивации труда. Призвать к власти людей, способных обеспечить действенность всех факторов ОПФ, восстановить эффективность социально-экономической политики и, как следствие, увеличить выпуск продукции и рост потребления. Иными словами, это иллюстрирует на языке математики ту самую революционную ситуацию, которую Владимир Ильич Ленин определял как такое состояние общества, когда «низы» уже не могут и не хотят жить по-старому, а «верхи» уже не могут по-старому управлять.

Конечно, приведенный анализ является упрощенным. В современной жизни все сложнее. Во-первых, обычно ни один из факторов ОПФ не падает до нуля, экономическая ситуация не доходит до полного кризиса и своевременно выправляется эволюционным путем. Во-вторых, приведенный выше анализ, строго говоря, верен лишь для полностью закрытой экономической системы, без учета внешней торговли. Здесь и в самом деле запас может пополняться исключительно за счет собственного производства. В открытой экономике потребление, инвестиции и запас могут обеспечиваться за счет импорта. Именно возросшая открытость и выручила Россию в тяжелые 90-е годы и, в значительной мере, продолжает выручать и до сих пор. Для закупок по импорту в проблемных ситуациях создан резервный валютный фонд. К сожалению, он пополняется преимущественно за счет выручки от продажи наших энергоресурсов по достаточно высоким ценам. Падение мировых цен автоматически снижает стабилизационные и инвестиционные возможности страны. Есть люди, которые считают такое положение нормальным и называют это интеграцией в мировую экономику. Однако такая «интеграция» чревата потерей экономической безопасности и утратой национальной независимости страны.

Россия – большая и сложная социально-экономическая система, огромная, многонациональная страна, к тому же вынужденная постоянно поддерживать в безопасном и боеготовом состоянии свой гигантский оборонный комплекс, свой ракетно-ядерный щит. Такая страна не может бесконечно долго кормиться за счет импорта, не хватит никаких валютных заначек. Сохраняя разумную интеграцию в мировую экономическую систему и взаимовыгодное международное

сотрудничество, Россия обязана надежно обеспечить самодостаточность и независимость от колебаний и непредсказуемых поворотов мировой экономической конъюнктуры.

1.8. Производительные силы, производственные отношения и общий экономический закон

Вынесенные в заголовок этого раздела термины принадлежат советской политической экономии, основанной на экономической теории Карла Маркса. Какова их трактовка в междисциплинарной общеэкономической теории?

Маркс писал: «Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания…На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями. Тогда наступает эпоха социальной революции» [1, т. 13, с. 6-7]. Это высказывание Маркса было положено в основу формулировки общего экономического закона как закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил [3, с. 62].

Главная производительная сила общества – люди, участники общественного производства. Производственный опыт и знания, трудолюбие, активность и трудоспособность, уровень потребления, задачи и цели, которые они перед собой ставят – все это, в конечном счете, определяет реальный потенциал экономической системы. Еще задолго до Маркса, в XV веке, было осознано, что основа богатства страны – это ее трудолюбивое население. В XVII веке в Европе на основе этого подхода совершился переход от меркантилизма к трудовой теории стоимости. Уильям Петти в 1664 г. охарактеризовал «живые действующие силы» как основу богатства страны. Адам Смит

в 1776 г. относил «приобретенные и полезные способности всех жителей» к «основному капиталу» общества.

Система производственных отношений по Марксу охватывает все стадии экономического процесса: производство, распределение, обмен и потребление. Соглашаясь с этим, междисциплинарная общеэкономическая теория исходит из того, что в современном цивилизованном обществе производственные отношения проявляются через экономические интересы – побудительные мотивы хозяйственной деятельности людей. В соотношениях теории ОПФ мотивация труда занимает центральное место. Кроме того, в этих соотношениях можно видеть переменные, относящиеся к природным ресурсам (A), экономическому пространству (V) и производственным фондам (K), т.е. к вещественным (техническим) элементам производительных сил. Имеются и переменные, относящиеся к субъективным (человеческим) характеристикам производительных сил, такие как число работников (L), потребление (C), а также способность адаптироваться к орудиям труда (Φ_p) и трудиться в условиях научно-технического прогресса (Φ_{II}). Фактор мотивации труда (Φ_I) охватывает различные возможные виды стимулирования трудовой активности (Φ_{I1}-Φ_{I4}). Все эти переменные относятся по своему содержанию к категориям производительных сил и производственных отношений. Теория ОПФ демонстрирует в формализованном виде математическую взаимосвязь вещественных и субъективных переменных, от которых зависит функционирование экономической системы. Тем самым междисциплинарная общеэкономическая теория признает существование общего экономического закона и дает его математическую интерпретацию.

Более того, междисциплинарная общеэкономическая теория уточняет, в чем именно проявляется соответствие между производительными силами и производственными отношениями. Как видно из предыдущего раздела, это соответствие сводится к функциональной зависимости между потреблением (C) и факторами одушевленной производственной функции, определяющими уровень выпуска продукции (Y). В закрытой экономической системе при снижении уровня производства на интервале t_0,t величина потребления будет снижаться, вплоть до революционной ситуации при нулевом производстве и потреблении, от которой может избавить лишь раскрытие системы и импорт продукции в необходимых размерах. Сказанное относится ко всем факторам ОПФ, т.е. к ситуациям нехватки рабочей силы ($L \longrightarrow 0$), деградации

производственных фондов ($К \longrightarrow 0$), разрушения экономического пространства ($V \longrightarrow 0$), исчерпания природных ресурсов ($А \longrightarrow 0$), отсутствия научно-технического прогресса ($Ф_{II} \longrightarrow 0$). Все эти факторы входят в уравнение ОПФ в виде произведения, и это показывает, что при равенстве нулю любого из них в долговременном периоде производство функционировать не может.

Но все же главное – это тип мотивации труда, преобладающий на данном историческом этапе развития общественного производства. Дело в том, что среди всех факторов ОПФ именно фактор мотивации труда наиболее лабилен и чувствителен к условиям общественной жизни. Если труд перестает каким-либо образом стимулироваться ($Ф_I \longrightarrow 0$), то и уровень производства неизбежно падает. На этом основании можно уточнить и конкретизировать формулировку общего экономического закона. Согласно междисциплинарной общеэкономической теории общий экономический закон сводится, прежде всего и главным образом, к требованию соответствия между объективной необходимостью экономического развития для удовлетворения потребностей людей и преобладающим на данном историческом этапе характером мотивации их труда. В нарушении этого соответствия состоит коренное противоречие общественно-экономической формации. В этом же кроется и главная причина смены общественно-экономических формаций.

1.9. Мотивация труда как основа производственных отношений

Этот раздел лучше всего начать с прогноза Бена Селигмена: «Лишь приняв во внимание те явления, которые в настоящее время считаются чисто социологическими, и вводя их в модели в качестве основных данных, экономисты отразят не только цели, преследуемые людьми, но и способы адаптации к изменяющимся условиям и тенденции к гомеостазу» [17, с. 532]. Междисциплинарная общеэкономическая теория как раз и вводит «чисто социологический фактор» мотивации труда в математическую модель общественного производства.

Могут сказать, что указание на важную роль мотивации труда не является чем-то новым в политической экономии. Это верно, но лишь отчасти. Мы уже цитировали Маршалла, который придавал мотивации труда большое значение. В известной «мотивационно-гигиенической» теории Фредерика Герцберга тоже подчеркивалось,

что развитие экономики в неменьшей степени зависит от мотивации, чем от технологии (о теории Герцберга хорошо рассказано в книге [37]). Следует отдать должное и блестящим исследованиям Абрахама Маслоу. Его книга «Мотивация и личность», изданная в 1954 году (Maslow A.H. Motivation and Personality. – New York, 1954), дала немало ценного при разработке междисциплинарной общеэкономической теории, а последующая книга «Дальние пределы человеческой природы», вышедшая в русском переводе в 1999 году, достойна стать настольной и для психолога, и для экономиста. И, тем не менее, фактор мотивации труда не только не вводили в экономико-математические модели, но и не рассматривали в качестве самостоятельной политэкономической категории. Мотивация труда присутствовала где-то на дальнем плане как нечто само собой разумеющееся на фоне таких понятий, как форма собственности, характер производства, способ присвоения и др. В «Капитале» Маркса о мотивации труда упоминается лишь вскользь, а в одной из важнейших работ Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» мотивация труда даже не упоминается.

Ближе других к пониманию важной роли фактора мотивации труда в экономической деятельности подошел Эдвард Денисон. Он предпринял сопоставительный анализ послевоенного экономического роста девяти развитых стран (США, Англии, ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Дании, Голландии и Норвегии). Он разработал свою классификацию темпов экономического роста, включающую 23 фактора, из них по 18 он дал подробные расчеты. Характеризуя «фактор интенсивности труда», Денисон писал: «По-видимому, в одних странах люди попросту трудятся более напряженно, чем в других. По общепринятому, хотя и не бесспорному мнению, американцы работают более интенсивно, чем их коллеги, по крайней мере, в некоторых странах Европы» [35, с. 224-228]. Он объясняет это различие тем, что в США «гораздо более распространено убеждение в том, что личный заработок и продвижение по службе зависят от собственных усилий». Тем самым Денисон вплотную подошел к оценке роли фактора мотивации труда. Но эта задача все же осталась за пределами исследования Денисона. Он с сожалением заметил: «Неспособность ответить на простой вопрос о степени напряженности работы людей…это, вероятно, наиболее серьезный пробел в моих измерениях затрат труда». Оказалась неучтенной и проблема мотивации труда предпринимателей в условиях

конкуренции. Вот как формулирует Денисон постановку этой задачи: «Для достижения эффективности в производстве и распределении предприятия частного сектора экономики полагаются на мотив прибыли и на конкуренцию между фирмами. «Пряник» в виде прибыли служит стимулом для повышения эффективности в условиях конкуренции и при ее отсутствии. Но «кнут» конкуренции возможно имеет столь же важное значение… Более сильная конкуренция почти несомненно является одной из причин и более высокого объема производства в США, но я не имею возможности выделить ее воздействие» (там же, с. 496). По-видимому, именно Денисон был первым, кто попытался исследовать роль фактора экономического принуждения («кнута») и материального интереса («пряника») в условиях капиталистической экономики. И хотя эта попытка, по собственному признанию Денисона, не увенчалась успехом, она сама по себе явилась важным стимулом при создании междисциплинарной общеэкономической теории.

Рассмотрим основные типы мотивации труда. Внеэкономическое принуждение к труду (фактор $Ф_{I1}$) началось еще в те далекие времена, когда первобытные люди находились во власти слепых и жестоких сил природы. Авторитет родовой общины, существовавшие традиции и угроза голодной смерти, действуя в совокупности, создавали неумолимую, побуждающую к действию силу. В дальнейшем неодушевленное (со стороны природы) принуждение людей к труду сменилось на одушевленное внеэкономическое принуждение, сначала со стороны рабовладельцев, а позднее – феодалов. Значительно позднее этот непосредственный принудительный труд (рабство) уступает место опосредованному принудительному труду – наемному труду, основанному на экономическом принуждении (фактор $Ф_{I2}$). Раб принадлежал определенному хозяину. Наемный рабочий вынужден продавать себя капиталу, но не какому-то одному капиталисту. Он все же имеет выбор, кому он хочет продать свой труд, и может менять своего хозяина. Это был шаг вперед в общественном развитии. У «свободного» рабочего имеется чувство, что он свободен, хотя фактически он «вынужден продавать свой труд за жалкую заработную плату, чтобы удовлетворить свои самые насущные жизненные потребности» [1, т. 16, с. 550].

Такова сущность экономического принуждения к труду, которое было в наибольшей степени характерно для капитализма на ранней ступени его развития. Только что цитированное высказывание

Маркса содержит, хотел того Маркс или нет, указание на возможный путь преодоления экономического принуждения в рамках самого капиталистического способа производства – повышение заработной платы. В современных развитых капиталистических странах квалифицированные рабочие получают отнюдь не «жалкую» заработную плату. Они зарабатывают вполне достаточно для того, чтобы удовлетворять жизненные потребности, значительно возросшие со времен Маркса.

О современном капитализме и его отличиях от раннего еще будет идти речь, а пока рассмотрим третий тип мотивации труда – материальный интерес (фактор $Ф_{I3}$). Он развился в эпоху зарождения капитализма в недрах феодальных производственных отношений. Возникло и стало набирать силу свободное предпринимательство. Вот его исчерпывающее определение Марксом: «Самовозрастание капитала – создание прибавочной стоимости – есть…определяющая, господствующая и всепоглощающая цель капиталиста, абсолютный импульс и содержание его деятельности» [1, т. 49, с. 47]. Фактор $Ф_{I3}$ и есть импульс, побуждающий к действию и предпринимателя, и современного высокооплачиваемого работника. Но во времена Маркса труд наемного рабочего был «только мука, напряжение», тогда как для капиталиста – «создающая и умножающая богатство субстанция» (там же, с. 46). В этом и состоит различие между факторами $Ф_{I2}$ и $Ф_{I3}$.

Материальный интерес капиталиста – большая сила, мощный двигатель экономической деятельности. Капиталист «охвачен совершенно таким же абсолютным стремлением к обогащению, как и собиратель сокровищ, с тем только различием, что он удовлетворяет это стремление не в иллюзорной форме образования золотых и серебряных сокровищ, а в форме образования капитала» [1, т. 26, ч. 1, с. 276]. Если капиталист реализует это свое «абсолютное стремление к обогащению» путем умножения производственного капитала и технических нововведений, оно превращается в мощный источник общественно-экономического прогресса. Это и произошло – производительные силы при капитализме быстро росли по сравнению с предыдущей феодальной эпохой.

Существенной особенностью факторов $Ф_{I2}$ и $Ф_{I3}$ является их взаимозависимость. Для современного наемного работника экономическое принуждение при определенных условиях может смениться материальным интересом. При достаточно высоких накоплениях он может открыть свое дело и стать предпринимателем.

С другой стороны, для капиталиста материальный интерес может обернуться экономическим принуждением со стороны конкурентов. Угроза разорения в конкурентной борьбе заставляет предпринимателя совершенствовать и рационализировать производство, удешевлять продукцию и, в то же время, повышать ее качество. Материальный интерес одних не отделим от экономического принуждения других. «Пряник» $Ф_{I3}$ приятен, но, увы, не обходится без «кнута» $Ф_{I2}$.

Здесь мы подходим к по-настоящему свободной, внеэкономической, творческой мотивации труда (фактор $Ф_{I4}$). До этого мы имели дело, в сущности, с антиподом свободной деятельности – с несвободной, вынужденной экономической активностью. Подгоняемый бичом раб на плантации, измученный рабочий на конвейере, «свободный» предприниматель в суматохе конкуренции – все они совершают какие-то действия, используют те или иные средства, получают определенные результаты. Но за всем этим, по существу, нет их собственной воли и желания. Все их действия, понимают они это или нет, объективно регламентированы различными формами принуждения. Как ни ценна свобода выбора, ее приобретение – лишь первая ступень свободы, если приходится выбирать только из того, что нам предлагают, и нельзя выйти за рамки существующего набора возможностей. Если ни одна из этих возможностей нас не удовлетворяет, то возможность выбора оборачивается необходимостью выбора, т.е. по сути несвободой. Высшая ступень свободы – это свобода созидания, возможность не только выбирать из того, что нам предлагают природа и общество, но и создавать новые возможности. Деятельность, свободная в этом смысле, не знает никаких ограничений. Стремление к удовлетворению потребностей и стремление к самовыражению, к общественному признанию, сливаются здесь воедино. Такая свобода рождает ощущение всемогущества и творческое вдохновение. Люди причастны (хотя еще достаточно редко) к такой свободе. Об этом свидетельствует вся история человечества. В отличие от животных люди способны творить, создавать новое, добавляя к имеющимся возможностям новые.

Любой человек творческой профессии может подтвердить: вдохновение, стремление к победе являются критическими моментами в достижении высоких результатов. Любая страна, бросающая вызов экономическому лидеру, часто компенсирует малочисленность населения, недостаточные размеры или дефицит ресурсов такими качествами, как активность, сознательность,

напористость, настойчивость, старательность. Эти внеэкономические, нематериальные факторы помогают многим народам не только преодолевать неблагоприятные условия, но и быстро возрождаться после разрушений и поражений.

Из теории ОПФ следует, что не форма собственности на орудия труда и средства производства, а именно мотивация труда является основой производственных отношений. Могут возразить, что мотивация труда как раз и определяется формой собственности. Действительно, между этими категориями существует взаимосвязь. Но она сама по себе не устанавливает их приоритетности. В уравнении ОПФ есть факторы мотивации труда, но нет переменных, которые напрямую идентифицировались бы как форма собственности. Переменная К относится к величине производственных фондов, а фактор $Ф_р$ характеризует их доступность для работников, но не принадлежность той или иной социальной группе. Дело не в том, какова форма соединения производителя со средствами производства, а в том, что именно побуждает (или заставляет) производителя работать.

Этот вывод согласуется с новейшим историческим опытом. При частной собственности может иметь место, но может и отсутствовать эффективное стимулирование трудовой деятельности. Расхожее ныне представление о «чувстве хозяина» как двигателе экономического развития если и не лишено оснований, то, во всяком случае, является сильным преувеличением. Рантье обычно не обременяет себя трудом, хотя может быть владельцем крупного состояния, включая промышленные объекты. Собственники крупных современных предприятий предпочитают, как правило, управлять ими через энергичных и компетентных наемных менеджеров. Они работают за высокую заработную плату и могут быть или не быть совладельцами предприятия. Так называемая «общенародная» (а на деле государственно-монополис-тическая) собственность в бывшем советском обществе тоже отнюдь не гарантировала высокого уровня мотивации труда.

С другой стороны, уже в далекой ретроспективе можно видеть примеры сильнейшей принудительной мотивации труда. Первобытный человек, раб или батрак у феодала, не обладая никакой собственностью, кроме своих рук и мелких орудий труда, в поте лица трудились, ибо от этого зависела их жизнь. И в то же время, мы знаем много ярких примеров беззаветной преданности делу и величайшего трудолюбия деятелей науки и культуры всех времен и народов. Они

вдохновенно трудились, независимо от размеров их собственности. Эти соображения можно подкрепить многочисленными примерами из нынешней российской действительности, когда есть «приватизация», но нет надлежащей мотивации и, следовательно, нет и эффективного производства.

Карл Маркс в «Экономических рукописях 1857-1859 годов» (первоначальном варианте «Капитала»), анализируя капиталистические производственные отношения, высказал следующую мысль: «Правильное рассмотрение и выведение этих производственных отношений…всегда приводит к таким первым уравнениям, которые – подобно эмпирическим числам, например, в естествознании – указывают на прошлое, существовавшее до этой системы. Эти указания наряду с правильным пониманием современности дают в таком случае также и ключ к пониманию прошлого: это самостоятельная работа, к которой тоже мы надеемся приступить. С другой стороны, это правильное рассмотрение приводит к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему» [1, т. 46, ч. 1, с. 449]. Мы столь подробно цитируем это высказывание по причине его необычайной содержательности и прозорливости. Оно показывает, во-первых, какое большое значение придавал Маркс взаимодействию политической экономии с естествознанием. Он верил, что на этом пути можно получить фундаментальные «первые уравнения», которые смогут описать прошлое и настоящее, а также прогнозировать будущее развитие общественного производства. Он намеревался приступить к этой работе. Но ему не суждено было осуществить этот замысел.

Междисциплинарная общеэкономическая теория в этой части является прямым продолжением и развитием экономической теории Маркса применительно к современным историческим условиям. Если взглянуть на уравнения теории ОПФ, то нетрудно увидеть в них переменные, указывающие на прошлое нынешней экономической системы (факторы принудительной мотивации труда), так же, как и переменные, относящиеся к настоящему и будущему (факторы заинтересовывающей мотивации труда). В свете междисциплинарной общеэкономической теории вся история общественного производства предстает как объективная, исторически предопределенная

последовательность сменяющих друг друга способов мотивации труда, как единый акт освобождения человечества от принудительного труда и перехода к труду, основанному на интересе. Именно в этом – сущность того «преобразующего движения по направлению к будущему», о котором писал Карл Маркс.

1.10. Научно-технический прогресс

Традиционные экономико-математические модели могут учитывать или не учитывать технологический прогресс, в зависимости от того, для какой цели они предназначены. Для краткосрочного периода обычно пренебрегают технологическим прогрессом, делая упор на другие стороны экономической деятельности, особенно на факторы макроэкономического равновесия. В тех случаях, когда технологический прогресс вводят в рассмотрение, его чаще всего представляют в виде экспоненциальной функции времени, отражающей ускорение экономического роста.

Теория ОПФ, как уже отмечалось, анализирует сверхдолгосрочный период, охватывающий всю историю общественного производства. Фактор $Ф_{II}$ входит в уравнение ОПФ в качестве сомножителя. Это означает, что без научно-технического (в более узком смысле – технологического) прогресса материальное производство в принципе невозможно. Как это ни покажется странным, даже в античные времена, когда промышленности вообще не было, научно-технический прогресс уже был и играл существенную роль в общественном развитии. Разумеется, эта его роль не была столь велика, как теперь. Но разве открытие и применение огня или железа имело в те далекие времена меньшее значение, чем высвобождение энергии атома в нашу эпоху?

Междисциплинарная общеэкономическая теория выделяет следующие аспекты научно-технического прогресса:

1. Научно-технический прогресс как противоречивое и революционное развитие общества, а не как однородный и монотонный процесс.

2. Научно-технический прогресс как неотъемлемая часть материального производства.

3. Научно-технический прогресс как системное, комплексное познание мира на основе взаимодействия наук о природе, человеке и обществе.

4. Научно-технический прогресс как основа социально-экономической политики государства, направленной на оптимальное удовлетворение интересов индивида и общества.

5. Научно-технический прогресс как источник повышения ответственности ученых и усиление их влияния на государственную политику.

«Наука растет теперь не как в прошлом – постепенно и незаметно – но очень быстро, путем скачков, что видно всякому», - отметил Джон Бернал [7, с. 16]. Это было сказано еще в середине прошлого столетия. Теперь тем более очевиден быстрый и скачкообразный рост науки. Но возникает вопрос: росла ли наука в прошлом «постепенно и незаметно»? Можно говорить о возрастании влияния научных достижений на экономическое развитие, но нельзя недооценивать роли фактора $Ф_{II}$ на всех этапах человеческой истории. Собственно, без научно-технического прогресса вообще не было бы этой истории: человек так и оставался бы обезьяной! Как справедливо отметил Энгельс, только один такой плод науки как паровая машина Джемса Уатта «принес миру за первые пятьдесят лет своего существования больше, чем мир с самого начала затратил на развитие науки» [1, т.1, с. 555].

Камень, брошенный в водную гладь, вызывает сначала всплеск, а уж затем – спокойно расходящиеся по воде круги. Таковым был и остается научно-технический прогресс. Революционные сдвиги в науке и технике долго и постепенно «диффундируют» в различные сферы человеческой деятельности. Но необходимо по достоинству оценивать «всплеск», породивший эту «диффузию». Источником каждого такого «всплеска» становится человек, который больше других задумывается над сущностью окружающего мира, который превосходит окружающих по способности наблюдать, анализировать и обобщать, который, наконец, достаточно смел. Ведь ему предстоит, убедившись в новизне и значительности своих выводов, не побояться бросить камень в эту водную гладь, где до этого было так привычно и спокойно. Такой человек должен обладать большим мужеством, а иногда и совершить научный подвиг. Мотивацией его труда, без сомнения, является творческое вдохновение. Оба фактора – $Ф_{I4}$ и $Ф_{II}$ – вместе образуют главную движущую силу прогресса в сверхдолговременном периоде. По мере того, как научное открытие или пионерское изобретение становится достоянием многих, они начинают энергично и полезно работать по его использованию, распространению или усовершенствованию. Мотивация их труда

чаще всего – материальный интерес. Они, имея соответствующие навыки, при благоприятных условиях могут с гораздо большей выгодой для себя воспользоваться плодами научного достижения, чем его подлинный автор. Последний может при этом оказаться в невыгодном или даже трагичном положении, в зависимости от его выводов и от того, чьи интересы эти выводы задевают.

Джон Мейнард Кейнс отметил: «Жизнь не очень-то длинна, человек по природе своей жаждет быстрых результатов и испытывает особый интерес к тому, чтобы быстро делать деньги…Именно человек, осуществляющий долгосрочные вложения, т.е. тот, кто более других содействует общественным интересам, на практике чаще всего подвергается критике…Вследствие самого существа своего поведения он выглядит в глазах обывателя эксцентричным, несговорчивым и чересчур смелым» [38, с. 222]. Кейнс глубоко прав, независимо от того, какие именно «долговременные вложения» он имел в виду – материальные или интеллектуальные. Критика окружающими «возмутителей спокойствия» или «нигилистов» является обычным явлением. Вся история науки показывает, что «отдельные личности часто были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации ученых или сотни и тысячи исследователей» [6, с. 66]. Об этом же писал и Арнольд Тойнби, отметивший, что «в настоящее время огромные массы людей все еще остаются на том интеллектуальном и нравственном уровне, на котором они пребывали и сто пятьдесят лет назад», и что творческие личности всегда составляют меньшинство, но именно это меньшинство и «вдыхает в социальную систему новую жизнь» [39, с. 259-260].

Справедливости ради нельзя не сделать оговорку. В только что процитированный кладезь умных мыслей, в эту бочку меда, нельзя не подлить ложечку дегтя. Конечно, гении всегда в меньшинстве. Но далеко не все, кто в меньшинстве – гении! Между тем в общественной жизни это простое и очевидное соображение сплошь и рядом игнорируется. Сколько ныне развелось мнимых «гениев», которые, не будучи таковыми, пытаются учить нас жить! Они гневно клеймят существующие порядки и устраивают шумные протестные акции вместо того, чтобы сперва вдумчиво и непредвзято вникнуть в суть дела. Безграмотные и наглые нигилисты (без кавычек) часто выдают себя за «гениев». Обществу и власти трудно, но необходимо научиться безошибочно отделять зерна от плевел. В этом аспекте нельзя не затронуть серьезную проблему борьбы с лженаукой. В Российской Академии Наук создана специальная «Комиссия по

борьбе с лженаукой и фальсификацией научных данных». Слов нет, дело необходимое. Но не такое простое, как может показаться на первый взгляд.

Где граница между истинной наукой и лженаукой? Ответ очевиден лишь в случае откровенной фальсификации, сознательного обмана. Конечно, банальным жуликам не место в науке. В остальном - не всё так просто. Например, некоторые научные авторитеты считают, что лженаука - это то, что противоречит "твёрдо установленным научным данным". Но что считать "твёрдо установленным"? Например, великий польский астроном Николай Коперник в середине шестнадцатого столетия выступил против "твёрдо установленного", веками до него господствовавшего учения о центральном положении Земли, вокруг которой якобы вращаются и Солнце, и другие планеты. Отбросив это учение, Коперник замахнулся на переворот в естествознании. Его главный научный труд "Об обращениях небесных сфер" (1543) в течение двух последующих столетий был запрещён католической церковью. Но кто теперь сомневается в правоте Коперника?

В своё время многим "твёрдо установленным" учениям не соответствовали теория тяготения Ньютона, теория относительности Эйнштейна, электромагнитная теория Максвелла, открытие радиоактивности, новые идеи о световых квантах и многое другое. Яркими примерами борьбы принципиально нового с "твёрдо установленным" богата история российской науки. Великий русский учёный Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765) в середине восемнадцатого века сокрушил господствовавшую в то время теорию флогистона. Он же открыл закон сохранения массы вещества, заложил основы новой для того времени науки - физической химии, открыл атмосферу на планете Венера, описал строение Земли и т.д. Он явил собой пример поистине невероятной интеллектуальной широты, творческого разнообразия, организаторских способностей. Он стал крупнейшим русским поэтом восемнадцатого века, создателем русской оды, создателем великолепных картин из мозаики. Он основал первую в России химическую лабораторию и был инициатором создания Московского университета, носящего его имя. Многие идеи М.В. Ломоносова далеко опередили науку того времени.

Выдающийся русский химик Александр Михайлович Бутлеров (1828-1886) создал теорию химического строения органических веществ, которая и поныне лежит в основе органической химии. Но

как она была встречена современниками? Против неё выступили Г. Кольбе, М. Бертло, Н.А. Меншуткин и даже Д.И. Менделеев!

Трудная судьба выпала и на долю многих изобретателей. Например, в своё время считалось абсолютно невозможным существование летательных аппаратов тяжелее воздуха. Но вот 17 декабря 1903 года американские изобретатели братья Уилбер и Орвилл Райт в течение одной минуты продержались в воздухе на сконструированном ими первом самолёте. Какова же была реакция современников? Многие просто не поверили, американский конгресс запретил финансирование работ по созданию летательных аппаратов, а патентное ведомство США отказалось принимать заявки на их изобретение подобно заявкам на создание вечного двигателя.

Казалось бы, время учит. Учит, но с трудом. В советской стране повторилось нечто подобное. Запрещали то генетику, то кибернетику, то химическую теорию резонанса. Объявляли их враждебными советской науке. Энтузиастов этих научных направлений клеймили как "агентов империализма", а некоторых постигла горькая участь, почти как во времена инквизиции. Даже такие направления, как атомные и ракетно-космические разработки, далеко не сразу пробили себе дорогу. Их основатели были репрессированы, а разработки закрыты. Потребовались годы Великой Отечественной войны, потребовались агентурные данные о разворачивании этих работ за рубежом, потребовались неимоверные усилия всего народа, чтобы советская страна стала ядерной и космической державой, а Сергей Павлович Королёв и Игорь Васильевич Курчатов стали теми, кого теперь заслуженно почитают миллионы у нас в стране и во всём мире.

Означает ли сказанное, что надо безоглядно приветствовать всё то, что объявляется новым и важным на авансцене науки? Нет, конечно. История науки полна ошибок. Среди людей, посвятивших себя науке, всегда много искренне заблуждающихся. Нередко встречаются люди очень увлечённые, убеждённые в своей правоте, даже фанатики. Они бывают невосприимчивы к любой критике. Отношение к ним бывает разным и зависит от многих обстоятельств. Но и здесь часто возникает вопрос: а судьи кто? Пьер Буаст считал, что несправедливый судья хуже палача. Трудно сказать, кто хуже, но уж точно, что некомпетентные и самоуверенные судьи наносят непоправимый вред. В частности, могут воспрепятствовать научно-техническому прогрессу. Вышесказанное в ещё большей степени справедливо в отношении общественных наук. Здесь грань между наукой и лженаукой становится более размытой. Изучение

человеческого общества в его динамическом взаимодействии с природными ресурсами, со средствами производства, с продуктами общественного труда, с окружающей средой - это научная задача исключительной сложности. К этому добавляется и всё то, что уже сказано о трудностях становления беспристрастной общественной науки в антагонистическом классовом обществе. Здесь бывает не до поиска научной истины!

В обществе тоталитаризма и диктатуры гуманитарные науки попадают под жёсткий контроль властей, загоняются в прокрустово ложе официальной доктрины. О каком свободном развитии политической экономии могла идти речь в советский период? В жизнь неуклонно проводилась жёсткая партийная установка: политэкономия - это наука классовая. Была нужна только пролетарская, но не буржуазная политэкономия. Все результаты и выводы этой науки обязаны были быть пролетарскими. Но ведь это - наука?! Разве может быть пролетарская математика, физика или химия? Разве может естествознание быть одним для пролетариев и другим - для буржуазии?

По резкой, но в сущности верной характеристике американского философа Джорджа Сантаяны, деятельность даже великих институтов в демократическом обществе часто "зиждется на рутине, на мелкой злобе, на своекорыстии, беспечности и бесконечных ошибках". Общественная наука особенно часто становится заложницей борьбы множества мелких и противоречивых интересов, лицемерия, тщеславия, необузданного эгоизма. На этом фоне плодятся лжеучёные, нередко даже с высокими учёными степенями. Они рвутся в бой, сталкиваются, ранят и уничтожают друг друга. Ведущей мотивацией становится не стремление к научной истине, а элементарная жадность, погоня за тёплым местечком, большими деньгами и славой, пусть и не заслуженной. Тем же, кому удаётся незаслуженно вскарабкаться на командные высоты в науке, не слишком нужны выдающиеся открытия и уж меньше всего нужны их неординарные и строптивые авторы. От них столько беспокойства! Они только мешают уютному, безмятежному, благополучному существованию высокопоставленных научных бюрократов.

Если такая обстановка получает широкое распространение, то на истинном прогрессе науки (а в конечном итоге - и техники) можно ставить крест. Обычно такое случается во времена безвластия, отсутствия или ослабления целенаправленной научно-технической политики. Бесконтрольность и вседозволенность развращают. И тем сильнее, чем меньше совести. Учёные - не исключение. Создаются

благоприятные условия для вырождения науки в лженауку. "А как же свобода научного творчества? " - возмутится иной читатель этих строк. Разве можно вновь призывать к "тирании", к "закручиванию гаек" в благородном деле науки? Нет, конечно. Просто надо понять, что для развития науки и техники одной свободы мало. Необходимы объективные условия. Проблема не решается сама собой. Необходим такой уровень развития всего народного хозяйства, чтобы наука оказалась востребованной. С другой стороны, без науки не повысить уровень развития народного хозяйства! Получается замкнутый круг? Где выход? Это – один из важных вопросов, на которые пытается ответить междисциплинарная общеэкономическая теория.

Вопрос о науке и лженауке гораздо шире и важнее, чем может показаться на первый взгляд. В сущности, это - проблема всей нашей нравственности. Проблема границ между добром и злом, правдой и ложью, знанием и невежеством, справедливостью и нечестностью, ответственностью и авантюризмом. Проблема, которая не решается только полемикой, просветительскими мерами или созданием академических комиссий по борьбе с лженаукой. Решение этой проблемы - лишь на пути всестороннего развития страны, на пути повышения образовательного и культурного уровня населения.

Междисциплинарная общеэкономическая теория не согласна (или не в полной мере согласна) с традиционным разделением экономической деятельности на «сферу материального производства» и «сферу научных исследований». Такой подход давно устарел. Он предполагает, что во второй сфере не создаются материальные блага, а лишь делается «чистая наука». При таком подходе был заведомо не пригоден для претворения в жизнь известный советский лозунг о «превращении науки в непосредственную производительную силу общества». В условиях бюджетных ограничений такой подход служил (да и теперь еще служит) обоснованием привычного ориентира типа «наука может подождать». Но что такое «материальное благо»? Считать ли таковым лишь конечный продукт производства или включать в это понятие и те полупродукты, без которых невозможен выпуск конечной продукции? Если верен второй подход, то он дает основание считать материальным благом и научно-техническую продукцию.

Точно так же привычно разделяют практическую (специально трудовую) и теоретическую (специально познавательную) деятельность субъекта, поскольку первая, в отличие от второй,

создает материальные потребительские продукты. Но, строго говоря, это не две, а одна-единственная деятельность человека. Обычно приводимый аргумент, что далеко не любая научно-техническая разработка оказывается реализованной в материальном производстве, не может служить основанием для дискредитации научно-технической продукции. Ведь и многие материальные блага не вечны. Сегодня общество нуждается в одних благах, а завтра в других. Чтобы этот постоянный и долговременный процесс замены устаревших материальных благ новыми не прерывался, необходим постоянный научно-технический задел. В текущем производстве воплощены прошлые достижения науки. Текущие достижения науки будут воплощены в будущем производстве.

С развитием цивилизации возрастает влияние науки на политику и, следовательно, ответственность ученого перед обществом. Впервые эту тему выразительно озвучил выдающийся американский экономист, социолог и публицист Петер Друкер (1909-2005). В своей книге «Век перемен», опубликованной в Нью-Йорке в 1968 году, Друкер пишет: «Центральной моральной проблемой познающего общества будет проблема ответственности ученого. В прошлом познающий человек не обладал силой…Теперь познание дает силу. Оно определяет исход противостояния и успех. Ученые не являются больше лишь слугами, они наверху. Политические деятели обязаны прислушиваться к ним. Они во многом определяют политику в таких решающих сферах, как оборона или политическая экономия. Им поручена забота о формировании подрастающего поколения…Ученые больше не бедняки. Напротив, они настоящие «капиталисты» в познающем обществе…Но сила и благосостояние налагают ответственность» [39, с. 372-373]. По-видимому, Друкер опередил события. Правительства и до сих пор не столь внимательны к науке и ученым, как ему бы хотелось. К сожалению, и сама наука дает к тому основание. Справедливо уравнивая оборону и политическую экономию по их значению для общества, нельзя не признать, что и до сих пор способность науки выдавать политикам действительно полезные рекомендации оставляет желать лучшего. Ученые-обществоведы слишком часто расходятся во мнениях и дают подчас прямо противоположные рекомендации. Это даже считается нормой в демократическом обществе: а как же иначе – плюрализм мнений, многообразие идей, конкуренция. В ходу непреложный тезис

«нет истины в последней инстанции». Отсюда недалеко и до философии непознаваемости материального мира…

Пока нельзя ждать слишком многого от ученых-обществоведов, ибо таково сегодня состояние общественных наук. Ответственный политик слушает всех, но поступает по-своему, в соответствии со своим пониманием интересов личности и общества. Ученые не имеют морального права обижаться до тех пор, пока не научатся находить ту самую «истину в последней инстанции», которую они сегодня третируют. Как-никак, в арифметике дважды два всегда четыре, а в астрономии Земля вращается вокруг своей оси и движется вокруг Солнца. Это – те самые истины в последней инстанции, которых так не хватает общественным наукам. Возможно ли это в принципе? Конечно, обществоведение пока не достигло той степени надежности и достоверности знаний, как естествознание. Но оно неуклонно идет к этому благодаря интеграции научного знания о природе, человеке и обществе.

Современное общественное производство – сложная динамическая система с множеством прямых и обратных связей, в которой осуществляются параллельно-последовательные физические, механические, химические, биологические, экономические и иные процессы. И глубоко познать законы функционирования этого общества невозможно теми методами, к которым привыкли наши штатные экономисты, социологи, политологи. «Нам нужны экономисты типа Нильса Бора, де-Бройля, Гейзенберга и Дирака, чтобы реконструировать или революционизировать экономическую теорию так же, как эти люди революционизировали физическую теорию», - сказал американский экономист Гардинер Минс в своей книге о корпоративной революции в Америке, изданной полвека назад [40]. Эти слова талантливого и дальновидного ученого выбраны в качестве эпиграфа к настоящей книге.

1.11. Общественно-экономические формации

Советская политическая экономия определяла способ производства как «единство и взаимодействие производительных сил, находящихся на определенном уровне развития, и данного типа производственных отношений», а общественно-экономическую формацию – как «единство способа производства с идеологической и политической надстройкой» [3, с. 46-47]. Были сформулированы и основные противоречия конкретных общественно-экономических

формаций [41]. Слабости этих формулировок, если рассматривать каждую в отдельности, не слишком заметны. Но они сразу обнаруживаются, когда все формулировки собираются вместе и сопоставляются друг с другом. Ввиду принципиальности вопроса перечислим эти формулировки:

«Основное противоречие первобытнообщинного строя выражалось в противоречии между постепенным совершенствовании орудий труда, методов производства и навыков людей, с одной стороны, и общинной формой собственности и уравнительным распределением – с другой».

«Основное противоречие рабовладельческой формации – противоречие между развивающимися производительными силами и рабовладельческой организацией труда, основанной на принудительном соединении работников со средствами производства».

«Основное противоречие феодальной формации – противоречие между постепенным развитием производительных сил, углублением общественного разделения труда и узкими рамками феодальной собственности».

«Основное противоречие капиталистической формации – противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения».

Основное противоречие коммунистической формации проявляется как противоречие между непрерывным ростом потребностей трудящихся и относительно ограниченными в каждый данный момент возможностями их удовлетворения».

Бросается в глаза употребление некорректной тавтологии. Например, основное противоречие рабовладельческой формации пытаются раскрыть через самое себя – через противоречие рабовладельческой организации труда. Основное противоречие феодальной формации «раскрывают» через феодальную собственность, а основное противоречие капиталистической формации «объясняют» через капиталистическое присвоение. В чем же конкретно состоит противоречие – понять трудно. Любопытна формулировка основного противоречия коммунистической формации. Во-первых, еще не построенному коммунизму предшествует социализм, но о его противоречии ничего не говорится. Во-вторых, трудно понять, в чем же отличие коммунистической формации от предыдущих. Ведь при любом строе, в том числе и при современном капитализме, имеет место противоречие между ростом

потребностей людей и «ограниченными в каждый данный момент возможностями их удовлетворения».

Нерешенность принципиально важного вопроса об основных законах и противоречиях общественно-экономических формаций проявлялась и в интересных, нестандартных исследованиях советского периода. В частности, Ирина Чангли в своей книге [42] попыталась представить в виде сравнительных блок-схем, построенных по единому принципу, структуру общественного труда при капитализме, социализме и коммунизме. При чтении этой интересной книги так и подмывает назвать способом мотивации труда то, что Чангли называла «основным производственным отношением». Но она думала иначе. По ее представлениям, «основное производственное отношение» при капитализме – это, как и у Маркса, «эксплуатация труда капиталом». При социализме – это «сотрудничество и взаимопомощь», а при коммунизме – «добровольное объединение свободных тружеников на основе сотрудничества и взаимопомощи». Такая трактовка сразу вызывает вопросы. Имеет ли место при социализме «объединение тружеников» и если да, то каких – свободных, несвободных? Эти вопросы Чангли обходит, и это нарушает стройность ее классификации. Интересная по замыслу попытка осталась нереализованной в прокрустовом ложе традиционного для того времени подхода.

В междисциплинарной общеэкономической теории четырем основным типам мотивации труда (факторы $Ф_{I1}$-$Ф_{I4}$ в уравнении ОПФ) соответствуют четыре типа общественно-экономических формаций:

1. Формации, основанные преимущественно на внеэкономическом принуждении к труду (их история уже знает – это первобытная, рабовладельческая и феодальная формации).
2. Формации, основанные преимущественно на экономическом принуждении к труду (ранний и, отчасти, современный капитализм).
3. Формации, основанные преимущественно на материальном интересе к труду (социализм, но не в том варианте, который в силу исторических причин оказался реализованным в советском обществе).
4. Формации, основанные преимущественно на творческом труде (будущее гуманистическое общество).

Подобно тому, как в физике квантовые числа характеризуют энергетические состояния электронов атома, факторы мотивации труда в теории ОПФ характеризуют общественно-экономические

состояния человечества, которые оно последовательно проходит на протяжении своей истории.

Суммарный фактор мотивации труда Φ_I является линейной комбинацией составляющих его факторов Φ_{Ii} (i = 1,…5):

$$\Phi_I = \sum_i \beta_i \Phi_{Ii} = \beta_1 \Phi_{I1} + \beta_2 \Phi_{I2} + \beta_3 \Phi_{I3} + \beta_4 \Phi_{I4} + \beta_5 \Phi_{I5}$$

Коэффициент β_i – это доля работающего населения, стимулируемая i-м фактором мотивации труда. При таком определении

$$\sum_i \beta_i = \beta_1 + \beta_2 + \beta_3 + \beta_4 + \beta_5 = 1$$

Следовательно, величина β_i заключена между нулем и единицей. Пятый фактор мотивации труда принимается тождественным нулю. Он необходим для характеристики той части работников, чей труд никак не стимулируется. Выражение Φ_I является наиболее общим. Оно справедливо для любой общественно-экономической формации. Различие между формациями состоит, в первую очередь, в том, какой из факторов Φ_{Ii} является преобладающим на данном историческом этапе развития общественного производства.

Например, в первобытном обществе преобладало внеэкономическое принуждение людей к труду со стороны неумолимых и жестоких сил природы. Люди трудились, чтобы не умереть от голода, другие стимулы для них не существовали. На формализованном языке теории ОПФ это означает, что в таком обществе имеют место соотношения

$$\beta_1 \gg (\beta_2 + \beta_3 + \beta_4 + \beta_5) \quad \text{и} \quad \Phi_I \approx \beta_1 \Phi_{I1}$$

Одушевленная производственная функция применительно к такому обществу принимает вид

$$Y \approx \Phi_{I1}\, \Phi_{II}\, [A] V n^R$$

Здесь вместо [L] принято просто число работников n^R. Величина капитала (производственных фондов) K принята равной единице и не вошла в выражение Y. Фактор научно-технического прогресса Φ_{II}

проявляет свое действие уже и на этой, начальной, стадии развития человечества.

Аналогичным образом можно проанализировать вид ОПФ и другие уравнения этой теории для каждой общественно-экономической формации. В результате полученные выражения будут содержать все ключевые переменные, совокупность которых характеризует производительные силы и производственные отношения рассматриваемых формаций. Иначе говоря, для каждой формации можно получить математическую интерпретацию ее основного экономического закона. Теперь эти законы не придумываются и не являются плодами чисто словесных рассуждений. Они естественным образом вытекают как частные случаи из наиболее общих выражений теории ОПФ. Эта работа будет проделана в дальнейшем, а пока вернемся к вопросу о коренном противоречии общественно-экономической формации. Маркс и Энгельс в своей совместной работе «Немецкая идеология» сформулировали это противоречие следующим образом: «Все исторические коллизии, согласно нашему пониманию, коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения» [1, т.3, с. 74].

Междисциплинарная общеэкономическая теория определяет это противоречие как несоответствие между необходимостью экономического роста для удовлетворения потребностей людей и преобладающим на данном историческом этапе способом мотивации их труда. Эта формулировка не противоречит определению Маркса и Энгельса, но уточняет и конкретизирует ее. На определенном этапе развития общества существующая система производственных отношений в конце концов перестает стимулировать труд людей. Наступает ситуация, которая может быть охарактеризована соотношением

$$(\beta_1 + \beta_2 + \beta_3 + \beta_4) \approx \beta_5$$

Отсюда следует, что поскольку $\Phi_{I5} \equiv 0$, то $\Phi_I \approx 0$ и $Y \approx 0$. Как уже говорилось, вслед за падением производства сокращаются сбережения (инвестиции), запас и, наконец, потребление. И если система является закрытой (потребление не может поддерживаться за счет импорта), то она реагирует на эту кризисную ситуацию вынужденными социально-экономическими переменами. Они могут быть мирными (реформы) или насильственными (революция). Эти

перемены приводят к выходу на политическую арену лидеров той части населения, которая привержена более прогрессивному типу мотивации труда, поскольку именно этот вид труда в наибольшей степени отражает ее интересы и удовлетворяет потребности.

Понижение мотивации труда проявляется как естественная психологическая реакция людей на неблагоприятные условия их жизни и трудовой деятельности. Сначала люди стараются трудом преодолеть свои жизненные невзгоды. Но когда это не удается, людей охватывает трудовая апатия или социальный протест. Такова реакция работников на непосильное внеэкономическое и экономическое принуждение, а также и собственников на систематическое и длительное неудовлетворение их материального интереса. Когда общество уже не может мириться с нарастающей трудовой апатией и ее экономическими последствиями, наступает, как уже отмечалось, та самая революционная ситуация, о которой, по выражению Ленина, «низы» уже не хотят и не могут жить по-старому, а «верхи» уже не могут по-старому управлять. Происходит смена общественно-экономической формации на более прогрессивную, для которой характерен менее принудительный и более свободный труд.

Общественно-экономические формации или «стадии экономического роста»? Венгерский философ Ференц Тёкеи высказал интересную мысль: «Весь процесс мировой истории концентрируется в индивиде» [43, с. 185]. А еще раньше Маршалл писал о том, что по мере познания мира придется все чаще и чаще рассматривать экономические силы как силы, подобные тем, которые делают молодого человека все крепче, пока он не достигнет полной зрелости. Затем человек «теряет гибкость и становится инертным, а затем и вовсе погружается в состояние, когда уже вынужден освободить место для другого, обладающего большей жизненной энергией» [2, т.2, с. 5]. Подобно тому, как развивающийся человек в возрастающей степени стремится к интересной, а не рутинной и утомительной работе, развивающееся сообщество людей стремится перейти от принудительного труда к труду, основанному на интересе. В этом естественном стремлении и заложена основная причина смены общественно-экономических формаций, а очень удачный термин Маршалла «жизненная энергия» - не что иное, как полный синоним фактора мотивации труда.

В противовес марксистской концепции общественно-экономических формаций, американский экономист Уолт Ростоу

(1916-2003) выдвинул теорию стадий экономического роста [44]. Учение Маркса он резко критиковал, посвятив этой критике отдельную главу. В частности, Ростоу писал: «Современный коммунизм строился на основе результатов изучения тех проблем, которые Маркс не сумел разрешить ни как теоретик, ни как практик-революционер. Современный коммунизм (подразумевается СССР – В.Ф.) воплощает в совершенно конкретном виде заблуждения и ошибки Маркса… И марксизм, и современный коммунизм – это концепции, основанные на неясных целях, независимо от путей их достижения» [44, с. 159-162]. Не будем вдаваться в эту критику, отнюдь не безупречную, а сконцентрируем внимание на самых основных положениях теории Ростоу.

Согласно этой теории, основными являются два типа общества: «традиционное» (докапиталистическое) и «индустриальное» (капиталистическое). Историческое развитие характеризуется пятью стадиями экономического роста: традиционное общество (traditional society); созревание условий для подъема (precondition for take-off); подъем (take-off); путь к зрелости (drive to maturity) и эпоха высокого массового потребления (the age of high mass-consumption). Традиционное общество основано на преобладании сельского хозяйства при низком уровне производительности труда, когда еще нет материального избытка для накопления капитала. Переходное общество и стадия подъема не имеют четких разграничений. На этих этапах происходит увеличение производительности труда в сельском хозяйстве, начинают развиваться отрасли производственной инфраструктуры (дороги, транспортные сооружения и пр.) и, наконец, развертывается промышленная революция, радикально меняющая методы производства. Если первоначальная норма накопления составляла примерно 5% национального дохода, то промышленная революция довела ее до 10%. Индустриальное общество доводит норму накопления до 20%, создается крупная машинная индустрия при ведущей роли отраслей тяжелой промышленности. Достигнув «технической зрелости», общество вступает в стадию «массового потребления», когда производственный потенциал начинает работать преимущественно не на производителя, а на потребителя. Ведущим сектором экономики становится производство предметов длительного пользования. В дальнейшем Ростоу выступил с концепцией новой, шестой стадии роста – стадии «поиска качества жизни», когда ведущим сектором экономики становится сфера услуг.

Ростоу утверждал, что социалистические страны лишь повторяли те стадии роста, которые развитые капиталистические страны уже прошли. По его теории социализм и коммунизм – всего лишь болезни роста, и с наступлением стадии массового потребления «коммунизм зачахнет», а СССР эволюционным путем придет к капитализму. В то же время и капитализм, по Ростоу, претерпевает непрерывную трансформацию. В частности, Ростоу считал, что угроза сырьевого, энергетического и экологического кризисов вплотную подводят современный капитализм к введению долгосрочного планирования. Как мы теперь видим, многое из того, о чем писал Ростоу еще полвека назад, подтвердилось.

Ростоу представлял «технократическое» направление политической экономии, объединившего ряд теорий. Одна из них, теория «управленческой революции», выдвинутая в 30-40 годах минувшего столетия, провозгласила как свершившийся факт переход экономической власти в США из рук собственников в руки управленцев (менеджеров). Американский экономист Джон Гэлбрейт, один из авторов теории «управленческой революции», говорил о переходе власти в руки «техноструктуры» - принимающих решения инженеров, техников и служащих ведущих корпораций. В развитие технократического направления, наряду с Ростоу и Гэлбрейтом, внесли вклад Даниел Белл [45], Збигнев Бжезинский [46], Жак Эллюль [47], Петер Друкер [48] и др.

Джон Гэлбрейт следующим образом сформулировал сущность управленческой революции: «На мелком предприятии с несложным производством власть исходит от собственника на капитал, на средства производства. В крупной и высокоорганизованной фирме власть переходит к самой организации – к техноструктуре корпорации. На самом высоком уровне развития, примером которого служат компании «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», «Шелл», «Юнилевер» или ИБМ, до тех пор, пока фирма делает деньги, власть техноструктуры абсолютна. Власть собственников капитала, т.е. держателей акций, равна нулю» [49, с. 70]. Однако столь безапелляционное утверждение, в сущности, опровергает сам Гэлбрейт в других местах той же книги. Он пишет о том, что собственники и техноструктура нужны друг другу и понимают друг друга. «Власть не уменьшится, если ее приписать кому-то другому. Она, напротив, почти наверняка возрастет, а пользоваться ею будет легче» (там же, с. 121). Возрастание общественной роли управленцев, конечно, является

бесспорным фактом, но лишь с очень большой натяжкой может быть названо «революцией».

Переход от одной стадии роста к другой Ростоу объяснял изменением «ведущего сектора» экономики, т.е. группы отраслей, развивающихся более высокими темпами и определяющих рост всего хозяйства страны, а также постепенным ростом нормы накопления. Экономические изменения Ростоу толковал как результат субъективного «принятия решений и выбора». С точки зрения междисциплинарной общеэкономической теории, нет принципиальных различий между концепциями общественно-экономических формаций и стадий экономического роста. Если вторая акцентирует внимание на технико-экономическом аспекте развития, то первая отражает социально-экономический аспект. Можно, как это делает Ростоу, резко критиковать Маркса, но нельзя игнорировать этот социально-экономический аспект развития общественного производства. Технический прогресс и вытекающая из него смена стадий экономического роста (Ростоу), в сущности, мало чем отличается от развития производительных сил и вытекающего из него изменения производственных отношений (Маркс).

Еще одну концепцию стадий развития общества выдвинул американский философ, социолог и футуролог Элвин Тоффлер в книге, впервые опубликованной в 1980 г. и ныне изданной в России [83]. Он делит всю историю на три глобальных цикла (волны): аграрную, индустриальную и постиндустриальную. Волны у Тоффлера – это рывки в науке и технике, приводящие к глубинным сдвигам в жизни общества. Для первой волны таким рывком стало внедрение сельского хозяйства, для второй – промышленный переворот. Третью волну Тоффлер связывает с наступлением эры развития средств информации, связи и развитием «экономики знаний». Волны прокатываются постепенно, на планете одновременно существуют все стадии. Периоды между волнами постепенно сокращаются: тысячелетия для первой волны, 300 лет для второй. Третья волна, по оценке Тоффлера, полностью сменит вторую к 2025 году. Книга Тоффлера написано живо и увлекательно, что вообще характерно для этого автора и снискало ему широкую популярность. Но в концептуальном плане его рассуждения о доиндустриальном, индустриальном и постиндустриальном обществах мало чем отличаются от других социологических теорий.

1.12. Первобытное, рабовладельческое и феодальное общества

Как уже отмечалось, мотивация труда первобытного человека – внеэкономическое принуждение силами природы. В этой части междисциплинарная общеэкономическая теория полностью согласна с констатацией Маркса: «Прямой принудительный труд – вот основа древнего мира» [1, т. 46, ч. 1, с. 192]. Постепенно производство увеличивалось, появился прибавочный продукт, приобретала ценность рабочая сила. Ее доставляла война. Появилось рабство. Оно сыграло положительную роль на том историческом этапе. Конечно, оно было позорно, но это было меньшим злом по сравнению с теми временами, когда военнопленных просто убивали, а еще раньше – съедали. Теперь их, по крайней мере, оставляли в живых. Принуждение к труду оставалось внеэкономическим, но оно стало одушевленным: принуждение теперь исходило от рабовладельца.

В советской экономической литературе основной экономический закон рабовладельческого способа производства формулировался, например, следующим образом: «В производстве прибавочного продукта для удовлетворения потребностей рабовладельцев во все возрастающих размерах и заключается основной экономический закон рабовладельческого способа производства» [50, с. 19]. Такая формулировка недостаточна, поскольку не раскрывает специфики рабовладельческого строя по сравнению, например, с ранним капитализмом. При нем ведь тоже производился прибавочный продукт «во все возрастающих размерах» и тоже «для удовлетворения потребностей», только не рабовладельцев, а капиталистов. Очевидно использование в подобных определениях скрытой тавтологии. И уж совершенно явную тавтологию можно видеть при определении тем же автором основного противоречия рабовладельческого общества: «Рабская форма труда и рабовладельческая форма собственности, диаметральная противоположность положения раба и рабовладельца суть основное противоречие рабовладельческого общества, которое неминуемо приводит его в конце концов к гибели» (там же, с. 25). Насчет гибели спорить не приходится. Но в этом определении пять раз повторяются слова с корнем «раб», однако яснее от этого не становится.

Развитие производительных сил шло крайне медленно, но все же шло. Постепенно усложняющиеся орудия труда требовали более

подготовленных и заинтересованных работников, чем рабы. Последние были совершенно не заинтересованы в развитии производства. Поскольку крупное рабовладельческое хозяйство все более оказывалось невыгодным и обременительным, его стало вытеснять мелкое, как правило, единоличное хозяйство. В условиях нарастающего упадка рабовладельческого хозяйства в Риме владельцы латифундий стали в II-III веках новой эры дробить свои имения на мелкие участки и отдавать их для обработки рабам и разорившимся свободным крестьянам. Последние превращались в подневольных людей – колонов, которые были обязаны трудиться на крупных землевладельцев, отдавая им значительную часть продукции. Прежний раб, до этого работавший из-под палки, теперь трудился уже без надсмотрщика, стараясь получить как можно больше продукции с отведенного ему клочка земли. И хотя он был обязан отдавать землевладельцу основное количество продукции, ему теперь предоставлялась возможность самостоятельно распоряжаться своей долей продукции. Таким образом, у бывших рабов возникал некоторый материальный интерес, хотя основная масса попала под гнет экономического принуждения. Тем не менее, такое принуждение было все же лучше, чем прежнее, крайне жестокое внеэкономическое принуждение.

Система колоната существовала в древнем Риме, Византии и древнем Китае. Китайские рабовладельцы, сталкиваясь с саботажем рабов, прибегали к сдаче земли в аренду. Это явилось прообразом новых производственных отношений, которые впоследствии, в феодальном обществе, стали господствующими. Рабы были ненадежной и опасной собственностью рабовладельца. Они были способны взбунтоваться, покинуть или уничтожить своего хозяина. Восстания рабов были постоянными в рабовладельческом обществе. Последние столетия существования Римской империи представляли собой картину распада рабовладельческого строя. Завоевание Рима «варварами» в 476 году н.э. произошло потому, что рабовладельческий способ производства уже потерпел внутренний крах. Междисциплинарная общеэкономическая теория следующим образом формулирует основной экономический закон первобытного, рабовладельческого и, отчасти, феодального способов производства: производство, основанное на внеэкономическом принуждении людей к труду силами природы или собственниками, присваивающими продукты труда. Приведенное в предыдущем разделе уравнение ОПФ

для первобытного общества дает математическую формулировку этого закона. Отсюда ясна и сущность основного противоречия таких обществ. Это – противоречие между необходимостью экономического роста для удовлетворения потребностей людей и внеэкономическим принуждением их к труду.

Вместе с развитием товарного производства развивалась и денежная форма обмена. Возникли металлические деньги, расширялись их функции. Постепенно усиливалась власть денег над людьми. Еще на ранних ступенях развития возник купеческий капитал, а затем и ростовщический капитал. Появление банкиров-ростовщиков, переплетение купеческих и ростовщических операций свидетельствовали о развитии денежного хозяйства. Но в тех условиях это выражалось в преобладании натурального хозяйства. Чем меньше производитель был связан с зарождающимся рынком, тем больше он зависел от ростовщика, когда у него возникала нужда в деньгах.

Вопрос о том, определялись ли цены товаров на самых ранних стадиях товарного производства трудоемкостью их изготовления или соотношением спроса и предложения на рынке, до сих пор является предметом дискуссий. Созданные экономистами намного позднее трудовая теория стоимости и теория предельной полезности на самом деле уходят корнями в античную эпоху. Скорее всего, на цену товара уже тогда влияли оба фактора. Рабовладелец, продавая раба на рынке, несомненно учитывал, на что тот способен, то есть его «полезность». Крестьяне и ремесленники примерно знали, какое количество труда они затрачивали на производство своих продуктов. Цены чаще всего стихийно колебались вокруг стоимости. Колебания цен воздействовали на производство данного товара, и это, в свою очередь, влияло на соотношение спроса и предложения. Законы стоимости и полезности прокладывали себе путь через стихийные колебания цен. Последние зависели от множества факторов. Например, успешные войны и ограбление побежденных приводили к внезапным приливам денежных богатств и резкому возрастанию спроса на товары. Это вызывало скачки цен. Колебания цен использовались рабовладельцами и купцами для наживы, так что нынешняя спекуляция - весьма древнее явление. Точно так же и первые попытки государственного регулирования цен восходят к временам Диоклетиана и Юлиана (трехсотые годы нашей эры).

Возникает вопрос: почему товарное производство в античном рабовладельческом обществе не превращалось в капиталистическое?

Дело в том, что тогда преобладала потребительная стоимость, а не меновая. Создавшийся путем внеэкономического принуждения значительный прибавочный продукт не превращался в капитал, поскольку рабовладельцы обычно просто не знали, куда девать накапливаемые ими сокровища. Они видели в богатстве не условие расширения производства, а способ в любых размерах и в любое время удовлетворять свои потребности. Если и допустить, что в отдельных случаях имело место превращение прибавочного продукта в производственный капитал, то это можно рассматривать лишь как исключительное, а не как массовое и типичное явление. История знает примеры и позднего рабства, уже в эпоху капитализма. В частности, рабство на Юге США в XIX веке проявлялось как плантационное рабство в форме крупного капиталистического производства в земледелии, основанного на использовании непосредственно рабского труда [51].

Переход от рабовладельческого общества к феодальному сопровождался дальнейшей натурализацией экономики. Однако феодальные отношения сами по себе заключали возможность более высокой ступени развития товарного производства по сравнению с рабовладением. Крепостной крестьянин был более самостоятельным производителем, чем раб. У него были некоторые орудия производства и частное хозяйство. Благодаря этому появилась база для устойчивого роста товарного производства, для дальнейшего разделения труда, для зарождения капиталистических отношений. Однако и при феодализме еще преобладало натуральное хозяйство. На рынок поступала относительно небольшая часть продуктов, производившихся в хозяйствах феодалов и крестьян. В условиях личного подчинения крестьян феодалам внеэкономическое принуждение оставалось преобладающей формой мотивации труда.

Крайняя неэффективность принудительного труда вступала в антагонистическое противоречие с объективной необходимостью экономического роста для обеспечения потребностей растущего населения. Невыносимое для человеческой личности бремя откровенного или завуалированного рабства при неуклонном интеллектуальном развитии людей в конце концов перестало стимулировать их труд. Падение производства и потребления вели к единственному в той исторической ситуации способу сохранения потребления на приемлемом уровне – захватническим войнам и социальным потрясениям, которые в конце концов сокрушили эти антигуманные общественно-экономические формации. Они умерли

потому, что, как писал Альфред Маршалл, «свободные человеческие существа нельзя заставлять выполнять свою работу на таких же принципах, на каких заставляют работать машину, лошадь или раба…Вся история полна свидетельств неэффективности, порожденной той или иной степенью рабства, крепостничества и других форм гражданского и политического угнетения и подавления» [2, т. 1, с. 272; т. 2, с. 204]. Междисциплинарная общеэкономическая теория, которая ставит мотивацию труда в центр социально-экономического развития, в этой части согласуется с процитированным тезисом великого экономиста.

1.13. Ранний капитализм

В отличие от предшествующих формаций капитализм – общество, где «интерес господствующего класса стал движущим фактором производства» [1, т. 20, с. 498]. Капиталист полностью отвечает за состояние производства и обеспечивает управление предприятием. Его благосостояние находится в прямой зависимости от производительности фабрики или рудника. Поэтому он кровно заинтересован в изобретениях, направленных на совершенствование технологии производства. Когда капиталисты, непосредственно заинтересованные в производстве, разбогатели и стали влиятельными, тогда и ученые, зависящие от их расположения и покровительства, также были вынуждены заниматься вопросами производства и торговли. Поэтому теория и практика значительно сблизились.

Капитализм одержал победу над феодализмом под благородными лозунгами экономической и политической свободы. «Если люди сильно заинтересованы в добре, которое вы хотите им оказать, предоставьте им свободу действий – вот великий и единственный принцип», - патетически провозглашал Тюрго [27, с. 49]. Правда, довольно скоро выяснилось, что свобода для одних оборачивается несвободой для других, а деньги в руках одних становятся несчастьем для других.

«Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дому выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,

И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным»

Эти строки из «Антигоны» Софокла процитировал Маркс в первом томе «Капитала» [1, т. 23, с. 143]. Капиталист не может существовать без наемного работника. Нажива немыслима без эксплуатации. Материальный интерес собственников оборачивался экономическим принуждением наемных работников. Вот еще одна точная и выразительная характеристика капитализма времен Маркса и Энгельса: «Как производитель чужого трудолюбия, как высасыватель прибавочного труда и эксплуататор рабочей силы, капитал по своей энергии, ненасытности и эффективности далеко превосходит все прежние системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде» [1, т. 23, с. 319]. Эффективность нового строя была сопряжена с несправедливостью, жестокостью и аморальностью. Присущие вчерашним феодалам аристократические стереотипы рыцарства, чести и благородства теперь были отброшены за ненадобностью. «Самые низменные побуждения – вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния – являются воспреемниками нового цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства – воровство, насилие, коварство, измена – подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят его к гибели» [1, т. 21, с. 99]. Эти выразительные слова Фридриха Энгельса, написанные сто пятьдесят лет назад, увы, оказались пророческими в отношении России приснопамятных 90-х годов. Новоявленные нувориши продемонстрировали все, о чем сказал классик, за исключением способности развивать и совершенствовать доставшееся им бывшее советское производство. Наоборот, они его разрушили и разграбили в погоне за легкой наживой. Но об этом – впереди, а пока вернемся к разговору о раннем капитализме.

Рассмотрим уравнение ОПФ, приведенное в разделе 1.6, применительно к раннему капитализму. Теперь орудия труда и средства производства приобрели форму производственного (или финансового) капитала (К), стали в полной мере объектами купли-продажи по цене (р), которая в теории ОПФ принимается условно однородной, как и в традиционной математической экономике. Развилась кредитно-денежная система и ее учреждения. Возникла и усиливалась конкуренция на рынках природных ресурсов, капитала, рабочей силы и выпускаемой продукции. Начал играть роль фактор

макроэкономического равновесия ($Ф_р$) между рабочей силой, капиталом и производственным комплексом. Возрастало влияние на экономику и научно-технического прогресса (фактор $Ф_{II}$). Расширялось экономическое пространство (V) вследствие возникновения новых и интеграции существующих рынков. В производство вовлекались новые производственные ресурсы (A). Применительно к характеристике капитализма ни одна из этих переменных уже не может быть исключена из уравнения ОПФ.

Введем в уравнение ОПФ вместо [K] традиционную экономико-математическую переменную – рыночное предложение мощности $\tilde{U}$. Вместо [L] введем рыночное предложение рабочей силы $\tilde{N}$. Спрос на рабочую силу обозначим через $\hat{S}$. При равновесии на рынке рабочей силы ее предложение равно спросу и числу занятых ($\tilde{N} = \hat{S} = n^R$), при неполной занятости предложение больше спроса ($\tilde{N} > \hat{S} = n^R$), при неудовлетворенном спросе он больше предложения ($\hat{S} > \tilde{N} = n^R$). С учетом сказанного уравнение ОПФ применительно к капитализму принимает вид:

$$Y = Ф_{II}[A]VФ_р\tilde{N}^{\alpha}\tilde{U}^{\beta}\sum_i\beta_i Ф_{Ii}$$

С учетом соотношений

$i = 1,\ldots,5$ и $(\beta_2 + \beta_3) » (\beta_1 + \beta_4 + \beta_5)$

можно приближенно записать

$$Y \approx (\beta_2 Ф_{I2} + \beta_3 Ф_{I3})\, Ф_{II} Фр[A]V\tilde{N}^{\alpha}\tilde{U}^{\beta}$$

К этому уравнению мы еще вернемся в следующем разделе. Там будет приведено выражение для совокупной заработной платы при капитализме. Оба эти уравнения совместно дают математическую интерпретацию основного экономического закона капитализма вообще и современного капитализма – в частности. А пока продолжим рассматривать тему этого раздела.

Драматическим атрибутом капитализма стали регулярные экономические кризисы. Подобно землетрясениям, они разрушали налаженную жизнь и многим приносили несчастье. Экономическая мысль издавна пыталась понять природу кризисов. Наглядное

рассмотрение этого явления дал еще в начале XX века М.И. Туган-Барановский: «Рост капиталистического производства идет не по прямой, а по волнообразной линии, причем последовательные подъемы и падения этих волн совершаются с такой правильностью, которая напоминает явления не социального, а биологического, даже неорганического порядка» [52, с. 724]. Этот талантливый русский и украинский экономист блестяще проанализировал различные теории кризиса за полвека до того, как появились более поздние книги на эту тему [53, 54]. Обладая всесторонним образованием, широким кругозором и оригинальностью мышления, Туган-Барановский не только предложил для объяснения кризисов свою «теорию перенакопления капитала», но и изложил ее в виде интересной механической аналогии. Весь механизм кризиса он сравнивает с работой паровой машины. Роль пара играет капитал. Роль сопротивления поршня играет трудность пропорционального распределения производства при неорганизованности капиталистического хозяйства. «Чем больше накопляется капитала, тем сильнее его давление на промышленность. Наконец, давление капитала преодолевает сопротивление промышленности, капитал приводит ее в движение, вызывает промышленный подъем, расходуется при этом – и промышленность опять приходит в состояние застоя. Точно так же, когда давление пара в цилиндре достигает известного предела, поршень приходит в движение, пар исполняет работу, теряет свою силу, и поршень возвращается на прежнее место. Понятно, что весь этот процесс, пока накопляется капитал, должен происходить периодически» [52, с. 751]. Столь подробное цитирование – дань восхищения смелости и неординарности мышления Туган-Барановского.

За долгие годы было выдвинуто множество теорий циклического развития экономики. Наступление кризисов связывали с колебаниями урожайности, недопотреблением бедняков, перенакоплением капитала, техническими нововведениями, особенностями психологии предпринимателей, кумулятивными экономическими изменениями, соотношением дохода с потреблением и накоплением (теория мультипликатора Кейнса), нестабильностью объема денежной массы в обращении (монетарная теория Фридмана) и пр. Математическая экономика также не обошла вниманием эту проблему. Одновременно с разработкой математических моделей экономического развития предпринимались многочисленные попытки описать его циклический характер. Один из наиболее успешных подходов к решению этой

задачи – математическая модель мультипликатора-акселератора по Филлипсу [55]. Она подробно рассмотрена в книгах [11, 34] и здесь не приводится. На основе своей математической модели Филипс предложил варианты и модели государственной политики экономической стабилизации. Конечно, ни модель Филипса, ни более поздние модели не являются достаточно адекватными. Природа циклических колебаний очень сложна и зависит от гораздо большего числа переменных, чем то, которое учитывают даже самые сложные современные модели.

По оценке М.И. Туган-Барановского, полное объяснение проблемы кризисов не удается потому, что экономисты ищут причины кризисов в той или иной отдельной сфере общественного хозяйства – в области производства, обмена или распределения. На самом деле кризисы возникают на основе всей совокупности явлений общественного производства и потому «не могут быть приурочены ни к одной отдельной сфере его» [52, с. 752]. Но соблазн «просто» объяснить эти периодические колебания был слишком велик. Сам Туган-Барановский не избежал этого соблазна, выдвинув свою теорию «перенакопления капитала». Междисциплинарная общеэкономическая теория, не претендуя на исчерпывающий анализ сложной проблемы кризисов, ставит во главу угла психологические факторы мотивации труда. Этот вопрос рассмотрен в книге [34].

Конечно, самая мрачная картина кризиса была характерна для раннего капитализма, в эпоху полного экономического попустительства и разгула рыночной стихии. В дальнейшем капиталистическое государство, наученное печальным историческим опытом, старалось заблаговременно выявить наиболее опасные тенденции и предотвратить экономическую катастрофу. А когда этого было мало, приходилось осуществлять и более жесткие меры общего макроэкономического регулирования. Ярким примером стала политика «нового курса» президента США Франклина Делано Рузвельта по выводу страны из Великой депрессии в 30-е годы прошлого столетия.

Все началось в США с обвального падения цен акций на бирже, начавшегося в «черный четверг» 24 октября 1929 года. После краткосрочного небольшого подъема цен 25 октября падение приняло катастрофические масштабы в «черный понедельник» 28 октября и «черный вторник» 29 октября. Произошел биржевой крах на Уолл-стрит. Экономисты так и не пришли к единому мнению о причинах кризиса. Как уже говорилось, скорее всего, сыграла свою роль

совокупность факторов. Это было большое несчастье. Уровень промышленного производства был отброшен на десятки лет назад, огромное число людей обнищало, толпы голодных безработных бродили по улицам, пытаясь найти хоть какие-то средства для спасения своих семей. Впрочем, наиболее богатые не испытывали больших лишений. Этот контраст обострял социальные протесты, зрели революционные настроения.

По требованию президента Рузвельта американский конгресс проголосовал за целый ряд радикальных мер, предназначенных для превращения экономики из беснующейся толпы рыночных маньяков в более или менее упорядоченный народнохозяйственный комплекс. Среди этих мер – чрезвычайный закон о банках, укрепивший их государственными субсидиями и запрещавший вывоз золота. Банки, закрывшиеся перед этим в условиях биржевой паники, возобновили работу. Решительные действия властей успокоили народ. Был также принят закон о разделении коммерческих и инвестиционных банков, который прекратил бессовестные спекуляции, когда банкиры пускались в рискованные предприятия в погоне за сверхприбылями, и из-за этого разорялась масса рядовых вкладчиков, доверивших им свои деньги. Было введено государственное страхование вкладов в банках. Это способствовало наведению порядка в финансовой сфере. Вводился режим экономии денежных средств. Президент представил законопроект, который был принят конгрессом, о резком снижении заработной платы федеральным служащим, членам конгресса и пенсий конгрессменам – ветеранам войн. На этом ежегодно экономились сотни миллионов долларов. Появился и закон о создании гражданского корпуса сохранения ресурсов, который проделал большую работу (мелиорация, строительство дорог и мостов, лесонасаждение, рытье прудов, сооружение плотин, насаждение лесозащитных полос и т.д.).

Одной из главных мер было спасение сельского хозяйства. Правительство гарантировало выплату задолженности фермерам, им были открыты кредиты. Эти кредиты задавили банкиров, они возмущались, но платили. Обстановка в сельском хозяйстве стабилизировалась, и оно пошло на подъем. Был принят и закон о восстановлении национальной промышленности. Он предусматривал ассигнование невероятной по тем временам суммы в 3,3 миллиарда долларов на государственные работы: расчистку трущоб, сооружение коммуникаций и пр. Этим же законом закреплялись меры социальной защиты населения: право трудящихся на коллективный договор и

организацию профсоюзов, запрещение детского труда, минимальный уровень заработной платы и максимальную продолжительность рабочей недели. Это была основная программа. Во главе ее поставили военных. Теперь ни одно строительство не начиналось без рассмотрения и утверждения военным ведомством. Руководителем этой программы был поставлен ее разработчик генерал Хью Джонсон, человек с большим хозяйственным опытом. Закон о восстановлении национальной промышленности вводился на два года и привел к большому успеху. Оперативно действовало федеральное правительство. Пресекался всякий «парад суверенитетов» штатов.

Добившись значительного расширения государственной финансовой помощи промышленному и сельскохозяйственному производству, покончив с разгулом спекуляции, рэкета и гангстеризма, президент всего за 100 дней добился заметного оживления экономической деятельности. Вместе с тем (и это очень важно) Рузвельт не сломал под флагом «перестройки» исторические национальные традиции. Он сохранил систему частного предпринимательства, действенность традиционной американской предприимчивости и деловитости, не снизил экономические стимулы к инициативному труду. Капитализм остался капитализмом – в основе мотивации труда по-прежнему остались материальный интерес и экономическое принуждение. И все-таки это был уже не тот ранний, докризисный капитализм. Рузвельт покончил с разрушительным рыночным беспределом, с экономической вседозволенностью, с американским вариантом «laissez-faire», усилив воздействие государства на экономику в интересах большинства американского общества.

И после Рузвельта в США периодически и по мере необходимости использовался государственный контроль цен и доходов в антикризисных целях. Джон Гэлбрейт привел в своей книге следующее высказывание бывшего министра финансов США Дж. В. Конноли о президенте Ричарде Никсоне: «Он проявил удивительное мужество, смело взявшись за проблему, с которой столкнулась эта страна, эта система свободного предпринимательства и это свободное общество. Он ввел контроль над заработной платой и ценами» [49, с. 378]. Гэлбрейт считал, что в цивилизованной рыночной экономике необходимо «прямое правительственное регулирование цен и производства», так же, как и «значительное повышение минимального уровня заработной платы» (там же, с. 322). При этом Гэлбрейт имел в виду не «замораживание» цен и заработной платы, а

разумный компромисс, состоящий в том, что «увеличение заработной платы должно ограничиваться средним ростом производительности» (там же, с. 391). Согласно Гэлбрейту, нельзя отказывать в увеличении заработной платы в тех отраслях, в которых рост производительности ниже среднего. «Отсутствие роста производительности в конкретных отраслях не может быть основанием для дискриминации тех, кто в них работает», - писал Гэлбрейт. По его мнению, «контроль над заработной платой не должен закреплять разницы», а наоборот должны предприниматься усилия для сужения этих различий.

1.14. Современный капитализм

«Один из законов современной политической экономии, хотя в наших общепризнанных учебниках это четко и не сформулировано, состоит в том, что чем больше развито капиталистическое производство, тем меньше может оно прибегать к тем приемам мелкого надувательства и жульничества, которые характеризуют его ранние стадии»

Фридрих Энгельс

«В значительной мере оправдано все более распространяющееся мнение, что современная экономика выглядит как социализм для крупных фирм и как свободное предпринимательство для мелких»

Джон Гэлбрейт

Высказывания, вынесенные в эпиграф к этому разделу, разделяет почти столетний период. Первое принадлежит Энгельсу [1, т. 21, с. 260], а второе - Гэлбрейту [49, с. 204]. Но оба высказывания содержат одну и ту же мысль: современный капитализм – это во многом иная общественно-экономическая формация по сравнению с ранним капитализмом. Конечно, приписывая эту мысль Энгельсу, можно навлечь негодование марксистских ортодоксов. Между тем, именно эта мысль – свидетельство гениальной прозорливости Энгельса, которое опровергает примитивное представление о том, что

основоположники марксизма «не предвидели» высокой жизнеспособности капитализма как общественной системы. В дальнейшем мы еще не раз увидим, что классики марксизма были далеко не так наивны, какими их теперь часто изображают.

Как уже говорилось, для раннего капитализма было характерно полное попустительство частнопредпринимательской деятельности. Неуемная жажда материального интереса с помощью экономического принуждения рождала ожесточенную конкуренцию. Снова обратимся к Энгельсу: «Безудержная конкурентная борьба. Противоречие между общественной организацией на каждой отдельной фабрике и общественной анархией в производстве в целом» [1, т. 19, с. 228]. Эта критика Энгельсом капитализма приобрела многих последователей, и не только среди коммунистов. Вот оценка Кейнса: «Наиболее значительными пороками общества, в котором мы живем, являются его неспособность обеспечить полную занятость и произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов» [38, с. 359]. Вот мнение Гэлбрейта: «Неравномерное развитие, неравенство, никчемные и вредные нововведения, ущерб окружающей среде, пренебрежение интересами отдельной личности, власть над государством, инфляция, неспособность наладить координацию между отраслями являются составной частью системы…Они глубоко присущи самой системе» [49, с. 270]. Вот суждение Альберта Эйнштейна: «Экономическая анархия капиталистического общества в том виде, в каком оно существует сегодня, - вот, по моему мнению, реальный источник зла» [56]. Даже многие из тех, кто отдавал должное экономической живучести капитализма, не могли не замечать безнравственности и жестокости этой системы. В этом отношении характерна оценка Селигмена: «Причины гибели капитализма кроются не в экономике, а в образе мысли людей, определяющих его культурную надстройку» [17, с. 476].

Даже такое, казалось бы, несомненное достижение капитализма, как повышение уровня жизни населения в развитых странах, в перспективе может обернуться не только благом, но и злом. В этом аспекте представляет интерес позиция французского социолога и философа Жана Бодрийяра. В своей интересной книге «Общество потребления», впервые изданной в 1970 году и теперь вышедшей в русском переводе [86], он анализирует на примере Франции проблемы такого общества, сложившегося в высокоразвитых странах Европы к 70-м годам XX века. Для автора характерен широкий подход: про- блема рассматривается с философской,

социологической, политической и культурной точек зрения. Автор пишет: «Люди в обществе изобилия окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько объектами потребления. Их повседневное общение состоит не в общении с себе подобными, а в получении…благ и посланий и в манипуляции с ними, начиная с очень сложного домашнего хозяйства и десятков его технических роботов…Как ребенок становится волком в результате жизни вместе с хищниками, так и мы сами постепенно становимся функциональными (читай, рабами вещей – В.Ф.)».

Капитализм как многообразная система. После этой критики можно было бы думать, что капиталистическая система состоит лишь из пороков. Но это не так. Даже основоположники марксизма, при всей их ненависти к этой системе, не были столь наивны, чтобы думать подобным образом. Еще в первоначальном варианте «Капитала» Маркс отмечал: «Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства» [1, т. 46, ч. 1, с. 42]. Именно в этом «многообразии» изначально заложены потенциальные возможности, обеспечивающие капитализму высокую историческую жизнеспособность, которая в действительности оказалась более высокой, чем могли в то время предполагать Маркс и Энгельс. Если «абсолютным» законом капитализма они считали производство прибавочной стоимости, то основной экономический закон капитализма не был ими сформулирован. Если говорить о современном капитализме, то многие экономисты, до сих пор тяготеющие к марксистской политической экономии, полагают, что в формулировке этого закона нет необходимости. Они считают, что капитализм со всеми его недостатками не так уж сильно изменился, но предпочитают не задумываться о том, почему он, вопреки прогнозам марксизма, не сошел с исторической сцены, а продолжает жить и развиваться, несмотря на периодические кризисы. Других вполне удовлетворяет общий тезис о выживании капитализма благодаря государственному регулированию экономики. Но они не задаются вопросом, почему такая система все-таки остается капиталистической, а не превращается в социалистическую, где государственное регулирование играет доминирующую роль. Третьи утверждают, что современный капитализм в развитых и богатых странах – это, в сущности, уже социализм. Но их каждый раз постигает

разочарование, когда в результате очередных выборов к власти приходит менее «социалистическое» правительство либо когда очередная депрессия рассеивает «социалистические» иллюзии. Наконец, экономисты-математики всерьез думают, что системы уравнений вполне заменяют «патриархальную» формулировку общего экономического закона.

На самом деле проблема значительно сложнее, чем ее представляет себе каждая из перечисленных групп. Междисциплинарная общеэкономическая теория выявляет общий экономический закон и вытекающие из него основные экономические законы каждой общественно-экономической формации. Центральным моментом в познании основного экономического закона капитализма является анализ распределения стоимости совокупного продукта. Известная из «Капитала» Маркса формула c + v + m многократно критиковалась в прошлом и, тем более, отвергается теперь вместе со всем наследием марксизма. Но взглянем на распределение ВНП согласно принятой уже в нашу эпоху системе национального счетоводства. Она берет начало от американских разработок макроэкономической теории в 70-х годах [57] и с тех пор практически не изменилась. Ее основное тождество имеет следующий вид:

$$C + I + G + (X - M) \equiv ВНП \equiv C + S + T + R_f$$

В левой части тождества измеряются издержки производства. Они состоят из потребительских затрат C, капиталовложений I, управленческих расходов G и «чистого экспорта» (разности между экспортом X и импортом M). Правая часть измеряет ВНП с точки зрения дохода от этого производства. Он должен возместить те же потребительские затраты C и, кроме того, включает совокупное сбережение S, налоги T и трансфертные платежи R_f. Разве это тождество принципиально отличается от распределения, сформулированного Марксом? В сущности, изменилась лишь терминология. Теория ОПФ не видит оснований отказываться от марксовой категории прибавочной стоимости применительно к современному капитализму. В то же время, в рассмотрение вводится условно однородная цена (p), складывающаяся на основе спроса и предложения в условиях рыночной экономики.

Стоимость совокупного продукта, с учетом сказанного, можно записать в виде

$$pY = c + v + m$$

где c – производственные затраты (включая капиталовложения), v – фонд оплаты труда, m – прибавочная стоимость, за исключением той ее части, которая расходуется на воспроизводство (капиталовложения). Разделив обе части уравнения на v, получаем

$$pY /v = c/v + 1 + m'$$

где m' – норма прибавочной стоимости (в уточненной трактовке).

Положим

$$v = sn^R$$

и

$$c \approx \Phi^I = pI$$

где n^R – число работающих, s – заработная плата, Φ^I – поток инвестиций в денежном выражении, I – инвестиции в реальном выражении. Тогда из предыдущего следует выражение заработной платы

$$S = \frac{p(1-\eta)Y}{n^R(m'+1)}$$

где η – норма инвестиций (I/Y).

Полученное выражение, совместно с приведенным в предыдущем разделе уравнением для Y, описывает взаимосвязь ключевых переменных, от которых зависит функционирование экономической системы капиталистического типа. Эти выражения дают математическую интерпретацию основного экономического закона капиталистического способа производства. Совокупность переменных, входящих в эти выражения, и образует то самое «многообразие», которое отмечал Маркс. Это многообразие объективно обеспечивает капитализму то множество степеней свободы, которое придает этой общественно-экономической формации живучесть, основанную на своевременной

приспособляемости к изменяющимся историческим условиям. Прежде чем сформулировать основной экономический закон капитализма, продолжим рассмотрение главных исторических тенденций развития именно современной метаморфозы этого общественного строя.

Обуздание рыночной стихии. Великая депрессия стала мощным толчком к осознанию пагубности неограниченного попустительства частнопредпринимательской деятельности. В 1936 году вышла знаменитая книга Кейнса [38]. Она содержала теоретическое обоснование необходимости экономического вмешательства государства, политики и методологии «дирижизма». В течение последующих лет западные экономисты совершенствовали кейнсианскую теорию. Развивались теории распределения доходов [58-60] и заработной платы [61]. Активизировалась разработка проблем взаимоотношений между владельцами предприятий и их управляющими [40]. Исследовалось влияние научно-технического прогресса на дальнейшее развитие капиталистического общества [7, 39, 62, 63].

Но теория Кейнса не полностью выдержала проверку временем. Вследствие Второй мировой войны круто изменилась экономическая ситуация. Война вызвала столь сильный государственный контроль над экономикой, что политика «дирижизма» встретила сильную оппозицию. Австрийский экономист Фридрих Август фон Хайек усматривал в кейнсианской политике не что иное, как «дорогу к рабству», т.е. к социализму в его понимании [64]. Одним из самых упорных противников теории Кейнса и защитников капиталистической «свободы» был Милтон Фридман. Он боялся, что пример СССР окажется заразительным. Убеждения Фридмана красноречиво характеризует высказывание в его книге «Капитализм и свобода»: «В 20 и 30-е годы интеллектуалы США в подавляющем большинстве убеждали, что капитализм – это порочная система, которая тормозит рост благосостояния и, следовательно, ограничивает свободу, и что надежды на будущее заключаются в усилении разумного контроля со стороны авторитетных политиков над экономической деятельностью…Теперь условия изменились. Мы имеем несколько десятилетий опыта правительственного вмешательства…Кто может теперь связывать большую надежду на развитие свободы и достоинства с массовой тиранией и деспотизмом, которые имеют место в России? Маркс и Энгельс писали в

коммунистическом Манифесте: «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир». Кто может сегодня считать, что цепи пролетариев в Советском Союзе слабее, чем цепи пролетариев в Соединенных Штатах, Британии, Франции, Германии или в любой другой стране на Западе?» [65, с. 196-197]. Эта цитата, переведенная из подлинника (теперь эта книга есть и в русском переводе), как нельзя лучше отражает взгляды, высказанные полвека назад. Невероятно, но факт: именно эти взгляды чикагской экономической школы, о чем пойдет разговор в дальнейшем, были взяты на вооружение российскими реформаторами 90-х годов!

Фридман выступал за ограничение полномочий правительства: «Его основная функция должна состоять в защите нашей свободы от внешних врагов и от наших собственных завистливых сограждан: в охране законности и порядка, в стимулировании частных сделок, в поощрении конкурентных рынков…Второй общий принцип состоит в том, что сила правительства должна быть рассредоточена. Если уж правительство демонстрирует силу, то лучше в стране, чем в штате; лучше в штате, чем в Вашингтоне» (там же, с. 2-3). Фридман был убежденным приверженцем «свободной конкуренции». Он считал, что конкуренция в современном мире – это не столько личное соперничество, сколько стремление к монополии. Поэтому первой необходимой задачей правительства Фридман считал необходимость исключения тех явлений, которые «непосредственно порождают монополию, касается ли это монополии предпринимателей или монополии рабочих» (там же, с. 132). В бескомпромиссной защите всех атрибутов свободного предпринимательства Фридман оправдывал даже потомственных рантье, которых менее ортодоксальные рыночники считали персонами нон-грата. «Часто доказывают, что важно видеть разницу между неравенством личных заслуг и неравенством собственности, а также между неравенством унаследованных благ и неравенством нажитых благ. Эти разграничения нежизненны», - писал Фридман (там же, с. 164). Советскому принципу «от каждого по способностям, каждому по его труду» Фридман противопоставил принцип «каждому то, что он производит с помощью собственных орудий труда» (там же, с. 161-162).

Бескомпромиссная рыночная ортодоксия Фридмана разделялась далеко не всеми экономистами на Западе. Например, скептически относился к «полной экономической свободе» американский экономист Джон Морис Кларк. Он писал: «Некоторые думают, что

возможны только две системы: откровенного попустительства или полного коллективизма. Я утверждаю, что в этой стране (имеются в виду США – В.Ф.) мыслимо лишь не слишком большое приближение к каждому из этих экстремальных вариантов и что все наши возможные альтернативы лежат где-то посередине» [66, с. 250]. Кларк также подверг критике концепцию совершенной конкуренции и противопоставил ей свою теорию «действенной конкуренции» (workable competition), которая, по его мнению, более приемлема с точки зрения общественного благосостояния.

Откровенно критически относился к капитализму Йозеф Шумпетер. «Может ли капитализм продолжать свое существование? Нет, я думаю, что не может», - писал он в своей книге «Капитализм, социализм и демократия» [67]. Так же, как в свое время Маркс и Энгельс, Шумпетер признает крупные исторические достижения капитализма. И точно так же, как Маркс и Энгельс, Шумпетер утверждает, что успехи капитализма подготавливают его гибель. Но в отличие от Маркса, Шумпетер делает основной упор не на социальную революцию, а на грозящую капитализму опасность медленного, но неизбежного разрушения его институтов и того образа мышления, который является его основой. Шумпетер квалифицирует развитие капитализма как процесс «созидательного разрушения». В ходе этого процесса возникает новая форма конкуренции, которая не только бьет по прибыли менее эффективного предприятия, но и угрожает его существованию. Здесь речь идет уже не о той «благотворной» конкуренции, которая ведет к понижению цен, а о полной ликвидации более слабых предприятий. «Победа или смерть» - вот чисто большевистский лозунг этой новой капиталистической конкуренции. В унисон с Марксом Шумпетер констатирует исчезновение предпринимателя как независимой личности при дальнейшем развитии капитализма. Предприниматели уступают место учреждениям, подобным тем, которые существовали бы в условиях хорошо организованного социализма. На авансцену выходят хорошо оплачиваемые управляющие и акционеры. Последние все равно считают себя притесняемыми и испытывают враждебное чувство к системе. Лишенное материального интереса, утратившее свои функции и постепенно исчезающее частное присвоение не дает более удовлетворения. В конечном итоге не остается никого, кто бы согласился на деле его отстаивать. В этом пункте мы имеем уже фактически полное совпадение взглядов Маркса и Шумпетера на будущее капитализма.

Но когда же наступит конец капитализма? В этом наивном, но явно напрашивающемся вопросе теперь заключается основная критика и Маркса, и Шумпетера со стороны их оппонентов. Уже наступил XXI век, а капитализм живет и развивается, несмотря на поражающие его время от времени кризисы. Теория ОПФ дает ответ на этот вопрос. Из приведенных выше выражений для Y и S видно, что социальная устойчивость современного капитализма обеспечивается поддержанием средней оплаты труда (s) на достаточно высоком уровне путем исторически своевременного (в том числе – государственного) регулирования нормы прибавочной стоимости (m'), нормы инвестиций (η), цен (p) и занятости (n^R), при высоком уровне выпускаемой продукции (Y). В свою очередь, высокий уровень выпуска обеспечивается эффективной мотивацией труда (факторы $Ф_{I2}$, $Ф_{I3}$), избытком производственной мощности (Ũ) и предложения рабочей силы (Ñ), при благоприятных условиях их взаимодействия (фактор $Ф_р$), при расширении экономического пространства (V), при наличии достаточных природных ресурсов (A), а также при возрастающем влиянии научно-технического прогресса ($Ф_{II}$) на экономическое развитие. Перечисленные факторы составляют сущность современного капиталистического производства и значительно отличают его производства времен раннего капитализма, с его разгулом рыночной стихии при полном попустительстве частнопредпринимательской деятельности.

Макроэкономическое регулирование. После Второй мировой войны в странах Западной Европы усилились тенденции планирования основных показателей социально-экономического развития. Теоретическим центром обоснования политики, основанной на разумном сочетании государственного макроэкономического регулирования с рыночной конкуренцией, стала послевоенная Западная Германия. Родоначальником этого, так называемого «неолиберального», направления западной экономической мысли был глава фрейбургской школы Вальтер Ойкен. В своей книге «Основы национальной экономики» [68] он различает экономику, подчиненную центральному управлению (Zentralgeleitete Wirtschaft) и экономику свободной конкуренции (Verkerwirtschaft). В условиях свободной конкуренции основной проблемой является «координация индивидуальных планов». Управляемая экономика может иметь несколько форм: полностью управляемая экономика; централизованное управление с

предоставлением свободы торговле потребительскими товарами; централизованное управление с предоставлением свободы выбора профессии и места работы. Все это привело Ойкена к изучению проблем формирования власти в различных экономических системах.

Концепция Ойкена стала основой социально-экономической доктрины неолиберализма, положенной в основу политики ФРГ. Ее экономика, трактуемая как «социальное рыночное хозяйство», провозглашается наиболее эффективной и гармоничной формой рыночной экономики, развивающейся в интересах всех членов общества. Эта экономика противопоставляется как социализму, так и капитализму в качестве специфического «германского» пути развития современного общества. Его кредо: «конкуренция – насколько возможно, планирование – насколько необходимо». Оно получило теоретическую разработку в книгах Людвига Эрхарда [69,70], Карла Шиллера [71], Франца Бёма [72] и других западногерманских ученых и политических деятелей. В течение ряда лет неолиберализм был теоретической основой политики боннского правительства и правящей коалиции ХДС/ХСС. Преемственность этому курсу сохраняется и до настоящего времени [73]. Хорошо сказал об этой проблеме В.В.Леонтьев. По его образному определению, современную экономику можно сравнить с яхтой в море. «Чтобы дела шли хорошо, нужен ветер – это заинтересованность. Руль – это государственное регулирование» [8, с. 15].

Уровень цен при современном капитализме, как и при раннем капитализме, определяется главным образом соотношением спроса и предложения в условиях конкуренции. Последняя является тем ограничителем, который не позволяет продавцам взвинчивать цены. В условиях конкуренции производители вынуждены сохранять высокую оплату труда не за счет повышения цен, снижения инвестиций или сокращения занятости, а преимущественно путем увеличения выпуска продукции и, следовательно, активного использования технических новшеств. Производители и потребители, продавцы и покупатели объективно вынуждены активно взаимодействовать, расширять существующие и организовывать новые рынки. Это, в силу обратной связи, дополнительно стимулирует производство. Для бесперебойного функционирования такой конкурентной рыночной экономики государство оказывает ей законодательную и финансовую поддержку. Например, оно старается оградить конкуренцию от чрезмерного влияния монополий. Кроме того, современный капитализм научился заблаговременно

предотвращать массовые банкротства и сохранять социально-экономическую стабильность общества в целом. Фирмы, объединенные перекрестным владением акциями, взаимодействуют для взаимного контроля над управлением. Момент получения прибыли здесь может отходить на второй план по соображениям обеспечения взаимной безопасности и стабильности. Платежеспособность крупных корпораций перестает быть их частным делом. В случае угрозы банкротства крупной корпорации при активном участии государства осуществляется субсидирование и реорганизация, слияние и другие меры, которые отводят эту угрозу.

Характерной особенностью современного капитализма является и тенденция к «рассредоточению», или «диффузии», собственности. Этот процесс заключается в отделении управления от частной собственности, а также в акционировании частных предприятий с участием их же работников. В 50-х годах распространилась теория «народного капитализма». Сущность этой теории хорошо изложена в книге Петера Друкера «Новое общество: анатомия индустриального порядка» [48]. «Что такое наш бизнес?» - ставит вопрос Друкер. И дает следующий ответ: «Первейшая обязанность управления состоит в том, чтобы решать, какие экономические факторы и тенденции наилучшим образом обеспечат будущее благосостояние компании. Управление должно быть уверено, что в последующие пять или десять лет ресурсы предприятия будут такими же экономически продуктивными, как и сегодня. Оно должно сегодня решать те проблемы, которые возникнут перед предприятием завтра» [48, с. 204]. Тем самым Друкер, желал он того или нет, однозначно высказался за необходимость планирования экономической деятельности на современном этапе развития капитализма.

Эти взгляды получили развитие в книгах Гардинера Минса «Ценообразующая сила и общественный интерес» [74] и «Корпоративная революция в Америке» [40]. Минс различал системы «частного капитализма» и «коллективного капитализма». По его мнению, рассредоточение собственности корпораций среди сотен тысяч акционеров и коллективный характер труда на крупных акционерных предприятиях – отличительные черты «коллективного капитализма». Эта система состоит из «предпринимательских коллективов» или находится под их контролем. Минс предлагал реформировать капитализм путем законодательного ограничения нормы прибыли наиболее крупных корпораций. Минс был убежденным сторонником «коллективного капитализма» в США. Он

патетически заявил: «Я полон энтузиазма в отношении коллективного капитализма. Я полагаю, что он в наибольшей степени соответствует высокому уровню жизни в этой стране» [40, с. 72]. По мнению Минса, «коллективный капитализм» способен обеспечить полную занятость, высокую эффективность производства, рациональное использование ресурсов, справедливое распределение дохода, экономическую свободу и непрерывный экономический рост. Одним словом, рай на Земле, или американский вариант «германского пути». По поводу этой патетики следует заметить, что в реальной капиталистической действительности далеко не все обстоит столь радужно. Владение небольшой суммой акций дает лишь незначительные дивиденды и отнюдь не превращает рабочего или служащего в капиталиста. Вся новейшая история США доказывает несостоятельность упрощенных и чересчур оптимистических взглядов на реалии американского капитализма.

Тенденция к макроэкономическому регулированию стала устойчивой для современного капитализма, хотя она время от времени уступает место противоположной тенденции ослабления государственного влияния на экономику. Довольно часто имели место драматические повороты и зигзаги. В этом аспекте характерна послевоенная экономическая история США – самой сильной страны и цитадели современного капитализма, со всеми его плюсами и минусами. Вторая мировая война завершила процесс превращения США в финансово-экономического и военно-политического лидера капиталистического мира. Доля США в промышленном производстве Запада в 1948 году составила 55%. Экономическое первенство и военная мощь обусловили (и это продолжается до сих пор) претензии этой страны на мировое лидерство. «Новый курс» Рузвельта в части государственного регулирования экономики остался в силе, но дополнился более активным либерально-социальным реформаторством. Президент-демократ Гарри Трумэн в сентябре 1945 г. выступил с программой «справедливого курса», который включал законы о полной занятости, увеличении минимума зарплаты, расширении системы соцобеспечения, ограничении расовой дискриминации и др. Несмотря на это, в 1946 г. развертывается массовое забастовочное движение (около 5 миллионов бастующих), ответом на которое стал крайне реакционный закон Тафта-Хартли (июнь 1947 г.). Он урезал право рабочих на забастовки и вводил жесткий контроль над деятельностью профсоюзов. В марте 1947 г. Трумэн издал приказ о проверке лояльности

госслужащих. В конце 40-х и начале 50-х гг. наблюдается разгул маккартизма – реакционного политического течения, пропагандирующего борьбу с «коммунистической угрозой» и шпиономанию. В сентябре 1950 года был принят закон Маккарена «О внутренней безопасности» - создано управление по контролю за «подрывной коммунистической деятельностью». Члены компартии США были обязаны зарегистрироваться в качестве агентов иностранной державы. Начался судебный процесс над супругами Розенбергами, обвиненными в шпионаже в пользу СССР. В июне 1947 г. был обнародован план Маршалла. Его целью было оказание помощи в восстановлении экономики Западной Европы, укрепления устоев капитализма, утверждения политической гегемонии США. Началось создание военных блоков. В апреле 1949 г. был создан блок НАТО.

Следующий президент США Дуайт Эйзенхауэр совершил либеральный поворот в экономической политике. Было ограничено государственное вмешательство в экономику, отменен контроль над ценами и зарплатой, сокращены налоги на корпорации и личные доходы. Развернулось широкое дорожное и жилищное строительство, был расширен аппарат социальной помощи. Важным этапом в истории США стала провозглашенная в 1964 году президентом Линдоном Джонсоном программа создания «великого общества», главной целью которой было искоренение бедности. Это ознаменовало собой новый этап либерального реформаторства. Впрочем, полной реализации этой программы помешала война во Вьетнаме, потребовавшая огромных средств. В октябре 1962 года возник Карибский кризис. Лишь взаимная сдержанность лидеров США и СССР предотвратила ядерную войну. Осмысление Карибского кризиса привело к изменениям во внешней политике. В 1963 г. в Москве был подписан договор США, Англии и СССР о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах.

В 1969-1970 гг., при президенте Ричарде Никсоне, имел место спад производства. После некоторого оживления – новый спад в 1974-1975 гг. С августа 1971 по май 1974 гг. проводилась «новая экономическая политика». Президент Никсон пошел на такую непопулярную меру, как регулирование цен и зарплаты с целью стимулирования экономического роста и борьбы с инфляцией. Это продолжалось вплоть до ухода Никсона в отставку под угрозой импичмента из-за вскрывшихся фактов коррупции в высших

эшелонах власти. Президентом США стал Джеральд Форд. Его президентство было ознаменовано возвращением в экономическую политику идей Кейнса и социальными мерами по предотвращению или смягчению кризиса в экономике США. Наметились позитивные сдвиги в отношениях с СССР. Символом сотрудничества в освоении космоса стал совместный эксперимент «Союз-Аполлон» (1975 г.). С приходом следующего президента - Джимми Картера – опять повороты в экономической политике, на сей раз – в направлении неолиберализма. И новый экономический кризис в 1980-1982 гг. И новые осложнения в отношениях с СССР. Америка бойкотирует московскую олимпиаду, свертывает контакты в научной и научно-технической сферах, запрещает фермерам продавать Советскому Союзу зерно и т.д.

Критикуя противоречивую политику администрации Картера, республиканцы одержали победу на президентских выборах 1980 г. И снова последовала смена экономического курса. Теорией и практикой администрации нового президента Рональда Рейгана становится так называемая «рейганомика» в духе неоконсерватизма и монетаризма. В 1981 году были сокращены налоги, прогрессивная шкала налогообложения заменена пропорциональной. Было отменено более 100 законов и иных юридических актов, ограничивающих предпринимательскую деятельность. Были сокращены многие регулирующие функции правительства, в частности, отменен контроль цен на нефть и другие энергоносители. В то же время значительно возросли военные расходы. Проводилась жесткая антипрофсоюзная политика. Рейган добился разрушения «рузвельтовской коалиции» и поддержки своего курса американским средним классом. Во второй половине 80-х годов в США наблюдался экономический подъем. Перестройка в СССР, начавшаяся в 1985 году, способствовала нормализации отношений между США и СССР. Серия встреч Рейгана с Горбачевым оказала благоприятное воздействие на международную обстановку.

Администрация следующего президента Джорджа Буша-старшего (1989-1993) проводила умеренный консервативно-этатистский курс. Были повышены налоги на доходы свыше 100 тыс. долларов, увеличена почасовая минимальная зарплата. В июле 1991 года был подписан договор СНВ-1, значительно сокративший наступательные вооружения. После событий августа 1991 года в России и распада СССР Дж. Буш поддержал курс, взятый Борисом Ельциным на реформы в России. Избирательная компания 1992 года

проходила на фоне некоторого экономического спада, роста дефицита торгового баланса, укрепления позиций конкурентов США на мировых рынках. Пришедший к власти президент Билл Клинтон заявил, что Америке нужны перемены. Он предложил расширить занятость населения путем развития инфраструктуры, обещая снизить налоги, перестроить систему социальной помощи неимущим, выступил за всеобщее образование и медицинское обслуживание. В начале 1993 года он обнародовал свой «новый курс» (который по счету в новейшей американской истории!). Клинтону удалось добиться впечатляющих успехов в ряде внутренних и международных проблем. В течение 7 лет ежегодный прирост ВВП составил более 3 %, выше, чем в других развитых странах. Инфляция понизилась до уровня менее 2 % в год. На долю США приходилось менее 4% населения, но свыше 20% мирового дохода. Это обеспечило американцам один из самых высоких в мире уровней жизни. Значительно сократилась бедность. Упала безработица. В течение 7 лет было создано более 200 миллионов новых рабочих мест, из них треть – в информационном секторе. Этот экономический бум в значительной мере связан с бурным развитием новейших информационных технологий. Администрации Клинтона удалось впервые за 40 лет ликвидировать дефицит госбюджета. Она сохранила самую мощную военную машину в мире, сделав ставку на обеспечение абсолютного военного превосходства США. Доля внешней торговли в ВВП достигла 25%. По существу, почти весь мир стал работать на Америку, обеспечивая ее процветание. В целом для администрации Клинтона был характерен поиск оптимального сочетания современных рыночных методов с эффективным механизмом государственного регулирования.

В 2001 г. президентом США стал Джордж Буш-младший. Конгрессу было предложено в течение 10 лет сократить налоги на 1,6 триллиона долларов. При этом планировалось уменьшить ставки налогов с 15 до 10% для малоимущих и с 39 до 33% для богатых. Выделены дополнительные субсидии на лекарства для малоимущих. В целом Буш проводил политику предыдущего президента Клинтона, хотя и не столь эффективно. Знаменательной для него датой стало 10 ноября 2008 года, когда он встретился с новым президентом Бараком Обамой для обсуждения положения в стране и мире. В традициях вновь избранных американских президентов, Обама подверг критике предыдущую администрацию, на сей раз за отказ от лидирующей

роли США в охране окружающей среды. Он пообещал, что будет ежегодно выделять по 15 миллиардов долларов на мероприятия по экономии энергии и станет добиваться снижения уровня выбросов парниковых газов в США в 2020 году до уровня 1990 года. Своих помощников Обама патетически называл «командой по возрождению Америки». В своей инаугурационной речи 20 января 2009 года он призвал сограждан к «новой эре ответственности». В январе американский конгресс поддержал план стимулирования экономики, предложенный Обамой. План предусматривает ассигнования в сумме 819 миллиардов долларов и, в частности, положения о прямых инвестициях в отрасли здравоохранения, образования и энергетики. Это, несомненно, можно рассматривать как крупную акцию государственной поддержки американской экономики и пример эффективного макроэкономического регулирования. В апреле 2011 г. Обама заявил о намерении баллотироваться на второй президентский срок. Особенностью президентства Обамы является то обстоятельство, что оно, как и президентство Рузвельта, совпало по времени с масштабным финансово-экономическим кризисом. Он начался с сильного падения основных экономических показателей в большинстве стран с развитой экономикой, в дальнейшем переросшего в глобальную рецессию. Этому предшествовал ипотечный кризис в США в 2007 г. Он спровоцировал кризис платежеспособности мировых банков, который достиг пика в сентябре 2008 г. У банков появилось большое число неплатежеспособных клиентов, среди которых оказались и частные лица, и корпорации. Из-за роста невозвратов и падения стоимости самых разных активов банки начали резко ужесточать условия выдачи кредитов своим клиентам и друг другу. К примеру, снизилось число выдаваемых кредитов на покупку автомобилей. Это вскоре сказалось на снижении объемов продаж у автомобильных гигантов. Так, первыми сообщили о сокращении объемов производства заводы Ford, Daimler и Opel. Таким образом, кризис в сфере недвижимости постепенно начал распространяться на реальную экономику, вызвав спад производства. Серьезный обвал в 2008 году случился на фондовом рынке. На торговых площадках США с 6 по 10 октября 2008 года падение индексов было максимальным за всю их историю. Случившийся обвал фондового рынка США стал рекордным для страны за последние 20 лет. Кроме этого, в Соединенных Штатах произошел крах пяти крупнейших инвестиционных банков – одного из столпов американской экономики. Банк Lehman Brothers был

признан банкротом, банки Merrill Lynch и Bear Steams сменили владельцев, а Morgan Stanley и Goldman Sachs были вынуждены обратиться за помощью к Федеральной Резервной Системе и сменить сферу деятельности. Для преодоления последствий финансового кризиса высшим руководством США был составлен и подписан специальный план. Он был создан в качестве государственного ответа на серию банкротств крупнейших финансовых институтов Америки. Первый раздел плана предусматривал выделение ФРС США 700 миллиардов долларов для займов банковским структурам. Во втором разделе плана описывались различные льготы, которые предназначались для поддержки энергетики, в первую очередь, работающей за счет внедрения альтернативных технологий. Согласно плану, государство будет заниматься выкупом так называемых «токсичных активов» (то есть невозвратных кредитных обязательств), предотвращая тем самым массовые банкротства кредитных организаций и общий коллапс финансовой системы. Принятые меры дали определенный результат, кризис перешел из острой формы в вялотекущую, с риском возобновления в любой момент.

Вступив в должность президента США, Обама провозгласил курс на резкую смену политики (в очередной раз в новейшей американской истории!). В своей популярной ныне книге он пишет: «Не нужны никакие опросы, чтобы доказать: подавляющее большинство американцев — и республиканцев, и демократов, и независимых — порядком устали от мертвой зоны, в которую превратилась сейчас политика, где сталкиваются узкие интересы, а идеологические меньшинства навязывают всем собственные версии абсолютных истин. Не важно, из какого человек штата — красного или синего, — все ощущают обман, пустословие и бестолковость наших политических дебатов и просто на дух не выносят все то же дежурное блюдо, составленное из позавчерашних обещаний. Верующие и неверующие, черные, коричневые, белые — все мы понимаем — и правильно! — что первоочередные потребности нации не замечаются, что если мы не изменим курс как можно быстрее, то оставим после себя более слабую и расколотую Америку, чем та, которая досталась нам в наследство. Может, сейчас, как никогда раньше, нам нужна другая политика, такая, для которой самыми важными будут идеалы и взгляды, общие для всех американцев» [75]. В частности, Обама обещал борьбу с коррупцией и несуразно высокими доходами богатых американцев. Вот как он говорит об этом: «Увеличение доходов руководства обусловлено вовсе не

требованиями рыночной экономики, а культурой. В то время, когда у среднестатистических рабочих доходы практически не растут, многие представители руководящего звена без зазрения совести кладут себе в карман все, что разрешают им уступчивые, приручённые советы корпораций. Американцы отдают себе отчет в том, насколько пагубна такая этика корысти для нашей общественной жизни; в одном из недавних обзоров они назвали коррупцию в государственных структурах и бизнесе, корыстолюбие и стремление к материальному благополучию двумя из трех наиболее серьезных моральных проблем, стоящих перед страной». Здесь попутно отметим, что экономическая преступность в США является серьезной проблемой вообще [84] и одной из главных причин финансового кризиса 2007-2009 годов – в частности [85].

В соответствии со своими взглядами, во время предвыборной кампании 2012 года Обама предложил оздоровить американскую экономику путем сохранения льготной налоговой ставки для среднего класса и увеличения налогового бремени для обеспеченных слоев населения. После переизбрания американский президент повторил эти принципы своей политики на первой публичной речи по вопросам экономики. По мнению Барака Обамы, необходимо прекратить действие щадящих налоговых ставок в отношении состоятельных американцев, чей годовой доход превышает 250 тысяч долларов. По предварительным подсчетам, эта мера позволит обуздать рост бюджетного дефицита в триллион долларов. Однако республиканцы не согласны с такой политикой. Оппоненты Обамы считают, что государство может получить дополнительный доход за счет устранения многочисленных лазеек в налоговом законодательстве, сохранив при этом льготные налоговые ставки для всех американских граждан без исключения.

Что касается других аспектов экономической политики Обамы, то, например, проблему безработицы планируется решать путем государственного стимулирования отдельных отраслей производства. В частности, Обама в своем плане обещал значительный рост в производственном секторе в последующие четыре года, что позволит создать 1 миллион рабочих мест к 2016 году. Кроме того, президент обещал обеспечить работой 100 тысяч преподавателей математики и естественных наук. Его программа сотрудничества колледжей и компаний призвана способствовать созданию еще 2 миллионов рабочих мест. Для стимулирования производства Обама намерен понизить на четверть корпоративный налог для отечественных

производителей. Он также считает необходимым предоставлять налоговые льготы тем предприятиям, которые постоянно расширяют штат или повышают сотрудникам заработную плату. Восстановить сектор недвижимости Барак Обама планирует за счет поддержки слабых заемщиков и предоставления им возможности рефинансироваться по низким ставкам. Насколько президенту Обаме удастся выполнить свои грандиозные планы по оздоровлению американской экономики, покажет ближайшее будущее.

Общий вывод из всего изложенного в этом разделе заключается в признании важной роли государственного макроэкономического регулирования современной капиталистической экономики. Уроки Великой депрессии, уроки послевоенной истории, уроки недавних кризисов – все это с очевидностью демонстрирует спасительную роль государства в продлении существования капитализма как общественно-экономической формации. Макроэкономическое регулирование в сочетании с частной инициативой обеспечивают современному капитализму то «многообразие», о котором говорилось выше и которое лежит в основе жизнеспособности современного капитализма. Уберем государство – получим хаос и анархию. Уберем частную инициативу – получим тоталитаризм и диктатуру. Ни то, ни другое не является столбовой дорогой человечества на пути к прогрессу.

Гуманизация труда. Важный вопрос, касающийся производственных отношений современного капитализма – это вопрос о характере мотивации труда. В целом мотивация труда и на современном этапе развития капиталистической системы основана на сочетании материального интереса одних с экономическим принуждением других. В то же время, современные капиталисты, как правило, уже осознают необходимость приоритета заинтересованности перед принуждением. Это проявляется и в повышении заработной платы работников, и вовлечении их в процесс акционирования, и организации комплекса мер по «гуманизации» трудового процесса. Современный капитализм понимает, какую социальную опасность представляет для него прежний, жестоко эксплуатируемый и революционно настроенный пролетариат. Эту проблему выразительно охарактеризовал Друкер: «Первое требование к функционирующему индустриальному порядку состоит в том, чтобы избавиться от пролетария. Индустриальное общество не может с ним мириться. Но индустриальное общество имеет и средства,

чтобы обойтись без него. Современный индустриальный порядок в высшей степени чувствителен к отравляющему влиянию пролетариата. Но этот порядок, впервые в истории цивилизации, может избавить себя от этого яда и превратить социально деструктивный пролетариат в прочную основу социальной силы и единства. И в самом деле, пролетариат отмирает, становится анахронизмом» [48, с. 229]. Эти взгляды Друкера отражали осознание американским капиталистическим обществом к середине XX столетия необходимости превратить пролетариат из «могильщика капитализма», каким его считали классики марксизма, в лояльную и производительную силу. И, надо признать, в наиболее развитых капиталистических странах эту задачу, если не полностью, то в значительной степени удалось решить.

Проблемы более совершенной организации труда и его облегчения на примышленных предприятиях становятся к середине XX столетия предметом специальных исследований. В 1971-1975 гг. в США были проведены широкие эксперименты, направленные на повышение производительности труда рабочих. Эти меры основывались на более рациональной организации труда взамен грубой «потогонной» системы времен раннего капитализма. Результаты этих исследований были обобщены в монографии [76]. Появились специализированные научно-исследовательские учреждения по проблеме «качества жизни» наемных работников [77, 78]. Была разработана специальная программа по «качеству жизни» - «Quality of Worklife Program» (сокращенно «QWL Program»), которая стала частью федеральной программы правительства США. Аналогичная проблема интенсивно изучалась в Европе и Японии. Предметом серьезных исследований стали такие вопросы, как организация труда и потребности, мотивация труда, удовлетворенность работой, причины инертности работника, несовпадение индивидуальных потребностей с целями учреждения и др. Постепенно осознавалась определяющая роль заинтересовывающей мотивации труда в повышении его результативности. «Когда рабочая обстановка помогает индивидууму найти для себя реалистичную мотивацию согласно его положению, т.е. когда индивидуум имеет возможность использовать свои способности и понимает свою работу…тогда он, как говорится, отождествлен со своей работой. Он любит свою работу, он поглощен ею, он производителен», - говорилось в книге [79, с. 18]. Налицо стремление полнее использовать способности работников и

задействовать фактор творческой мотивации труда. Все это уже в чем-то напоминало известный социалистический принцип «от каждого – по способности, каждому – по труду», но еще в капиталистическом исполнении.

Этот прошлый американский опыт полезен и для нынешней России. В российских организациях формирование системы управления человеческими ресурсами происходит в исключительно сложный период становления рыночной экономики, когда взаимодействуют, сосуществуют старые и новые экономические отношения, когда остро проявляется противоречие между издержками консервативной рационально-бюрократической системы управления кадрами, сформированной еще в советские времена, и реальными потребностями предприятий, функционирующих в современных условиях. Поэтому актуальна разработка научной концепции управления человеческими ресурсами, которая бы аккумулировала все лучшее из мировой и отечественной теории и практики управления, а главное, отражала национальную специфику менталитета, своеобразие исторического опыта, особенности переходного периода. На практике данная концепция может найти свое воплощение в разработке корпоративного механизма управления человеческими ресурсами на уровне организации, в реализации прогрессивных персонал-технологий для эффективного использования и развития творческого и трудового потенциала [80]. Наиболее успешные корпорации сегодня, безотносительно к отраслевой принадлежности, имеют общие характерные черты. Они обеспечивают гарантированную занятость, перспективные системы продвижения по службе, внутреннее развитие персонала вместо глобальных кампаний найма. Они создают исключительно широкие возможности участия в хозяйственных решениях. Они относятся к своим работникам не как к наемным лицам, а как к членам общей корпоративной сети. Они развивают систему общих ценностей. Исходя из критической важности долгосрочного благосостояния корпорации, их руководители проявляют реальную преданность бизнесу вместо погони только за финансовыми результатами.

Правда, продолжает существовать и негативное мнение о гуманизации труда при капитализме. Критики капитализма напоминают нам о том, что основоположники марксизма определяли труд на капиталистическом предприятии как «наемное рабство», «капиталистическую каторгу», «злейшую форму порабощения» и «выжимания добавочного количества труда, силы, крови и нервов из

трудящихся» и, наконец, как «научную систему выжимания пота». Казалось бы, столь сильные выражения относительно наемного труда в наш век научно-технической революции с применением ЭВМ, промышленных роботов, различной облегчающей труд техники, расширением сферы умственного труда, новых способов его организации не отражают больше антигуманной сущности капитализма – говорят нам его критики. Под влиянием впечатлений от этих новшеств действительно может возникнуть мнение, что труд повсюду становится свободным волеизъявлением, исчезает принуждение к нему со стороны чуждых работнику и стоящих над ним сил, что извечный антагонизм между трудом и капиталом затухает – говорят они. И делают вывод: внимательное рассмотрение результатов применения этих новшеств и всех изменений в условиях труда показывает иллюзорность такого впечатления. Никакие изменения в технике и формах организации труда не могут уничтожить эксплуатацию при капитализме, примирить антагонистов. Эта точка зрения последовательно и аргументированно отстаивается, например, в книге профессора А.А. Соболевской из Института мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН) [81].

Немарксистские экономические теории обычно отражают компромиссную точку зрения. Они тоже негативно относятся к эксплуатации, но считают её необходимым элементом рыночной экономики, уменьшающимся вместе с её развитием. Они считают, что новая стоимость создаётся при равном участии всех факторов производства, а не только наёмными рабочими. Так, Альфред Маршалл в своей книге [2] высказался в том смысле, что капитал и труд взаимодействуют в производстве национального дохода и получают из него свои доли в меру своей производительности. Между ними – самая тесная зависимость: капитал без труда мёртв. Но и рабочий без помощи своего собственного или чьего-либо другого капитала проживёт недолго. Когда труд энергичен, капитал пожинает богатые плоды и быстро возрастает. Благодаря капиталу и знаниям рядовой рабочий западного мира питается, одевается и даже обеспечен жильем во многих отношениях лучше, чем принцы в прежние времена.

Междисциплинарная общеэкономическая теория в этой части близка к точке зрения Маршалла. Но это лишь в том случае, если речь идет о современном, цивилизованном и производительном капитализме. О таком капитализме, который реально создает

материальные блага, необходимые всему обществу, а не о том воровском и спекулятивном капитализме, который в одночасье возник в России в приснопамятные 90-е годы и, увы, не изжит и до сих пор. Подлинная гуманизация труда станет возможна лишь в новом гуманном обществе, о котором пойдет речь во второй главе этой книги.

Научно-технический прогресс. Все позитивное, что отличает современный капитализм от раннего, несомненно, связано с научно-техническим прогрессом, который Жан Фурастье называл «великой надеждой» или «великой метаморфозой» двадцатого века [63]. Он отстаивал идею о том, что интенсивное развитие науки и техники открывает перед человечеством возможность эволюции к «научному обществу», избавленному от бремени политических, экономических, социальных и других антагонизмов. Такие тенденции действительно имеют место. Сегодня именно научно-технический прогресс определяет различие жизненного уровня в разных странах с рыночной экономикой.

В наибольшей степени преуспели в развитии науки и техники США. В этой стране только за десять лет, с 1955 по 1965 гг., научно-технический персонал увеличился вдвое. В 1964 году США затратили средств на научные исследования и технологические разработки в расчёте на душу населения примерно в 10 раз больше Англии, в 20 раз больше Германии и Франции, в 30 раз больше Японии, в 50 раз больше Канады и в 70 раз больше Италии. В 1964 году ассигнования на научные исследования и разработки в США составляли 3,4 % от ВНП, а в 1986 году сохранились на уровне около 3 %. И это при том, что ВНП за эти два десятилетия вырос примерно в 6 раз! В расчёте на душу населения ассигнования на науку выросли от 100 долларов в 1964 г. до 500 долларов в 1986 г. К середине 80-х общие затраты на развитие науки и техники в США превысили 100 миллиардов долларов. Решающий вклад в развитие американской науки и техники внесло государство. На федеральном уровне все эти годы разрабатывалась и осуществлялась общенациональная научно-техническая политика. Роль частного капитала, конечно, была велика, но не настолько, как это иногда пытаются представить. Благодаря такой целенаправленной государственной политике наука в США на деле превратилась в непосредственную производительную силу. Она стала одним из важнейших приоритетов государства. Периодом наиболее динамичного в американской истории роста социальных

расходов были 60-е и 70-е годы. Америка стала самой экономически развитой страной, с развитым частным сектором и сильным и мощным государственным сектором. По объёму промышленного производства, по уровню развития науки и техники США занимают первое место в мире. Нынешние американцы имеют самый высокий в мире средний уровень личного потребления.

Советский Союз и в годы первых пятилеток, и особенно в послевоенный период также добился впечатляющих успехов в развитии науки и техники. По экономическому потенциалу он вышел на второе место в мире после США. Запуск искусственного спутника Земли и другие успехи в освоении космического пространства произвели большое впечатление на все прогрессивное человечество. Но в период, который стали называть застойным (1964-1986), советская страна начала медленно, но неуклонно отставать от Америки. На пленумах ЦК КПСС и съездах партии звучали неоднократные призывы типа «догнать и перегнать Америку» или «добиться превращения науки в непосредственную производительную силу советского общества». Но не получалось. Сталинской дубинки уже не было, а внутренние стимулы работали плохо. Историческое состязание советского социализма с «американским империализмом» явно складывалось в пользу второго. Перестройка, начатая Горбачевым в 1985 году, имела целью придать динамизм советской системе, ускорить ее социально-экономическое развитие. Реформы приснопамятных 90-х годов были предприняты под лозунгом ускорения научно-технического прогресса. О том, что из этого получилось, речь пойдет в следующих разделах этой книги. А здесь приходится с сожалением еще раз констатировать, что задача превращения науки в непосредственную производительную силу общества была решена именно в США – цитадели современного капитализма.

Наследие раннего капитализма. Из предыдущего изложения видно, что современный капитализм по основным позициям стоит на более высокой ступени развития и более прогрессивен по сравнению с ранним капитализмом. Означает ли это, что современный капитализм лишен недостатков и противоречий? Анализ этого вопроса значительно рассеивает эйфорию, которая может возникнуть после сказанного выше о современном капитализме. Его эволюция, увы, не устраняет или слишком медленно устраняет присущие этой системе пороки: неоправданно высокое социальное расслоение;

снижение конкурентной цены труда в результате научно-технического прогресса; перепроизводство в одной области и недопроизводство в другой из-за непредсказуемости вкусов потребителей; возможность успеха в конкурентной борьбе путем засекречивания приобретенных знаний; широко практикуемая подмена честного бизнеса изощренным мошенничеством и элементарным жульничеством; объективная невозможность добиться законодательным путем совершенной конкуренции, избавленной от тлетворного влияния монополий; порождение неполноценной человеческой личности в условиях крайне узкой специализации и однозначной нацеленности на личный успех; возможность для администраторов законно или незаконно назначать себе, своим друзьям или родственникам повышенное жалование вплоть до взяток; практикуемое распространение ложных слухов для завышения прибыли при биржевых операциях и многое другое.

Джон Гэлбрейт в интересном диалоге с советским экономистом, профессором Станиславом Меньшиковым [82] отметил ряд противоречий и трудностей, переживаемых современным капитализмом в США. Он указывает на возрастающую конкуренцию со стороны Японии, Южной Кореи, Гонконга и других стран. Он отмечает, что их продукция вторглась на американские рынки и на рынки старых капиталистических стран. Это особенно ощутимо ударило по сложившимся отраслям массового производства. Гэлбрейт говорит также об усилении инфляции и возникновении «политической асимметрии». Профсоюзы требуют повышения зарплаты рабочим. Это вызывает компенсационный рост цен. Повышение цен, в свою очередь, ведет к увеличению зарплаты. В результате этого «в корпоративной экономике образовалась трудноустранимая спираль зарплата-цены». Вызванную этим инфляцию можно ограничить только «жесточайшими антиинфляционными мерами» и «массовой безработицей». Все это, по мнению Гэлбрейта, стало новым фактом в американской действительности.

Более того, с 1970 года началось снижение производительности. В этом аспекте, как полагает Гэлбрейт, лучшим примером служит Австрия с ее политикой социального рынка, предусматривающей государственное ограничение верхнего предела зарплаты до пределов допустимого в соответствии с существующей структурой цен, а также «предотвращение извлечения корпорациями выгод из таких ограничений». Такой же подход наблюдается в Японии, ФРГ, странах Скандинавии. Не вмешиваясь в соотношение динамики зарплаты и

цен, англоговорящие страны «составляют до некоторой степени исключение, и за это они страдают». Эти трудности вынудили США и Англию приступить в конце 70-х и начале 80-х годов к поискам «магической безболезненной формулы» решения их проблем, обусловленных инфляцией.

Далее Гэлбрейт продолжает: «Чудо, которое мы открыли – это монетаризм». Поясняя свое понимание этого «чуда», он пишет: «Оставьте все на усмотрение центрального банка. Фиксируйте денежную массу в обращении, меняйте ее объем только соответственно росту экономики – и проблема решена». Гэлбрейт говорит, что он не сторонник политики монетаризма, что она порождает высокую безработицу и бездействующие производственные мощности. Можно лишь удивляться, насколько эта характеристика Гэлбрейтом политики «монетаризма» и возможных ее последствий оказалась адекватной тому, что происходило в «реформируемой» (а на деле – разваливаемой) российской экономике в 90-х годах минувшего столетия. Как он отмечает далее, монетаризм, действующий путем крайне высоких учетных ставок, ведет к сокращению капиталовложений корпорациями. Высокий банковский процент поощряет приток иностранных капиталов, которые взвинчивают курс доллара, удешевляют импорт и этим еще более ослабляют американские предприятия в сталелитейной, автомобильной и других отраслях.

«Вот так работает монетаризм, - говорит Гэлбрейт. - Он действительно останавливает инфляцию, но мы, однако, обнаружили, что такое средство гораздо опаснее болезни, которую им стараются вылечить». Гэлбрейт в беседе со своим советским коллегой высказал предположение: «Сдается мне, что монетаризму не суждено стать любимым коньком в социалистическом мире». Но он ошибся. Младореформаторы 90-х перенесли на почву прежней, руководимой из центра и крайне монополизированной российской экономики не только методы монетаризма, но и многие другие черты раннего капитализма времен laissez-faire, казалось бы уже доказавшего свою историческую несостоятельность. И последствия не заставили себя долго ждать, причем гораздо более тяжелые, чем те, о которых говорил Гэлбрейт применительно к условиям США. Но об этом – позднее, а пока продолжим тему этого раздела.

«В наших городах слишком много людей лишены работы и средств к существованию», - констатирует Гэлбрейт. Указывает он и на «вопиющее неравенство в распределении доходов», которое не

преодолевается. Львиная доля национального дохода достается «ничтожной горстке людей». Он вспоминает, что еще лет 30 тому назад в своей книге «Общество изобилия» (имеется в виду книга: J.K.Galbraith. The Affluent Society. Cambridge, 1968 – В.Ф.) высказал мнение о прослеживающейся тенденции к «частному обогащению и обнищанию общества». По мнению Гэлбрейта, далеко не все обстоит благополучно и с научно-техническим прогрессом: «Все чувствуют, что многие новшества в потребительских товарах есть не что иное, как обман. Считается само собой разумеющимся, что наиболее заметной чертой широко разрекламированных изобретений окажется их неспособность к работе или же выяснится, что они просто опасны» [49, с. 191]. Забегая вперед, отметим, что и эта черта современного капитализма, особенно в его российской, скороспелой и нецивилизованной, форме отчетливо проявилась в 90-е годы (да и теперь еще проявляется). Эта ловкая имитация реальной продуктивной деятельности, подпитываемая назойливой и беззастенчивой рекламой, до сих пор является характерным пороком современной капиталистической системы, унаследованным от прошлых времен неограниченного попустительства частному предпринимательству.

Основной экономический закон. На основе изложенного можно сформулировать основной экономический закон современного капитализма. В междисциплинарной общеэкономической теории (теории ОПФ) экономические законы формулируются как в физике – в математическом виде и соответствующей словесной формулировке. Основной экономический закон современного капитализма в математическом виде дается выражениями для выпуска продукции Y и совокупной заработной платы S, приведенными в предыдущих разделах. Эти выражения можно изложить и словесно. Такая формулировка была бы наиболее точна, но и весьма громоздка. Любая более короткая формулировка неизбежно менее точна. Но она может лучше показать преемственность рассматриваемой формации с предыдущими, а также самые основные тенденции ее развития. По-видимому, в данном случае это необходимо, поскольку указанные математические выражения относятся как к раннему, так и к современному капитализму.

Применительно к современному капитализму возможна следующая формулировка основного экономического закона: производство, стимулируемое преимущественно путем

экономического принуждения работников к труду конкурирующими собственниками, заинтересованными в присвоении ресурсов и результатов труда, их потреблении или обмене с помощью денежной системы по рыночному механизму, при усиливающихся тенденциях к преобладанию трудового интереса над принуждением, к рассредоточению собственности, к государственному макроэкономическому регулированию и к возрастанию роли науки, техники и культуры в общественно-экономическом развитии.

Из содержания основного экономического закона вытекает и сущность основного противоречия современного капитализма. В советской политической экономии оно формулировалось как «противоречие между общественным характером процесса производства и частнокапиталистической формой присвоения его результатов». Но современный капитализм, в отличие от раннего, характеризуется сосуществованием и взаимодействием различных форм собственности. С учетом этого обстоятельства, основное противоречие современного капитализма можно сформулировать как противоречие между необходимостью экономического роста для удовлетворения потребностей людей, с одной стороны, и сохраняющейся мотивацией их труда посредством экономического принуждения, сохраняющейся борьбой между работниками и собственниками за результаты труда, сохраняющейся и переходящей на межгосударственный уровень жестокой и часто недобросовестной конкуренцией, разъединяющей людей перед лицом обостряющихся и требующих совместного решения глобальных проблем – с другой.

Американский философ и политолог Сэмюэль Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» высказывает мнение, что разъединение в современном мире обусловлено не столько идеологическими и экономическими, сколько культурными противоречиями. Он пишет: «Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будут уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение

цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики» [87].

Хваленая свобода в современном капиталистическом обществе тоже не лишена темных пятен. В книге английского журналиста Джона Кампфнера читаем: «От Сингапура до Рима, по всему миру одна и та же картина: власть сосредоточена в руках небольшой группы людей, которая не намерена ни с кем с нею делиться. Свобода слова подавляется, инакомыслие карается, и, что самое интересное, средний класс в массе своей против этого не возражает. Власть дает ему возможность богатеть и обеспечивает ему безопасность» [88].

Милтон Фридман вдохновенно защищал капитализм, который он отождествлял со свободой. Вот еще одно его высказывание об этом: «Сохранение и расширение свободы сегодня подстерегают две опасности. Одна из них очевидна. Это – внешняя опасность, исходящая из Кремля, который задумал уничтожить нас. Вторая опасность гораздо глубже. Это – внутренняя опасность, исходящая от человека благих намерений и доброй воли, который желает нас реформировать» [65, с. 201]. Опасность из Кремля современному капитализму теперь не грозит. Но в обостренном и вполне обоснованном чувстве внутренней опасности Фридману не откажешь!

Разъединение в обществе перед лицом общей опасности – вот что сегодня выходит на первый план. Эту черту капитализма прогнозировал Маркс в четвертом томе «Капитала»: «Разъединение выступает в нынешнем обществе как нормальное отношение…Такова тенденция развития в той общественной формации, в которой преобладает капиталистический способ производства» [1, т. 26, ч. 1, с. 419]. Эта констатация Маркса очень важна, но не получила развития в советской политической экономии. И напрасно, поскольку именно эта историческая тенденция к разъединению все более проявляется и становится все более опасной. Так же, как когда-то в Советском Союзе, теперь возникает вопрос о принципиальной возможности (или невозможности) выживания процветающего «общества потребления» лишь в одной или немногих, наиболее богатых, «отдельно взятых» странах, на фоне глобальных угроз, затрагивающих каждого жителя нашей планеты.

Междисциплинарная общеэкономическая теория приводит к однозначному выводу, что хронический финансово-экономический кризис современного капитализма – лишь верхушка айсберга. Необходимы скоординированные усилия всего мирового сообщества, направленные на преодоление обостряющихся

глобальных проблем. Дефицит энергоресурсов, нехватка продовольствия, истощение запасов полезных ископаемых, изменение климата, загрязнение воздуха, подъём уровня мирового океана, разрушение озонового слоя атмосферы, сокращение и поражение лесных массивов, эрозия почвы, расширение пустынь, умирание озёр, уменьшение запасов подземных вод, угроза ликвидации существующих видов животных и растений, возникновение новых свалок для токсичных отходов и отравление ими грунтовых вод - всё это реальности, которые создают угрозу сохранения жизни на Земле. По всему миру насчитываются уже миллионы беженцев. Неконтролируемая миграция представляет реальную опасность для политической стабильности и сохранения мира. Международный терроризм - лишь следствие обостряющихся глобальных проблем. С ним не справиться только военными мерами. Применение силы оправдано лишь в контексте широкой и скоординированной политики. Организация Объединённых Наций должна стать более дееспособной. Перед ООН встаёт труднейшая историческая задача, от решения которой как никогда прежде зависит само существование человечества. Необходимо организовать поворот мирового общественного сознания от безудержного эгоизма к разумному самоограничению, от безразличия к помощи, от конкуренции к координации, от конфронтации к сотрудничеству. Настало время отходить от извечной привычки жить по принципу "своя рубашка ближе к телу". Человечество не сможет выжить, если не научится действовать по согласованному разумному плану. Нужны крупные международные проекты: гуманитарные, научно-технические, социально-экономические. Россия может и должна играть активную роль в этом коллективном процессе, направленном на выживание и развитие человечества.

1.15. Социализм и коммунизм

«Достижение социализма требует разрешения некоторых исключительно сложных социально-экономических проблем, например: как с учетом далеко идущей централизации политической и экономической власти предотвратить превращение бюрократии в силу, обладающую всей полнотой власти? Как защитить права личности и вместе с тем гарантировать демократический противовес власти буржуазии? Цели и проблемы социализма непросты, и ясность в их понимании имеет величайшее значение в наш переходный век»

Альберт Эйнштейн

Вынесенное в эпиграф высказывание принадлежит не философу, не экономисту и не социологу. Оно принадлежит великому физику Альберту Эйнштейну [89]. И тем оно ценнее. Гениальный ученый всей своей жизнью и деятельностью доказал способность приносить реальную пользу человечеству. И в приведенном высказывании с необыкновенной объективностью, точностью и лаконичностью сконцентрированы самые главные и действительно сложные проблемы социализма. Как это контрастирует с велеречивыми сочинениями философских пустышек типа Александра Зиновьева, изощренно выливающими потоки грязи на социализм и коммунизм! В своей книге [90], которая впервые была издана в Швейцарии в 1980 году, этот человек умудрился собрать богатую коллекцию в чем-то правдивых, а в чем-то откровенно лживых характеристик советской системы. Самое интересное в том, что этот популярный на Западе русский философ не делает различия между социализмом и коммунизмом. Для него советская система – это и есть коммунизм. Так принято считать на Западе. И так считает Зиновьев. В предисловии к российскому изданию своей книги он пишет: «Многие рецензенты оценили книгу как первую попытку научного (а не

идеологического!) подхода к реальному коммунистическому обществу, классическим образцом которого я считал и считаю до сих пор общество советское».

Между тем, социализм – не коммунизм. В понимании классиков марксизма, социализм – переходное общество от капитализма к коммунизму. Независимо от того, как относиться к социализму и коммунизму, нельзя было допускать в публичном печатном издании вопиющей социологической безграмотности на потребу той части западной публики, которая не испытывала симпатий к советской стране и готова была хорошо заплатить за «научное обоснование» этой своей ненависти к советскому строю. В СССР так и не удалось построить коммунизм. Теперь нет советской страны. Но остались совесть и научная объективность. Именно поэтому в настоящей книге социализм и коммунизм не отождествляются, а рассматриваются по отдельности, как того требует добросовестное научное исследование.

Социализм в междисциплинарной общеэкономической теории. Советская политическая экономия неоднократно пыталась сформулировать основной экономический закон социализма (как известно, он не был сформулирован в трудах Маркса и Энгельса). И.В. Сталин сформулировал этот закон как «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» [91]. Но такая формулировка характеризует скорее цель социалистического способа производства, чем его закон. И эта цель, как мы теперь видим, та же, что и у современного развитого капитализма. Он тоже стремится удовлетворять потребности общества, и у него это неплохо получается. Наличие в формулировке И.В. Сталина слова «социалистического» ничего не разъясняет, ибо является обычной тавтологией. Кроме того, сталинская формулировка не показывает особенностей социализма как переходного общества от капитализма к коммунизму. Она не показывает ни преемственности, ни отличий социализма в сравнении с современным развитым капитализмом.

Последующие формулировки основного экономического закона социализма принципиально не отличаются от сталинской: «обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества путем непрерывного роста и

совершенствования общественного производства» [92] или «производство в интересах повышения благосостояния и свободного всестороннего развития ассоциации трудящихся и каждого ее члена» [3]. Во второй из этих формулировок появляется понятие об «ассоциации трудящихся», но сущность его не раскрывается. Примечательно, что обе эти формулировки уже не содержат упоминания о «постоянно растущих потребностях». При этом, если первая формулировка еще сохраняет положение о необходимости совершенствования производства, то во второй формулировке это, по-видимому, подразумевается как нечто само собой разумеющееся.

Другие попытки не прояснили проблемы, а в монографии [93], специально посвященной основному экономическому закону социализма, вообще нет формулировки этого закона. По меткому замечанию С.С.Шаталина, «основной экономический закон социализма определяет движение социалистического общественного производства в целом, характеризуя непосредственную и конечную объективную цель развития всей социалистической экономики. Но он не отражает непосредственный движущий экономический стимул развития каждой производственной ячейки социалистического общества» [94, с. 34].

В книге Л.И. Абалкина рассматривался известный принцип распределения при социализме «каждому – по его труду» [4, с. 111-120]. Но автор не принимал во внимание то важное обстоятельство, что объективно не существует единого стандартного измерителя количества и качества различных видов труда. Не случайно в мировой экономической практике в качестве такого измерителя стихийно утвердился далеко не лучший показатель – рыночная цена. Ю.Е. Еремин формулировал основное противоречие социализма и коммунизма как противоречие между потребностями и производством. Он, конечно, прав в том, что «противоречие между производством и потребностями является наиболее глубоким и постоянно действующим противоречием на всех этапах человеческой истории» [95, с. 24]. Но он так и не сформулировал своего понимания основного экономического закона социализма, без чего бесполезно исследовать вопрос о противоречии.

Уравнение одушевленной производственной функции социализма естественным образом вытекает как частный случай из приведенного в разделе 1.6 выражения для Y. Для социализма как переходного общества от капитализма к коммунизму характерна

мотивация труда преимущественно через материальный и творческий интерес работников, т.е. справедливо выражение

$$(\beta_3 + \beta_4) » (\beta_1 + \beta_2 + \beta_3)$$

Отсюда следует выражение для совокупного выпуска продукции при социализме

$$Y \approx (\beta_3 \Phi_{I2} + \beta_4 \Phi_{I3})\, \Phi_{II} \Phi p[A] V \tilde{N}^{\alpha} \tilde{U}^{\beta}$$

Прибавочная стоимость как политэкономическая категория теперь отсутствует (оставляем в стороне вопрос о прибыли на социалистических предприятиях, не создающей прибавочной стоимости в понимании Маркса). Следовательно, выражение совокупной заработной платы при социализме получает вид

$$S = \frac{p(1-\eta)Y}{n^R}$$

Эти выражения включают основные переменные, характеризующие производительные силы и производственные отношения социализма как переходной формации от капитализма к коммунизму. Сразу же отметим, что этот теоретический (имея в виду междисциплинарную общеэкономическую теорию – теорию ОПФ) социализм, как будет видно из дальнейшего изложения, резко отличается от того практического социализма, который, в силу ряда объективных и субъективных причин, оказался реализованным в советском обществе.

Согласно приведенным математическим выражениям, социализму как переходному обществу еще присущ такой атрибут капитализма, как товарно-денежные отношения. Цена (p) формируется под влиянием спроса и предложения на рынках природных (A), трудовых (N) и капитальных (U) ресурсов. Но потребление осуществляется уже преимущественно в форме заработной платы (S), поскольку в результате максимального рассредоточения собственности (m’≈ 0) прибавочный продукт уже не концентрируется в руках немногочисленной группы крупных частных собственников. Роль любых форм принуждения к труду уже не является сколько-нибудь значительной, хотя они могут в той или иной степени сохраняться продолжительное время.

Приведенным математическим выражениям соответствует следующая словесная формулировка основного экономического закона социализма как переходного общества: производство, осуществляемое при мотивации труда преимущественно через материальный и творческий интерес, при максимальном рассредоточении собственности между всеми членами общества, при временном сохранении товарно-денежных отношений, при социально направленном государственном регулировании этих отношений и их отмирании по мере усиления творческой мотивации труда и превращения прогресса науки, техники и культуры в фактор, определяющий общественно-экономическую деятельность людей.

Коммунизм в междисциплинарной общеэкономической теории. Начнем этот раздел с высказывания замечательного русского философа Николая Александровича Бердяева: «Экономический человек преходящий. И вполне возможна новая мотивация труда, более соответствующая достоинству человека» [96, с. 151]. Просто поразительно! Как будто этот человек полвека назад заглянул прямо в междисциплинарную общеэкономическую теорию, которая поднимает творческую мотивацию труда на высоту, более всего «соответствующую достоинству человека». Именно творческая мотивация труда, творческое вдохновение – тот вид мотивации труда, который определит истинно гуманистический характер будущего человеческого общества.

Несовершенство и жестокость общества, основанного на принудительном труде, будь то грубое внеэкономическое или замаскированное экономическое принуждение, породили благородную коммунистическую идею. Ее притягательная сила столь велика, что даже теперь, когда наиболее грандиозная из всех попыток построить коммунистическое общество не удалась, очень многие продолжают сохранять приверженность этой идеологии. Вера в коммунизм у них сильна не меньше, чем религиозность искренне верующих. В некотором отношении вера в коммунизм даже сильнее. Ведь коммунисты призывают, говоря словами Энгельса, «устроить мир истинно по-человечески» и искать истину «не в призрачных потусторонних областях», а «гораздо ближе, в собственной груди человека» [1, т. 1, с. 593].

Что же такое коммунизм: утопия или наука, фанатичная вера или еще не реализованная историческая возможность? Ответ на этот вопрос очень не прост, и отвечать на него можно по-разному. Междисциплинарная общеэкономическая теория не отвергает

теоретической возможности коммунизма. Допустим, что объективный исторический процесс рассредоточения собственности приведет, в конце концов, к прекращению разделения общества на собственников и работников. Работники станут собственниками, а собственники – работниками. Тогда категория прибавочной стоимости потеряет свое значение, поскольку прибавочный продукт станет достоянием всех членов общества. Сделаем следующий шаг. Допустим, что в результате научно-технического прогресса производство достигло того уровня, который обеспечивает равенство между среднедушевым спросом на результаты общественного труда и фактически удовлетворяемой потребностью на душу населения. При выполнении этого условия общество уже не будет нуждаться ни в товарном производстве, ни в купле-продаже как механизме продуктообмена, ни в деньгах как всеобщем стоимостном эквиваленте. Заработная плата заменится потреблением в натуральном выражении:

$$Y = C + I$$

Понятие нормы накопления сохранит прежнее значение:

$$\eta = I/Y$$

Такие понятия, как «рабочая сила», «спрос на рабочую силу» и «предложение рабочей силы» станут анахронизмами. Вместо них можно будет просто говорить о числе работников (n^R). Категория капитала исчезнет, так же, как и понятие «предложение мощности». Орудия труда и средства производства естественным образом вольются в фактор научно-технического прогресса ($Ф_{II}$). Материальный интерес и все виды принуждения потеряют значение как факторы мотивации труда. На первый план выйдет свободный творческий труд (фактор $Ф_{I4}$), который станет характерным для подавляющего большинства работающего населения ($\beta_4 \approx 1$). Применительно к такому обществу уравнение ОПФ будет иметь вид:

$$Y = Ф_{I4}Ф_{II}[A]Vn^R$$

Потребление на душу населения будет описываться выражением:

$$C^P = \Phi_{I4}\Phi_{II}[A]V(1-\eta)n^R/P$$

Полученное выражение означает, что в такой общественно-экономической системе фактическое потребление на душу населения, совпадающее с потребностью, обеспечивается творческой мотивацией труда (Φ_{I4}), научно-техническим прогрессом (Φ_{II}), природными ресурсами (A), экономическим пространством (V), необходимой нормой накопления (η) и необходимым числом работников (n^R), при общей численности населения, равной P. Эти характеристики коммунизма адекватны тем, которые были намечены в общем виде Марксом и Энгельсом.

В теории ОПФ все основные параметры коммунизма, как и предшествующих (реально существовавших) формаций, вытекают как частное из более общих выражений, описывающих общий экономический закон. Поэтому, с точки зрения теории ОПФ, априори возможность существования коммунизма сомнений не вызывает. На основании приведенной математической интерпретации можно следующим образом сформулировать основной экономический закон коммунизма: производство, осуществляемое при свободной, творческой мотивации труда, при равной доступности его результатов для всех членов общества, при равенстве между спросом на продукты труда и их фактическим потреблением, при определяющем влиянии достижений науки, техники и культуры на всю общественно-экономическую деятельность.

Маркс и Энгельс о коммунизме. Можно по-разному относиться к коммунистической идее: с оптимизмом или скепсисом, серьезно или с иронией, с симпатией или ненавистью. Но уж если говорить о серьезной, то есть научной, критике коммунизма, то она должна быть как минимум добросовестной. Это предполагает вдумчивое и непредвзятое прочтение трудов Маркса и Энгельса. Между тем, излюбленный прием недобросовестных критиков заключается в том, чтобы сначала приписать оппоненту то, чего он не говорил, а затем начать яростное отмежевание. Более того, сопоставляя подлинные тексты основоположников марксизма с аргументацией оппонентов, трудно отделаться от впечатления, что многие остепененные и титулованные критики Маркса и Энгельса просто-напросто их не читали. Особенно модной стала такая «критика» после ухода страны от советской идеологии. Рассмотрим некоторые примеры на эту тему,

даже не ради поиска истины, а исключительно ради элементарной научной добросовестности.

Маркса и Энгельса часто обвиняют в революционном экстремизме. Но при всей революционности они оставались здравомыслящими и глубокими исследователями. Они отнюдь не призывали к революционному перевороту во всякое время и в любых условиях. Например, Энгельс, характеризуя эпоху прогресса капиталистического производства, писал: «При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи» [1, т. 7, с. 467]. Не был Энгельс и сторонником кровопролития, о чем свидетельствует его высказывание на собрании рабочих в Эльберфельде в 1845 году: «…Если социальная революция и осуществление коммунизма на практике являются необходимым следствием существующих у нас отношений, то нам прежде всего придется заняться теми мероприятиями, при помощи которых можно предотвратить насилие и кровопролитие при осуществлении переворота в социальных отношениях. А для этого имеется лишь одно средство, именно – мирное осуществление или, по крайней мере, мирная подготовка коммунизма» [1, т.2, с. 554].

Маркса и Энгельса обвиняют в стремлении к обществу, в котором будут царить лень и бездеятельность. Между тем, Энгельс в «Анти-Дюринге» характеризовал будущее общество как такое, где «никто не мог бы сваливать на других свою долю участия в производительном труде» [1, т. 20, с. 305]. Марксу и Энгельсу приписывают примитивные представления о коммунизме. Между тем, они трезвее, чем кто-либо, сознавали длительность и сложность перехода к коммунизму. Более того, они, в отличие от своих более радикальных последователей, отнюдь не были уверены в том, что коммунизм сможет победить в «одной, отдельно взятой стране». Они писали в «Немецкой идеологии»: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразовываться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние…Коммунизм…вообще возможен лишь как всемирно-историческое существование» [1, т. 3, с. 34].

Особенно много непонимания и иронии достается коммунистическому принципу распределения по потребностям.

Между тем, характеризуя высшую фазу коммунистического общества, Энгельс писал, что «каждому будет обеспечено удовлетворение его разумных потребностей в постоянно возрастающих размерах» [1, т. 19, с. 113]. Слово «разумных», казалось бы, устраняет повод для спекуляций. Маркс и Энгельс неоднократно разъясняли свою позицию, и можно лишь сожалеть о том, что их совершенно ясное толкование проблемы потребностей либо не читали, либо замалчивали, либо намеренно искажали. В работе «Заработная плата, цена и прибыль» Маркс разделил стоимость рабочей силы на два элемента: «физический» и «исторический» (социальный). Низшая граница стоимости рабочей силы определяется физическим элементом. Это означает, что работники, для того, чтобы себя сохранить и воспроизводить, должны прежде всего получать абсолютно необходимые для их жизни и размножения «жизненные средства». Кроме этого, чисто физического элемента, стоимость труда в каждой стране определяется «традиционным уровнем жизни». Этот уровень предполагает уже не только удовлетворение потребностей фактического существования, но и удовлетворение «определенных потребностей, порожденных теми общественными условиями, в которых люди находятся и воспитываются». Этот исторический, или социальный, элемент может расширяться или сокращаться, или даже исчезать, так что «не останется ничего сверх фактического предела» [1, т. 16, с. 150-151].

Добросовестное прочтение трудов Маркса и Энгельса показывает, что они никогда не утверждали, будто при коммунизме будут удовлетворяться любые, даже самые фантастические потребности людей. Между тем, именно это утверждение им сначала приписывают, а затем опровергают. При этом используют «научные» аргументы того типа, что никакое, даже самое развитое производство не сможет угнаться с растущими потребностями. Следуя этой логике, выходит, что потребности рождаются только человеческой фантазией, опережающей реальную жизнь. Так ли это? Может ли человек реально желать того, что ему вообще неизвестно из практики материального производства? Разумеется, нет. Подобно тому, как ребенок, не узнав алфавита, не научится читать. Подобно тому, как спящему не приснится то, о чем он никогда не думал. Если бы люди не научились реально изготавливать телевизоры и компьютеры, едва ли возник бы рыночный спрос на эти предметы. Возвышение потребностей возможно только вместе с общим экономическим развитием. Надо быть крайне наивным или злонамеренным, чтобы

думать, будто этот аспект остался без внимания исследователей такого масштаба, какими были Маркс и Энгельс. В частности, Маркс писал, что для развивающегося капитализма характерно «открытие, создание и удовлетворение новых потребностей, порождаемых самим обществом» [1, т. 46, ч. 1, с. 386]. Энгельс также отмечал, что «избыток производства, превышающий ближайшие потребности общества…будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения» [1, т. 4, с. 334]. Для тех, кто подвержен аллергии на любые доводы основоположников марксизма, можно процитировать Маршалла: «Каждый новый шаг вперед следует считать результатом того, что развитие новых видов деятельности порождает новые потребности, а не того, что новые потребности вызывают к жизни новые виды деятельности» [2, т. 1, с. 152]. Тем, кто упрямо твердит о бесконечном росте и вечной неутолимости человеческих потребностей, можно напомнить, что даже Кейнс (которого не причислишь к марксистам) полагал, что «ослабление склонности к потреблению превращается в постоянную привычку» и что это «должно приводить не только к сокращению спроса на потребительские товары, но и к уменьшению спроса на капитал» [38, с. 169].

К сказанному следует добавить, что при современном капитализме рост потребностей искусственно подстегивается навязчивой и, к тому же, далеко не всегда компетентной и добросовестной рекламой. Это мы теперь видим в России на примерах многочисленных безделушек, столь же «красивых», сколь и ненужных для нормальной жизни множества людей. И не только ненужных, но подчас просто опасных для употребления. Намерение ловко всучить негодный товар – одно из проявлений извращенного, криминального интереса при современном капитализме, доставшегося ему в наследство от времен полного попустительства частнопредпринимательской деятельности.

Экономический парадокс коммунизма. Итак, и с точки зрения экономического учения Маркса, и с позиций междисциплинарной общеэкономической теории, коммунистический способ производства теоретически возможен. Следует подчеркнуть – именно теоретически. Но возникают вопросы: Можно ли на практике перейти к такому обществу? Почему в СССР этот переход так и не осуществился? Почему вместо коммунизма произошел крах советской системы? Экономический парадокс коммунизма состоит в том, что для

перехода к нему от капитализма или от промежуточной социалистической системы общество вынуждено неопределенно долго использовать те же самые экономические инструменты, на исключение которых направлен процесс перехода.

Как можно создать требуемое изобилие материальных и культурных благ в рамках предшествующего общества, не используя присущей именно этому обществу трудовой мотивации? С другой стороны, пока старая мотивация лежит в основе всей экономической деятельности, новое общество состояться не может. Нельзя было построить материально-техническую базу коммунизма без материального интереса ее строителей. Именно материального, поскольку до творческой мотивации труда, присущей коммунизму, советское общество не созрело. В третьей программе КПСС, принятой на XXII съезде в 1961 году, подчеркивалось: «Партия исходит из ленинского положения о том, что строительство коммунизма должно опираться на принцип материальной заинтересованности». Допустим. Но там, где этот принцип действует, он неизбежно опирается на деньги, цены, кредит, прибыль, заработную плату и другие экономические инструменты, доставшиеся в наследство от капитализма. На каком уровне экономического развития и каким способом эти инструменты должны быть отвергнуты? На этот ключевой вопрос не было дано ответа. Проблема коммунизма – не в его изначальной утопичности, а в огромных трудностях перехода к такому обществу на практике. Возможно, проблема решилась бы в случае победы социализма в мировом масштабе. Но этого не произошло. Современный капитализм умело защищается, о чем говорилось выше. Ситуация напоминает известную шахматную позицию: белый король и два коня не могут, при правильной защите одинокого черного короля, поставить ему мат, хотя теоретическая матовая позиция существует.

Надо было быть крайне недалеким и безответственным, чтобы заявить на 22-м съезде компартии, что коммунизм будет построен в СССР к 1980 году. Но Хрущев сделал такое заявление. Более того, с его подачи в третью программу КПСС был включен столь же патетический, сколь и фантастический тезис: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Позднее пришлось изымать из программы партии это откровенно популистское и безответственное заявление.

Углубляясь в историю советской страны в связи с рассматриваемым вопросом, нельзя не вспомнить провозглашенный

И.В.Сталиным в 1924 году тезис о возможности построения социализма «в одной, отдельно взятой стране» и ожесточенную борьбу с оппозицией этому тезису (И.В.Сталин. Вопросы ленинизма. – М.: Госполитиздат, 1952). Теперь, после краха советской системы, получается, что оппозиция все-таки оказалась права. Но это ни в коей мере не может дискредитировать полную драматизма героическую историю советской страны. Эта история продемонстрировала огромные созидательные возможности людей труда и оказала необратимое преобразующее влияние на весь мир. Этот период нашей истории – время великих побед, достигнутых ценой здоровья и жизни миллионов советских людей. Это был советский вариант социализма. И хотя ему суждено было погибнуть, нынешняя Россия, вопреки заявлениям ультралиберальных оппонентов, никогда не освободится от его наследия. Не освободится потому, что при всех недостатках и противоречиях советской системы в ней было много хорошего, заслуживающего применения и в обновленной России. Да и просто потому, что, хотим мы того или нет, но до сих пор пользуемся и еще долго будем пользоваться реальным советским наследством.

Советский вариант социализма. Переход от капитализма к социализму возможен различными путями. Наиболее радикальный из них – экспроприация капиталистов. Он был провозглашен Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» и реализован в России в 1917 году и в последующий период. По первоначальному замыслу большевиков предполагалось немедленно отменить и товарно-денежные отношения. Этот недолгий исторический период известен под названием «военного коммунизма». Однако вскоре стала очевидна практическая невозможность «скачкообразного» перехода от одной системы к другой без гибельных для большевистской власти последствий. Тогда В.И. Ленин провозгласил и начал проводить «новую экономическую политику» (НЭП). Он осознал необходимость поэтапной, эволюционной трансформации капитализма в новый общественный строй.

Менее радикальные социалисты Запада с самого начала избрали реформистский путь. Так, социализм был признан конечной целью рабочего движения конгрессом британских тред-юнионов в 1893 году. Было решено создать специальный фонд для выборов в парламент рабочих и оказания помощи тем кандидатам, которые выступают за социализм. В 1938 году английский политолог Дуглас

Джей сформулировал три стадии эволюционного перехода к социализму. Первая стадия – обложение прогрессивным налогом доходов и наследства богатых, чтобы расходовать эти налоговые поступления на социальные нужды; вторая стадия – расширение планирования посредством налогов, субсидий, контроля над ценами и пр.; третья стадия – частичная национализация промышленности, финансов и торговли. Как известно, этой программе не суждено было осуществиться, хотя она в какой-то мере влияла на политику лейбористов, особенно в неблагополучные кризисные времена.

В советской России после смерти В.И. Ленина обострилась политическая борьба по вопросу о том, может ли быть построен социализм в одной стране в условиях капиталистического окружения. Эта полемика вылилась в непримиримую борьбу между И.В. Сталиным и оппозицией. Итоги этой борьбы известны: дискредитация, изгнание и даже физическое уничтожение оппозиции; отход от НЭПа; форсированная коллективизация на селе; переход к построению централизованной мобилизационной экономики. В своей репрессивной внутренней политике Сталин опирался на ленинский тезис о том, что в переходный период, при социализме, классовая борьба не исчезает, а «только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» [97, т. 38, с. 386].

В советской стране действовали, в той или иной мере, все возможные виды мотивации труда, начиная от жестокого внеэкономического принуждения (труд заключенных) и кончая неподдельным энтузиазмом, настоящим творческим вдохновением. Зарубежные наблюдатели с интересом, а подчас с недоумением воспринимали эту пеструю картину. Даже умудренные жизненным опытом люди не всегда могли объективно оценить весь комплекс явлений, а обращали внимание на отдельные черты нарождающегося общества. Примером прямо противоположной оценки событий того времени в СССР являются высказывания Лиона Фейхтвангера и Андре Жида [98]. С позиций междисциплинарной общеэкономической теории, в СССР по ряду исторических причин оказался реализованным государственно-монополистический вариант социализма с действием всех мотивационных факторов. Ликвидированную частнокапиталистическую собственность заменила государственно-монополистическая собственность. Форсированное создание крупной промышленности и механизированного сельского хозяйства обеспечили выживание страны в условиях капиталистического окружения, победу советского народа в Великой

Отечественной войне, быстрое восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Советский Союз первым вышел в космическое пространство, достиг военно-стратегического паритета с США и вышел на второе место в мире по экономическому могуществу.

Любителям охаивать все советское прошлое следует знать, что в истории СССР были периоды весьма быстрого экономического роста. Например, в послевоенный восстановительный период ежегодный прирост сельхозпродукции составлял 5,8 млрд. рублей, тогда как в период НЭПа он составлял 5 млрд. рублей. За семь лет после 1953 года производство продукции увеличилось на 39,1 млрд. рублей (за семь лет НЭПа прирост составил 34,5 млрд. рублей). Таким образом, нет оснований восхвалять НЭП и мазать черной краской последующий период. Наши демократы ультралиберальной ориентации часто ссылаются на академика А.Д.Сахарова. Можно напомнить им следующее высказывание этого выдающегося ученого и правозащитника: «Доказана жизнеспособность социалистического пути, который принес народу огромные материальные, культурные и социальные достижения, как никакой другой строй возвеличил нравственное значение труда» [99].

В то же время, явные перегибы и злоупотребления были допущены в аграрной политике. Экстремистские меры в отношении зажиточной части крестьянства не вызывались объективной необходимостью. В свое время Энгельс прогнозировал: «Обладая государственной властью, мы и не подумаем о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели» [1, т. 22, с. 518]. Однако сталинское руководство проводило иную политику, поскольку, по его мнению, в условиях окружения СССР враждебными капиталистическими странами требовались быстрые и решительные меры. Нередко между мелкими и средними крестьянами, с одной стороны, и «кулаками» - с другой, не делали никаких различий, а «пример» и «общественную помощь» заменяли директивы и их ускоренная насильственная реализация.

Большую роль в строительстве советской экономики играло централизованное планирование. Ещё задолго до Октябрьской революции, в августе 1903 года, на съезде в Лондоне была принята

первая программа Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Именно тогда была сформулирована цель ввести "планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества". Подумать только, Владимир Ильич Ленин поставил эту историческую задачу за 14 лет до ноября 1917 года, когда ему самому было всего 33 года! После победы революции, в 1921 году, VIII съезд Советов одобрил и советское правительство утвердило государственный план электрификации России (ГОЭЛРО). В феврале 1921 года Совнарком принял Положение о Госплане. Первым его председателем по предложению Ленина стал его друг и соратник Глеб Максимилианович Кржижановский, который руководил Госпланом почти десять лет.

Впервые в мировой практике был образован общегосударственный орган, осуществлявший перспективное и текущее планирование экономики, обеспечивавший соблюдение общегосударственных и отраслевых пропорций, планомерно увязывающий развитие всех отраслей пятнадцати союзных республик и всех экономических районов страны. Его роль поистине неоценима. Аппарат Госплана СССР (в нем работало свыше 3 тысяч специалистов) состоял из отделов по отраслям промышленности, по сельскому хозяйству, транспорту, товарообороту, внешней торговле, культуре и образованию, здравоохранению, жилищному и коммунальному хозяйству, бытовому обслуживанию населения и др. Важную роль выполняли сводные отделы: народнохозяйственного плана, территориального планирования и размещения производительных сил, капитальных вложений, материальных балансов и планов распределения, труда, финансов и себестоимости и др. Возглавлялся Госплан, как правило, председателем в ранге заместителя председателя правительства. В составе Госплана было пять крупных научных организаций: Научно-исследова-тельский экономический институт (НИЭИ), Совет по изучению производительных сил (СОПС), Институт комплексных транспортных проблем (ИКТП), Всесоюзный научно-исследовательский институт комплексных топливно-энергетических проблем, Научно-исследова-тельский институт планирования и нормативов (НИИПиН). Они проводили большую работу по методологическому обеспечению системы планирования, его совершенствованию.

Госплан являлся межведомственным органом и тесно взаимодействовал с Министерством финансов, Центральным статистическим управлением, Государственным комитетом по труду и заработной плате, Государственным комитетом по науке и технике. По статусу Госплан стоял над ними. Особенно тесное взаимодействие существовало между Госпланом и Минфином. И это понятно, поскольку проектировки годовых и пятилетних планов предусматривали рост производства продукции промышленности и сельского хозяйства, строительство новых предприятий, другие виды деятельности – все это сопровождалось увеличением объемов общественного продукта и национального дохода, а следовательно, ростом доходной части государственного бюджета. Но существовала и обратная связь: аккумулируемые в доходной части бюджета средства закладывались в проектировки плана на развитие новых производств. Госплан СССР в пределах своей компетенции издавал постановления, обязательные для исполнения всеми министерствами, ведомствами и другими организациями. Ему было предоставлено право – и Госплан им пользовался – привлекать для разработки проектов планов и отдельных народнохозяйственных проблем Академию наук СССР, академии наук союзных республик, отраслевые академии наук, научно-исследовательские и проектные институты, конструкторские и другие организации и учреждения, а также отдельных ученых, специалистов и передовиков производства. Работа Госплана по составлению планов и контроль за их выполнением сочетались с тщательной проработкой многочисленных прогнозов. Как и планы, прогнозы носили кратко-, средне- и долгосрочный характер.

По мере роста масштабов производства и усложнения связей в народном хозяйстве разработка планов сложившимися методами становилась все более трудной, часто даже непосильной. Поэтому по инициативе А.Н. Косыгина, реализованной Н.К.Байбаковым, в начале семидесятых годов Госплан приступил к формированию автоматизированной системы плановых расчетов (АСПР). Она была спроектирована и создана силами Главного вычислительного центра, отделов Госплана и его институтов с участием большого числа организаций, министерств, ведомств и союзных республик. К 1985 году были задействованы две очереди АСПР, что позволило поднять качество технологии планирования на совершенно новый уровень. Впервые в практике Госплана плановые проектировки стали

многовариантными. При проведении вариантных расчетов была реализована отечественная экономико-математическая модель межотраслевого баланса. За ее разработку группа ученых НИЭИ Госплана во главе с его первым директором академиком А.Н. Ефимовым (1908–1987) была удостоена Государственной премии СССР.

В то же время, в советской плановой системе с течением времени стали появляться серьезные недостатки. В условиях централизованного планирования и жесткой регламентации всех сторон общественно-экономической жизни требовалось, с одной стороны, обеспечить весьма высокий научный уровень планирования, а с другой – сохранить достаточно места для личной инициативы в рамках общего плана. Это оказалось сложной задачей. На практике планирование все чаще становилось некомпетентным и недальновидным, а временами превращалось в то, что называли «волюнтаризмом». Регламентация была чрезмерно детализованной. Подтверждалось опасение английского экономиста Артура Пигу. Он еще в 1920 году в своей книге «Экономическая теория благосостояния», которая теперь имеется и в русском переводе, предостерегал: «Есть основания полагать, как бы общая инициатива и самодеятельная активность работников не оказалась подорванной их абсолютным подчинением мелочному контролю функциональных мастеров, подобно тому, как общая инициатива солдат перемалывается жерновами сверхжесткой и бездушной военной машины» [33, т. 1, с. 281].

Личную инициативу пытались стимулировать с помощью некоего подобия конкуренции, в виде социалистического соревнования. Но оно было слишком зарегламентированным и заформализованным. Поэтому оно не могло играть серьезной стимулирующей роли. Осознание недейственности такого стимулирования даже породило в эпоху перестройки (о которой мы еще будем говорить) тезис о необходимости «социалистической конкуренции» [100]. Трудно представить себе торпеду большей разрушительной силы, чем эта, запущенная в «марксистское обществознание»!

Петер Друкер в книге «Новое общество: анатомия индустриального порядка», которая вышла в Нью-Йорке еще полвека назад, довольно точно охарактеризовал социалистическое соревнование в СССР. Он писал: «Много труда и изобретательности было вложено в попытку предложить в качестве заменителя

рыночной деятельности такой критерий, как социалистическое соревнование, которое играет такую большую роль в советской экономике. Социалистическое соревнование действительно измеряет сравнительную производственную эффективность. Оно даже может измерить техническую компетентность. Но оно не может измерить управленческую компетентность и деятельность» [101, с. 278]. Что добавить к этому? Разве только то, что я, неоднократный победитель социалистического соревнования в одном из крупных советских НИИ, могу засвидетельствовать: это «соревнование» подчас не измеряло ни сравнительной производственной эффективности, ни технической компетентности!

Альфред Маршалл не питал симпатии к капиталистической конкуренции. Он отмечал, что она «отдает слишком большим привкусом зла», подразумевает «известную долю эгоизма и безразличия к благополучию других людей». Но он призывал трезво подходить к делу и не «игнорировать несовершенства, все еще свойственные человеческой натуре». И сделал важный вывод: «История вообще, история социалистических экспериментов в особенности, свидетельствует, что обыкновенные люди редко способны проявлять чисто идеальный альтруизм в течение сколько-нибудь длительного времени» [2, т. 1, с. 61-64]. То, что было подмечено этим великим экономистом еще в конце девятнадцатого века, в полной мере подтвердилось через сто лет.

Иногда задаются вопросом: был ли при советском социализме свободный творческий труд? Были ли неподдельное, искреннее воодушевление, вдохновение, энтузиазм? Ответ однозначен – все это было. Но ясно и другое: действие этого, самого мощного, фактора мотивации труда было ограниченным по времени и сфере действия. Оно было ограниченным по времени, так как работало лишь в экстремальные периоды советской истории. Оно было ограниченным по сфере приложения, поскольку охватывало, как правило, лишь некоторые, стратегически наиболее важные отрасли народного хозяйства, а также некоторые области науки, культуры, искусства. Советский альтруизм, несомненно, действовал, но далеко не всегда, не везде и часто был замешан на материальном интересе, а иногда и на изощренном принуждении. В последнем, наиболее удачном учебнике политической экономии советского периода, признавалось, что социализм не может успешно развиваться без «экономического

давления на всех работников и на все уровни хозяйствования» [3, с. 372].

Анализ с позиций теории ОПФ показывает, что для советского варианта социализма были характерны существенно иные закономерности, чем те, которые приведены выше для социализма как переходного этапа от капитализма к коммунизму. Принудительные мотивы трудовой деятельности преобладали над заинтересовывающими. Выражение для совокупной заработной платы (S) скорее ближе к капиталистическому, с тем отличием, что норма прибавочной стоимости (m') теперь относилась к государству, а не к частным собственникам. Цена (p) при советском социализме устанавливалась государством (если не считать розничной рыночной торговли потребительскими товарами). Государство монопольно определяет занятость (n^R) и норму инвестиций (η). В условиях военной конфронтации с Западом экономика милитаризована, и поэтому норма инвестиций крайне велика. Непомерно большие государственные расходы и, вследствие этого, аномально высокие значения m' и η приводят к заниженной величине S. Это означает, что государство систематически недоплачивало гражданам за их труд.

Этот анализ позволяет сформулировать основной экономический закон советского варианта социализма: производство, осуществляемое при мотивации труда преимущественно через экономическое принуждение работников государством, которое планирует производство, присваивает продукт общественного труда и осуществляет распределение и обмен в форме товарно-денежных отношений. Отсутствие в этой формулировке упоминания о научно-техническом прогрессе не означает, что его не было. Но он, к сожалению, не оказывал определяющего влияния на жизнь советского общества, за исключением оборонных отраслей, от которых зависело само существование страны в условиях капиталистического окружения. Последние два десятилетия перед перестройкой, которые принято называть «периодом застоя», отмечены невнимательным, а подчас и пренебрежительным отношением руководства страны к проблемам научно-технического прогресса. Это, в конце концов, привело к нарастающему отставанию и в стратегически важных отраслях народного хозяйства.

Перестройка. Период застоя привел, в конце концов, к обострению основного противоречия советского социализма. Оно

заключалось в объективной невозможности, в условиях противоборства с экономически более эффективной системой современного капитализма, удовлетворять возрастающие потребности людей при сохранении преимущественно принудительной мотивации их труда, при дефиците материального и творческого интереса к труду, при несовершенном планировании развития народного хозяйства, при явно недостаточном использовании достижений науки и техники. Владимир Ильич Ленин в своей работе «Великий почин» сказал о том, что «производительность труда – это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» [97, т. 39, с. 21]. В итоге застоя именно производительность труда и стала самым слабым местом советского социализма.

Многие советские люди испытывали чувство разочарования и недоверия в отношении тоталитарно-бюрократической системы. Слишком большим стал разрыв между лозунгами и реальной жизнью. Выше уже упоминалось о «торжественном партийном обещании» построить коммунизм в пределах текущего поколения. Но вместо обещанного коммунизма советские люди получили нечто совсем другое. Рабочие были недовольны низкими заработками и тяжелыми условиями труда. У колхозников к этому добавлялась необустроенность сельского быта. Интеллигенция постоянно ощущала тотальный контроль со стороны высокомерных и невежественных чиновников. Руководители предприятий были задерганы бесконечными директивами, циркулярами, запросами и заведомо невыполнимыми планами. Вранье с трибун и приписки в отчетах стали обычным явлением. В стране перманентного дефицита провинциальные граждане привозили из столицы многие необходимые товары. Недовольство существующим положением многие годы загонялось вглубь с помощью репрессий. Но когда они ослабли, недовольство стало прорываться наружу.

Интересно сравнить вышесказанное с точкой зрения Евгения Григорьевича Ясина, доктора экономических наук, профессора, фактического лидера либеральной экономической мысли в России, бывшего министра экономики (1994-1997 гг.) и нынешнего научного руководителя Высшей школы экономики. В своей книге [109] он пишет: «В этом веке (автор имеет в виду XX век – В.Ф.) страна знала высокие взлеты: победу в войне, создание ядерного оружия, достижения в космосе. Она занимала положение второй сверхдержавы с огромной сферой влияния и в течение 40 лет

поддерживала стратегический паритет едва ли не со всем остальным миром. Однако все это доставалось ценой мобилизации и предельного истощения всех национальных ресурсов за счет ограничения интересов и потребностей жителей страны. К концу века Россия оказалась в состоянии глубокого системного кризиса. Страна с низкоэффективной экономикой, страна, выталкиваемая из мирового сообщества, страна, не имеющая устойчивой системы развития. Все это – прямой результат провала коммунистического эксперимента, итог 75-летнего существования мобилизационной экономики и тоталитарного государства. Нужно выводить страну из тупика, возвращать ее на путь развития мировой цивилизации». Сказано с присущей Евгению Ясину прямотой и откровенностью, что не может не вызывать уважения. А по существу можно согласиться с частью процитированного тезиса Ясина, но едва ли приемлемы сетования насчет «коммунистического эксперимента» и призывы к возвращению «на путь развития мировой цивилизации». То, что Ясин называет «коммунистическим экспериментом» - это Октябрьская революция 1917 года и последующий период нашей советской истории, на протяжении которого советская страна в условиях враждебного капиталистического окружения продемонстрировала, по справедливым словам самого Ясина, «высокие взлеты». А что касается «мировой цивилизации», то она, как известно, разная в разных странах.

Начало перестройки в 1985 году связано с именем Михаила Сергеевича Горбачева. Но это, конечно, не было его прихотью. Импульсом к начавшимся серьезным переменам в советском обществе стало осознание того, что продолжение «холодной войны» с постоянным риском ее перерастания в «горячую» не может продолжаться. Война между СССР и США, двумя противоборствующими сверхдержавами, могла начаться в любой момент и по любому поводу. Она неминуемо привела бы к гибели в пламени ядерного конфликта обеих держав, с их противостоящими общественными системами. Победы не могло быть ни у кого. Это хорошо понимали наиболее дальновидные умы в СССР. К их числу относится, прежде всего, академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Выдающийся физик, создатель первой советской водородной бомбы, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Сталинской премий. В то же время он, в отличие от своих коллег, пришёл к убеждению в необходимости изменения внутренней и внешней политики советского руководства во избежание эскалации

международной напряжённости и начала ядерной войны, которая стала бы гибельной для человечества. Его обращения к советскому руководству не были услышаны. Тогда А.Д.Сахаров вступил на путь открытой борьбы, стал активным деятелем правозащитного движения. За эту деятельность он был отстранён от работы, лишен всех наград и премий и сослан в Горький. С началом перестройки по указанию М.С.Горбачёва получил разрешение вернуться в Москву. Был избран депутатом Верховного Совета СССР, активно выступал за демократические преобразования в нашей стране. В 1968 году академик Сахаров написал свою знаменитую брошюру «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», которая была опубликована за рубежом. В этой работе он выдвинул идею о социалистической конвергенции – глобальном историческом процессе взаимного сближения социализма и капитализма, заимствования всего лучшего, накопленного историческим опытом. В этой части междисциплинарная общеэкономическая теория может рассматриваться как продолжение и развитие этих идей академика Сахарова [102]. Возвращение Сахарова из ссылки и его активная общественная деятельность немало способствовали перестройке в СССР. Прежнее «мирное сосуществование», с риском начала войны в любой момент, начало переходить в стадию сближения и большей открытости. Это, в свою очередь, подтолкнуло советское общество к осознанию собственных проблем и их сравнению с проблемами и образом жизни Запада.

Некоторые склонны усматривать в этом процессе поражение СССР в «холодной войне» или акт некоего «предательства». Дело, однако, не в терминологии. Нельзя недооценивать тот факт, что советский социализм самим своим существованием на протяжении десятилетий и своими очевидными достижениями в различных областях оказал огромное и необратимое преобразующее влияние на мир капитализма. Начало этому влиянию положила еще Великая депрессия в США 30-х годов, когда «новый курс» президента Рузвельта немало позаимствовал у советской практики государственного планирования и регулирования экономики. Характеризуя мировую динамику общественно-экономического развития, академик Сахаров писал, что без социализма буржуазный практицизм и эгоистический принцип частной собственности рождал «людей бездны». По его мнению, только «конкуренция с социализмом, давление рабочего класса сделали возможным

социальный прогресс XX века» и «дальнейший, теперь уже неизбежный, процесс сближения двух систем» [99, с. 42]. Теперь пришло время советскому обществу сделать шаг навстречу Западу во избежание самого худшего – гибели цивилизации в пламени ядерной войны. И если бы в 1985 году к власти не пришел М.С. Горбачев, то рано или поздно другой советский лидер вынужден был бы сделать свой вклад в этот «неизбежный процесс сближения двух систем». Этот процесс в условиях советского общества, до того закрытого для мира современного капитализма, объективно не мог не привести к глубоким внутренним переменам.

Если необходимость перемен осознавалась обществом, то в отношении способов их практического осуществления такой ясности не было. Книга М.С.Горбачева о перестройке [103] столь же сильна в критике недостатков существовавшей системы, сколь слаба и дискуссионна во всем, что касается программы реформ. Собственно, программы и не было. Это было, конечно, плохо. Отсюда многие последующие ошибки и просчеты в политике. Можно ли на этом основании предъявить серьезные претензии инициаторам перестройки? Это – сложный вопрос. Беда состояла в том, что как раз науки и не было. Не существовало никаких научных основ, на которые могла бы опереться комплексная и оптимальная программа перестройки с наименьшими издержками для общества. Конечно, можно было повременить, подождать еще лет десять-двадцать. Возможно, за это время общество с помощью науки лучше подготовилось бы к этой неприятной, но неизбежной процедуре. Но могло случиться иное – политическое, экономическое и военное противостояние двух систем настолько обострило бы ситуацию в СССР и во всем мире, что последствия могли бы намного превзойти то негативное, что принесла перестройка, начатая в 1985 году. Несомненно, начало перестройки – акт большого мужества со стороны М.С.Горбачева. Объективная оценка этого решения возможна лишь в долгосрочной перспективе, ибо краткосрочные и даже среднесрочные последствия не дают для этого достаточных оснований.

Можно упрекнуть инициаторов и руководителей перестройки в торопливости. По-видимому, сознавая масштабы предстоящих преобразований, особенности страны и отсутствие четкой программы, следовало действовать более осмотрительно, не разрушая то, что могло работать до создания адекватной замены. Едва ли следовало злоупотреблять тезисом о «нехватке времени». Этот тезис

сослужил такую же плохую службу, как в свое время сталинский тезис о необходимости форсированной коллективизации на селе или позднее хрущевский тезис о необходимости массированных посадок кукурузы. Многие ученые и аналитики на Западе и не предполагали, что советские лидеры в пылу реформаторства разрушат даже то, что следовало бы сохранить и усовершенствовать. Так, В.В.Леонтьев прогнозировал: «Советы собираются перенять только западную экономическую науку, а не западные экономические институты. Есть все основания полагать, что это вполне осуществимо» [8, с. 221]. Он, конечно, не предполагал, что реформаторы пойдут на уничтожение государственного социально-экономического планирования. Напротив, Леонтьев не сомневался, что «в будущем введение научных методов планирования повысит общую производительность советской экономики». Он был убежден в том, что «преимущества, которые русские извлекут из усовершенствования процесса принятия решений, на практике будут особенно значительными» (там же, с. 228). Леонтьеву явно не хватило воображения, чтобы представить себе поистине революционно-разрушительный размах российских реформаторов. С 1992 года централизованное планирование фактически перестало существовать. Экономика и система управления оказались в вакууме – и без плана, и без рынка.

Перестройка начиналась под лозунгом ускорения. В учебнике писали: «Особая задача плана в условиях перестройки – обеспечить коренное ускорение научно-технического прогресса…Сейчас речь идет о широком фронте внедрения научно-технических достижений в производство» [3, с. 553]. Но в жизни все оказалось по-другому. Ведь в СССР, в отличие от стран Запада, все сколько-нибудь значительные технические новшества внедрялись под давлением сверху. Для этого использовали награды за успехи и наказания за неудачи, при неослабном жестком контроле. Именно так создавались новые крупные, наукоемкие производства, особенно в оборонных и смежных отраслях. Конкурентного механизма самовозрастания научно-технического потенциала не было. В этой ситуации было невозможно совместить научно-технический прогресс с перестроечным курсом на «демонтаж командно-административной системы». Это вскоре было понято, об «ускорении» замолчали и заявили, что научно-технический прогресс возможен только при условии перехода к рыночной экономике. С этого момента начался развал научно-технического потенциала страны, а перестройка

перешла в стадию всеобщей политической и экономической реформы.

В терминологии теории ОПФ за короткий срок почти одновременно резко снизились значения ряда производственных факторов, входящих в уравнение выпуска (Y). Ослабла принудительная мотивация труда ($\beta_1\downarrow$, $\beta_2\downarrow$) без синхронного включения заинтересовывающей мотивации. Разрушалось экономическое пространство ($V\downarrow$), что, в свою очередь, приводило к сокращению ресурсов ($A\downarrow$) и нарушению хозяйственных связей между предприятиями ($\Phi_p\downarrow$). Сокращалась квалифицированная рабочая сила в базовых отраслях экономики ($L\downarrow$). По экологическим, демографическим и иным причинам сокращались или простаивали производственные мощности ($K\downarrow$). Научно-технический прогресс оказался заброшенным, планирование свернуто, управляемость сложными производственными комплексами ослабла ($\Phi_{II}\downarrow$). Все эти разрушительные процессы привели к резкому снижению совокупного выпуска ($Y\downarrow$).

При таком развитии событий была предпринята попытка стабилизации экономики. Но она напоминала усилия пилота вывести из штопора самолет с нарушенным управлением. К маю 1990 года стало очевидным, что программа стабилизации экономики не работает. Тогда и обратили внимание на идею перехода к рынку. Она быстро обрела официальный статус. На третьей сессии Верховного Совета СССР Н.И.Рыжков выступил с докладом «Об экономическом положении страны и о концепции перехода к регулируемой рыночной экономике». Начался рыночный ажиотаж. Пальму первенства захватили ученые. В их рядах возникла цепная реакция «перевертышей». Академики и членкоры, доктора и профессора, десятилетиями доказывавшие преимущества плановой системы хозяйства и получавшие за это не только высокие ученые степени и звания, но и лауреатские значки, в один момент превратились в рьяных рыночников. Их примеру последовали подведомственные научные учреждения, их ученики и все те, кто увидел в этом верный путь ловли званий и чинов.

Были, правда, и противники столь поспешного перехода к рынку. Но их уже не принимали всерьез. Им редко удавалось пробиться в печать или эфир. Между тем, даже явные приверженцы рыночной экономики на Западе весьма трезво оценивают ее негативные стороны. В популярном учебнике читаем: «В реальной действительности экономические системы располагаются где-то

между крайностями чистого капитализма и командной экономики» [31, т. 1, с. 48]. Здравомыслящие западные экономисты и социологи хорошо понимают плюсы и минусы рыночной экономики. Рыночная экономика задействует личный материальный интерес как мощный стимул экономического роста. Она делает ставку на роль экономической свободы в условиях конкуренции. Но, с другой стороны, читаем мы в том же учебнике, «соблюдение личного экономического интереса не следует смешивать с эгоизмом» (там же, с. 52). Что касается конкуренции, то «хотя с общественной точки зрения конкуренция желательна, она больше всего досаждает индивидуальному производителю своей безжалостной действенностью» (там же, с. 89). Далее нам разъясняют, что «достижение максимальной эффективности производства на основе применения новейшей технологии часто требует существования небольшого числа относительно крупных фирм, а не большого числа относительно мелких». Оказывается, применение крупных технических новшеств в производстве может вести к угасанию конкуренции, т.е. к снижению ее роли в экономике. Более того, нам компетентно поясняют, что для конкурентной экономики могут быть характерны такие негативные явления, как «расточительное и неэффективное производство», чрезмерное неравенство в распределении дохода, нарушения рыночного механизма, неустойчивость и т. д. Наконец, оценивая рыночную экономику в целом, дипломатично пишут, что «это тоже сложный вопрос» и что «научного ответа на такой вопрос не существует» (там же, с. 88).

Там, где реально мыслящие западные экономисты не нашли научного ответа, у наших безоглядных рыночников уже был готов ответ. Их самоуверенность явно заслуживала лучшего применения. Финалом этого рыночного ажиотажа стала «либерализация» цен и последующая ваучерная приватизация предприятий, осуществленная либеральным российским правительством под опекой и под беспрецедентным нажимом Бориса Ельцина. Впрочем, справедливости ради отметим, что освобождение цен в создавшейся к тому времени ситуации стало вынужденной мерой. Иные решения были возможны несколько лет назад. Но правительство Гайдара приняло в наследство уже изувеченное народное хозяйство. Так случилось, что почти одновременно вышли из печати моя книга «К общеэкономической теории через взаимодействие наук» и книга Гайдара «Государство и эволюция». Мы обменялись книгами. В своей книге Егор Тимурович очень точно описывает ту обстановку, в

которой он согласился возглавить правительство: "Магазины были пусты, деньги (советские дензнаки) не работали, приказы не выполнялись, нарастало ощущение "последнего дня". Речь шла об угрозе голода, холода, паралича транспортных систем, развала страны...Вот в эти дни и начались "пожарные реформы" и была призвана команда "камикадзе". Нас позвали в момент выбора" [104, с. 152-153].

Это и в самом деле был исторический выбор, но отнюдь не между социализмом и капитализмом. Это был выбор между действенностью автомата Калашникова и силой денежных стимулов, выбор между гражданской войной и худым миром. И был сделан выбор в пользу пусть худого, но мира. Освобождение цен и либерализация торговли вызвали относительное снижение совокупного спроса и выброс на рынок множества до этого дефицитных товаров, в том числе импортных. Полки магазинов наполнились. Это успокоило население, породило надежды на лучшее будущее. Наиболее опасный сценарий развития ситуации был предотвращён. Население относительно спокойно встретило начало «шоковой терапии», не слишком задумываясь о дальнейших последствиях.

Если можно с пониманием отнестись к вынужденной «либерализации цен», осуществленной Гайдаром в экстремальный период российской истории, то едва ли можно одобрить многие другие меры неугомонных российских либералов. Наибольшее неприятие вызывает драматический распад СССР. К заслугам Горбачева можно отнести начало перестройки, прекращение холодной войны, разрядку в международных отношениях. Но разве заслуживают одобрения многочисленные вояжи А.Н.Яковлева, с ведома и при попустительстве Горбачева, в союзные республики, их откровенно поджигательские речи, разжигающие националистические настроения и фактически провоцировавшие стремление к «самоопределению»? Разве следовало с самых высоких трибун мазать сплошной черной краской весь период советской истории, выпячивая негативные стороны и умалчивая о том хорошем, что было в то время? А как расценивать раздутый Ельциным «парад суверенитетов», который в конечном итоге и привел к развалу СССР?

Е. Т. Гайдар в 2006 году выпустил свою книгу «Гибель империи» [105], а годом позднее вышла моя книга «Вторжение в незыблемое (путь химика в политическую экономию» [107]. Мы опять обменялись книгами. В книге Гайдара красной нитью проводится

мысль о том, что главной причиной распада СССР стало резкое снижение мировых цен на нефть. С этим можно согласиться лишь частично. Конечно, это сыграло какую-то роль, осложнило положение в экономике. Но разве Советский Союз не переживал гораздо более тяжелые времена? Разве он распался в начале Великой Отечественной войны, когда над страной действительно нависла смертельная опасность? Нет, советская страна выстояла и победила. Почему же распался Советский Союз? Роковую роль сыграла совокупность факторов. Но самое главное – некомпетентность, безволие и безответственность высшего союзного руководства в трудный момент истории страны. Борис Ельцин, с его откровенно враждебным отношением к Горбачеву, рад был напакостить ему по максимуму, убрать с политической арены. Будучи приверженцем пресловутого «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», он относился к отделению союзных республик от России примерно так, как говорится в грубоватой, но точной российской поговорке «баба с возу – кобыле легче!» А что же первый президент СССР товарищ Горбачев? Попытался ли он противостоять надвигающемуся распаду советской страны? Нет, не попытался. Будучи смертельно напуганным и деморализованным после августовского путча 1991 года, испытывая чувство благодарности к Ельцину за свое освобождение, наш первый президент не нашел ничего лучшего, как уйти со своего поста «по принципиальным соображениям». Прав Владимир Путин, назвавший распад СССР величайшей глобальной катастрофой XX века. И тысячу раз он прав, когда сказал, что в тот трудный момент "нужно было последовательно, настойчиво и бесстрашно, не пряча голову в песок и не оставляя задницу наружу, бороться за территориальную целостность нашего государства".

1.16. Россия на перепутье

«По правде говоря, историю России последнего десятилетия нельзя представить как прямой путь к прогрессу или регрессу. Она скорее представляет собой череду изгибов и поворотов, ускорений и остановок, процессов интеграции и дезинтеграции, реформ и реакции, возникающих попеременно, а то и одновременно. Мы должны попытаться понять, что произошло и почему, поскольку только так можно что-то предсказывать, не говоря о том, чтобы влиять на будущие события или

управлять ими»

Маргарет Тэтчер

Вынесенное в эпиграф высказывание процитировано из книги Маргарет Тэтчер [108]. История постперестроечной России действительно сложна и многогранна. Понять ее – одна из задач междисциплинарной общеэкономической теории.

Первые последствия «радикальной экономической реформы» в России оказались поистине драматическими. Либерализация цен, как оказалось, привела не к увеличению реального производства, а к сокращению совокупного предложения. Если рост цен после их освобождения предполагался в 3-5 раз с последующей стабилизацией, то на деле они выросли в десятки раз и продолжали расти. Это свидетельствовало о серьезном просчете реформаторов. Е.Т.Гайдар признал, что скачок цен существенно превзошел уровень, который можно было прогнозировать из финансовых соображений. Это признание доказывает, что одни только финансовые соображения не достаточны для надежного прогнозирования столь сложных социально-экономических явлений. За освобождением цен последовала всеобъемлющая ваучерная приватизация. Она тоже привела отнюдь не к тем результатам, которых от нее ожидали реформаторы. Когда радикальные российские реформы ругают коммунисты, то это воспринимается как само собой разумеющееся. Но вот мнение апологета американского капитализма Джорджа Сороса: «Самым важным вопросом является неразрешенный конфликт между разрушением и созиданием…Самое ужасное, что не только плановая экономика, но и только что вылупившийся рыночный механизм не работают. В отсутствие нормального рынка предприниматели превращаются в спекулянтов, а процесс приватизации превращается в обыкновенный грабеж: тащи, что можно, пока нет хозяина» [106, с. 143, 192]. Сорос пришел к выводу, что «выгода от вновь разрешенных форм экономической деятельности оказалась ничтожной по сравнению с вредом, нанесенным подрывом установившихся форм». В более поздней книге Сорос уже откровенно назвал капитализм в России 90-х годов «бандитским» [110, с. 315].

Стагфляция как результат свободы монополиста. В обществе товарно-денежных отношений выручка производителя от продажи его продукции равна произведению цены на выпуск продукции:

$$Ф = pY$$

В этом простом выражении все величины являются усреднёнными, или, на языке современной математической экономики, «совокупными» или «агрегированными». Товаропроизводитель (продавец) имеет возможность повышать свой доход ($Ф$) не путём увеличения выпуска (Y), а путём повышения цены (p). Это происходит всякий раз, как только снимаются или ослабевают общественные ограничения на эту спекулятивную мотивацию. Такими ограничениями могут быть государственный запрет (в командной экономике) или конкуренция (в рыночной экономике).

После предоставления предприятиям «полной хозяйственной самостоятельности» в условиях крайне монополизированной советской экономики, и уж тем более после освобождения цен и ликвидации обязательных плановых заданий по выпуску продукции, началась обвальная стагфляция – быстрый рост цен при снижении выпуска. Предприятия пошли по наиболее легкому пути добывания денег. Понятно, что повышать цены куда легче, чем наращивать выпуск, совершенствовать технологию, заботиться о качестве продукции. Конечно, рано или поздно маятник цен пойдёт в обратную сторону: деньги не съешь и не наденешь вместо костюма, нужны реальные товары. В конце концов, проявляется тенденция, которую Джон Гэлбрейт изучал ещё в середине прошлого века и назвал «противодействующей силой» [111]. Эта сила рано или поздно приведет к установлению равновесия между совокупным спросом и совокупным предложением. Всё дело в том, какой ущерб будет нанесён обществу на протяжении всего этого процесса, на каком уровне экономического спада установится макроэкономическое равновесие. Если этот спад окажется слишком глубоким и социально опасным, то до равновесия дело может и не дойти – произойдет социальный взрыв.

Ударом по реальной российской экономике стала и финансовая политика реформаторов, получившая название политики «монетаризма». Она заключалась в переносе на российскую почву принципов кредитно-денежной политики, которая проводилась в

определённые периоды в странах с уже развитыми рыночными отношениями. В основе этой политики – теоретические разработки чикагской экономической школы нобелевского лауреата Милтона Фридмана. Они обобщены в его книгах «Исследования в области количественной теории денег» [112], «Капитализм и свобода» [65], «Очерки в области позитивной экономической теории» [113] и др. В основе политики монетаризма лежит прагматичная идея руководства рыночной экономикой с помощью, по сути дела, единственного рычага, каковым является регулирование объема денег в обращении. В развитой конкурентной среде западных экономик бюджетные ограничения действительно могут стимулировать выпуск реальной продукции и повышение её качества. Что касается постсоветской «недорыночной» России, то такая политика привела к негативным результатам.

Продифференцируем по времени приведенное выше уравнение выручки:

$$\frac{d\Phi}{dt} = p\frac{dY}{dt} + Y\frac{dp}{dt}$$

Умножим левую и правую части на время обращения денег (θ):

$$\theta \cdot \frac{d\Phi}{dt} = \theta \cdot p\frac{dY}{dt} + \theta \cdot Y\frac{dp}{dt}$$

Левая часть этого уравнения в некотором приближении представляет собой скорость увеличения денежной массы за счет эмиссии денег (E) центральным банком:

$$E = \theta \cdot p\frac{dY}{dt} + \theta \cdot Y\frac{dp}{dt}$$

В стабильно работающей экономике выпуск (Y) растёт во времени, а цена (p) остается неизменной. В этом случае производная цены по времени равна нулю, и ситуация описывается уравнением:

$$E = \theta \cdot p \frac{dY}{dt}$$

Смысл этого уравнения в том, что при стабильном развитии экономики основная роль эмиссии состоит в обеспечении денежной массой бесперебойного товарооборота при стабильных ценах и возрастании выпуска реальной продукции. Напротив, в стагнирующей экономике величина выпуска не растёт (равна нулю производная от выпуска по времени) и получается иное выражение:

$$E = \theta \cdot Y \frac{dp}{dt}$$

Оно описывает состояние инфляционной экономики, когда эмиссия денег центральным банком фактически «обслуживает» лишь рост цен. Из этого выражения следует, что снижением эмиссии можно уменьшить скорость роста цен. Но, в соответствии с этим же выражением, снижение эмиссии может приводить и к снижению выпуска продукции. Всё зависит от конкретных условий, в которых оказывается экономическая система. Возникает возможность возникновения «стагфляционной ловушки», когда снижение эмиссии, с одной стороны, подавляет инфляцию, а с другой – провоцирует спад производства из-за нехватки у предприятий оборотных средств. Примерно такая картина и наблюдалась в России в период наиболее активной «монетарной» политики реформаторов. Закрытие предприятий, рост безработицы, кризисы неплатежей, невыплаты заработной платы и пенсий – таковы печально известные приметы того времени.

Более того, математический анализ доказывает неизбежность роста цен на производственную продукцию в случае предоставления ценовой свободы предприятиям-монополистам. Это было известно ещё в советское время. Соответствующий анализ был сделан Н.Я.Петраковым ещё в 1974 году [114]. Он провел макроэкономический анализ хозрасчётных интересов производителя и потребителя для случая однопродуктовой модели развития производства в условиях как полного государственного регулирования цен, так и свободного ценообразования. Производитель стремится максимизировать разность π_l между

объёмом реализации Q при плановой цене p и суммарными издержками производства. Последние определяются путем интегрирования по всему объёму реализации Q предельных издержек производства (т.е. приращения затрат ds в расчете на каждую последующую единицу продукции dQ). Условие максимизации записывается в виде

$$\pi_l = Qp - \int_0^Q \frac{ds}{dQ} dQ \rightarrow \max$$

Потребителю же важно максимизировать разность π_c между интегральным экономическим эффектом от использования продукции и суммой, которую он за неё заплатил:

$$\pi_c = \int_0^Q \frac{du}{dQ} dQ - Qp \rightarrow \max$$

В этом выражении производная du/dQ означает приращение экономического эффекта от каждой единицы продукции.

Если цена (p) фиксирована, т.е. установлена государством, то максимум эффекта у производителя будет достигнут при условии равенства нулю производной $d\pi_l/dQ$, откуда вытекает $p = ds/dQ$. Максимум эффекта у потребителя будет достигнут при равенстве нулю производной $d\pi_c/dQ$, откуда вытекает $p = du/dQ$. Следовательно, производитель будет заинтересован произвести, а потребитель – использовать продукцию при установленной плановой цене. Эта цена устраивает и производителя, и потребителя, т.е. является оптимальной:

$$p_{opt} = \frac{du}{dQ} = \frac{ds}{dQ}$$

Теперь допустим, что производитель контролирует значительную долю выпуска продукции и получает право влиять на уровень цен и самостоятельно определять объем выпуска. Иными словами, цена становится функцией от объёма выпуска:

$$p = f(Q)$$

Для анализа такой ситуации необходимо продифференцировать по Q уравнение максимизации эффекта у производителя:

$$d\pi_l / dQ = p + Q \frac{dp}{dQ} - \frac{ds}{dQ}$$

Равенство нулю производной $d\pi_l / dQ$ даёт условие максимального эффекта для производителя:

$$p = \frac{ds}{dQ} - Q\frac{dp}{dQ}$$

Следовательно, теперь производителю выгодно назначить более высокую цену, превышающую прежнюю p_{opt} на величину $Q\frac{dp}{dQ}$. Локальный оптимум производителя и народнохозяйственный оптимум теперь не совпадают (единственное условие совпадения – неизменность цен, так как только при $p = const$ имеем $dp/dQ = 0$). Производитель, стремясь к максимизации своего локального эффекта, будет заинтересован в замораживании производства на уровне ниже оптимального и, соответственно, в завышении цены. Именно это и произошло в России после освобождения цен в условиях свободы монопольных производителей. Тем самым было положено начало раскручиванию инфляционной спирали зарплата – цены.

Новоявленный бандитский капитализм предоставил и другие способы изощрённого ограбления работников руководящими нуворишами. Вспомним приведенное в предыдущих разделах уравнение совокупной заработной платы:

$$S = \frac{p(1-\eta)Y}{n^R(m+1)}$$

где S – заработная плата, p – цена продукции, n – норма инвестиций, Y – агрегированный выпуск продукции, n^R – число работников, m' – норма прибавочной стоимости (в современной терминологии – прибыли). Из этого уравнения видно, что, стремясь повысить зарплату в условиях снижения выпуска, руководители предприятия

имеют возможность не только завышать цену, но и сокращать число работников, а также снижать долю инвестиционного накопления. Это мы тоже видели на практике. Сворачивание инвестиционного процесса в текущем периоде неизбежно приводит к ещё большему снижению выпуска продукции в последующем периоде, к пренебрежению амортизацией и потере работоспособности предприятия. Возникает самоускоряющийся процесс гиперстагфляции. Разграбление и разорение собственного предприятия дополняется завышением прибыли в хозяйских карманах в ущерб зарплате работников.

Но и это не всё. Владельцы и директора организуют на предприятиях, в обход работников, подконтрольные фирмы-посредники по реализации продукции. Это «обосновывается» интересами предприятия, необходимостью привлечения заказчиков, поиска и расширения рынков сбыта. Теперь уже не только прибыль, но и всю выручку можно класть в собственные карманы! Даже при небольшом выпуске продукции, реализуемой по завышенным ценам, этого может оказаться вполне достаточным для безбедного существования небольшой и сплоченной группы руководящих лиц. Беспредел тщательно скрывается под личиной «коммерческой тайны». Для выплаты зарплаты работникам предприятия в кассе «нет денег».

Картина дополняется неограниченной свободой для владельцев предприятий заниматься и любой другой коммерческой деятельностью. О какой заинтересованности в развитии предприятия может идти речь в такой ситуации? Зачем ему прибыльная работа предприятия, если у него в собственности есть ещё и магазины, рестораны, порты, пароходы…? Одним предприятием меньше – какая разница? Судьбы работников и их семей его не волнуют. Закон бдительно стоит на страже частной собственности. Значительно бдительнее, чем на страже интересов простых тружеников. А как же иначе – у нас ведь теперь капитализм!

Приватизация. Началась приватизация госсобственности. 14 августа 1992 г. Б. Н. Ельцин подписал Указ о приватизационных чеках, и уже с начала осени во всех отделениях Сбербанка России населению стали выдавать ваучеры (приватизационные чеки). «Ваучеризация» была главной составляющей первого этапа приватизации (август 1992 - осень 1994 гг.). Смысл ее был в том, что каждый гражданин должен был получить равные стартовые

возможности в виде своей доли в общей собственности страны. Так как рыночная цена предприятий не была определена - ее просто не существовало на момент реформ, - то в основу денежной оценки производственного потенциала государства была положена балансовая стоимость предприятий, которую «разделили» на численность населения России, включая грудных младенцев (148,7 млн. человек). Доля каждого гражданина РФ составила 10 тыс. рублей - именно такова была номинальная стоимость ваучера - сумма по тем временам достаточно большая (легковой автомобиль, например, стоил около 20 тыс. рублей).

Итоги «ваучеризации» населения оказались плачевными из-за колоссальной инфляции: уже осенью 1992 г. на стоимость ваучера можно было купить один мужской костюм среднего качества, а в конце 1993 г. ваучеры продавались по 10-12 тыс. рублей (цена 3-4 бутылок водки). Кроме того, если в 1991 г. предполагалось сделать приватизационный чек именным, то на практике ваучеры оказались обезличены. В условиях сильнейшего отставания зарплаты от уровня жизни, ее систематических задержек и невыплат они превратились в предмет продажи. Скупали ваучеры те, у кого были деньги, - «красные директора» и представители теневого бизнеса. Одним из самых тяжелых последствий реформ в 1992 г. стала фактическая ликвидация вкладов населения в сберегательных банках. Девальвация вкладов и страховых взносов привела к обнищанию огромной массы людей, существенно сократила объемы депозитного капитала - источника государственных кредитов. Кроме того, большинство граждан России не могли теперь стать акционерами, им не на что стало покупать акции, а это ликвидировало социальную основу приватизации. Правительство было вынуждено обращаться за иностранными займами.

Освобождение цен в условиях товарного дефицита привело сначала к «вымыванию» дешевых товаров, а затем к резкому росту цен. Во избежание социального взрыва правительство провело ряд мер по насыщению рынка товарами народного потребления. В качестве основного средства была выбрана либерализация внешней торговли. Внутренний рынок страны в довольно короткие сроки был наполнен иностранными товарами, как правило, низкого и среднего качества. Эти меры привели к свободной конвертации рубля, то есть обмену его на любую иностранную валюту по рыночному биржевому курсу. Экономическая нестабильность в стране и нарастание кризиса

проявились в резком падении курса рубля по отношению к доллару. Таким образом, на конец 1992 г. инфляция превзошла самые пессимистические прогнозы, бюджет оказался подорван, падение производства было очевидно. В декабре 1992 г. на VII Съезде народных депутатов Российской Федерации работа правительства Е.Т.Гайдара была признана неудовлетворительной. На пост премьер-министра страны был избран В.С.Черномырдин (декабрь 1992 - апрель 1998 г.).

Для того чтобы понять сущность процессов, захвативших Россию после августа 1991 г., важно видеть, что тогда произошло не рождение новой системы, а развал старой. Ускорился процесс распада всех институтов власти. В той атмосфере он многими воспринимался как благо. Но вместе с этим шел распад уважения к государству как таковому, распад уважения к закону. Попытка реформаторов создать класс собственников как опору демократии быстро перешла в номенклатурный дележ собственности, до этого государственной. Большевики, взявшие власть в 1917 году, начали свое правление с того, что отобрали собственность у всех. А в 1991 году кончилось тем, что собственность захватили госчиновники. Из опекунов народного добра они превратили себя в собственников. Падение советской власти многие использовали в целях личного обогащения. Целые состояния были сделаны в период "шоковой терапии". Ваучерная приватизация была не чем иным, как более упорядоченным процессом передачи собственности в руки номенклатуры и организованной преступности. С каждым витком приватизации коррупция усиливалась, ибо никаких механизмов контроля над обвальной приватизацией не было. Затем начался этап липовых аукционов, захвата заводов, подкупа чиновников, подлога документов и ряда других мер для того, чтобы захватить производственный сектор экономики. Этот бандитский захват подавался как реформа, как переход к рыночной экономике. Большее кощунство трудно себе представить. Дележ советских заводов между монополистами безо всякого закона, путем мафиозных разборок, заказных убийств и взяток, никак нельзя назвать переходом к рыночной экономике. Коррупция стала главным элементом процесса приватизации.

В любой цивилизованной стране с рыночной экономикой сделка, которая происходит в сговоре между устроителями аукциона и претендентами на владение, является уголовно наказуемым преступлением. Например, в США это называется "insider-trading"

("инсайдер-трейдинг"), что означает продажу конфиденциальной информации лицом, которое в силу своего служебного положения имеет к ней доступ. У нас же всё делалось не по закону, а по понятиям. Главным историческим последствием такой коррумпированной приватизации в России стало отсутствие её легитимизации. В общественном сознании нет признания того, что владение является легитимным. Это понимание нельзя купить ни за какие деньги и нельзя привнести в сознание народа ни пропагандой, ни репрессиями. Но пока нет признания легитимности владения со стороны большинства общества, такое владение очень трудно считать постоянным. Оно временно по сути своей, и его владельцы ощущают себя временщиками, которые это владение рано или поздно потеряют. Новоявленные владельцы советских заводов в глубине души понимали, что они - нувориши, чьё владение может быть пересмотрено. По этой причине в обстановке экономического беспредела они занялись не укреплением производства, а перекачкой денег за границу.

Создалась беспрецедентная ситуация. Владельцы средств производства стремились не к тому, чтобы усилить своё производство, а к тому, чтобы как можно скорее выкачать всё из этого производства, даже если это приведёт к его разрушению. Сколько ужасающих примеров по всей России, как растащили, разворовали, распродали целые заводы, пароходства, институты и другое добро! Захват средств производства коррумпированной номенклатурой стал национальной катастрофой для России. Это привело к деиндустриализации страны и обнищанию народа, к ослаблению её обороноспособности. Историческая трагедия России того периода заключалась в том, что её новоявленные богачи не были творцами, созидателями продуктивного капитала. В большинстве своём это были выходцы из советского номенклатурного инкубатора. Они словно сорвались с цепи. Их надменность и самоуверенность не знают границ. Их подражание дикому Западу лишь показывало, насколько мало они знали и понимали ценности западной цивилизации. Они построили свой капитализм в отдельно взятом городе или даже только в центре города, где сверкает реклама и носятся «Мерседесы». Наплевательское отношение новой элиты к судьбе простых людей было просто поразительно. Казино, рестораны, проститутки, тусовки, взятки, и разборки – вот каков был их мир. Какое им было дело до голодающих бедняков или до беспризорных детей! Такой "элите" был

глубоко чужд патриотизм. Ей было безразлично, что Россия слабеет, что падает производство, что сокращается население. Никогда за всю постпетровскую историю России не было элиты, столь чуждой патриотизму. Она была занята сама собой - разборками, интригами, дележом, перекачкой капитала за границу, но не выводом России из кризиса, не возрождением и развитием страны.

Итак, к середине 90-х сложилась система коррумпированного дележа - выросли олигархи, привилегированные банки, монополии, корпорации, дочерние компании. А что было делать тем советским чиновникам, которые в силу обстоятельств не смогли приватизировать то, что было под их контролем? И многие госчиновники стали распродавать то, что не принадлежало им, но на чём можно было "заработать". Служба чиновника любого ранга стала им восприниматься как источник дополнительного дохода. Госпитали, школы, вузы, библиотеки - всё это было брошено на произвол судьбы. В этих учреждениях платили нищенскую зарплату, и они были вынуждены продавать то, что продавать не имели права. Таким образом, в сущности, само государство и явилось главным строителем коррупции. Она расширялась по всем направлениям и охватывала все слои общества. Объективно коррупция выступала как рычаг осознанной государственной политики. Такого вообще не было в истории России со времён Ивана Грозного. Масла в огонь подливали средства массовой информации. Россияне увидели на экранах телевидения активнейшую пропаганду того, как надо уходить от налогов и как вкладывать деньги в финансовые пирамиды (вспомним Лёню Голубкова с его родной МММ). Вся эта рыночная вакханалия закончилась закономерным дефолтом в августе 1998 года.

Как все это могло случиться? Начало было положено идеологией реформаторов – представлением о частной собственности как обязательном условии экономического развития. Был взят на вооружение тезис о благотворности «чувства хозяина». Распространялось представление о том, что в прежнем советском обществе «все было ничье», и это порождало безответственность и всеобщее безразличие. Утверждалось, что западные страны всеми своими экономическими достижениями обязаны институту частной собственности. Конечно, укоренившаяся в СССР государственно-монополистическая собственность на все предприятия, начиная от гигантских производственных комплексов и кончая

парикмахерскими, не могла вызывать восторга. Но едва ли правильно впадать в другую крайность и фетишизировать частную собственность.

Уравнения теории ОПФ не содержат переменных, которые прямо идентифицировались бы с категорией собственности, хотя в неявном виде они связаны с этой категорией. Так, фактор равновесия $Ф_p$ напрямую отражает только доступность средств труда для работников, но не факт владения этими средствами. Совокупная цена (p) зависит от того, предоставлена ли законодательная возможность производителю или торговцу устанавливать ее по своему усмотрению, а не от того, владеет ли он продаваемой продукцией. Фактор мотивации труда ($Ф_I$) непосредственно зависит от того, что именно побуждает людей трудиться, а не от того, останется ли результат труда в их частном владении.

Быть частником – еще не значит быть личностью, свободной индивидуальностью. Можно быть владельцем крупного предприятия или поместья и при этом не слишком обременять себя заботой об их экономической эффективности. Такими примерами заполнена история многих стран, а история России особенно. Многие просто проматывали огромные состояния. Конечно, в нашу эпоху дело обстоит сложнее: слишком велика ответственность владения крупным предприятием, на котором работают тысячи людей. Это обстоятельство и привело в свое время к «управленческой революции», когда на первый план стали выдвигаться способные и энергичные менеджеры. Это отвечало интересам и самих собственников. «Когда обладание благами и их потребление переходит некоторую границу, оно становится обременительным», - справедливо отметил Джон Гэлбрейт еще несколько десятилетий назад [49, с. 57]. А в наше время это уже не подлежит сомнению.

Примечательно, что и в направлениях западной науки распространены взгляды, согласно которым эффективность хозяйствования зависит не столько от формы собственности, сколько от конкретных форм ее функционирования. Это в полной мере относится и к частной собственности. Об этой проблеме хорошо сказано, например, в книге Вольфа и Резника «Экономикс: марксизм против неоклассицизма» [115]. Авторы пишут: «Есть разные пути, по которым владельцы могут расходовать свой прибавочный продукт. От того, какой путь избирается при том или ином общественном строе, зависит образ жизни людей, живущих

в этом обществе. От того, как собственники распоряжаются поступающим к ним прибавочным продуктом, зависят структура, противоречия и изменения в том или ином обществе» [115, с. 148].

За примерами, подтверждающими этот тезис, далеко ходить не надо. Уровень жизни населения российской Чукотки коренным образом изменился к лучшему благодаря личным средствам Романа Аркадьевича Абрамовича в его бытность губернатором этого края. Об этом можно прочитать на сайте «Партии и выборы». В материале под заголовком «8 лет Романа Абрамовича на Чукотке – итоги» [116] говорится о том, как преобразился этот некогда заброшенный край. Губернатор развернул строительство жилья, поднял средний уровень зарплат и сделал жителям территории разнообразные подарки - от летних туристических путевок на юг до бесплатной установки стеклопакетов в жилых домах Анадыря. За пять лет жители округа научились гордиться столицей Чукотки. Турецкие строители, привезенные сюда Абрамовичем, поставили дом культуры, дворец зимних видов спорта, налоговую инспекцию и чукотскую счетную палату, утеплили и покрасили старые многоэтажки. Центральная улица Анадыря превратилась в визитную карточку правления Абрамовича: супермаркет, кинотеатр, клуб развлечений, трехзвездочный отель и два итальянских ресторана. Среди людей, населяющих Чукотку, о губернаторе ходили легенды. Немудрено - при нем возродились национальные промыслы. Если раньше чукчи, съев почти все оленьи стада, уходили из тундры в поселки и спивались, то губернатор Абрамович стал им платить за каждого несъеденного оленя. За восемь лет губернаторства Абрамовича на Чукотке значительно выросли многие социально-экономические показатели. Так, среднедушевой денежный доход населения вырос с 4,732 тысячи рублей в 2000 году до 24,320 тысячи рублей в 2006-м. Среднемесячная номинальная начисленная зарплата работников организаций выросла за тот же период с 5,686 тысячи до 25,703 тысячи рублей. Инвестиции в основной капитал выросли с 2000 по 2006 годы с 701 миллиона рублей до 4 миллиардов 912 миллионов, в 2007 году этот показатель составил 5 миллиардов 335,4 миллиона рублей. Примечательно, что Чукотка - один из немногих регионов, где нет иностранных инвестиций. Деятельность губернатора высоко оценил президент Владимир Путин: "Надо отдать ему должное. Не пожадничал, вкладывал и собственные деньги в развитие экономики и в энергообеспечение". Вот так работал «прибавочный продукт» частного собственника Абрамовича,

наделенного умом, дальновидностью, чувством ответственности, да и просто человеческой порядочностью.

А вот пример разрушительного, безответственного отношения к своей, в одночасье заполученной частной собственности. Речь идет о судьбе советской отраслевой науки на примере одного из крупнейших научно-исследовательских институтов. В нем автору настоящей книги довелось 35 лет проработать заведующим лабораторией и научным руководителем ряда технологических разработок. В крупных отраслевых институтах осуществлялась системная, всесторонняя и надёжная разработка новых наукоёмких технологических процессов. Иными словами, делалось то, без чего ни одна сколько-нибудь значительная технологическая разработка не может быть внедрена в промышленность. К числу таких институтов относился и Научно-исследовательский институт мономеров для синтетического каучука (НИИМСК) в Ярославле. Это был один из крупнейших химико-технологических исследовательских центров Советского Союза. НИИМСК имел уникальный набор технологических и специализированных подразделений: отдел внедрения разработок, производственно-технический и экономико-аналитический отделы, проектный отдел, отдел охраны труда и техники безопасности, отдел материально-технического снабжения, стеклодувную мастерскую, группу инженерно-технического персонала для обслуживания лабораторий, прекрасную научно-техническую библиотеку.

Над всесторонней и надёжной разработкой новой технологии трудились не только технологические, но и специализированные лаборатории. В них создавались технические решения по таким важным составляющим нового процесса, как разделение и очистка химических продуктов, защита оборудования от коррозии, токсикология новых продуктов, обезвреживание и утилизация отходов нового производства, контроль и автоматизация технологического процесса и др. Гордостью НИИМСК была лаборатория прикладной математики и мощный вычислительный центр. Важную роль играл аналитический отдел, в лабораториях которого создавались методы анализа сырья, полупродуктов и конечных продуктов для нового производства. "Паспортом" каждой новой разработки становился технологический регламент. Этот ответственный документ содержал все необходимые сведения для проектирования и внедрения нового технологического процесса. Специалисты института осуществляли

авторский надзор и оказывали квалифицированную помощь проектировщикам и заводчанам.

Предметом особой гордости института стал его Опытный завод. Он состоял из технологических и вспомогательных цехов. На опытных и полузаводских установках отрабатывалась новая технология перед тем, как передать её на стадии проектирования и внедрения. Кроме того, выпускались опытные образцы новых химических продуктов для тщательного изучения их свойств и потребительских характеристик. Уникальная опытная база постоянно совершенствовалась благодаря наличию в составе Опытного завода мощного экспериментально-механического цеха. Бесперебойную работу этого сложного технологического комплекса обеспечивали энергоцех, электроцех, цех контрольно-измерительных приборов и автоматики, автотранспортный цех, специализированный склад легковоспламеняющихся жидкостей и сжиженных газов.

Институт был широко известен в СССР и за его пределами. По его разработкам были построены и внедрены многие крупнотоннажные химические производства, внедрены в практику десятки новых химических продуктов. Обычным делом стало тесное сотрудничество с ведущими академическими и отраслевыми институтами, проектными организациями, заводами. Соавторами многих изобретений НИИМСК стали учёные и специалисты авторитетных институтов, вузов и предприятий. Для ознакомления и обмена опытом в НИИМСК приезжали делегации из США, Англии, Франции, Германии, Италии, Японии, Китая и др.

Судьба отраслевой науки в нашей стране оказалась трагичной. Её положение заметно ухудшилось к началу 90-х годов. Промышленность теряла восприимчивость к техническим новшествам. На новое капитальное строительство не было средств. Нельзя умолчать и о том, что некоторые технические рекомендации бывали непродуманными, наносили заводам ущерб вместо обещанной пользы. Сотрудники отраслевых институтов дневали и ночевали на заводах, добиваясь внедрения своих разработок. А что им было делать? Этого требовали министерства и партийные органы. Количеством внедрений измерялось качество работы института. В условиях нехватки средств на капитальное строительство в особом почёте оказалось "внедрение мероприятий по наращиванию выпуска продукции на действующем оборудовании". Иногда это было возможно, а чаще всего - нет. Это было совершенно нереально в

течение многих лет подряд. Так же, как нереальным было бесконечное повышение урожайности с гектара колхозных земель или бесконечное увеличение надоев молока у коровы! К сожалению, безграмотные партийные функционеры зачастую предъявляли к отраслевым институтам совершенно нереальные требования. Неизбежными результатами таких "внедрений" становились приписки и липовые отчёты. Выделяемые за такой "прогресс" награды и премии заводчане и работники институтов дружно делили между собой. В то же время, новые крупные разработки мирового уровня, действительно необходимые народному хозяйству, оставались на полке из-за отсутствия средств.

В условиях нарастающего технического отставания нашей страны от западных стран стали требовать внедрений и от вузов, и от академических институтов. Учёные-химики, забросив фундаментальные исследования, поехали со своими "разработками" в отраслевые институты и даже прямо на заводы. Но разработок не было, чаще всего это были сырые идеи или первые результаты экспериментов в пробирках и колбах. "Академики" редко представляли себе всю сложность технологической проблемы масштабного перехода из лаборатории в промышленность, считали эту проблему надуманной. Многие из этих людей, титулованные и влиятельные, стали видеть в отраслевых институтах лишнее звено между собой и промышленностью. Вместо конструктивной совместной работы, как это принято в экономически развитых странах между университетами или колледжами и научно-техническими центрами крупных промышленных фирм, у нас началось губительное противостояние. Стали раздаваться бессовестные обвинения, что в отраслевых институтах собрались одни ретрограды и бездельники. Эти безграмотные и безответственные подходы овладели умами многих министерских чиновников и руководителей предприятий. Вместо того, чтобы исправлять недостатки в работе отраслевых институтов, призывали к их ликвидации. Как часто бывает в нашей истории, с водой выплеснули и ребёнка! Начался быстрый упадок нашей отраслевой науки.

В промышленно развитых странах крупные разработки финансируются не только частными инвесторами, но и государством. Государство отслеживает и координирует инновационную деятельность частных и государственных структур, направляет их усилия в общее русло - на выполнение важнейших национальных

научно-технических программ. А у нас в начале 90-х новоявленные приватизаторы, обманув трудовые коллективы несбыточными обещаниями, завладели прикладными институтами. Затем они стали выживать научных сотрудников, выбрасывать на свалку уникальное научное оборудование, сдавать в аренду коммерсантам высвобождающиеся помещения и набивать собственные карманы. В ярославском НИИМСК, как в зеркале, отразилось всё, что происходило в стране в те годы. В конце 80-х было примерно наполовину сокращено централизованное финансирование из министерства. Но при этом было разрешено без каких-либо ограничений работать по хозяйственным договорам с любыми заказчиками научно-технической продукции. Это было хорошо. Те подразделения института, которые имели квалифицированные кадры, серьёзные научные заделы и широкие связи с заинтересованными предприятиями, получили возможность расширить тематику и полнее раскрыть свои творческие возможности. К сожалению, этот период творческого взлёта оказался недолгим. Сначала министерство полностью прекратило финансировать институт. Затем исчезло и само министерство. Началось "разгосударствление" и "акционирование" предприятий. Оно коснулось и нас, и наших заказчиков. Заказчики и сами оказались в трудном финансовом положении на фоне общего промышленного спада. Заводы активно дробились на более мелкие подразделения, активно делили имущество, и им стало уже не до внедрения новой техники. Начались перебои с выплатой заработной платы и увольнения сотрудников из института.

Окончательным ударом по институту стало его участие в акционировании и приватизации. Все подразделения института получили "долгожданную свободу"! Отдел материально-технического снабжения перестал заниматься своими прямыми обязанностями. Вместо них он занялся прибыльным делом - торговлей импортными коврами. Для этой цели он превратил себя в товарищество с ограниченной ответственностью (ТОО). Экспериментально-механический цех прекратил изготовление оборудования для нужд лабораторий и опытных цехов. Вместо этого он занялся ремонтом автомобилей для частных лиц, также превратившись в ТОО. Автомеханический цех переключился на частный извоз за наличные - и там возникло ТОО. Стеклодувная мастерская решила, что и она не хуже других, занявшись вместо изготовления лабораторных приборов прибыльными поделками

сувениров, естественно, в качестве ТОО. И уж, конечно, в каждой лаборатории возникли ТОО. Их цель была столь же благородной, сколь невыполнимой: стимулировать творческую активность и предпринимательскую инициативу в разваливающемся институте. Эта абсурдная атомизация некогда единого и работоспособного комплекса парализовала его работу. Аналогичная судьба постигла и многие другие прикладные институты. Страна в одночасье лишилась мощного научно-технического потенциала, который создавала многие десятилетия. Того самого потенциала, который во многом обеспечил превращение СССР во вторую по экономической мощи державу в мире.

Таким образом, затеянная ради ускорения научно-технического прогресса перестройка произвела лишь разрушительный эффект. Она еще раз продемонстрировала тот печальный факт, что хотя Россия на протяжении веков создает очень хорошие технологии, но практически никогда не извлекает из них экономической выгоды. В книге Лорена Грэхема [131], посвященной этой проблеме, в качестве примеров такого рода приводятся истории изобретений автомата Калашникова АК-47, электроламп накаливания и электрического дугового прожектора Яблочкова, изобретения радио Поповым, изобретения аэроплана Сикорским и др. К сожалению, мы не находим в этой книге, богатой фактическим материалом, конкретных рекомендаций по решительному улучшению положения дел с внедрением технологических новшеств в России.

Изложенное выше о приватизации показывает, что вопрос о прогрессивности тех или иных форм собственности в современном индустриальном обществе достаточно сложен и уж, во всяком случае, значительно сложнее тех примитивных взглядов, которые сводят всю проблему экономической эффективности к пресловутому «чувству хозяина». Хорошим хозяином, равно как и плохим, может быть и государство, и частный владелец. Приведенные соображения, видимо, не слишком заботили авторов «народной приватизации» в России. В основу их замысла легла прагматичная «ваучерная» идея. «Нам нужны не собственники миллионов, а миллионы собственников», - провозгласили реформаторы. В итоге получили кучку миллионеров и огромное большинство в одночасье обедневших граждан. Одновременно начали проводить кампанию по «разгосударствлению», «дезинтеграции», «акционированию» предприятий. Эти меры произвели колоссальный разрушительный эффект. Все это вызвало негативные оценки вроде той, которую дал

Джордж Сорос, чьи высказывания были процитированы выше. Аналогичную оценку дал и профессор экономики калифорнийского университета Майкл Интрилигейтор, который назвал события в России 90-х годов «шокирующим провалом «шоковой терапии». Сходные оценки дали и многие другие американские ученые [117]. А лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц в статье, опубликованной 9 апреля 2003 г. в «The Guardian», прямо назвал происходящее разрушением России.

Итоги. Согласно данным Госкомстата России («Экономические новости России и Содружества», 1993, № 3, с. 2) по итогам 1992 года в сравнении с 1991 годом произошло понижение всех основных экономических показателей. Валовой внутренний продукт (ВВП) понизился на 19%, национальный доход на 20%, продукция промышленности на 18%, продукция сельского хозяйства на 8%, капитальные вложения на 45%, ввод в действие жилья на 23%, перевозки грузов на 22%, розничный товарооборот на 39%, платные услуги на 36%. Уровень рентабельности предприятий понизился в 2,5-3 раза. Каждое пятое предприятие оказалось по итогам года убыточным. Несмотря на более чем десятикратное увеличение заработной платы, опережающий рост цен на потребительские товары значительно снизил возможности людей. Спад производства не являлся структурным (как планировали реформаторы), а носил всеобщий характер. Либерализация цен не оказала стимулирующего воздействия на промышленность.

В выступлении Председателя Совета Министров – Правительства Российской Федерации В.С.Черномырдина на VIII (внеочередном) Съезде народных депутатов РФ отмечалось сложное экономическое положение страны, продолжающееся снижение общественного производства. Были сделаны важные признания. Говорилось о необходимости «задействовать государственный фактор в реформе, чтобы не утратить уже катастрофический уровень управляемости», «поставить заслон махинациям, надувательству, сосредоточению несметных богатств в руках немногих, отнюдь не самых достойных граждан». Признавалась невозможность «закрывать глаза на то, что многие наши новоявленные бизнесмены пользуются нынешней экономической свободой для достижения своих частных интересов, притом любой ценой». Отмечалось, что для них «общенациональные задачи остаются пятым, а то и десятым делом». Выражалась готовность содействия тем предпринимателям, которые имеют

«конкретные экономические планы по производству реальных продуктов». Подчеркивалась недопустимость такого положения, когда «с преобразованием в акционерные общества предприятия сбрасывают темпы производства». Констатировалось, что «рычаги государственного управления постоянно ослабевают, повсеместно падает исполнительская дисциплина, растет коррупция» и так далее в том же духе. Все это завершалось выводом о том, что «нельзя расхлябанность, разгильдяйство, леность оправдывать приверженностью к демократии» («Российская газета», 1993, 13 марта).

В постановлении Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 22 апреля 1993 г. № 306 «О государственной селективной структурной политике в 1993 году» в очередной раз признавалось: «Опыт прошедшего года показал, что глобально огосударствленная хозяйственная система в России должна изменяться не только в режиме самоорганизации и саморегулирования, но и в условиях реального и целенаправленного управленческого воздействия на процессы преобразований при четко выработанных ориентирах». И тут же, в качестве компенсации поборникам полного экономического попустительства, заявлялось: «Большинство товаропроизводителей будет выбираться из кризиса собственными силами, а это означает серии банкротств, закрытие предприятий, волну безработицы и многие другие негативные социальные последствия. Но таков сегодня путь выживания для всех». Странная логика! Оказывается, «большинство товаропроизводителей» уже не имеет никакого отношения к «глобально огосударствленной хозяйственной системе». Оказывается, власть провоцирует кризис, а граждане должны выбираться из него самостоятельно.

Но время учит. В постановлении от 7 мая 1993 г. № 428 анализируются итоги социально-экономического развития в первом квартале. Здесь снова признается, что вхождение предприятий в рынок сопровождается не развитием производства, а лишь повышением цен на продукцию. Признаются и «серьезные нарушения» в ходе приватизации, рост преступности, низкая управляемость экономическими процессами. Признается необходимым внести коррективы в политику, перейти к «взвешенным и реалистическим решениям» (выходит, что все-таки прежние решения не были взвешенными и реалистическими). С целью устранения чрезмерной социальной дифференциации признано

необходимым подготовить проект закона «О регулировании оплаты труда в Российской Федерации». Намечены дополнительные антиинфляционные меры по сдерживанию темпов роста цен, кредитов и объема денежной массы в обращении. Поручено разработать «комплекс взаимоувязанных мер по совершенствованию государственного регулирования экономики», проект закона «Об основах экономического индикативного планирования и прогнозирования». Предписано осуществлять увязку роста фонда оплаты труда с увеличением выпуска продукции (без какого-либо обозначения механизма выполнения этого предписания). Намечались и другие меры по преодолению трудностей, которые сами и создали. Впрочем, все или почти все из намеченного так и осталось на бумаге. Наконец, и президент Борис Ельцин решил высказать свое мнение о происходящем. Выступая в Федеральном Собрании РФ 24 февраля 1994 г., он признал, что «мы не имеем пока и нормальной рыночной экономики», что «вольготно чувствуют себя те, кто обманывает и применяет насилие», что «элементарный порядок в стране отсутствует» и что «государство в нынешнем виде не справляется с выполнением своих важнейших функций» («Российская газета», 25 февраля 1994 г.).

В 1995 году была опубликована моя книга «К общеэкономической теории через взаимодействие наук». Обратился в одно из престижных московских издательств. Рукописью заинтересовались, но через некоторое время мне дали понять, что мнение редакции изменилось, и книгу издавать не будут. Книга была издана в типографии Ярославского государственного технического университета. К этому времени некогда хорошая типография изрядно обеднела. Оборудование устарело и было изношено. Компьютерного набора и современной множительной техники не было. Интернета тоже не было. Не было даже клише для печати рисунков, пришлось копировать рисунки с рукописи и поместить не по тексту, а в конце книги. Книга вышла небольшим тиражом и в очень скромном оформлении. Тем не менее, я был благодарен типографии. Они сделали все, что смогли: набрали при минимуме опечаток очень сложный в техническом отношении текст, с большим количеством математических формул и уравнений. Ввиду небольшого тиража было решено не пускать книгу в продажу. Было важнее, чтобы она попала в руки тех, кто захочет серьезно заинтересоваться ею по существу. Поэтому весь тираж был разослан в дар библиотекам, научным институтам, вузам, общественным движениям, отдельным лицам. Многие откликнулись

благодарственными письмами. Перечень рассылки приведен в приложении к настоящей книге.

В частности, экземпляр книги был послан и в Администрацию Президента РФ. Вскоре последовал отклик. Меня пригласили в отдел экономического развития при губернаторе Ярославской области. Руководитель отдела сообщил, что пришло письмо из Москвы, из Администрации Президента РФ, в котором была дана в целом положительная оценка книги, и рекомендовалось использовать книгу при разработке региональной экономической политики. Между нами состоялась обстоятельная беседа. Я подарил моему собеседнику экземпляр книги и ответил на его вопросы. На этом все и закончилось.

Любопытная деталь. При отправке книги в Администрацию Президента РФ я приложил развернутую аннотацию. В ней, в частности, говорилось: «Одновременное освобождение цен, свертывание планирования и одиозная приватизация вызвали обвал прежней социально-экономической системы. Был ли неизбежен столь драматический ход событий? Этот вопрос также рассматривается в книге. Ее опубликование способствует осознанию объективной невозможности одним скачком перепрыгнуть из советского прошлого в «светлое рыночное будущее». Через четыре года, 31 декабря 1999 года, в своем заявлении об уходе в отставку Борис Ельцин сказал: «Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком, и все одолеем». Вот так работает междисциплинарная общеэкономическая теория.

Экономический кризис (дефолт) 1998 года стал закономерным результатом экономической политики реформаторов. Жесткая монетарная политика (сдерживание инфляции за счет отказа от денежной эмиссии и за счет удержания завышенного курса рубля по отношению к доллару) сочеталась с неоправданно мягкой бюджетной политикой (необоснованно раздутые бюджеты, принимавшиеся Госдумой и одобрявшимися Борисом Ельциным). В итоге курс рубля упал за полгода более чем в три раза – с 6 рублей за доллар перед дефолтом до 21 рубля за доллар на 1 января 1999 г. Было подорвано доверие населения и иностранных инвесторов к российским банкам, государству и национальной валюте. Разорились многие малые предприятия, лопнула часть банков. Банковская система на полгода

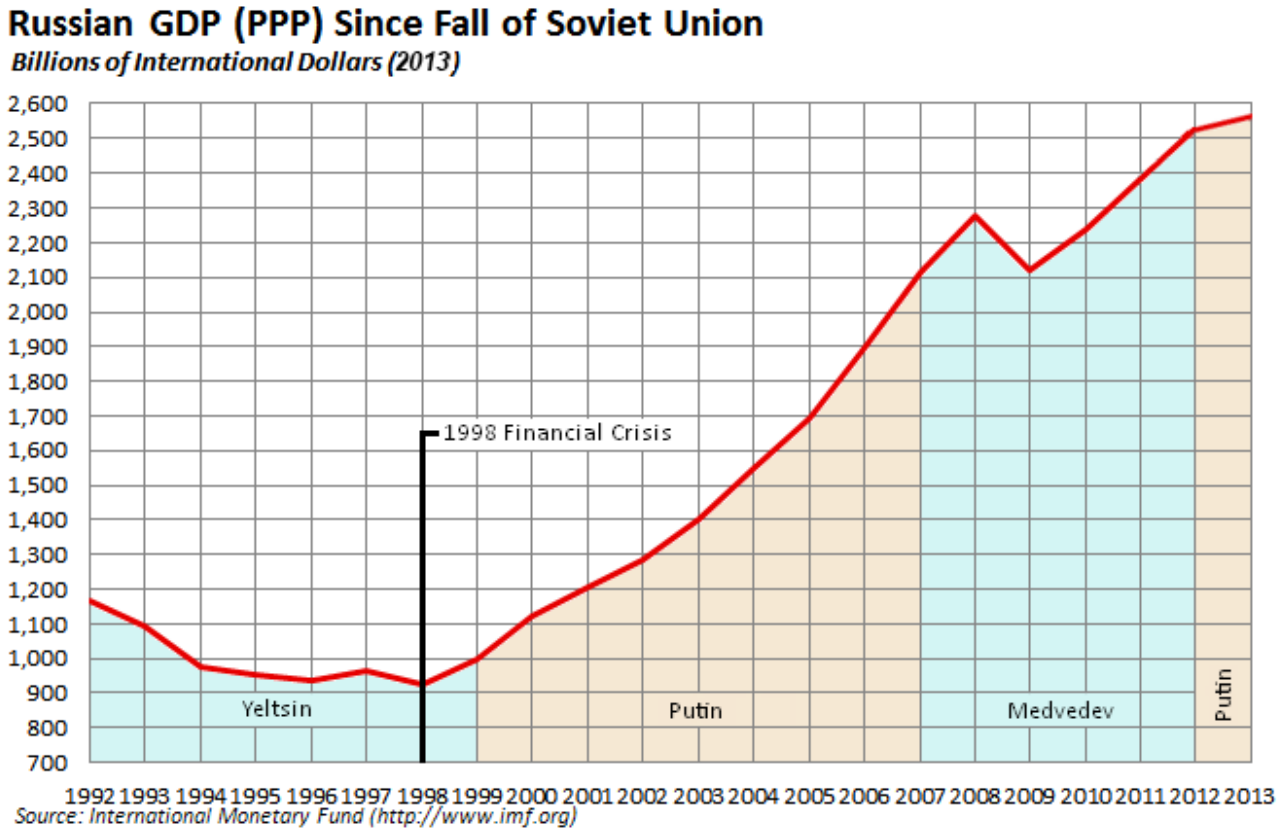
оказалась в коллапсе. Вкладчики потеряли вклады, сбережения населения обесценились, снизился уровень жизни. В это же время произошел и политический кризис. Ушел в отставку премьер-министр Сергей Кириенко (он, впрочем, прекрасно сознавал, что был поставлен ненадолго в качестве «мальчика для битья»). Ушел и глава ЦБ РФ Сергей Дубинин. Новым премьером стал Евгений Примаков, а руководителем ЦБ – Виктор Геращенко. Были извлечены некоторые уроки из кризиса, в политику правительства и ЦБ внесены коррективы, в результате чего после дефолта произошел значительный экономический рост. Но главной причиной улучшения социально-экономической обстановки стал уход Бориса Ельцина и приход нового президента – Владимира Путина.

Первое президентство В.В.Путина (2000–2008). 31 декабря 1999 года в связи с досрочным уходом Б.Н. Ельцина в отставку В.В. Путин принял на себя обязанности президента Российской Федерации. Первым государственным актом, подписанным на этом посту, стал указ о гарантиях неприкосновенности бывшему российскому президенту и членам его семьи. В марте 2000 года В.В. Путин победил на президентских выборах, набрав 52,5% голосов. 7 мая 2000 года он официально вступил в должность президента. Кабинет министров возглавил бывший министр финансов М.М. Касьянов.

Возглавив государство, Путин взял курс на укрепление государственной власти и привнесение регулируемости в российский рынок. Были проведены реформы политического устройства на федеральном и региональном уровнях, учрежден институт представителей президента в федеральных округах. Во внешней политике президент поддержал США в борьбе с мировым терроризмом после событий 11 сентября 2001 года, но не одобрил вторжение американских сил в Ирак. В августе 2000 года был изменен порядок формирования Совета Федерации: главы администраций и главы законодательной власти регионов, до того бывшие членами СФ по должности, были заменены назначенными представителями, которые должны были работать в Совете Федерации на постоянной и профессиональной основе. При этом одного из них назначал глава администрации, а второго — законодательный орган региона. В качестве компенсации утерянных главами администраций возможностей был создан совещательный орган — Государственный совет.

В отношении крупного бизнеса В.В. Путин провозгласил политику «равноудаления субъектов рынка от власти». На практике это означало прекращение засилья олигархов в Кремле, когда принимаемые государственные решения диктовались интересами отдельных бизнес-структур. Уже в 2000 году под угрозой судебного преследования влиятельные бизнесмены В.А. Гусинский и Б.А. Березовский сочли за благо распродать свои активы и скрыться за рубежом. Их примеру не пожелал последовать М.А.Ходорковский, который был арестован в 2003 году и осужден за мошенничество при уплате налогов. Основные активы его нефтяной компании «Юкос» перешли в ведение государственной компании «Роснефть». Укрепляя властную вертикаль, В.В. Путин приводил на ключевые посты своих соучеников по университету, сослуживцев по Ленинградскому управлению КГБ, коллег по работе в петербургской мэрии. Лично зная человеческие и деловые качества своих назначенцев, Путин ценил в них, прежде всего, преданность «питерской команде». Неформальные отношения со своими соратниками позволили президенту России в доверительной атмосфере оперативно готовить решения по целому кругу государственных проблем, не допуская их преждевременной огласки.

В решении экономических проблем существенным подспорьем с начала 2000-х годов был постоянный рост цен на нефть и газ — основной источник валютной выручки России. Эти средства позволяли расплачиваться по внешним обязательствам, способствовали оживлению экономики внутри страны. Улучшению делового климата способствовала проведенная в первой половине 2000-х годов налоговая реформа: была установлена плоская шкала подоходного налога с физических лиц в 13 %, снижена ставка налога на прибыль до 24 %, введена регрессивная шкала единого социального налога, отменены оборотные налоги и налог с продаж, общее количество налогов было сокращено с 54 до 15. Также была изменена система налогообложения сырьевого сектора, введен налог на добычу полезных ископаемых. Налоговая реформа способствовала увеличению собираемости налогов и стимулировала экономический рост.

Динамика ВВП России с 1991 года

К концу своего первого президентского срока В.В. Путин утвердился в статусе государственного лидера, большинство населения положительно относилось к его деятельности. Выборы в Государственную думу четвертого созыва в декабре 2003 года принесли партии «Единая Россия» подавляющее большинство голосов в парламенте. 24 февраля 2004 года президент отправил в отставку правительство Михаила Касьянова. Новым председателем правительства стал М.Е. Фрадков, который не пытался проявлять самостоятельность и инициативу, за что снискал репутацию «технического премьера». 14 марта 2004 года В.В. Путин был избран президентом Российской Федерации на второй срок, 7 мая 2004 года состоялась его повторная инаугурация.

Доминирование в Государственной думе партии «Единая Россия» позволило без борьбы утверждать законопроекты (о новой системе налогообложения, о пенсионном обеспечении, о монетизации льгот). Осенью 2004 года после событий в Беслане было принято решение отменить выборы населением глав администрации субъектов РФ. Весной 2005 года было принято положение о выборах в Государственную думу исключительно по партийным спискам. Благоприятная экономическая конъюнктура, постоянный рост

доходов бюджета за счет экспорта энергоресурсов позволил российскому государству полностью расплатиться с внешними долгами и накопить крупные валютные резервы. Часть накопленных средств по инициативе В.В. Путина было решено направить в социальную сферу. В 2005 году была начата реализация четырех приоритетных национальных проектов в социально-экономической сфере: «Здоровье», «Образование», «Жилье», «Развитие аграрно-промышленного комплекса». В 2006 году В.В. Путин объявил о мерах стимулирования рождаемости в России: увеличении детских пособий, введении «материнского капитала».

12 сентября 2007 года В.В. Путин отправил в отставку правительство М.Е. Фрадкова, назначив новым главой правительства В.А. Зубкова. Тогда же Путин возглавил избирательный список партии «Единой России» на выборах в Государственную думу пятого созыва. На парламентских выборах 2 декабря 2007 года «Единая Россия» получила 70 % голосов избирателей и абсолютное большинство думских мандатов.

Президентство Д.А.Медведева (2008–2012). 2 марта 2008 года новым президентом России был избран Д.А. Медведев, чью кандидатуру поддерживал В.В. Путин. 7 мая 2008 года Д.А. Медведев приступил к исполнению президентских полномочий. Его первым шагом на этом посту стало выдвижение В.В. Путина на пост председателя правительства России. 8 мая 2008 года Государственная дума утвердила В.В. Путина председателем правительства России. Начало президентства Д.А.Медведева совпало по времени с началом глобального экономического кризиса. Резкое падение мировых цен на нефть и газ существенно сократило доходы российского бюджета, впервые за несколько лет государственный бюджет стал сводиться с дефицитом. В сложной ситуации оказался ряд крупных банков, набравших слишком много кредитов на внешнем рынке. Для спасения финансовой системы правительство предоставило банкам денежно-валютные средства из государственных резервов. Это позволило добиться стабилизации банковской системы в условиях дефицита ликвидности и предотвратить панику среди населения. К концу 2009 года кризис в российской экономике был преодолен, вновь начался рост промышленного производства, чему способствовали вновь поднявшиеся нефтяные цены. Во внешней политике за этот период наиболее существенным событием была попытка президента Медведева кардинально улучшить отношения с

США. Этот недолгий период «потепления» в отношениях двух стран получил название «перезагрузка». К сожалению, дальнейшее осложнение международной обстановки не привело к продолжению этого процесса.

Скрытые противоречия в «тандеме» - борьба за лидерство. Отношения между В.В.Путиным и Д.А.Медведевым получили название «тандем» в знак дружбы и доверительности. Однако чем ближе становилась дата новых президентских выборов, тем явственнее просматривались серьезные расхождения двух друзей во взглядах на направление дальнейшей политики, хотя внешне старались эти разногласия не афишировать. Если совсем кратко, то Путин придерживался относительно консервативного курса, ценил макроэкономическую стабильность, выступал за постепенное и достаточно медленное развитие страны, был противником поспешных и непродуманных действий по известному медицинскому принципу «не навреди». Что касается Медведева, то он все больше склонялся к новолиберальному курсу, выступал за ускорение преобразований в либерально-демократическом духе. Он полагал, что наступило время продолжить либеральные реформы, прерванные с уходом Ельцина с тем, чтобы, как он выразился, «пройти точку невозврата» страны к прошлому и придать необратимость движения к западноевропейским ценностям. В этом он нашел поддержку либеральных экономистов из курируемого им Института современного развития (ИНСОР). Руководители этого института Игорь Юргенс и Евгений Гонтмахер подготовили доклад под названием «Россия XXI века: образ желаемого завтра». Основные идеи этого доклада легли в основу выступления Д.А.Медведева на международной конференции в Ярославле и его нашумевшей статьи «Россия, вперед!»

В предисловии к докладу ИНСОРа говорилось: «В центре внимания общества стоит вопрос о будущем России. Об этом говорят и пишут эксперты, политики, руководители страны. Такой поворот к прогнозам и сценариям будущего - верный признак того, что страна нуждается в переменах. Какими будут эти перемены? Многое здесь зависит от лидеров, но в первую очередь - от самого общества. После двадцати лет с начала трансформации общества можно констатировать - развитие шло трудно. Многочисленные кризисы всякий раз ставили вопрос о правильности избранного курса. Цели позитивного развития лишь подразумевались или же были чисто

технократическими. Мы двигались вперед, не определившись с тем, куда идем, и каков он, «образ желаемого будущего». Теперь общество, его лидеры должны сделать выбор: какими мы видим себя, свою страну, свое государство в будущем, ради чего мы готовы трудиться, чтобы не упустить уникальный исторический шанс. Все мы понимаем, что Россия находится на развилке, что ей необходимо четко определить свои цели и сделать сознательный выбор всем обществом, чтобы пройти эту развилку в правильном направлении и без необратимых потерь. От сегодняшнего выбора зависит, удастся ли России, наконец, стать современной во всех отношениях страной. Перед нами снова угроза оказаться беспомощными свидетелями деградации великой державы. Россия не может позволить еще один период безвременья, после которого страна окончательно успокоится на задворках цивилизации. Положение сложнее, чем кажется. Россия попала в историческую ловушку. Ей нужно совершить еще один модернизационный рывок, но сделать это предстоит в условиях, в которых слишком многое располагает к инерции и загниванию - начиная с конъюнктуры на сырьевых рынках и заканчивая настроениями в политике и уверенностью власти в своей способности управлять массовым сознанием. Исторический опыт показывает, что положение не безнадежно. В конце XX века Россия совершила небывалый рывок из посттоталитаризма к ценностям свободы и права, демократии и рынка. Этот процесс не был завершен, но он достаточно радикален, беспрецедентен в нашей истории. Страна развернулась в формационном сдвиге в предельно сжатые сроки и почти бескровно. Накопившаяся усталость, износ ресурсов и потеря уверенности в будущем страны - надежд на обновление сейчас, возможно, даже меньше, чем тогда. Однако исторический шанс остается, и общество обязано им воспользоваться. Речь идет о самом выживании России, по крайней мере, в ее нынешних геостратегических параметрах, в качестве передовой нации. Вопрос в том, сможем ли мы этот вызов осознать и приступить к немедленным действиям. Положение двойственное: рентоориентированная экономика сдерживает давно назревшие преобразования, но стратегические вызовы таковы, что скатиться на пройденные уже нашей историей мобилизационные рельсы - значит еще более отдалить «желаемое завтра». В таких ситуациях особое значение приобретают образы будущего - нормативные модели, показывающие, какой мы хотели бы видеть свою страну в обозримом времени. Это не мечта, а рациональная попытка понять, как можно

избежать уже привычных потрясений, порождаемых застоем и отставанием, и выйти на уровень развития, достойный нашей истории и нашего потенциала. Программы обновления стали появляться еще на исходе советской эпохи. Период реформ тем более востребовал прогностические, сценарные и проектные разработки. Но образ желаемого будущего для России так и не сформирован - особенно если выйти за пределы технических параметров и экономических показателей. Предлагаемая модель - это выдвигаемая на обсуждение консолидированная позиция экспертов разных специализаций, сформулированная по итогам ряда предварительных разработок в области философии и гуманитарного знания, политологии, теории управления, экономики, социальных наук и пр., которых объединяют не только понимание проблем и путей выхода на новые рубежи, но и общие ценностные установки, общие представления о социальной этике и политической морали. Очевидно, что эти представления о желаемом будущем России разделяют далеко не все. ИНСОР готов к полемике и рассчитывает, что начатая работа послужит объединению интеллектуального и политического сообщества вокруг ценностей свободы и права, справедливости и человеческого достоинства, морали и понимания». Конец цитаты.

Ввиду принципиального несогласия со многими положениями доклада ИНСОРа мне пришлось выступить со статьей «К светлому рыночному будущему или на рыночное кладбище? (о том, куда толкают Россию господа Юргенс и Гонтмахер)». Ниже приводится сокращенный текст этой статьи.

«В последнее время руководители Института современного развития (ИНСОР) Игорь Юргенс и Евгений Гонтмахер развили необычайную активность на политической арене. Они усиленно толкают Дмитрия Медведева пойти на новый президентский срок. Фактически, они добиваются прочного заслона Владимиру Путину. По их мнению, отказ Медведева от участия в выборах вызовет в стране социально-экономический кризис. Кто такие Юргенс и Гонтмахер? Оба они расцвели на политической арене в период ельцинской "радикальной экономической реформы" 90-х годов. Игорь Юргенс - первый вице-президент ЗАО "Ренессанс Капитал", председатель совета директоров банка "Ренессанс Капитал", председатель правления ИНСОРа, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, профессор Высшей школы экономики и пр. Евгений Гонтмахер - доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института мировой экономики и

международных отношений РАН. В 1992-2008 г.г. работал на разных должностях в правительстве. Член правления ИНСОРа. По политическим взглядам оба являются убеждёнными либералами, поборниками форсированного продвижения России к рынку западного типа.

Концентрированным выражением взглядов господ Юргенса и Гонтмахера на то, каким путём должна идти Россия в обозримой перспективе, является их доклад под названием "Россия XXI века: образ желаемого завтра", подготовленный в 2010 году. Этот документ вызвал много споров, что само по себе неплохо. Доклад на 66 страницах состоит из предисловия и четырёх разделов. Разделы следующие: "I. Российская модернизация в XXI веке: краткий курс"; "II. Инновационный прорыв"; "III. Россия: XXI век. Полдень" и "IV. Из тревожного настоящего - в желаемое будущее. Первоочередные шаги". В предисловии констатируется актуальность проблемы. Это предисловие, написанное чётко и выразительно, не оставляет сомнений в исключительной важности поставленной проблемы для будущего России. Это несомненно, даже при том, что можно по-разному относиться к постановке вопроса и некоторым констатациям. Дальнейшая модернизация необходима, как верно и то, что до сих пор "развитие шло трудно", что страна двигалась преимущественно наощупь, методом проб и ошибок, и что настало время определить цели и оптимальные пути социально-экономического развития. И здесь сразу возникает вопрос принципиального характера: должна ли страна "сделать новый модернизационный рывок" или её дальнейшее развитие должно носить характер планомерной эволюции? Весьма неоднозначно оценивается российским обществом и конец XX века в нашей истории, который авторы доклада патетически называют "небывалым рывком из посттоталитаризма к ценностям свободы и права, демократии и рынка". Авторы убеждены, что "этот процесс не был завершён", и отсюда читатель должен сделать вывод о необходимости завершения этого процесса. "Страна развернулась в формационном сдвиге в предельно сжатые сроки и почти бескровно", - бесстрастно констатируют авторы доклада. Не слишком ли лаконично-равнодушная оценка бедствий миллионов россиян в результате этого "формационного сдвига", как по-научному именуют авторы развал СССР и его драматические последствия?

В первом разделе доклада не вызывает сомнений правильность постановки вопроса о необходимости преодоления зависимости от

экспорта сырья и перехода к экономике наукоёмких производств, высоких технологий и интенсивных инноваций. Авторы доклада справедливо предупреждают общество о возможных негативных последствиях дальнейшего недоразвития страны: экономическом коллапсе и потребительском кризисе, необратимости технологического отставания, невозможности выполнения социальных обязательств и вытекающем отсюда возможном росте социальной напряжённости и других негативных последствиях. "Цена вопроса - само существование страны", - пишут авторы, и с этим нельзя не согласиться. Но дальнейшие рассуждения на тему "Ценности и принципы: от ресурсной модели к этике свободы" уже вызывают вопросы и возражения. Например, странное впечатление производит безапелляционное заявление о том, что "идеологические ресурсы веры и энтузиазма исчерпаны на предыдущем этапе социалистического строительства". Конечно, социализм мы больше не строим, но без веры в лучшее будущее и без трудового энтузиазма современное цивилизованное общество развиваться не может. Столь же сомнительно утверждение о невозможности мобилизации общества на осуществление модернизации. Это утверждение явно противоречит фактам новейшей истории модернизационных достижений многих развитых стран. Невозможно согласиться и с категоричным заявлением о том, что авторитаризм в политике и управлении становится "историческим рудиментом". Даже не испытывая особых симпатий к авторитаризму, элементарная объективность не позволяет списывать его с исторической сцены. Это показывает, например, опыт успешного развития Китая. Наивными и антиисторичными выглядят и ортодоксально-либеральные пассажи типа "свобода над властью" или "народ над государством". Современные тенденции исторического развития не свидетельствуют о росте анархических предпочтений. Вместо искусственных противопоставлений следовало бы подумать о разумной мере власти и свободы в современном обществе, равно как и о конструктивном взаимодействии народа и государства. Из таких гипертрофированно-либеральных взглядов на современное общество вытекают и требования авторов доклада, касающиеся обновления политической системы как обязательной составляющей модернизации. Конечно, можно согласиться с утверждением, что демократия "снижает риск стратегических ошибок". Но ведь и сами авторы на основании международного опыта признают, что некоторые модернизации могут сильно выигрывать в результате "авторитарно принятых

стратегий". В особенности это касается усовершенствования и развития современных сложных производственных комплексов. Кому придёт в голову на современном сложном предприятии принимать сугубо технические решения, требующие специальных знаний и навыков, большинством голосов всего производственного коллектива? В этой связи рассуждения авторов о "дебюрократизации экономики" не имеют ничего общего с современными экономическими реалиями. Более того, рассуждения о целесообразности "дерегулирования" и о снижении роли государства в современных российских условиях вредны и опасны.

Второй раздел доклада начинается с бесспорной констатации: "XXI век - век знания, наукоёмких производств, высоких технологий и стремительных инноваций". Но уже следующее заявление вызывает, по меньшей мере, недоумение. Авторы пишут: "Мировая экономика достаточно быстро, а главное неуклонно трансформируется в постиндустриальную, в которой обычная товарная продукция уступает приоритет нематериальным активам, создаваемым на основе знаний". Оставляя в стороне застарелые рассуждения о границах между индустриальной и постиндустриальной экономиками, возразим против некритически заимствованного из западных экономических учебников новомодного утверждения о приоритете "нематериальных активов" перед "товарной продукцией". Разве интеллектуальные новшества перестали быть товаром? И разве товарная продукция не создаётся на основе знаний? И разве можно представить себе расцвет "нематериальных активов" без налаженного и бесперебойно работающего производства жизненно важной товарной продукции? Но не это главное. Авторы доклада сквозь зубы выдавливают из себя признание, что "в XX веке нами был осуществлён ряд грандиозных прорывов на уровне мирового лидерства". Это они - о нашем советском прошлом. Но либералы не были бы либералами, если бы тут же не начали охаивать наше советское прошлое. Здесь и "форс-мажорная мобилизация", и "подрыв собственных перспектив", и "прорыв в тупик". Удивительное дело: люди до сих пор пользуются благами, созданными ещё в советское время, но упорно плюют в колодец, из которого продолжают пить воду! Дальше - больше. Здравомыслие чередуется с пустыми декларациями. Верно, что в инновациях "нам теперь не до заносчивости". Но как быть и что делать? Авторы дают советы: "Первый лозунг инновационного старта - не мешать! В том числе - чрезмерным участием и отягощающей

заботой". Хороший совет. "Задача в том, чтобы создать экономику, генерирующую инновации, а не генерировать инновации для их мучительного внедрения в экономику". И это в общем правильно, хотя и не совсем понятно, что авторы конкретно имеют в виду. Дальнейшие общие рассуждения не вносят ясности. Если авторы имеют в виду нашу бывшую советскую отраслевую науку и считают правильным её развал, то рекомендую прочитать мою статью "Гибель отраслевой науки", опубликованную в "Вестнике гражданского общества CIVITAS".

В этом разделе доклада больше всего возражений вызывает общий подход авторов к процессу научно-технического творчества, непонимание ими самой сущности понятия "инновация", особенно в современной сложной технике. Явно недооценивая роль современного государства в организации и финансировании крупных инновационных проектов, авторы преувеличивают роль государства в создании условий для "сверхмалых проектов - микроинноваций". Они не понимают, что все крупные технические новшества в странах с развитой рыночной экономикой уже давно заказываются и финансируются государством, хотя, конечно, роль бизнеса также велика. Государство планомерно координирует усилия всех участников достаточно важного проекта на всех этапах - от идеи до реализации. Что касается так называемых "малых" инноваций, то государство не слишком обременяет себя заботой о создании для них комфортных условий. И правильно делает. Обществу нужны действительно полезные новшества, а не "мыльные пузыри". Многое из этого россияне сегодня чувствуют на себе: как грибы плодятся никому не нужные поделки, "новые" материалы, "лекарства", биодобавки и многие другие "инновации", которые назойливо рекламируются средствами массовой информации. Не рискую прослыть ретроградом, когда в некоторых ситуациях поневоле вспоминается: "Лучшее - враг хорошего!" Сказанное, конечно, не означает, что нам не нужны инновации. Но по здравому размышлению оказывается, что вопрос не так прост, как кажется учёным мужам из ИНСОРа.

В докладе ставится резонный вопрос: когда же эти панорамные изображения будущего должны превратиться в реальную действительность и кто будет этим заниматься? Авторы фактически уклоняются от ответа. Они не без сарказма отказываются от "внешне привлекательного пути установления конкретных дат: 2020, 2030, 2100 и т.д." Отдавая должное иронии авторов, всё же не мешает

напомнить им известную украинскую поговорку: "пока солнце взойдёт, роса очи выест". А это значит, что без хотя бы ориентировочных дат не обойтись, как не обойтись и без сопоставительного анализа темпов созидательных и разрушительных процессов в стране за этот период. Есть ли уверенность в реальности намеченного? Ответа нет. Нет ответа и на вторую часть поставленного авторами вопроса. Нельзя же считать серьёзным ответом абстрактные рассуждения авторов о недопустимости жёсткого деления общества на сторонников и противников модернизации. Остаётся надеяться на анонсированную авторами возможность вовлечения в модернизационный процесс большинства активного населения. Главной для успеха модернизации авторы считают опору на "соответствующую XXI веку систему ценностей".

От какого ценностного наследства нам, по мнению авторов, следует отказаться? Среди этого зловредного наследства называют "ресурсно-сырьевой способ существования", идеологию "государственничества и великодержавности", политику "концентрации и персонификации власти", свёртывание политических свобод и подавление гражданских прав, ограничение политической мобильности и ротации, консервацию элит, зажим информации, имитацию демократических и правовых процедур, политической жизни, общественной дискуссии. В системе управления авторы считают необходимым отказаться от "администрирования как такового" и, следовательно, от чиновничьего произвола, включая коррупцию. В экономике призывают отказаться от "голландского синдрома", когда сырьевая и ресурсная ориентация подавляет собственное производство и инновации. В социальной сфере считают необходимым отказ от "сугубо потребительских, в том числе, иждивенческих настроений". Весь этот пышный букет социальных болезней авторы предлагают лечить по предлагаемой ими системе "первоочередных шагов". При этом они считают принципиально важным комплексный подход (нельзя начать с экономической модернизации, отложив "на потом" политические реформы). Это - красивый, но достаточно спорный тезис. Сразу же приходит на ум меткое изречение Альфреда Маршалла о том, что крайняя нетерпимость к социальным болезням так же вредна, как и крайняя терпеливость по отношению к ним (Альфред Маршалл. Принципы политической экономии. Пер. с англ. - М.: т.3, 1984, с. 141). Это наблюдение многократно подтверждалось в истории экономических трансформаций многих стран, в том числе и постсоветской России

90-х годов. В то же время, мы сегодня видим успехи экономической модернизации Китая при длительном сохранении политической системы в этой стране. Но двинемся дальше в исследовании радикальных предложений авторов доклада. Они излагают их в виде таблицы, отражающей желаемую последовательность действий. Предоставляем читателю самостоятельно ознакомиться с этим любопытным материалом. Отметим лишь, что здесь предлагаются радикальные преобразования абсолютно всех сфер жизни российского общества. Это отдалённо напоминает два хорошо известных документа. Первый - изданная в 1988 году книга Горбачёва о перестройке и новом мышлении, которая была столь же сильна в критике советской системы, сколь непоследовательна и противоречива во всём, что касалось конкретной программы действий. Второй - известная программа Явлинского, в которой он в 1990 году предлагал за 500 дней перестроить всю экономику России и от которой, слава богу, вскоре отказался.

Авторы доклада заявляют, что модель экономического роста, реализованная в 2005-2008 гг. "себя исчерпала". По их мнению, необходим переход к иной, "сбалансированной" модели развития. Что же это за модель? Может быть, это модель пропорционального, сбалансированного развития всех ключевых отраслей народного хозяйства на основе современного стратегического планирования? Ведь в наше время уже ни одна развитая страна не отдаёт свою судьбу на откуп рыночной стихии. Ещё во времена Великой депрессии 30-х годов прошлого века США многое переняли у советской системы планирования народнохозяйственного развития, и это помогло им справиться с кризисом. А после второй мировой войны многие страны ввели у себя те или иные элементы планирования, которые действуют и по сей день, хотя это предпочитают не афишировать. Демократия и развитая рыночная экономика не помешали США запланировать и успешно реализовать важнейшие общенациональные программы борьбы с бедностью, преодоления отставания от СССР в освоении космического пространства, вывода Америки в мировые лидеры научно-технического прогресса. Известны ли эти факты новейшей истории авторам доклада? Несомненно. Но наши твердолобые либералы не были бы либералами, если бы осмелились произнести слово "планирование". Вот и в этом докладе мы читаем рассуждения о том, что "главной движущей силой становятся инвестиции и инновации частного бизнеса". В то время, когда все ведущие страны планируют

и умело координируют усилия и государственного, и частного секторов в общенациональных интересах, наши либералы и слышать не желают о сколь-нибудь значительной роли государства в развитии современной сложной экономики. Застарелое либеральное помешательство на благотворной частной собственности и вредоносном государстве продолжается и до сих пор вопреки очевидным фактам из отечественного и мирового опыта!

Создаётся впечатление, что авторы доклада, которые столь высокопарно рассуждают об "умной экономике" или "экономике знаний", живут не на земле, а где-то в абстрактном гуманитарном пространстве. В их лексиконе почти не встречаются такие земные понятия, как "отрасль производства", "промышленное предприятие", "хозяйственная инфраструктура", "технические требования", "контроль качества продукции". Эти люди наверняка дарят своим любимым женщинам дорогие импортные духи. Но едва ли они задумываются над тем, что французские духи "Шанель" содержат десятки натуральных и синтетических компонентов, за которыми стоят соответствующие химические производства. Для изготовления этого ароматного изделия нужно иметь высокоразвитую промышленную отрасль. Но зачем думать о таких прозаических вещах? Можно просто купить этот импортный шедевр в парфюмерном магазине. Ну ладно, духи не самая главная вещь в нашей жизни. Но ведь сегодня точно такая же ситуация и с лекарственными средствами. Две трети их закупается за рубежом! У нас, в лучшем случае, делают лекарства из импортных субстанций. Для изготовления отечественных субстанций нужны опять-таки химические производства, которых у нас теперь нет. Они развалились в результате "радикальной экономической реформы" 90-х годов и до сих пор не восстановлены. К сожалению, похожая ситуация и в других отраслях промышленности. В том числе и в тех, которые должны обеспечивать всем необходимым нашу обороноспособность. Деиндустриализация страны становится фактом. Вот о чём не мешало бы подумать учёным мужам из ИНСОРа, когда они восхваляют в своём докладе "модернизационный рывок" 90-х. Подумать и понять, что восстановление и развитие отечественных производственных отраслей, разрушенных как после самой настоящей войны, невозможно на основе рыночной стихии, без плана, без учёта, без контроля за конечными результатами по объёму, ассортименту и качеству продукции. Иными словами, без столь ненавистного этим господам государственного регулирования экономики… В целом

доклад ИНСОРа не может быть оценен иначе, как пустое и вредное прожектёрство вместо серьёзного научного анализа». Конец цитирования. Полный текст этой моей статьи был опубликован 2 августа 2011 г. на сайте форума «Дмитрий Медведев» http://www.medvedev-da.ru/forum.php?PAGE_NAME=read&FID=2&TID=3941

Еще в 2009 году ультралиберальные сторонники Медведева начали кампанию по недопущению премьера Путина на президентские выборы 2012 года. Например, Игорь Юргенс заявил, что Путин рискует стать угасающим лидером в стиле Леонида Брежнева. По мнению Юргенса, во избежание такого сценария следовало организовать открытое состязание между Путиным и Медведевым на выборах. В этом же духе высказался и Евгений Гонтмахер. Эксперт Совета по внешней политике Германии Александр Рар высказал убеждение, что Медведев ищет поддержку на Западе. И действительно, западные средства массовой информации в массе своей такую поддержку оказывали.

В июне 2011 г. Д.А.Медведев выступил с речью на Петербургском международном экономическом форуме. В связи с этим выступлением пришлось высказать критические замечания. Это было мною сделано в статье под заголовком «Опять перестройка и шоковая терапия? (о выступлении Президента РФ Д.А.Медведева на Петербургском международном экономическом форуме)». В статье говорилось: «Важным решением президент считает отказ от той экономической модели, которая существовала в России до этого времени. По мнению президента, эта модель была нужна в предыдущие годы для преодоления экономического беспорядка, но теперь исчерпала себя. Её наследие, выражающееся сегодня "в огромном количестве государственных активов", влияет на экономику отрицательно. Подобная модель представляет угрозу для страны, и никакие пятилетки, как выразился глава государства, эту угрозу не предотвратят. Выбирая в негласном споре между тихим стабильным движением вперед и бурной модернизацией всех сфер жизни страны, президент Д.А. Медведев явно предпочитает второй сценарий. "За пресловутой стабильностью может скрываться очередной застой, поэтому нужно быстрее и решительнее менять всё, что мешает прорывному развитию", - предупредил он. Таким образом, речь по существу идёт о новой перестройке наподобие горбачёвско-ельцинской. И никакие дальнейшие красивые рассуждения о том, чтобы "в России произошло формирование в

ближайшие 10 лет экономики высокого качества жизни, экономики, которая делает жизнь комфортной и интересной, экономики, создающей то, что позволяет быть в числе мировых лидеров", не меняют сущности предлагаемого президентом выбора. Эти красивые рассуждения россияне уже слышали двадцать лет назад.

В заключение своего выступления президент сказал: "Я далек от иллюзий, что вся российская экономика может стать другой за несколько лет, но за относительно короткое время мы обязаны пройти точку невозврата к тем моделям, которые ведут нашу страну в обратном направлении". Президент уверен, что его готово поддержать всё российское общество. Так ли это? Почему подавляющее большинство российских избирателей упорно проваливает наших либеральных кандидатов, активно пропагандирующих те же "ценности"? Разве двадцать лет назад не было тех же пламенных призывов форсированно пройти "точку невозврата" от советского наследия к светлому рыночному будущему? Большинство россиян на себе испытали последствия этой шоковой терапии. Россия едва не развалилась вслед за Советским Союзом и вместо светлого рыночного будущего покатилась к рыночному кладбищу. Крах ультралиберальных экспериментов признал сам Борис Ельцин, уходя в отставку. Только благодаря своевременному восстановлению государственного регулирования Владимиру Путину удалось сохранить целостность страны и предотвратить полную экономическую катастрофу. Страна и до сих пор в непростом экономическом положении. Но реформаторский зуд по-прежнему не даёт покоя некоторым российским политикам. Раньше они ругали советский застой, теперь они с тем же энтузиазмом ругают десятилетний "путинский застой". Их лозунг - "Россия, вперёд!" Что же, лозунг хороший. Все россияне его действительно поддерживают. Но не зря говорят, что дьявол кроется в деталях. Главный вопрос - куда "вперёд"? Не обернётся ли это на деле возвратом к ельцинскому экономическому беспределу?

Президент допускает серьёзную ошибку, эксплуатируя пресловутую идеологию преодоления "точки невозврата". Ошибкой является и недооценка регулирующей роли государства в нынешний сложный период. Надо не разрушать государственное регулирование, а повышать его компетентность и эффективность. Надо не ослаблять государственную власть, а улучшать её. В том числе и путём жесточайшего подавления коррупции среди чиновников. Равным образом, создавая условия для развития малого и среднего бизнеса,

надо одновременно заботиться и о том, чтобы наш бизнес не занимался воровством, обманом, мошенничеством, жульничеством, имитацией реальной работы и всё той же коррупцией. И здесь необходима регулирующая роль государства. Мало выдвинуть лозунг об "экономической активности миллионов граждан". Надо, чтобы эта активность на деле была продуктивной, а не спекулятивной и уж тем более не криминальной. В период шоковой терапии и ваучерной приватизации тоже эксплуатировали красивый лозунг "нам нужны миллионы собственников, а не собственники миллионов!" Что вышло на деле, хорошо известно. И, расширяя правительственную программу приватизации, чего требует президент, неплохо бы подумать о том, чтобы не повторилась история попадания предприятий в руки недобросовестных и неэффективных собственников, которые разворуют и разорят предприятие вместо его развития. Этот вариант мы тоже проходили в не столь далёком прошлом.

Нужна ли стране модернизация? Безусловно, нужна. Но это должно быть планомерное, устойчивое, бескризисное развитие в течение достаточно продолжительного времени. Подчёркиваю - именно всестороннее развитие на плановой основе. Стране не нужны ни застой, ни импульсивные непродуманные реформации. Страна от них давно устала. Люди справедливо критикуют многие стороны нашего бытия, они хотят перемен к лучшему. Но они не хотят снова оказаться заложниками авантюрной политики тех, для кого главное - удовлетворение своих честолюбивых амбиций. Удивляет в выступлении президента и неуважительный отзыв о наших пятилетках. Он уверен, что никакие пятилетки нам не помогут. Откуда такая уверенность? Помогли же они молодой советской стране за исторически короткий срок превратиться из нуля во вторую по экономической мощи державу мира. Говорят, тогда был тоталитаризм, были репрессии. Да, это было. Люди осуждают репрессии и не хотят их повторения. Но зачем же мазать сплошной чёрной краской наше советское прошлое, как это делают недобросовестные составители речей для президента? Мы ежегодно в торжественной обстановке празднуем победу советского народа в Великой Отечественной войне. Но при этом стыдливо умалчиваем или нарочито "забываем" обо всём, что подготовило эту победу. Делаем вид, что народ победил сам по себе, без всякого руководства. Продолжаем бросать камни в тех, кто организовал эту победу.

Наши "продвинутые" советники президента никак не могут взять в толк, что планирование и контроль были и остаются мощными рычагами экономической политики. Наиболее развитые страны Запада ещё с времён Великой депрессии 30-х годов стали по примеру СССР использовать те или иные формы планирования. Демократия и рыночная экономика не помешали США планомерно осуществить ряд важных общенациональных программ. Так были последовательно претворены в жизнь национальная программа борьбы с бедностью, национальная программа по преодолению отставания от СССР в освоении космоса, национальная программа вывода Америки в мировые лидеры научно-технического прогресса. При осуществлении этих программ умело осуществлялась координация усилий и государственного сектора, и частного бизнеса в общенациональных интересах. Именно планомерное развитие, а отнюдь не рыночная стихия, позволило Америке создать мощную индустриальную базу. Только на такой базе и возникла американская экономика, которая, выражаясь словами нашего президента, "делает жизнь комфортной и интересной, создаёт то, что позволяет быть в числе мировых лидеров". Нам тоже придётся теперь восстанавливать былую экономическую мощь, сильно подорванную фактической деиндустриализацией страны в результате бездумной "радикальной экономической реформы" 90-х годов. И сделать это можно только по плану, при надлежащем государственном контроле.

Хочется выразить надежду на то, что у нашего президента хватит здравомыслия и политической ответственности воздержаться от импульсивных и непродуманных шагов, к которым его подталкивают "продвинутые" временщики и подхалимы. Им не дорога Россия. Для них важно использовать политическую конъюнктуру в собственных корыстных интересах». Конец цитирования. Статья была опубликована 20 июня 2011 г. в «Вестнике гражданского общества CIVITAS» http://vestnikcivitas.ru/docs/1492

24 сентября 2011 года на съезде партии «Единая Россия» было объявлено, что на президентских выборах в 2012 году свою кандидатуру выдвинет В.В. Путин, а правительство в случае его победы возглавит Д.А. Медведев. Это решение было критически воспринято значительной частью российского общества, но в целом В.В. Путин сохранил поддержку большинства электората. В декабре 2012 года в России состоялись очередные выборы в Государственную думу. Победу на них вновь одержала «Единая Россия», однако оппозиционные партии сумели увеличить свое представительство в

парламенте. Подозрения в честности подсчета голосов вызвали массовое движение протеста, в Москве и ряде других российских городов прошли митинги и демонстрации. Для того чтобы купировать движение протеста, Путин и Медведев пошли на ряд уступок. В частности, было решено вернуться к практике выборов глав регионов. Для того, чтобы избежать обвинений в фальсификациях, все избирательные участки были оборудованы видеокамерами и прямой трансляцией процесса голосования в Интернете.

В заключение этого раздела нельзя не прокомментировать любимый лозунг президента Медведева «свобода лучше несвободы». Красиво сказано, но едва ли к месту. Разве кто-то сомневается, что быть на свободе лучше, чем сидеть за решеткой? Кому адресован этот лозунг? Наше общество неоднородно. Есть честные труженики. Есть умелые и добросовестные предприниматели. Есть компетентные, ответственные и неподкупные преподаватели, врачи, чиновники. А есть богатые и высокопоставленные воры, взяточники, мошенники, жулики, злостные имитаторы реальной работы. К сожалению, их много. Едва ли они достойны свободы. И вообще, как это ни парадоксально прозвучит, свобода – не всегда благо. Иногда она становится обременительной. В своей интересной книге «Бегство от свободы» Эрих Фромм ставит отнюдь не праздные вопросы: «Может ли свобода стать бременем, непосильным для человека, чем-то таким, от чего он старается избавиться? Почему для одних свобода – заветная цель, а для других – угроза? Не существует ли, кроме врожденного стремления к свободе, и инстинктивной тяги к подчинению?» [118]. Столь серьезная и глубокая постановка вопроса о психологических, экономических и социальных аспектах концепции «свобода» заслуживает внимательного и вдумчивого прочтения.

Второе президентство В.В. Путина (с 2012 года). На выборах президента России 4 марта 2012 года В.В. Путин победил в первом туре, набрав чуть больше половины голосов избирателей. Он снова стал главой государства, теперь уже, благодаря внесенным ранее изменениям в главу 81 Конституции РФ, сроком на шесть лет — до 2018 года. 7 мая 2012 года Путин приступил к исполнению президентских обязанностей, поручив Д.А. Медведеву возглавить кабинет министров и партию «Единая Россия».

Свой новый президентский срок В.В. Путин начал с мер по усилению власти, противодействию коррупции и ограничению

некоторых свобод. Он внес в Госдуму законопроекты об уголовной ответственности за фиктивную регистрацию граждан, о запрете чиновникам иметь счета за рубежом, о фонде перспективных исследований («в целях содействия осуществлению прорывных исследований и разработок в интересах обороны и безопасности государства»). Также он подписал законы «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (известный как «Закон Димы Яковлева», запрещающий въезд в РФ иностранцам, причастным, в том числе, к гибели усыновленных российских детей) и закон об НКО, обязывающий некоммерческие организации отчитываться особым образом в случае финансирования из-за рубежа.

Своих постов лишились: министр обороны А.Э. Сердюков, заместитель председателя правительства В.Ю. Сурков, министр регионального развития О.М. Говорун, вице-президент Олимпийского комитета Ахмед Билалов. Произошли отставки среди губернаторов, в МВД, прокуратуре. Одновременно Путин продолжил либерализацию политической системы страны. Так, 1 марта 2013 года он внес на рассмотрение в Госдуму законопроекты о смешанных парламентских выборах, который разрешает выборы по одномандатным округам. Вскоре после выборов антипутинская оппозиция устроила беспорядки на Болотной площади в Москве. Трудно сказать, зачем надо было «махать кулаками после драки». Путин победил, стал президентом, и вполне можно было и нужно было передать ему все оппозиционные предложения и пожелания. Но лидеры оппозиции решили громко заявить о себе.

В интересной книге Густава Лебона [132] детально анализируется психология больших социальных групп. Впервые сформулированы закономерности поведения организованной толпы. Оказывается, что у людей в толпе появляются новые качества, которыми они до сих пор не обладали. В этой ситуации «индивид приобретает сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда он один». Лебон объясняет это тем, что, во-первых, толпа анонимна и потому не несет ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе. Во-вторых, в толпе «всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному». Третья особенность индивида в толпе, по наблюдению автора, состоит в том, что «он становится

восприимчивым к внушению, автоматом, у которого своей воли не существует». Зачинщики беспорядков на Болотной площади, по всей вероятности, не читали Лебона, но как в воду глядели. Подобные выступления крайне опасны. Власть обязана своевременно предотвращать подобные «акции протеста». Болотные события в еще более драматической форме повторились на киевском Майдане.

Нынешнее президентство Путина омрачилось драматическими событиями на Украине. Некогда самая сильная советская республика вознамерилась войти в Европейский Союз. Но президент Украины Янукович, который сначала был склонен к такому решению, по здравому размышлению решил отказаться. Он понял, что лучше синица в руках – добрососедские и взаимовыгодные отношения с дружественной Россией – чем журавль в небе – сомнительный альянс с Европой, с неясными перспективами светлого европейского будущего и вполне отчетливыми экономическими потерями в настоящем и ближайшем будущем. Но толпа уже была заведена. Многие люди на Украине решили, что альянс с Европой даст им счастливую жизнь и избавит от нынешнего прозябания в условиях экономического беспредела и коррупции. Отказ Януковича от первоначальных намерений стал катализатором возмущения.

В конце ноября 2013 года в центре Киева на Майдане Незалежности после заявления Виктора Януковича об отказе подписания соглашения об ассоциации с ЕС началась массовая акция протеста, в которой принимали участие в основном жители западных областей Украины, иностранцы и, конечно же, киевляне. Это повлекло за собой антиконституционный государственный переворот. Верховная Рада Украины была захвачена радикальной экстремистской организацией "Правый Сектор". Виктор Янукович перенес покушение на убийство и был вынужден бежать в Россию. С того времени страной начала управлять группа лиц, проявлявшая большую активность на Майдане, которую все чаще сегодня называют хунтой: Турчинов стал и.о. президента, Яценюк – премьером, Кличко – мэром Киева. Петр Порошенко, один из спонсоров ЕвроМайдана, 7 июня был "избран" президентом Украины.

Захват власти экстремистами вызвал волнение жителей Крыма, в большинстве своем русскоязычных. Это привело к референдуму, на котором было принято решение Автономной Республики Крым войти в состав Российской Федерации. Это же вызвало волнение жителей юго-восточной Украины, что привело к захвату областных администраций в Луганске и Донецке и к образованию вооруженного

народного ополчения. В начале мая жители Луганской и Донецкой областей провели референдум, на котором большинство граждан проголосовало за создание независимых Луганской и Донецкой народных республик. В ответ на это Украинская Национальная Гвардия и регулярная армия начали так называемую "Антитеррористическую операцию". Под этим названием украинские власти спрятали геноцид собственного народа. Национальная гвардия, скомплектованная на базе экстремистской организации "Правый Сектор", расстреливала беззащитных жителей Юго-Востока, в том числе женщин и детей, как в Мариуполе и Донецке. Под огонь артиллерии попадали школы и больницы, как в Славянске. Украинские и западные СМИ, пользуясь монополией на новости в своих странах, давали ложные сведения о происходившем. Так, сожженные заживо или растерзанные люди (в основном, старики и женщины) «сами себя убили» в Доме Профсоюзов Одессы. Так, ополченцы Донецка «сами расстреляли» из отсутствующих у них на вооружении самолетов свое административное здание. Так, российские войска оккупировали половину Украины, и вообще «во всем виноваты только русские».

На Западе развернулась клеветническая кампания в связи с присоединением Крыма к России. Ссылаются на нормы международного права, на суверенитет Украины, на «незаконность» волеизъявления крымчан путем референдума. Между тем, любому непредвзятому и мало-мальски объективному наблюдателю должно быть ясно, что Россия в создавшейся обстановке не только имела право, но и должна была вернуть себе Крым. Когда Хрущев, как шубу с барского плеча, подарил Крым Украине, он не задумывался о будущем, о возможных исторических коллизиях из-за этого решения. Советский Союз казался вечным и незыблемым. Поэтому трудно бросить камень в советского вождя. Но вот пришла перестройка. Соратники Горбачева, особенно А.Н.Яковлев, разъезжали по союзным республикам и в демократическом раже пропагандировали свободу, осуждали её нарушения в СССР. Откровенно провоцировали центробежные поползновения, рост национализма, стремление к «самоопределению». Начались волнения, особенно в Прибалтике. Когда запахло жареным, Горбачев спохватился и попытался силой загнать джина в бутылку. Это, естественно, вызвало лишь обратный эффект, накалило антироссийские и антисоветские настроения. Почва для «самоопределения» была подготовлена. Примерно то же

происходило и в других союзных республиках, в том числе и на Украине.

И вот преступное беловежское соглашение о ликвидации СССР и его замене фиговым листком СНГ. О судьбе Крыма никто и не вспомнил, он автоматически остался украинским. В худших традициях волюнтаризма и политической близорукости, реформаторы были уверены в том, что новоявленные члены СНГ сохранят верность и вечную дружбу друг с другом, что они и не помыслят о вступлении в ЕС или НАТО. Но в Прибалтике именно это и произошло. Дурной пример заразителен – о том же стала мечтать и «самостийная» Украина. Эти мечты привели к резкому обострению социально-политического кризиса и ухудшению отношений с Россией. Под угрозой оказалась судьба Севастополя и русских жителей Украины и Крыма. Двусмысленность и безволие Януковича оказались под стать близорукости и политической наивности Горбачева и Ельцина. В Киеве вспыхнул Майдан, провоцируемый фашистами, бендеровцами, антисемитами и подпитываемый западными спецслужбами.

В создавшейся обстановке российскому президенту надо было быть крайне безвольным и безответственным, чтобы допустить возникновение на месте бывшей дружественной Украины враждебного государства, контролируемого Западом. Надо было быть политическим идиотом, чтобы спокойно взирать на очередное приближение НАТО к границам России. Надо было быть полным ничтожеством, чтобы не отреагировать на обращения двухмиллионного населения Крыма о нежелании жить под гнётом бендеровской клики, о стремлении к воссоединению с Россией. К счастью, Путин оказался на высоте. У него хватило ума и воли сделать очевидное. И граждане России в большинстве своем поддержали своего президента. Его рейтинг достиг максимума за последние пять лет. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Согласно результатам исследования, опубликованным 20 марта, рейтинг одобрения деятельности Путина достиг рекордно высокого уровня 75,7%.

Теперь об экономических «санкциях» Запада в отношении России в связи с событиями на Украине. Санкции объявили США, Европейский союз, Канада и ряд других стран. Меры включают замораживание активов и введение визовых ограничений для лиц,

включенных в специальные списки, а также запрет компаниям стран, наложивших санкции, поддерживать деловые отношения с лицами и организациями, включенными в списки. Наиболее серьезными следует считать такие санкции ЕС, как запрет на инвестиции в инфраструктурные, транспортные, телекоммуникационные и энергетические секторы, а также добычу нефти, газа и минералов. Запрещена поставка оборудования для этих секторов, а также оказание для них финансовых и страховых услуг. Установлен запрет на покупку более 250 наименований товаров, среди которых полезные ископаемые минералы и углеводороды. Европейским финансовым структурам запрещено выдавать кредиты или приобретать доли в проектах, которые затронуты секторальными санкциями. Более того, 31 июля 2014 года ЕС ввёл санкции против «Сбербанка России», банка ВТБ, «Газпромбанка», «Внешэкономбанка», «Россельхозбанка». Также ввёл эмбарго на импорт и экспорт оружия и подобного материала в Россию; запрет на экспорт товаров двойного назначения и технологий для военного использования в Россию или российским конечным военным пользователям. Обязал экспортёров получать предварительное разрешение компетентных органов государств-членов на экспорт определенных видов энергетического оборудования и технологий в Россию, а также ввёл запрет на поставки в Россию высокотехнологичного оборудования для добычи нефти в Арктике, на глубоководном шельфе и сланцевой нефти. Европейский банк реконструкции и развития 23 июля 2014 года заморозил принятие решений о новых проектах в России. Среди санкций, предпринятых отдельными странами, наиболее серьезные со стороны США. Президент США Барак Обама подписал 17 июля 2014 года указ, которым вводятся санкции против ряда российских должностных лиц в виде замораживания их банковских счетов, ареста имущества и отказа в выдаче въездных виз. Затем последовали и другие санкции. В их числе – первые санкции в отношении ключевых секторов российской экономики. Под санкции попали «Роснефть», газовая компания «Новатэк», государственные Внешэкономбанк и Газпромбанк, ряд предприятий оборонно-промышленного комплекса. Россия со своей стороны приняла ответные меры.

Следует со всей серьезностью предостеречь против недооценки влияния западных санкций на Россию, против шапкозакидательских настроений. Россия сегодня не в таком благополучном экономическом положении, чтобы не обращать на санкции внимания.

Наша страна должна обрести экономическую самодостаточность и независимость от этих «санкций». Конечно, речь не идет о возвращении к прежней изоляции от мира и восстановлении «железного занавеса». Интеграция в мировую экономическую систему – свершившийся факт, и это приносит немало полезного нашей стране. Но интеграция должна быть в разумных пределах. Она не должна оборачиваться утратой национальной безопасности. Руководству страны необходимо разработать абсолютно четкий план восстановления и развития отечественного производства с целью ликвидации опасной зависимости от заграницы в обеспечении страны жизненно важными товарами. Это в первую очередь относится к отраслям, прямо или косвенно работающим на обороноспособность страны. Такой план необходимо разработать и мобилизовать для его выполнения и государственный, и частный секторы нашей экономики. План должен быть не только разработан, но и претворен в жизнь в короткие сроки. При необходимости Госдума должна принять нужные законы. И не надо обращать внимание на скулёж по поводу «нерыночности» таких мер. История знает примеры, когда и в условиях рыночной экономики четкий план и умелая государственная политика обеспечивали высокие темпы и качество экономического роста.

В настоящее время в адрес президента Путина раздается много критики. Тем, кто критикует Путина на том основании, что за годы его президентства осталось много нерешенных проблем, полезно ознакомиться с тезисом из интересной книги [130]: «Не следует считать, что после падения диктатуры (имеется в виду падение советской системы – В.Ф.) немедленно будет создано идеальное общество. Развал диктатуры дает только начальную точку, при условии расширения свобод, для долговременных усилий по усовершенствованию общества и надлежащему удовлетворению потребностей людей. Серьезные политические, экономические и социальные проблемы будут решаться годами, требуя сотрудничества множества людей и групп. Новая политическая система должна предоставить людям с различными взглядами и подходами возможность продолжить конструктивную работу и разрабатывать политику разрешения проблем в будущем».

Закончить этот раздел хотелось бы авторитетным мнением о В.В.Путине, высказанным Маргарет Тэтчер [108, с. 65-69]. Можно ли иметь дело с Путиным? – ставит вопрос Тэтчер. И дает следующий ответ: «Какой бы ни была оценка долгосрочных целей и устремлений

России, качества, продемонстрированные господином Путиным, не могут не впечатлять. В его лице страна после долгих лет беспорядка и развала получила сильного и энергичного лидера. Совершенно очевидно, что он обладает способностью оценивать международные события и реагировать на них смело, трезво и эффективно. Излишне приписывать ему совестливость и либеральные инстинкты демократа с тем, чтобы представить его как лидера, с которым Запад может иметь дело».

ГЛАВА 2.
К новому гуманному обществу: программа для России

Содержание этой главы в значительной степени основано на материалах предыдущей главы. Поэтому неизбежны повторы, за что прошу извинения у читателей.

2.1. Научная основа программы

Призрак бродит по России – призрак нигилизма. Прежняя советская идеология, которая десятилетиями считалась непререкаемой истиной, ныне отвергнута. Официальная альтернативная идеология не создана. В среде гуманитарной элиты царит разноголосица. Отношение к горбачёвской «перестройке» и ельцинской «радикальной экономической реформе» неоднозначное. Одни яростно ругают новоявленную либеральную идеологию, ностальгируя по прежним советским временам. Другие сочувственно твердят о неизбежности «болезненной, но необходимой экономической реформы». Власть занимает выжидательную позицию, предпочитая акцентировать внимание не на том, куда идет страна, а на том, куда она не идет («мы не возвращаемся в советское прошлое», «мы не строим государственный капитализм»). Резко полярное отношение и к оценке нашего советского прошлого. Для одних Октябрьская революция – великое событие в истории России, прорыв к более справедливому общественному строю. Другие видят в ней «преступный большевистский эксперимент», ввергнувший страну в пучину несчастий. Для одних годы советских пятилеток – период беспрецедентного социально-экономического прорыва, подъема науки, техники, культуры. Для других – это эпоха сплошных бед и несчастий, жестокой эксплуатации народа Сталиным и его окружением. Даже героическая победа советского народа в Великой

Отечественной войне стала предметом непримиримых дискуссий. Игнорируя реальные исторические факты, акцентируют внимание лишь на ошибках и просчетах советского руководства. Не стыдятся идентифицировать Сталина с Гитлером. Бросают камни в тех, кто организовывал гигантскую работу на фронте и в тылу, без чего победа была бы невозможна. Договариваются до несусветных глупостей вроде того, что победу одержал только народ, а его руководство вовсе ни при чем.

Неразбериха в головах закономерно порождает конформизм и беспринципность в программах и политике множества политических партий и общественных движений, неимоверно расплодившихся в последнее время. Каждая партия стремится к власти и пропагандирует собственные интересы, выдавая их за интересы всего общества. И, конечно, в случае прихода к власти, будет навязывать эти интересы всему народу. Но народ – это не совокупность партий. Народ нуждается в предсказуемом и стабильном благосостоянии, в нормальной жизни сегодня и завтра, в возможности создавать семьи и планировать их жизнь, в гарантиях благополучия для детей и внуков. Это может обеспечить только долговременная оптимальная государственная политика, основанная на глубоком понимании и использовании объективных законов общественного развития. Эти законы никто не отменял, они не исчезли вместе с отказом от прежней советской идеологии. Эти законы существуют и, хотим мы того или нет, продолжают оказывать определяющее влияние на жизнь общества, на судьбу каждого человека. Изучением этих законов занимается политическая экономия. Как и любая другая наука, политэкономия развивается и изменяется в ходе исторического процесса. Современная политэкономия, независимо от того, что думают по этому поводу её официальные оракулы, - это уже не «научный коммунизм» советских времён. Равно как и не «классическая политэкономия» времён Альфреда Маршалла, и не новомодная «экономикс», любимое блюдо наших продвинутых либеральных экономистов. Политическая экономия XXI века – это междисциплинарная общеэкономическая теория, основы которой рассмотрены в предыдущей главе. Эта новая наука – нечто совсем другое, революционное по теоретической сущности и более адекватное в практическом отношении. Только с появлением этой обновленной науки стала возможной программа для России, предлагаемая вниманию читателей.

Современное общественное производство – это глобальный процесс переработки природных ресурсов в необходимую людям продукцию. Это - сложная динамическая система с множеством прямых и обратных связей. Здесь участвуют природные ресурсы, машины, люди. В этой системе действуют параллельно-последовательные процессы: физические, механические, химические, экономические, экологические, биологические, психологические и многие другие. Каждый из этих процессов изучается своей специальной наукой. Но глубокое понимание законов, управляющих этой системой, уже невозможно на основе традиционных подходов, привычных для наших штатных экономистов, социологов, политологов. Оно возможно только на стыке наук, на основе интеграции современного научного знания о природе, человеке и обществе, на основе междисциплинарных и системно-аналитических подходов, с применением математических методов исследования. Такова междисциплинарная общеэкономическая теория.

В то же время, необходимый революционный подход обязан сочетаться с научной преемственностью. Наука не развивается на пустом месте. Междисциплинарная общеэкономическая теория является продолжением, обобщением и развитием экономических учений Карла Маркса и Альфреда Маршалла, Пола Самуэльсона и Василия Леонтьева, Джона Кейнса и Питера Друкера, Йозефа Шумпетера и Джона Гэлбрейта, Николая Кондратьева и Гардинера Минса, других выдающихся экономистов и социологов применительно к современным историческим условиям. Принципиально важен вопрос о достоверности гуманитарных исследований. Достоверность новых теорий в общественных науках проверяется тем, насколько их результаты, выводы и прогнозы согласуются с общественной практикой, с жизнью. Не менее важен и другой аспект: в какой степени выводы и прогнозы теории полезны для практики, могут ли они быть использованы для формирования оптимальной политики. Междисциплинарная общеэкономическая теория демонстрирует свою дееспособность вот уже несколько десятилетий. Это позволяет надеяться на её пригодность для разработки и реализации программы, предлагаемой читателю этой книги.

В ходе обсуждения междисциплинарной общеэкономической теории на форумах и интернет-конференциях часто задают вопрос: чем она отличается от экономического учения Карла Маркса и от

современной «экономикс», что в ней нового? В связи с этим, прежде чем двигаться дальше, рассмотрим этот вопрос.

Междисциплинарная общеэкономическая теория и Карл Маркс.

Учение Карла Маркса оказало огромное влияние на всю историю XX века. Его работы сформировали в философии диалектический и исторический материализм, в экономике - теорию прибавочной стоимости, в политике - теорию классовой борьбы. Эти направления стали основой мирового коммунистического и социалистического движения и соответствующей идеологии - марксизма. Карл Маркс является автором широко известного «Манифеста коммунистической партии», впервые опубликованного в 1848 году. Под знаменем марксизма русские большевики много лет вели борьбу с царизмом, совершили Октябрьскую революцию 1917 года. В советской стране Маркса почитали как «основоположника научного коммунизма», как «великого учителя и вождя мирового пролетариата». Его «Капитал» считался хрестоматией советской идеологии. Памятники Марксу, Энгельсу и Ленину во всех уголках нашей страны и до сих пор напоминают о нашем советском прошлом. После перестройки, особенно в начале 90-х, имя Карла Маркса начали предавать анафеме. Пальму первенства захватили те самые ученые, которые при советской власти славословили Маркса, получая за это высокие научные звания, премии, награды. Теперь, когда власть сменилась, они начали рьяно доказывать несостоятельность марксизма. Конечно, ошибаться может каждый. Признание своих ошибок и изменение взглядов не могут быть предметом порицания. Но в данном случае речь о другом – о беспримерном лицемерии, трусости, карьеризме.

Ни одна научная теория не может считаться абсолютной истиной, справедливой на все времена. Маркс блестяще проанализировал природу и тенденции развития капитализма своего времени. Многие его прогнозы подтвердились. В ряде стран произошли предсказанные им социальные революции. Но Маркс не мог предвидеть во всех деталях ход будущего общественно-экономического развития. Он не дожил до современного капитализма, не изучал его законов. Как показывают исследования, современный капитализм является существенно иной общественно-экономической формацией по сравнению с капитализмом времён Маркса. Не оправдались и прогнозы Маркса о неминуемой гибели мирового капитализма в пламени пролетарской революции, и его учение о пролетариате как

"могильщике" мирового капитализма. Не предвидел Маркс и того, что капитализм со временем научится предотвращать или смягчать регулярные разрушительные кризисы перепроизводства, которые были ему присущи на ранних стадиях. За пределами экономической теории Маркса осталось и исследование регулирующей роли государства с целью предотвращения или сглаживания колебаний рыночной конъюнктуры и деловой активности. Наконец, и грандиозные достижения современной научно-технической революции наложили отпечаток на весь ход мировой истории. По этим и другим причинам революционное содержание марксизма постепенно стало терять своё значение.

Нельзя не сказать и о том, что, хотя марксизм был провозглашён официальной идеологией в нашем советском прошлом, многие советские идеологи даже не давали себе труда внимательно и вдумчиво читать подлинные тексты Маркса. Ключевые положения марксистской экономической теории часто искажались. Были и объективные причины. История поставила советскую страну перед фактом враждебного капиталистического окружения, и это не могло не приводить к отступлениям от марксистской теории в реальной политике. Сохранилось ли сегодня что-нибудь рациональное в марксизме? Или, как считают многие, он безнадёжно устарел? Как показывают исследования, самым главным в экономической теории Маркса с современных позиций следует считать строгое научное определение понятия «труд», впервые сформулированное в первом томе "Капитала". Прежде это как бы отступало на второй план, заслонялось революционным содержанием марксизма. А между тем, именно определение Марксом процесса труда сохраняет непреходящее научное значение. Это определение легло в основу междисциплинарной общеэкономической теории.

Главным результатом в междисциплинарной общеэкономической теории является вывод уравнения "одушевлённой производственной функции» (ОПФ). Она называется так потому, что в это уравнение, наряду с традиционными макроэкономическими величинами, входят "человеческие факторы" - психологические факторы мотивации труда. Это – важное отличие ОПФ от обычных производственных функций, хорошо известных из математической экономики. При этом интересно, что традиционная макроэкономическая производственная функция Кобба-Дугласа оказывается частным случаем ОПФ. С учётом факторов мотивации труда, ОПФ получает законченный вид и становится пригодной для всестороннего отображения любой

социально-экономической системы. Уравнение ОПФ включает важнейшие величины, от которых зависит функционирование социально-экономической системы: природные ресурсы и объём экономического пространства, капитал (производственные фонды), численность работников, их мотивация и компетентность, фактор научно-технического прогресса.

Наряду с уравнением ОПФ, в новой общеэкономической теории выводятся уравнение общего экономического баланса, уравнение совокупного потребления, уравнение совокупной заработной платы и др. Вместе с ОПФ они пригодны в качестве инструментов для адекватного исследования социально-экономической динамики. С их помощью исследуются причины и механизмы экономических кризисов, методы их предотвращения или смягчения их последствий. Важным является вывод о том, что кризисам может быть подвержена не только капиталистическая, но и другие социально-экономические системы. Особенно существенно выявление определяющей роли факторов мотивации труда в социально-экономических переменах. Показано, что обострение противоречий советской системы и её последующий кризис – это в первую очередь кризис мотивации труда. Уравнение ОПФ и другие уравнения этой новой теории нельзя использовать для точных количественных расчётов сложных социально-экономических процессов. Причина в том, что не представляется возможным дать точную количественную характеристику некоторых величин, входящих в уравнение ОПФ. Может быть, это станет возможно в будущем. А пока система уравнений ОПФ может быть использована для качественной имитации социально-экономических процессов. Это важный метод, он уже давно применяется в математической экономике. Похожая ситуация встречается и в естествознании. Например, известное квантово-химическое уравнение Шрёдингера точно описывает состояние электрона только в атоме водорода. Оно не подходит для более сложных атомов, но на его основе разработаны полуколичественные и полуэмпирические методы приближённого описания сложных атомов и истолкования природы химической связи, что привело к важным практическим результатам.

Междисциплинарная общеэкономическая теория не отвергает формулировку Марксом основного экономического закона как закона соответствия между характером производственных отношений и уровнем развития производительных сил, но позволяет уточнить и конкретизировать действие этого закона. Новая теория ставит в центр

проявления этого закона фактор мотивации труда. В "Экономических рукописях 1857-1859 годов" (первоначальном варианте "Капитала") Карл Маркс предсказал, что в будущем удастся вывести "первые уравнения", которые по аналогии с естествознанием смогут описывать состояние социально-экономической системы. Он собирался заняться этой работой, но не успел. В междисциплинарной общеэкономической теории этот прогноз нашёл подтверждение. Такие уравнения выведены, причём, как и предполагал Маркс, на основании глубокой аналогии экономических и естественных процессов. Карл Маркс считал, что основной закон капитализма - закон прибавочной стоимости. В новой теории показано, что применительно к современному капитализму этой формулировки уже недостаточно. В нашу эпоху технологически сложных и опасных производств мотив прибыли часто уступает место факторам надёжности и безопасности. В междисциплинарной общеэкономической теории с единых позиций сформулированы экономические законы как раннего, так и современного капитализма, причём не только словесно, но и математически. Это выводит современную общеэкономическую теорию на уровень новой науки - математической политэкономии.

Карл Маркс предсказывал неизбежную гибель капитализма в пламени пролетарской революции. В междисциплинарной общеэкономической теории исследовано, почему этот прогноз до сих пор не оправдался. Показано, что современный капитализм трансформировался в многофакторную систему, с многочисленными прямыми и обратными связями, с множеством степеней свободы для социально-экономической адаптации. Возросшая регулирующая роль государства позволяет современному капитализму видоизменяться и разрешать наиболее острые социальные противоречия без гибельных революционных катаклизмов. В то же время, ряд противоречий, присущих капитализму как общественной системе, сохраняется и до сих пор. Это говорит о том, что в целом вывод Маркса об исторической бесперспективности капитализма как общественной системы сохраняет актуальность. Но положение марксизма о неизбежности мировой революции заменяется утверждением о неизбежности исторической эволюции капитализма в более прогрессивную и справедливую социально-экономическую систему, способную объединить человечество перед лицом глобальных угроз, решить проблемы выживания и развития цивилизации на Земле. В развитие работ Маркса, междисциплинарная общеэкономическая

теория анализирует с современных позиций причины и механизмы экономических кризисов. Проанализированы современные имитационные модели математической экономики, воспроизводящие цикличность экономического развития. Рассмотрены способы государственной стабилизационной политики и отличительные особенности экономических кризисов современного капитализма.

Карл Маркс считал главным злом капитализма частную собственность и капиталистическую эксплуатацию. В междисциплинарной общеэкономической теории проанализированы серьёзные изменения характера наёмного труда в современную эпоху, отмечается повышение роли компетентного менеджмента и усиление тенденции к гуманизации труда. Нельзя недооценивать тот факт, что есть разные пути, по которым частные собственники могут расходовать свою прибыль. Это определяет структуру и противоречия в обществе, от этого зависят уровень и качество жизни людей. Тотальная экспроприация капиталистов, которую Маркс и Энгельс считали обязательной, в наше время заменяется законодательством, побуждающим или принуждающим частных владельцев к экономической деятельности не только в личных, но и в общественных интересах. Национализация средств производства – один из возможных законодательных инструментов, наряду с приватизацией. Другим цивилизованным инструментом ограничения антиобщественных сверхвысоких доходов стала прогрессивная система налогообложения, действующая ныне в большинстве экономически развитых стран. Карл Маркс считал пролетариат могильщиком капитализма. В новой теории проанализировано серьёзное отличие современного наёмного работника от пролетария времён Маркса. Повышение роли менеджеров и квалификации исполнителей способствует надёжной работе современных технически сложных производств, которых ещё не было в эпоху Маркса. Возросшая роль профсоюзов в сочетании с регулирующей ролью государства в экономически развитых странах обеспечивают нынешним квалифицированным наёмным работникам значительно более высокий жизненный уровень по сравнению с временами Маркса.

С позиций междисциплинарной общеэкономической теории рассматриваются важнейшие тенденции и противоречия развития России в современном мире. Сформулированы основной экономический закон и основное противоречие советского варианта социализма, который в силу объективных причин оказался

построенным в СССР. Рассмотрен вопрос о том, была ли перестройка объективной необходимостью или исторической случайностью. Обоснован вывод, что кризис советской системы - это, в первую очередь, результат вырождения мотивации к труду. Проанализированы различные аспекты "радикальной экономической реформы": стагфляция, приватизация, разрушение экономического пространства, деградация производственных фондов, вырождение научно-технического прогресса, усиление социального расслоения и т.д. На основании этого анализа сделан однозначный вывод о том, что "шоковый" скачкообразный переход от советской социально-экономической системы к системе либеральных принципов объективно невозможен, а сами эти принципы во многих отношениях не соответствуют долговременным тенденциям общественного развития. Степень свободы в российском обществе должна быть оптимальной: избыток свободы столь же вреден, как и её недостаточность. Избыток свободы приводит к хаосу и анархии, к расцвету воровского и мошеннического "бизнеса", к техногенным авариям и катастрофам, к проникновению во власть антиобщественных элементов, к разгулу преступности, к рецидивам терроризма. Дефицит свободы ведёт к всевластию коррумпированной бюрократии, закрывает дорогу к власти способным и честным политикам, подавляет экономическую активность продуктивного и компетентного бизнеса, мешает взаимовыгодному международному сотрудничеству. Неучёт этих выводов приводит к просчётам в политике, к технологическому отставанию страны вместо ожидаемого прогресса, к росту зависимости от заграницы в критически важных областях, к ущербу для национальной безопасности, к финансово-экономическим кризисам и социальной напряжённости.

Междисциплинарная общеэкономическая теория приводит к выводу о нецелесообразности и невозможности сохранения в России рецидивирующего с 90-х годов дикого капитализма, с его безудержным эгоизмом, вопиющей социальной несправедливостью и регулярными разрушительными кризисами. Обосновывается безальтернативность эволюционного движения России к обществу нового типа, к новому гуманному обществу, оптимально соединяющему экономическую эффективность с социальной справедливостью. Сформулированы основные социально-экономические характеристики этого нового общества. Подчёркивается важная регулирующая роль социального

государства. Обосновывается необходимость обновления его конституционных функций. Междисциплинарная общеэкономическая теория приводит к выводу о непреходящей определяющей роли фактора социально-экономической политики в общественном развитии. Это означает, что в общеисторическом процессе социально-экономического развития регулирующая роль государства не ослабевает, а усиливается. Вместе с этим изменяются регулирующие функции государства в направлении повышения его ответственности, эффективности и социальной направленности проводимой политики. Следует признать в равной мере ошибочными как коммунистическую доктрину о будущем общественном самоуправлении, так и либеральную мифологию о будущем гражданском обществе с безбрежной демократией. Подчёркивается важность совершенствования избирательной системы. Будущее страны решающим образом зависит от того, будут ли выборы приводить к власти действительно ответственных и компетентных политиков.

Междисциплинарная общеэкономическая теория изучает и некоторые вопросы методологии науки, принципиально важные для её дальнейшего развития. В частности, междисциплинарная общеэкономическая теория наследует глубокий интерес Маркса и Энгельса к применению математических и естественно-научных методов в политической экономии. Математика играет важную синтезирующую роль в перемещении духовных ценностей из одной сферы интеллектуальной деятельности в другую. Более того, с усложнением предмета исследования роль математических методов возрастает. Главное не в том, что математика чаще всего имеет дело с количественными оценками и точными расчётами, а в том, что математика на строго научной основе изучает качественные характеристики сложных объектов. Она способствует объединению формальных методов мышления с неформальными, характерными для гуманитарных наук. Вместе с тем, междисциплинарная общеэкономическая теория не имеет ничего общего с голым теоретизированием, с подменой глубокого научного исследования математической формалистикой, с уходом из жизни в сферу формул и цифр без реального содержания. Решающий критерий всегда один - подтверждение теоретических построений общественной практикой, реальной жизнью.

Междисциплинарная общеэкономическая теория и «экономикс». Общим для междисциплинарной общеэкономической теории и «экономикс» является применение математических методов исследования. Но это и все, что их связывает. Теория ОПФ, в отличие от «экономикс», применима не только к капиталистической формации, но к общественному производству в целом, на любой ступени его развития. Из общего уравнения ОПФ вытекают в качестве частных случаев уравнения одушевлённых производственных функций конкретных социально-экономических систем. Наряду с уже известными из истории системами (первобытная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая), возможно существование и других, ещё не известных из исторического опыта. Это - важный вывод из теории ОПФ. Особенно важно, что новая теория позволяет глубже понять причины и сущность перемен в России на протяжении минувшего столетия. Становится более предсказуемой перспектива развития российского общества в современном мире. Открываются возможности для проведения долговременной, осмысленной, оптимальной политики.

Междисциплинарная общеэкономическая теория принципиально отличается от «экономикс» еще и тем, что в ней действуют живые люди, а не бездушные «экономические агенты», конкурирующие между собой для извлечения максимальной прибыли. В новой теории не действует тот известный постулат «экономикс», что ни один экономический агент ни при каких обстоятельствах не отказывается даже от небольшой денежной суммы. Экономическая деятельность в новой теории не сводится только к механическому перемещению товарных и денежных потоков навстречу друг другу. Междисциплинарная общеэкономическая теория прямо включает в экономические отношения между людьми психологические, этические, моральные, нравственные факторы. Главная ценность междисциплинарной общеэкономической теории в том, что она более полно учитывает совокупность социально-экономических факторов в их взаимосвязи. Поэтому она открывает возможность делать правильные выводы и прогнозы там, где до сих пор пытаются с учёным видом фантазировать или гадать на кофейной гуще.

Идеология и наука. Междисциплинарная общеэкономическая теория считает принципиально важным проводить различие между идеологией и наукой. Для идеологии, как правило, характерен

недостаточно объективный, односторонний подход к трактовке сложных общественных явлений, характерно стремление действовать в интересах определённых социальных групп, часто не отражающих жизненных интересов большинства населения. Наука отличается от идеологии системностью подходов, преемственностью развития, комплексным и всесторонним анализом изучаемых объектов, тщательной проверкой соответствия между теорией и практикой. Конечно, учёные нередко ошибаются. Но недостаточность или ошибочность тех или иных научных представлений не снимает принципиального различия между идеологией и наукой. Наука совершенствуется, пополняется знаниями, обогащается новыми методами исследования. Конституционное положение о недопустимости господства какой-либо идеологии в нынешнем российском обществе не должно распространяться на науку. По мере успехов науки, по мере приближения гуманитарных наук к естествознанию с точки зрения надёжности результатов и способности к прогнозированию, государство сможет и должно в возрастающей степени опираться на науку при разработке оптимальной государственной политики. Междисциплинарная общеэкономическая теория вносит свой вклад в объективно неизбежный процесс продуктивного взаимодействия и постепенного сближения наук о природе и обществе.

2.2. О «Стратегии 2020» и «Стратегии-XXI»

В 2006-2007 годах по поручению Президента РФ В.В. Путина был разработан первый вариант концепции долгосрочного развития России до 2020 года (сокращенно КДР). В разработке участвовали многие ведомства под руководством Минэкономразвития. Окончательный текст КДР-2020 был утвержден Правительством РФ в ноябре 2008 года. Планировались к 2012 году весьма амбициозные цели: увеличение продолжительности жизни на 2,5 года; рост ВВП на 37-38%; рост производительности труда на 40-41%; снижение энергоемкости на 17-19%; рост доходов населения на 53-54%; рост инвестиций в основной капитал на 80-85% и т.д. Но из-за кризиса 2008 года этот вариант концепции оказался мертворожденным.

Второй вариант КДР-2020 разрабатывался в течение 2011 года по поручению российского правительства силами многочисленного коллектива экспертов (более 1000 участников) под руководством Высшей школы экономики и Российской академии народного

хозяйства. Итоговый доклад объемом 864 стр. был подготовлен в декабре 2011 г. и затем опубликован [135]. Документ состоит из 25 глав, объединенных в 6 разделов. Он содержит многочисленные схемы, графики, таблицы, сценарии, дорожные карты. Все это должно, по замыслу разработчиков, придать документу солидность и глубокую проработанность. И, надо признать, это впечатление создается. Но при внимательном изучении возникает много вопросов, ставящих под сомнение реалистичность планов, изложенных в документе.

Прежде всего, с позиций междисциплинарной общеэкономической теории вызывает неприятие уже основная идея: «Экономика ближайшего будущего будет постиндустриальной, в ее основе – сервисные отрасли, ориентированные на развитие человеческого капитала: образование, медицина, информационные технологии, медиа, дизайн». Звучит красиво. Кто же против столь впечатляющего «развития человеческого капитала», да еще в «ближайшем будущем»? Но, охватывая незамутненным взором реалии нынешней России, приходит на ум пословица «дай Бог нашему теляти да волка поймати». Выше уже говорилось о нереальности утопических постиндустриальных перспектив для будущего России, и нет необходимости повторяться.

Вопреки мировой экономической истории, в явном или завуалированном виде муссируется ультралиберальный тезис о примате микроэкономики над макроэкономикой, о большей важности частного сектора по сравнению с государственным. Вот например: «Реальный экономический рост происходит на микроуровне: в конечном итоге это рост работающих в экономике компаний. Макроэкономические усилия окажутся недостаточными, если не будут сопровождаться созданием комфортных условий на микроуровне» (стр.34). И уже без всяких околичностей предлагается: «Резкое сокращение функций государственных органов по контролю бизнеса, сокращение численности аппарата соответствующих органов, движение в направлении введения эффективного контракта» (стр. 42). Более того, предлагают реформу Уголовного кодекса с целью «исключения уголовной ответственности за получение дохода» (стр. 58). А как это увязать с необходимостью борьбы с коррупцией? Об этой необходимости авторы упоминают лишь вскользь. То есть они – за борьбу с коррупцией, но конкретных мер не просматривается.

Разработчики документа ставят в вину государству и то, что оно «поддерживает традиционные высокотехнологичные сектора, а не распространение инноваций во всех секторах экономики» (стр. 72). Выше уже говорилось о многочисленных бесполезных, а то и вредных мелких поделках, выдаваемых их создателями за подлинные инновации. И таких «инноваций» в нынешней России хоть пруд пруди! Так что же, государство должно все это поддерживать так же, как действительно ключевые сектора экономики?

В очень важной главе 4 «Бюджетная и денежная политика, макроэкономические параметры и развитие российской экономики» (стр. 107) говорится о чем угодно, кроме развития реальной российской экономики. Привычные монетарные подходы заслоняют главное – достижение конкретных целей, на которые выделяется бюджетное финансирование. Здесь можно прочитать и про «таргетирование инфляции», и про «контроль за обменным курсом», и о вредоносности «транслирования рентных доходов в рост внутреннего спроса», и о необходимости «создания контрциклических механизмов» и так далее в том же духе. Но нет ни одного слова о насущной необходимости восстановления и развития отечественного производства жизненно важных товаров, о необходимости избавления российской экономики от опасной зарубежной зависимости по многим ключевым позициям. И, естественно, нет увязки этих целей с кредитно-денежной политикой.

В главе 8 «Рынок труда» авторы концепции сначала бодро констатируют: «Основные макроэкономические показатели рынка труда (уровень занятости, уровень безработицы) находятся на хорошем уровне». И здесь же читаем: «Отраслевая структура занятости ухудшается, растет удельный вес неформально занятых, бюджетный сектор остается чрезмерно большим. Темп создания новых рабочих мест крайне низок…» (стр. 214). Так на хорошем или не очень хорошем уровне находятся макроэкономические показатели рынка труда? Позиция авторов остается неясной. Зато ясно другое – и здесь, в который уж раз, не преминули пнуть бюджетный сектор! В главе 9 «Миграция» считают возможным подчеркнуть ее «огромную позитивную роль» в социально-экономическом развитии России. В то же время, с явным сожалением отмечают рост антимиграционных настроений в российском обществе. Игнорируя эти, вполне обоснованные, настроения, ратуют за «увеличение числа мигрантов разных категорий» (стр. 224).

Главу 10 «Профессиональное образование» составители документа начинают с важного признания: «Возникла и углубляется диспропорция на рынке труда. Квалифицированные рабочие стали дефицитом, при этом система образования не может «поставить» на рынок необходимых работников. С другой стороны, растет «навес людей с дипломом о высшем образовании». Это выпускники с развитыми социальными навыками и большими запросами, но низким профессиональным уровнем» (стр. 252). Но, увы, при такой тревожной констатации рассматриваемые сценарии (консервативный, реформаторский) почти не предлагают конкретных мер по реальному исправлению положения. Одна из основных мер – финансирование вузов по принципу «деньги следуют за студентом», как показывает практика, вынуждает вузы любой ценой увеличивать контингент первокурсников (даже за счет абсолютно непригодных к обучению в вузе) и лишает вузы возможности отчислять явных бездельников. А как же иначе – «деньги следуют за студентом»!

Глава 11 «Новая школа» начинается с весьма оптимистичной констатации: «По доступности среднего полного образования Россия входит в число мировых лидеров. Уровень знаний и умений наших школьников по ряду предметов выше уровня учащихся многих развитых стран, достаточно высок уровень теоретической подготовки учителей, началось активное обновление инфраструктуры общего образования» (стр. 268). Не могу сказать определенно насчет сравнения качества среднего образования в России и в других странах. Но как преподаватель химии могу совершенно определенно утверждать, что у многих абитуриентов знание химии находится на эмбриональном уровне, как и общее развитие. И их вынуждены принимать на первый курс, поскольку действует все тот же принцип «деньги следуют за студентом». Впрочем, и сами составители документа тут же рассеивают собственный оптимизм: «Ухудшение качества педагогического корпуса» (стр. 274), «Дифференциация на уровне школ» (стр. 276), «Образовательные сети не соответствуют особенностям расселения» (стр. 277), «Стагнация внешкольного образования и воспитания» (стр. 278) и т.д. И делается уж совсем не оптимистичный вывод: «Российская школа перестает соответствовать запросам значительной части населения…Сегодня в системе образования накопились серьезные проблемы, которые создают риск не только для дальнейшего развития, но и для функционирования» (стр. 281). Что же рекомендуют авторы концепции? В сущности, ничего конкретного, если не считать банального поучения:

«Высокотехнологичная экономика требует от образования повышения ценности креативности, индивидуальности, применения знаний, преодоления подходов, ориентированных на подражание, копирование и послушание» (стр. 284). Хочется спросить авторов документа: чем плохо «подражание» лучшим образцам? Не путают ли авторы «преодоление подходов, ориентированных на послушание» с обыкновенной недисциплинированностью, столь вредной в современной высокотехнологичной экономике? Создается впечатление, что ученые мужи серьезно заблудились. Это впечатление лишь усиливается после просмотра очередной невнятной «Дорожной карты» и, конечно, внушительной сметы на финансирование затрат по годам до 2020 года.

Удручающее впечатление производит глава 12 «Сокращение неравенства и преодоление бедности» (стр. 317). Вот констатация: «Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума снижается, но неравенство и острота его восприятия растут…». А вот рекомендация: «Должна быть увеличена прогрессивность налоговой системы за счет введения налога на недвижимость и увеличения стандартных вычетов…» При этом документ предлагает сохранить плоскую налоговую шкалу на доходы, хотя во всех развитых странах давно применяется прогрессивная шкала. Столь же удручает и глава 13 «Политика охраны здоровья». Авторы документа расхваливают нынешний рынок платной медицины: «Фактически сложившийся и растущий с повышением доходов населения рынок платных медицинских услуг способен при условии его адекватного регулирования не только служить источником финансирования здравоохранения сверх государственных гарантий, но и играть ключевую роль в стимулировании технических и организационных инноваций, распространяемых затем на систему оказания бесплатных услуг» (стр. 385). Возникает вопрос: что это за «адекватное регулирование»? А вот ответ: «Следует констатировать, что задачу четкого разграничения медицинской помощи, предоставляемой бесплатно и на платной основе, невозможно решить за несколько ближайших лет в силу экономических и политических ограничений» (стр. 392). Вот уж поистине «гора родила мышь»!

Может быть, мы найдем что-нибудь более конкретное и полезное в главе 14 «Государственная жилищная политика»? Увы, нет. Читаем констатацию: «Лишь незначительная часть семей с наиболее высокими доходами может улучшить жилищные условия посредством инструментов рынка жилья. Жилищная политика на

федеральном уровне непоследовательна, ее реализация на местах неэффективна… Стратегической целью государственной жилищной политики должно стать создание социальных перспектив улучшения жилищных условий для всех групп населения» (стр. 435). Констатация правильная. Но что предлагается? Читаем: «При продвижении к этой цели государству предстоит выбрать между ориентацией на рост обеспеченности населения квадратными метрами жилья путем наращивания объема строительства или ориентацией на увеличение количественных и качественных параметров жилищной обеспеченности населения в рамках сбалансированного развития территорий, создания комфортной среды жизнедеятельности» (стр. 435). Ей богу, стыдно читать эту абракадабру в столь серьезном документе! Какой «выбор» предлагается? Ведь необходимо и то, и другое – и квадратные метры жилья, и его комфортность. Одно нельзя отрывать от другого. В документе нет ни одного слова о необходимости совершенствования управления жилищным фондом. А ведь это острейшая проблема. Жалобам на некомпетентность и недобросовестность управляющих компаний нет конца. Составители документа опять сводят все к необходимости давно набившей оскомину конкуренции между управляющими компаниями. Эта неуместная в данной ситуации «конкуренция», вместо ожидаемой панацеи, уже давно стала источником больших неудобств для жильцов и рассадником коррупции.

Переходим к главе 15 «Преодоление территориальной разобщенности». Для огромной многонациональной страны – вопрос очень важный. Можно согласиться с констатацией: «Транспортные системы крупнейших городов и агломераций РФ находятся в глубоком и затяжном кризисе» (стр. 494). Хотя бы в этой главе делаются скудные признания вредоносности либеральных реформаций 90-х годов. Говорится о «некритическом использовании» идей дерегулирования транспортного рынка, свободного доступа к инфраструктуре, конкуренции на маршруте за пассажиров и т.п. Все это справедливо признается «нерациональным в сугубо техническом плане» (стр. 495). В то же время прилагаемая «Дорожная карта» грешит отсутствием конкретных мер, действительно способных решить важную проблему территориальной разобщенности.

В главе 16 «Снятие ограничений на развитие тепло- и электроэнергетики» авторы документа ратуют (в который уж раз) за «обеспечение реальной конкуренции». На этот раз речь идет о

конкуренции на розничном рынке энергоресурсов. Видимо, понимая, что конкуренция здесь неуместна по чисто технологическим причинам, авторы считают необходимым дополнить эту «конкуренцию» мерами по «усилению регламентации деятельности генерирующих поставщиков». И далее читаем печальную констатацию: «Несмотря на обширные инвестиционные программы, угрожающее старение основных фондов сохраняется» (стр. 517). Авторы не утруждают себя анализом такого положения. Видимо, считают неудобным признать в «Стратегии» тот факт, что выделяемые средства проедаются или разворовываются. Естественно, что и мер по исправлению такой ситуации не предлагается.

Важнейший пятый раздел «Эффективное государство» помещен авторами отнюдь не в начале «Стратегии», а ближе к концу, в соответствии с их известным негативным отношением к институту государственного регулирования. Глава 18 «Оптимизация присутствия государства» начинается с неожиданно верной для авторов-либералов констатации: «Следует повысить ответственность органов власти и должностных лиц за действие (бездействие), а также предпринимателей – за несоблюдение установленных обязательных требований» (стр. 577). Но кто же должен этим заниматься, как не эффективное государство? Вместо четкого признания очевидного, читаем маловразумительное: «Необходимо последовательное применение доказательного порядка необходимости и эффективности государственного регулирования…» (sic!). Так-то оно так, но у наших ультралибералов чаще всего можно прочитать «доказательность» ненужности государственного регулирования. Вот и здесь читаем: «Стратегия основывается на «презумпции добросовестности»: развитие бизнеса и создание условий для добросовестных предпринимателей важнее возможных рисков, связанных с недобросовестным поведением» (стр. 582). Не наелись еще наши либералы «рисками», которые в приснопамятных 90-х развалили народное хозяйство, ограбили миллионы людей и чуть было не свели в могилу Россию вслед за СССР! И, как и следовало ожидать, далее предлагается: «Политические решения, направленные на радикальное пакетное сокращение государственного регулирования и контроля». Если это «научное» выражение перевести на обычный русский язык, то оно означает «государство – вон из экономики!» Проще говоря, вернуться в ельцинские времена развала, хаоса и анархии. Как уже

говорилось, междисциплинарная общеэкономическая теория противопоставляет этой вредной антигосударственной позиции противоположную концепцию: не уход государства из экономики, а последовательное совершенствование государственного управления, регулирования и контроля.

Антигосударственные воззрения составителей «Стратегии» развиваются в главе 20 «Управление государственной собственностью и приватизация». Глава начинается с безапелляционного заявления: «Разгосударствление является глобальным трендом мировой экономики». Лживость и безграмотность этого тезиса уже комментировалась в разных разделах настоящей книги. Видимо, чувствуя неубедительность и фальшь такой позиции, составители документа вынуждены констатировать: «Глобальный кризис первого десятилетия XXI века наглядно продемонстрировал, что государства, имеющие мощные рычаги воздействия на экономику, оказались, по сути, единственным действенным барьером на пути развертывания финансово-экономического коллапса» (стр. 687). Но либералы не были бы либералами, если бы и после этого не написали: «Однако эффект масштабной государственной интервенции в экономику, позитивный в кризисной фазе, становится преимущественно негативным, когда экономика вступает в фазу стабильного долгосрочного экономического роста». Здесь что ни слово, то грубая ошибка, если иметь в виду не западные страны, а Россию, для которой и пишется «Стратегия». Во-первых, только благодаря «масштабной государственной интервенции» Россия и смогла преодолеть свои кризисы без катастрофических последствий. Во-вторых, Россия, к сожалению, еще не вступила в «фазу стабильного долгосрочного экономического роста». И в-третьих, если России суждено вступить в эту «фазу», то исключительно благодаря умелому государственному регулированию рыночной экономики, а отнюдь не на пути фетишизации «невидимой руки рынка». Этого россияне уже досыта наелись и не допустят повторения, сколько бы ультралиберальных «стратегий» не было написано по этому поводу.

В столь же либерально-схоластическом духе написаны глава 21 «Повышение эффективности государственных инвестиций и госзакупок» (стр. 707) и глава 22 «Реформа бюджетного сектора в экономике» (стр. 751). В главе 21 среди пятнадцати пунктов раздела «Основные выводы и рекомендации» нет ни одного, где бы говорилось о необходимости принятия мер, обеспечивающих

реальную отдачу от государственных инвестиций: строительство новых предприятий, освоение новых и усовершенствование существующих технологий, создание новых видов продукции стратегического значения. Аналогично, в главе 22 среди многочисленных пунктов раздела «Основные выводы и рекомендации» нет ни одного, где было бы сказано о необходимости планомерного и целенаправленного выделения бюджетных средств на решение крупных народнохозяйственных задач, контроля за целевым расходованием этих средств и конкретными результатами.

Для такой огромной многонациональной страны, как Россия, невозможно переоценить значение главы 23 «Реальный федерализм, местное самоуправление, межбюджетная политика». Включение этой главы в «Стратегию» безусловно необходимо. Но то, что мы здесь читаем, напоминает до боли знакомое ельцинское «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Этот лихой лозунг развалил СССР и едва не развалил Россию. Но что до этого составителям документа? Они снова ратуют за предоставление регионам явно преувеличенной самостоятельности. Процитируем лишь один пассаж на эту тему: «Обращенное к регионам требование повысить результативность деятельности входит в противоречие с целью сохранения стабильности любой ценой и популистским удовлетворением запросов населения» (стр. 775). Как говорится, комментарии излишни.

Заключительный шестой раздел озаглавлен «Внешний контур развития». Он включает главу 24 «Международная позиция России: экономические ориентиры» и главу 25 «Развитие экономической и социальной интеграции на постсоветском пространстве». На протяжении всего многостраничного текста нет ни одного слова о том, что при разумной интеграции в мировую экономическую систему России необходима экономическая самодостаточность и независимость от непредсказуемых поворотов мировой экономической конъюнктуры. Почти ничего не говорится о необходимости восстановления и развития отечественного производства с использованием мировых научно-технических достижений, о создании совместных предприятий на российской территории с использованием отечественной рабочей силы. Не затрагивается актуальная тема импортозамещения с целью независимости от западных санкций. Впрочем, в этом отношении документ нуждается в коренной переработке в связи с изменением международной обстановки. Это же относится и к главе 25. Следует

согласиться со следующим выводом авторов документа: «В современных условиях для России являются политически и экономически неприемлемыми варианты отказа от интеграции или стагнации интеграционного процесса…в рамках ТС-ЕЭП и СНГ в целом» (стр. 841). Этот тезис нуждается в развитии с учетом событий на Украине и связанных с этим корректив в российской внешней и внутренней политике. Оценивая в целом «Стратегию 2020», приходится констатировать, что в нынешнем виде и с нынешней идеологией этот документ не может служить основой для формирования и реализации социально-экономической политики России на обозримую перспективу.

К сожалению, недалеко ушла по содержательности и «Стратегия-XXI»(версия для обсуждения), разработанная большой группой экономистов, социологов и политологов под руководством С.А.Караганова, опубликованная в 2014 году [136]. В документе 10 глав. Глава 1 «Сбережение человека, демография, медицина, спорт, общественная безопасность» начинается с констатации: «Российская история богата крутыми виражами, потрясениями и революциями, но в одном базовая матрица никогда не менялась – интересы государства всегда ставились выше интересов человека. Не вдаваясь в дискуссию о том, когда такой подход был оправдан, а когда губителен, необходимо констатировать – такая модель исчерпала себя и не способна обеспечить успешное развитие страны в предстоящие десятилетия». Сказано красиво. Именно поэтому России и необходимо новое гуманное общество, о котором говорится в настоящей книге. Только вот ведь какая штука: «не вдаваясь в дискуссию» нельзя реально создать эту столь желаемую новую модель развития страны. Дискуссия об историческом опыте нашей страны жизненно необходима. Надо извлекать уроки из нашей истории: переносить в новое общество все хорошее и не наступать на грабли прошлых ошибок. Без такого глубокого, беспристрастного анализа желаемую новую Россию построить не удастся. Отсутствие именно такого анализа нашего прошлого и является основным недостатком предлагаемой «Стратегии-XXI».

Как и рассмотренная выше «Стратегия -2020», эта вторая стратегия явно не питает симпатий к государству и его регулирующей роли в экономике. Следует считать категорически неприемлемым следующее утверждение авторов «Стратегии-XXI»: «Чем больше государство пытается взять на себя, тем менее удовлетворительных результатов оно добьется, вызывая растущее раздражение населения». Это заявление полностью противоречит историческому

опыту развития большинства стран мира, о чем уже достаточно сказано в настоящей книге. Государство должно брать на себя не больше и не меньше того, что необходимо для осуществления оптимальной политики в интересах человека и общества. Видимо, понимая сомнительность своего слишком категоричного утверждения, составители документа далее пишут: «Обеспечить успех России в XXI веке государство и общество могут только в тесном партнерстве». Вот с этим можно полностью согласиться!

В главе 2 «Образование» после обширного славословия в адрес «сохранившегося после кризиса 90-х годов российского образования» следует более правдивая констатация: «В вузы идет абитуриент, не умеющий учиться сам, только записывающий и зазубривающий, не способный воспринять современное научное знание». О поистине эмбриональном уровне многих абитуриентов я уже говорил. Глава 3 имеет мудреный заголовок «Политика исторической памяти как основа формирования коллективной идентичности и воспитания деятельного патриотизма». В этой главе многое правильно, но вывод удручает: говоря о необходимости диалога, авторы пессимистически заявляют, что «полного согласия достичь не удастся» и что «не стоит даже ставить такой цели». А почему, собственно, не поставить такую цель? Вот в естествознании и математике такая цель вполне достижима: все знают, что дважды два четыре и что день сменяется ночью. По этому вопросу не устраиваются дискуссии, конференции и круглые столы. Конечно, гуманитарные науки еще не достигли такой же степени надежности и прогнозируемости, как естествознание и математика. Но они неуклонно идут к этому, и настоящая книга в какой-то степени способствует этому объединительному процессу.

Глава 4 называется «Культура и мораль». Здесь среди множества констатаций и попыток ответить на вопрос «Что делать?» ничего не говорится о том, какой пример «культуры» и «морали» подают нашим рядовым гражданам многие представители элиты: коррумпированные чиновники, развращенные и зажравшиеся толстосумы, бессовестные взяточники от образования и здравоохранения и т.д. Без приведения в чувство этой, столь же высокопоставленной, сколь и недостойной этого, части нашего общества нечего и думать о культуре и морали в России.

В главе 5 «Собственность, право – основа стабильности, благосостояния, морали» содержится в целом правильная, но половинчатая констатация: «Крайне серьезной проблемой…является резкое социально-экономическое расслоение, отделяющее богатых от

бедных, власть от народа. «Необоснованное» (почему в кавычках? – В.Ф.) неравенство в уровне дохода и богатства ухудшает отношение большинства к сложившимся правам собственности. У людей нет стимулов для защиты прав, как считается, неправомерно разбогатевшего меньшинства (почему «как считается»? – В.Ф.). Более того, «несправедливый» порядок (почему и здесь кавычки? – В.Ф.), по которому приобреталась крупная собственность в период приватизации, порождает недоверие к власти и к производимым ею законам и действиям». Что же предлагают авторы документа? Они предлагают прекратить дискуссии о возможности пересмотра итогов приватизации, прекратить неправовой передел собственности, принять меры по сглаживанию (sic!) общественного недовольства, смириться с фактом нелегитимности приватизации. Короче – ничего не делать, со всем смириться. Питают надежду, что в народной памяти исчезнут вопиющие преступления беспредела лихих 90-х годов. На это еще можно было бы надеяться, если бы новоявленные нувориши были бы умнее и скромнее, если бы они вели себя достойно: заботились об увеличении выпуска и повышении качества продукции на своих предприятиях; заботились о достойной заработной плате своих работников; активно занимались благотворительностью; не выставляли напоказ свое богатство. Но ничего этого мы почти не видим. На что же рассчитывают авторы документа?

Глава 6 «Россия: подъем регионов» активно сетует на недостаточную, по мнению авторов, самостоятельность регионов. В унисон с предыдущей «Стратегией» продвигают в завуалированном виде ельцинское «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Выдвигают по форме заманчивые, а по сути утопические и вредные лозунги: «30 новых столиц России», «100 опорных центров», «10 иноградов». Справедливо ратуют за «особый подход к развитию Сибири и Дальнего Востока». Но что предлагают? По сути – ничего. Лишь общие рассуждения вместо акцента на необходимости планомерного и целенаправленного социально-экономического развития этих регионов на основе крупных государственных программ с участием частного бизнеса и привлечением на взаимовыгодной основе иностранного капитала.

В главе 7 «Окружающая среда как фактор экономического и духовного развития России» называют «передышкой» состояние окружающей среды в 90-х годах. Конечно, когда промышленность останавливается, то и окружающая среда «отдыхает». При этом снова

упускают из виду главное – необходимость сооружения новых промышленных предприятий и совершенствования уже существующих технологий с учетом всех необходимых природоохранных мер. Развитие и в интересах подъема народного хозяйства, и в интересах охраны окружающей среды. Этот важный аспект не получил надлежащего отражения в документе. Ни одного слова и о том, что тема охраны окружающей среды не может рассматриваться в отрыве от общей социально-политической обстановки в стране. В условиях столь милой сердцам составителей документа «экономической свободы» можно просто купить положительные заключения, нужные результаты анализов, лицензии, сертификаты качества. Надо ли разъяснять, каким вредом для охраны окружающей среды оборачивается эта «демократия»?

Глава 8 озаглавлена «Развитие институтов политической системы». Она состоит из общих рассуждений и патетических возгласов, при полной неэффективности предлагаемых мер. Чего стоит лишь одно утверждение авторов о необходимости «благожелательного содействия верховной власти становлению конструктивной оппозиции». По мнению авторов, «в ней нет никакой опасности, ее задавливание (sic!) в 2000-ные годы было злостной ошибкой». Чего больше в этих рассуждениях – наивности, глупости, безответственности? Ведь никто не спорит о пользе действительно конструктивной оппозиции. Беда, однако, в том, что в реальной жизни сплошь и рядом между «конструктивной» и «неконструктивной» оппозицией нет разницы, одна легко превращается в другую. Если бы не «задавливание» оппозиционной стихии 2000-ных годов и не наведение элементарного порядка, России уже не было бы в живых. Может быть, авторы документа ратуют за новые московские «болотные площади» или киевские «майданы»? Если так, то это действительно злостная ошибка!

Переходим к главе 9 «Экономическая модернизация с «человеческим лицом». Можно согласиться с тезисом о «кризисе традиционной идеологии рыночного хозяйства» и «необходимости поиска новых подходов к определению рациональности, эффективности и конкурентоспособности». Что же предлагается в свете этой констатации? В сущности, ничего. Нельзя же считать серьезным предложение о необходимости форсированного создания «инфраструктуры человеческого капитала». За этим тезисом, призванным придать высокую «научность» рассматриваемому

документу, нет реального содержания. Перечисленные в этом пункте меры пусты, неконкретны и не направлены на практическое решение накопившихся проблем. К сожалению, и здесь мы читаем набившее оскомину требование о «сокращении государственного сектора в ВВП (как минимум до 40%), признание на деле частного капитала главной движущей силой экономического роста (при опережающем развитии малого и среднего бизнеса), восстановление устойчивых мотиваций населения к предпринимательской деятельности». По сути, авторы документа – за капитализм «с человеческим лицом». О некорректности и ущербности таких подходов говорится во многих разделах настоящей книги.

Заключительную главу 10 «Россия: внешняя политика в мире будущего» можно считать мертворожденной в свете последних событий на мировой арене, связанных с кризисом на Украине и западными «санкциями» в отношении России. Несомненно, такой поворот потребует серьезной корректировки российской внешней и внутренней политики.

Подводя итог рассмотрению обеих «Стратегий», приходится констатировать их общие недостатки – узость анализа в рамках сугубо профессиональных интересов авторов, отсутствие системного и междисциплинарного подхода к рассмотрению сложных социально-экономических процессов, оторванность от реальных трудностей и проблем жизни России, отсутствие или нереалистичность планов и политических рекомендаций. С позиций междисциплинарной общеэкономической теории ни первую, ни вторую «Стратегии» нельзя признать удовлетворительными.

2.3. Новое гуманное общество – не капитализм

В нашем советском прошлом конечной целью развития советского общества объявлялось построение коммунизма. Но история распорядилась иначе. Больше нет советского общества, нет и официальной коммунистической идеологии. Правда, приверженцы коммунистической идеологии остались. В ней и в самом деле немало привлекательного. Но в одну реку дважды не войдёшь. Будущее России – не капитализм, не социализм, не коммунизм и не новомодное «постиндустриальное общество». Будущее России – новое гуманное общество. Гуманное – потому что оно будет служить интересам каждого конкретного человека. Новое – потому что

история такого общества ещё не знала. Прежде всего, рассмотрим, почему новое гуманное общество не будет капиталистическим.

Сторонники капитализма справедливо отмечают его положительные черты. За столетия своего существования капитализм способствовал бурному развитию производительных сил, научному и технологическому прогрессу. Экономическая свобода, эффективная предпринимательская деятельность открывают широкие возможности для удовлетворения потребностей людей. Прежний дикий капитализм, этот источник жестокой эксплуатации наемных работников и постоянных разрушительных кризисов, в нашу эпоху трансформировался в более гуманную и справедливую систему. Возросла регулирующая роль государства, способствующая предотвращению или смягчению последствий кризисов. Усилилась роль профсоюзов в защите прав трудящихся. В развитых странах возросли доходы наемных работников. Это обеспечивает им достаточно высокий жизненный уровень и побуждает мириться с сохраняющимся социальным расслоением, безработицей и другими известными недостатками капиталистической системы. Благодаря научно-технологическому прогрессу произошла значительная гуманизация наемного труда. В развитых странах уже нет того нищего революционного пролетариата - "могильщика капитализма", который был во времена Маркса и Энгельса. Мировая революция так и не случилась. Капитализм выстоял и, во многом изменившись, живет и развивается до сих пор.

По какому пути идти России, странам бывшего советского блока, странам третьего мира? Следует ли им переходить к капитализму? На этот вопрос попыталась ответить Маргарет Тэтчер. Она пишет: «Можно ли утверждать, что после крушения коммунизма именно капитализм стал победившей социальной системой и что именно капитализм должен быть целью стран, пытающихся перестроить свою экономику и общество? Действительно ли это та самая модель, которую нужно предлагать странам третьего мира, которые ищут путь к реальному экономическому и общественному прогрессу? Совершенно ясно, что ответ не может быть простым. Если под капитализмом понимается экономическая система, признающая основополагающую и позитивную роль бизнеса, рынка, частной собственности и вытекающей отсюда ответственности за средства производства, а также свободное творчество людей в экономической сфере, тогда ответ определенно будет положительным…Но если капитализм воспринимается как система, где свобода в

экономической сфере не ограничена жесткими правовыми рамками, которые ставят ее на службу свободе в целом и превращают ее в конкретную грань этой свободы, имеющей этическую и религиозную сущность, то ответ будет определенно отрицательным» [108, с. 244]. Хорошо сказано, но несколько витиевато. Во всяком случае, «прелести» нынешнего российского капитализма явно не соответствуют высокой планке Маргарет Тэтчер.

Прорабы перестройки хотели как лучше, а получилось то, что получилось. Развал СССР, обрушение народного хозяйства, обнищание миллионов граждан, невиданное социальное расслоение, всплеск воровства, мошенничества, жульничества, имитации реальной работы. Конечно, за последнее десятилетие положение заметно улучшилось, но сохраняются многочисленные проблемы системного характера. Низка производительность труда. Страна находится в опасной зависимости от импорта даже самых важных товаров. Многие отрасли перестали существовать. Серьезный удар был нанесен науке, образованию, культуре. Полное уничтожение плановой системы чревато серьезными экономическими диспропорциями и рыночными дефектами. Страна проросла социальным безразличием, коррупцией, разрушающей душу властью денег, психологией всеобщей продажности. Всё это создает серьезные препятствия к дальнейшему социально- экономическому развитию страны. И очень ошибаются те, кто видит путь России в воспроизведении банального западного капитализма. Ибо за то время, пока Россия разрушала прежнюю советскую систему, капитализм на Западе снова вступил в полосу массивного социально-экономического кризиса.

Джордж Сорос, один из наиболее преуспевающих бизнесменов в западном мире, автор и апологет известной концепции «открытого общества», в 1998 году издал книгу под выразительным заголовком «Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности». Через год эта книга вышла в переводе на русский язык. Её заголовок говорит сам за себя и в комментариях не нуждается. Через три года появилась ещё одна книга того же автора [110]. В ней Джордж Сорос пишет: «Я считаю, что пропаганда рыночных принципов зашла слишком далеко и стала слишком односторонней. Рыночные фундаменталисты верят в то, что лучшим средством достижения общего блага является ничем не ограниченное стремление к благу личному. Это ложная вера, и, тем не менее, она приобрела очень

много последователей. Именно она является помехой на пути к нашей цели – глобальному открытому обществу» [110, стр.171].

В 1993 году вышла книга Збигнева Бжезинского "Вне контроля. Мировой беспорядок на пороге двадцать первого века" [119]. Уже из заголовка книги видно беспокойство автора положением дел в мире. Автор недвусмысленно констатирует надвигающийся кризис мирового капитализма. По его признанию, своей жизнеспособностью современный капитализм во многом обязан тому, что он «сумел перенять у социализма некоторые формы социальной политики» [119, с.58]. Теперь, считает автор, «если не будут предприняты определённые меры к тому, чтобы поднять значение моральных критериев, обеспечивающих самоконтроль над обогащением как самоцелью, американское превосходство может долго не продержаться». Серьёзного внимания заслуживает и следующий прогноз автора: «Мощнейшие общественные взрывы, очевидно, произойдут в тех странах, которые вслед за свержением тоталитаризма с наивным энтузиазмом лелеяли демократический идеал, а затем поняли, что обманулись» (там же, с. 217). Автор считает лишь вопросом времени отрицательную общественную реакцию на «демократическую практику» и на «экономические результаты свободного рынка», если они не приведут к «наглядному улучшению социальных условий». Збигнев Бжезинский считает, что в «посткоммунистических» странах либерализм «оказался не слишком привлекательным». По его мнению, «нужны новые идеи». Не выдвигая их, автор сетует на то, что «неравенство становится всё менее терпимым». Это приводит автора к выводу: «Глобальное неравенство, по-видимому, становится ключевой проблемой политики в двадцать первом веке» (там же, с. 174-183).

В том же духе высказывается французский журналист и социолог Игнацио Рамоне. В своей книге "Геополитика хаоса" [120] он выразительно описывает подрывную роль ничем не ограниченной коммерческой свободы. Сходные взгляды высказывает знаменитый французский социолог Ален Турен, один из основоположников концепции постиндустриального общества. «Сможем ли мы жить вместе?», - ставит вопрос Турен [121]. И даёт следующий ответ: чтобы выжить на планете, люди должны «создать и построить новые формы частной и коллективной жизни» [121, с.30]. Своеобразным откликом на реформы в России стала опубликованная в 2001 году в Нью-Йорке книга бывшего государственного секретаря США Генри Киссинджера "Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии

21-го века" [122]. Главный вывод автора состоит в том, что под влиянием перемен в США и в мире за последние двадцать лет нынешние США находятся на распутье. Что касается России, то автор, в сущности, не верит в действенность рыночных реформ. Например, он пишет: "За десять лет, последовавших за крахом коммунизма, Россия, несмотря на уговоры Запада и многомиллиардную финансовую поддержку, продвинулась к нормальной рыночной экономике не больше, чем к демократии" [122, с.216].

Серьёзный анализ положения в мире и в том числе в России дал бывший руководитель группы экономических советников американского президента Билла Клинтона, вице-президент Всемирного банка, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2000 год Джозеф Стиглиц. В 2002 году он опубликовал в Нью-Йорке книгу, которая через год вышла в переводе на русский язык [123]. Автор указывает на необходимость "коллективных действий общемирового масштаба" [123, с.224]. Он подчёркивает негативные последствия глобализации и настоятельную потребность направить этот процесс в управляемое русло: "Если глобализация будет и дальше развиваться таким же образом, каким она протекала раньше, если мы и впредь будем отказываться делать выводы из собственных ошибок, то она не только не сможет способствовать развитию, но будет и дальше порождать бедность и нестабильность" (там же, с. 248). Реформы в России в 90-е годы Джозеф Стиглиц подвергает резкой критике за отсутствие постепенности и оптимальной последовательности проводимых преобразований. Убедительную позицию демонстрирует и американский социолог Эммануил Валлерстайн. Его книга с симптоматичным заголовком "Упадок американской мощи: США в хаотическом мире" вышла в Нью-Йорке в 2003 году [124]. Автор без обиняков заявляет: "Запад вошёл в полосу массивного кризиса - не только экономического, но и фундаментального политического и социального. Мировой капитализм находится в кризисе как социальная система...Мы отчаянно нуждаемся в нахождении значительно более рациональной общественной системы" [124, с.95]. Автор убеждён, что если США не сумеют "соединить эффективность с гуманизмом", то их будущее окажется под угрозой.

Тему необходимости пересмотра современного миропорядка и роли США в мире развивает Збигнев Бжезинский в новой книге "Выбор: мировое господство или мировое лидерство?" [125]. Книга

написана по следам террористического акта 11 сентября в США и войны в Ираке. Автор с тревогой размышляет о возможном конце "американской эпохи". Его беспокоит нарастание неуправляемости в современном мире на фоне приумножения потенциальных угроз. Сохраняющие пока ещё силу и благополучие страны Запада уже начинают "цепенеть от страха". Автор пытается понять причину этого страха: "Слабые обладают огромным психологическим преимуществом. Им почти нечего терять, тогда как сильные могут потерять всё, и эти опасения их пугают" [125, с.44]. (Как тут не вспомнить знаменитый лозунг Маркса и Энгельса из "Манифеста коммунистической партии" о том, что пролетариям нечего терять в их борьбе, а приобретут они весь мир! - В.Ф.). Бжезинский считает, что претензии Америки в мировой политике "должны быть чётко обозначены и не оборачиваться самоуправством" (там же, с.162). Он рекомендует Соединённым Штатам "быть более внимательными к опасностям, вытекающим из несправедливостей глобализации, поскольку это может породить всемирную реакцию в виде идеологии антиамериканизма" (там же, с.228). Вывод автора однозначен: Америке следует умерить свои имперские амбиции. Ей следует стремиться к роли не гегемона, а лидера. Она должна стать страной, которую не боятся, а уважают.

Из приведенного выше краткого обзора видны серьёзные опасения западных аналитиков в отношении перспектив мировой капиталистической системы. Этот пессимизм не случаен. Он объективно отражает реальные тенденции в современном мире. Он полностью подтверждается нынешним мировым финансово-экономическим кризисом. Он полностью согласуется с междисциплинарной общеэкономической теорией. Фундаментальные перемены в мире капитализма - лишь вопрос времени. Подобно тому, как ранний капитализм был вынужден во избежание гибели преобразоваться в более цивилизованную форму современного капитализма, так и нынешняя капиталистическая система не сможет смириться с присущими ей глубокими внутренними противоречиями. У неё есть только один выход - исторически своевременная трансформация в более справедливое и гуманное общество. В такое общество, где проблема выживания и развития человечества на фоне обостряющихся глобальных угроз получит приоритет перед сугубо эгоистическими интересами конкурирующих групп. В противном случае нынешняя система безудержного эгоизма неизбежно рухнет и похоронит под своими обломками всю цивилизацию.

2.4. Новое гуманное общество – не социализм и не коммунизм

Социализм - учение, в котором ставится благородная цель осуществить на практике принципы социальной справедливости, свободы и равенства. Социализм - общественный строй, в котором эти принципы осуществляются путем свержения капитализма. Фундаментальное отличие социализма от капитализма – общественная собственность на средства производства. Философия социализма легла в основу соответствующей политической идеологии. Социализм начался не в России и не в 1917 году, как думают некоторые. Социалистические идеи существовали практически на протяжении всей человеческой истории. Ещё Платон считал главным достоинством любого государства социальную справедливость. Идеи социализма содержатся в трудах ранних коммунистов-утопистов Томаса Мора (1478—1535) и Томмазо Кампанеллы (1568—1639). В идеальном обществе, о котором говорит Томас Мор, нет частной собственности, денежного обращения и царит полное равенство. Основу общества составляет семейный и трудовой коллектив. Труд обязателен для всех. Всплеск социалистических проектов произошел в Западной Европе в начале XIX века и связан с именами Сен-Симона, Фурье и Оуэна.

Некоторые думают, что наиболее полное развитие учения о социализме получило в трудах Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Но это не так. Основоположники марксизма рассматривали социализм как переходную стадию от капитализма к коммунизму. Согласно их представлениям, социализм – еще не общество социальной справедливости, а только подготовительная стадия на пути к такому обществу. Результат труда распределяется в соответствии с тем, сколько вкладывает каждый индивидуальный производитель. Действует принцип «От каждого по способностям – каждому по труду» (оставалось непонятным, кто и как должен это устанавливать, что и стало причиной многих несуразностей и злоупотреблений при советском социализме). В собственность лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. В отличие от капитализма, запрещено частное предпринимательство. Государство представляет собой революционную диктатуру пролетариата. Для революционного перехода от капитализма к социализму Маркс предлагал такие меры, как ликвидация частной собственности на землю, высокий

прогрессивный налог на доходы собственников, централизация кредита в руках государственного банка, государственная монополия на весь транспорт, увеличение числа государственных предприятий и государственное планирование их работы, соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней, общественное и бесплатное воспитание всех детей и т. д.

Россия стала той страной, где крайнее обострение социальных противоречий привело в 1917 году к революции, ставившей целью построение социализма. Слились воедино жестокая капиталистическая эксплуатация рабочих и крестьян с тяготами и лишениями Первой мировой войны. Активная революционная работа русских большевиков под руководством Владимира Ильича Ленина легла на благодатную почву. Для этого им пришлось упорно работать в течение первых двух десятилетий XX века. Их арестовывали, гноили в тюрьмах и ссылках, но они мужественно делали своё революционное дело. И они сумели повести за собой миллионы россиян, которые не представляли в то время, через что им предстоит пройти. Дальнейшие события в России определялись тяжёлой социально-экономической обстановкой в условиях враждебного капиталистического окружения при постоянной угрозе внешней агрессии. И это – при послереволюционной и послевоенной разрухе. Не было практически ничего: ни промышленности, ни развитого сельского хозяйства, ни науки и техники, ни квалифицированных кадров. Всё это предстояло создавать заново, практически с нуля. Конечно, это не могло не отразиться на политических решениях Ленина, а после него – Сталина.

Сейчас много и правильно критикуют сталинскую политику репрессий. Тем не менее, необходимо бережно хранить и уважать всю нашу историю. Надо беспристрастно оценивать и наше советское прошлое. В нём было всё. Был энтузиазм строителей нового мира. Были трудности и лишения. Было искреннее желание власти привести страну к счастливому будущему. Была жестокость власти, часто неоправданная и сопряженная с нарушением законности. Были просчёты в политике. Была героическая победа в Великой Отечественной войне, достигнутая неимоверно высокой ценой. Было восстановление в невиданно короткий срок разрушенного народного хозяйства, и это не меньший подвиг, чем победа в войне. Были впечатляющие достижения в развитии науки, в создании новой техники, в культуре и искусстве, которые возвеличили человека труда

и раскрыли его творческие возможности. Был выход в космос, осуществлённый впервые в мире. Было создание великой мировой державы, второй после США по общему уровню экономического развития. Но наступил и период застоя, который, в конце концов, привёл страну к печально известным событиям.

История советского социализма выявила как неоспоримые исторические возможности этой общественной системы, так и её системные недостатки. К числу недостатков, прежде всего, относится эксплуатация человека тоталитарным государством, которая фактически пришла на смену прежней капиталистической эксплуатации. Отсутствие экономической свободы и невозможность предпринимательской деятельности подавляют экономическую и творческую активность, не способствуют широкой инновационной деятельности. Нет сомнения, что централизованное планирование способствовало всестороннему, сбалансированному развитию отраслей народного хозяйства. В то же время, в условиях негибкой, чрезмерно жесткой плановой системы государственные предприятия могут не обращать внимание на то, пользуются ли их товары спросом у потребителей. Это приводит к дефициту необходимых товаров и перепроизводству ненужных. Казалось бы, отсутствие безработицы – очевидное благо. Но, с другой стороны, гарантированная занятость порождает иждивенчество и незаинтересованность в результатах своего труда. «Уравниловка» в доходах (одинаковая зарплата при разном труде) подавляет стимул к повышению эффективности труда у работников. Полное отсутствие конкуренции приводит к стабильному ухудшению качества товаров.

Как уже говорилось, основное противоречие советского социализма заключалось в объективной невозможности (в условиях противоборства с экономически эффективной системой современного капитализма) удовлетворять возрастающие потребности людей при сохранении преимущественно принудительной мотивации их труда, при дефиците материального и творческого интереса к труду, при несовершенном планировании развития народного хозяйства, при явно недостаточном использовании достижений науки и техники. Многие советские люди испытывали чувство глубокого разочарования и недоверия в отношении тоталитарно-бюрократической системы. Слишком велик был разрыв между лозунгами и реальной жизнью. Рабочие были недовольны низкими заработками и тяжёлыми условиями труда. У колхозников к этому добавлялась необустроенность сельского быта. Интеллигенция

постоянно ощущала тотальный контроль со стороны высокомерных и невежественных партийных чиновников. Руководители предприятий были задёрганы бесконечными директивами, циркулярами, запросами и заведомо невыполнимыми планами. Это недовольство было загнано вглубь массовыми репрессиями, но, когда они ослабли, стало прорываться наружу.

Можно лишь сожалеть о том, что объективно необходимая перестройка прежнего советского социализма вылилась в историческую драму. На этом историческом переломе в России не оказалось у руля своего Дэн Сяопина, который сумел осуществить китайские реформы без катастрофических последствий для страны и её народного хозяйства. Перестроечный "джин" вырвался из рук российских реформаторов. В политической сфере это привело к крупнейшей геополитической катастрофе – распаду СССР. В сфере экономики это вылилось в обрушение народного хозяйства и обнищание миллионов людей. Дикое социальное расслоение. Трудновосполнимый урон для науки, техники, образования, культуры. Всплеск воровства, мошенничества, жульничества. Подмена продуктивной работы ловкой имитацией. Несвойственные прежде россиянам безудержный эгоизм и равнодушие. Всё это и многое другое - побочные результаты поспешной, необдуманной и безответственной "реформы". Несомненно, что за последние десятилетия ситуация в стране заметно улучшилась. Но не настолько, чтобы переломить пессимизм и неверие в благополучное будущее страны у многих граждан. И неудивительно, что немалая часть населения ностальгирует о прежних советских временах. Это отчетливо проявляется в политической платформе нынешних российских коммунистов.

КПРФ видит путь России в восстановлении советской власти и многих других атрибутов прежней советской системы. В сущности, может быть того и не желая, она призывает к новой социалистической революции в России. Первым шагом объявляется национализация природных ресурсов и стратегических отраслей экономики, восстановление стратегического планирования. Заявляется о намерении взять под контроль ценообразование на горючесмазочные материалы, пассажирские перевозки, услуги связи, а также на хлеб, медикаменты и другие предметы первой необходимости. Национализацию ведущих отраслей планируется сочетать с мерами по развитию малого и среднего предпринимательства. Предполагается пересмотреть либо отменить

законы, несущие угрозу национальной безопасности и социальным правам граждан. Анонсируется повышение прожиточного минимума и возврат к государственному пенсионному обеспечению. Объявляется о намерении регулировать сферы услуг ЖКХ, тарифов на газ и электричество. Планируется восстановление социальных льгот советского времени. Намечена реализация мер по росту рождаемости. Заявлено о необходимости изменения региональной политики, предоставления регионам средств для развития и решения накопившихся проблем, перераспределения в пользу регионов налоговых поступлений. Считают необходимым освободить от уплаты налогов граждан, чей доход менее 10 тысяч рублей в месяц на члена семьи, повысить налог на богатых до 30 и более процентов, ввести налоги на предметы роскоши и элитную недвижимость. Объявлено о планах модернизации промышленности, сельского хозяйства и транспортной системы за счет средств, полученных от национализированной собственности. Намечен ряд мер по развитию науки.

На следующем этапе будет начат "демонтаж системы экономического и социального неравенства". Это включает обеспечение прозрачности выборов, введение процедуры отзыва депутатов, восстановление выборности судей, сокращение числа чиновников, предоставление твердых гарантий соблюдения прав личности и свободы оппозиционной деятельности, принятие масштабных мер для подавления преступности и коррупции, восстановление смертной казни за особо тяжкие преступления, возвращение в Уголовный кодекс конфискации имущества за экономические преступления. Объявляется и о намерении "восстановить добровольный союз братских народов, входивших в состав СССР". На заключительном этапе планируется принятие новой конституции России, которая "обеспечит переход власти к Советам трудящихся, закрепит в руках народного государства основные отрасли экономики, гарантирует их использование в общенародных целях". Примечательно, что о строительстве коммунизма в России скромно умалчивается или упоминается лишь вскользь.

Насколько реальна эта программа? Смогут ли коммунисты провести её в жизнь, если окажутся у власти? Можно с уверенностью утверждать лишь одно: будут приложены гигантские усилия к этому, и они наверняка приведут к деструкции сложившейся в России политической и экономической системы. О реальных последствиях этой деструкции можно сказать примерно то же, что и о хорошо

знакомом обещании Н.С.Хрущёва на XXII Съезде КПСС в 1961 году: "Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!" Более того, можно не сомневаться, что предлагаемая КПРФ очередная революционная перестройка в целом способна произвести лишь разрушительный эффект. Некоторые положения программы КПРФ правильны, и они постепенно будут реализованы нынешней властью. Но в целом программа нынешних российских коммунистов наверняка приведёт к ещё большему углублению социально-экономических противоречий нынешнего российского общества, ещё больше ухудшит материальное положение простых россиян. Красивые популистские намерения лишь на первый взгляд кажутся правильными. Внимательный анализ показывает необоснованность и внутреннюю противоречивость этой программы.

Уж не думают ли нынешние российские коммунисты, что народ с великим энтузиазмом воспримет их новые революционные начинания, новую перестройку после всего пережитого? Да, горбачевско-ельцинская перестройка явилась крайне болезненным шоком для большинства россиян. Да, появилось много несуразного, безобразного, несправедливого. Но это совершилось, и люди постепенно привыкли к этому новому состоянию. Они живут, растят детей и внуков, строят планы на будущее. И они меньше всего хотят, чтобы в их нелегкую жизнь, с таким трудом налаженную, ворвалась очередная кардинальная перестройка. Неужели Россия так и будет метаться от одной перестройки к другой? Неужели коммунисты полагают, что их меры по национализации, демонтажу существующей системы и "добровольному" воссозданию СССР пройдут мирно и бесконфликтно? Народ не лишился памяти. Люди помнят разруху после Октябрьской революции и гражданской войны, после Великой Отечественной войны. Они осознают всю меру героических усилий и неисчислимых бедствий на пути восстановления и развития народного хозяйства. Ну придут коммунисты к власти, ну осуществят свою судьбоносную программу, ну отнимут собственность у богачей. Но какой ценой? Во имя чего? К чему придем? К сталинским беззакониям? К хрущевской болтовне о скором построении коммунизма? К брежневскому застою? Всё это – еще не самые худшие варианты.

Самый вероятный и самый худший вариант видится уже при беглом взгляде на нынешнюю социально-экономическую обстановку в стране. Нынешние нувориши не отдадут собственность мирно и бесконфликтно. Новый передел способен привести к гражданской

войне в условиях возобновившейся международной изоляции России. Сегодня, когда страна находится в опасной зависимости от импорта даже самых необходимых товаров, такое развитие событий смерти подобно. Мы даже не умеем изготавливать собственные компьютеры и мобильные телефоны. А ведь на них сегодня держится армия, промышленность, банковская система, вся наша повседневная жизнь! Не говоря уже о продовольствии, одежде и обуви, бытовой технике, легковых автомобилях, медицинских препаратах и многом другом. Разрушение банковской системы, потеря вкладов гражданами, остановка предприятий, возвращение дефицита и очередей, всплеск инфляции и безработицы – вот ближайшие последствия новой коммунистической революции. Не говоря уже о резком ухудшении международной обстановки и возрастании угрозы национальной безопасности страны. Страна пойдет по новому кругу своей многострадальной истории. И что впереди? Опять "светлое коммунистическое будущее"?

2.5. Новое гуманное общество – не «постиндустриальное общество»

Западная социологическая элита, а вслед за ней и многие наши штатные социологи и политологи, активно пропагандируют теорию постиндустриального общества как альтернативу традиционным учениям политической экономии об основных тенденциях общественного развития. Скажем сразу и определенно – теория постиндустриального общества есть не что иное, как новомодная замаскированная попытка приукрасить современный государственно-монополистический капитализм и выдать его за "светлое будущее" человечества. Концепция постиндустриального общества ныне вошла во все учебники по социологии. Многие из нашей учёной элиты считают, что Россия, если ещё и не вошла в постиндустриальную эпоху, то вот-вот войдёт вслед за Западом. В соответствии с этим убеждением (или заблуждением) выдаются политические рекомендации для нашей власти.

Приверженцы постиндустриальной теории называют постиндустриальным такое общество, в экономике которого в результате научно-технической революции и существенного роста доходов населения приоритет перешёл от преимущественного производства товаров к производству услуг. Производственным ресурсом становятся информация и знания. Научные разработки

становятся главной движущей силой экономики. Как у нас любят говорить с высоких трибун, экономика становится «умной». Наиболее ценными качествами являются уровень образования, профессионализм, обучаемость и креативность работника. Теория постиндустриального общества верно отразила многие тенденции социально-экономического развития. Многие, но не все. Недостатки этой теории становятся тем очевиднее, чем больше мы приближаемся от времён её основоположника Даниэля Белла к нынешней действительности и чем ближе переходим от жизни на Западе к реалиям нынешней России.

Прежде всего, представляется по меньшей мере сомнительной сама приставка "пост" в названии постиндустриального общества. Означает ли это конец индустрии, конец реальной промышленной деятельности в экономически развитых странах? Факты не дают оснований ответить на этот вопрос положительно. Там по-прежнему бесперебойно работают крупнейшие промышленные предприятия по производству стали, автомобилей, самолётов, морских судов. По-прежнему работает мощная нефтеперерабатывающая и химическая промышленность. По-прежнему продолжается работа в сельскохозяйственном секторе экономики. По-прежнему ведётся жилищное строительство. Этот список можно продолжать, но в этом нет необходимости. Ибо ясно, что относительное снижение занятости в этих фундаментальных отраслях любой развитой страны объясняется возросшим уровнем автоматизации производства, а вовсе не концом его деятельности. Запасы промышленной продукции постоянно приходится пополнять ввиду её расходования, износа и расширения потребностей с ростом населения и расширением рынков сбыта. Конец этого процесса пока не просматривается.

В этом плане то, что Белл называл постиндустриальным "обществом знаний", скорее можно расценивать как рост финансового капитализма, опиравшегося на широкое использование информационных систем с целью программного обеспечения спекулятивных финансовых операций. Главным ключом к успеху и быстрому продвижению по социальной лестнице становились не столько личные достоинства, а связи с крупнейшими инвестиционными домами и банками. Трудно поверить, что Белл ничего не знал о нарастающем массивном перетекании промышленного капитала в финансовый. Риторика Белла умалчивает и о том, что потеря американских промышленных рабочих мест часто происходила не только по причине превращения корпоративной

Америки в "информационную экономику", но из-за утечки этих рабочих мест в иные регионы планеты - Азию, Мексику, на Карибы и т.д. Ещё более непостижимым образом Белл обходил молчанием тот факт, что классовые противоречия не исчезли и во многих отношениях остались не менее острыми. Соединённые Штаты среди 50 промышленно развитых стран имеют самый высокий уровень жизни населения, но и самую высокую степень социального расслоения.

Слабым местом теории Белла многие критики считают его утверждения о том, что "основной класс в нарождающемся социуме – это, прежде всего, класс профессионалов, владеющий знаниями" и что центр общества смещается от корпораций в сторону университетов, исследовательских центров и т.п. На самом же деле, как отмечают критики, корпорации, вопреки Беллу, так и остались центром западной экономики и ещё больше упрочили свою власть над научными учреждениями, среди которых по теории должны были раствориться. Не менее серьёзен тот факт, что корпорациям развитых стран прибыль приносит зачастую не добросовестная информация о новых товарах и услугах, а назойливая и беззастенчивая реклама, часто приукрашивающая образ предлагаемого на рынок товара. Японский исследователь Кеничи Омаэ охарактеризовал этот процесс как "главный парадигмальный сдвиг последнего десятилетия". Наблюдая, как в Японии сельхозпродукты известных брендов продаются по ценам, в несколько раз превышающим цены на менее разрекламированные продукты такого же рода и качества, Омаэ пришёл к выводу, что добавленная стоимость - результат чётко скоординированных усилий по "раскрутке" бренда. На этом фоне становится возможной имитация реальной экономической деятельности, искусная симуляция технологического прогресса, когда мелкие и ненужные поделки в виртуальной реальности рекламных образов выглядят как "переворот", "новое слово". К сожалению, этот бессовестный обман стал обычным явлением в нынешней России.

Владимир Ильич Ленин в своей работе "Империализм как высшая стадия капитализма" отметил одну из важнейших черт империализма того времени -"эксплуатация всё большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций". Это точное определение сохранило значение и в наше время. Теория постиндустриального общества недооценивает исторический факт обогащения корпораций за счёт переноса реального сектора экономики в мир более слабых стран. Эта же

теория фактически стала оправданием для невиданного раздувания сектора совершенно бесплодных финансовых спекуляций, что подавалось как «развитие сектора услуг». Достаточно сказать, что в ВВП Соединенных Штатов половину так называемого сектора услуг занимают именно финансовые игры и манипуляции. И они довели Запад до второй Великой депрессии 2008-2009 гг. Они и до сих пор являются головной болью Америки, подрывая её рейтинг в шкале надёжности игроков мирового рынка. Притчей во языцех стал раздутый до невероятных размеров государственный долг США. Всё это показывает истинную цену красивых теоретических рассуждений о нарастающем преобладании доли услуг в нынешней американской экономике.

Можно согласиться с Беллом в том, что современный капитализм представляет собой уже существенно иную общественную формацию по сравнению с ранним капитализмом времён Маркса. Но нельзя согласиться с Беллом в том, что "постиндустриальное общество" окончательно излечило язвы и пороки капитализма. Капитализм не был бы капитализмом, если бы не сохранил, а в некоторых существенных чертах и не обострил присущие ему внутренние противоречия. Как уже говорилось, эволюция капитализма не устраняет или крайне медленно устраняет такие его недостатки, как неоправданно резкое социальное расслоение, снижение цены квалифицированного труда в результате научно-технического прогресса, перепроизводство в одной области и недопроизводство в другой из-за непредсказуемости вкусов потребителей, возможность успеха в конкурентной борьбе путём засекречивания приобретённых знаний, широко практикуемая подмена честного бизнеса обычным жульничеством, объективная невозможность добиться добросовестной конкуренции с помощью закона, порождение неполноценной человеческой личности в условиях крайне узкой специализации и однозначной нацеленности на личный успех, возможность для администраторов законно или незаконно назначать своим родственникам или друзьям повышенную заработную плату, коррупция и взяточничество, практикуемое распространение ложных слухов для завышения прибыли при биржевых операциях и т.д. Не всё благополучно и с научно-техническим прогрессом. Об этом хорошо сказал Джон Гэлбрейт: "Все чувствуют, что многие новшества в потребительских товарах есть не что иное, как обман. Считается само собой разумеющимся, что наиболее заметной чертой

широко разрекламированных изобретений окажется их неспособность к работе или же выяснится, что они просто опасны".

Смешны и нелепы попытки распространить "постиндустриальную" ортодоксию на социально-экономическую ситуацию в нынешней России. Некоторые особо "продвинутые" учёные мужи ультралиберальной ориентации призывают форсированно строить "российское постиндустриальное общество" по западному образцу. Они уже пытались в лихие 90-е годы одним махом, кавалерийским наскоком перепрыгнуть из советского прошлого в светлое рыночное будущее. Что из этого получилось, всем хорошо известно. Сам Борис Ельцин признал ошибочность этой авантюрной затеи. То, что с таким запозданием, в конце концов, вынужден был признать Ельцин, до сих пор не признают наиболее упёртые энтузиасты скороспелого "постиндустриализма" в России. Жизнь так ничему их и не научила. Они объявляют всё происшедшее "великой революцией", "впечатляющим модернизационным рывком" или "грандиозным формационным сдвигом". Этими псевдонаучными терминами они обозначают катастрофический распад великой страны, обрушение народного хозяйства, бессовестный обман и обнищание миллионов людей, фактическую деиндустриализацию страны, возникновение ничтожной кучки сверхбогатых нуворишей на фоне массовой бедности, невиданный всплеск преступности и коррупции, разрушение образования, науки, техники, культуры. Прелести новоявленного капитализма россияне познали, что называется, на собственной шкуре. Они увидели, что капитализм – это когда нечестность становится образом нашей жизни. Это когда ты не человек, если у тебя мало денег или имущества. Это когда любой богатенький негодяй может с наглой ухмылкой бросить в лицо порядочному человеку пресловутое "что же ты такой бедный, если такой умный?!" Это когда честным трудом трудно стать богатым, гораздо легче украсть. Такой капитализм очень понравился нашим новоявленным нуворишам. Этим людям и в голову не приходит простая мысль, что умный человек может быть ещё и честным, что ему может быть стыдно воровать и жульничать. В понимании наших нуворишей капитализм - это когда каждому позволено обманывать, отталкивать и унижать ближнего, чтобы урвать лишний кусок от общественного пирога. Такой капитализм - это общество не людей, а волков. Но россияне в подавляющем большинстве - не волки. И поэтому они обязательно отвергнут этот

звериный капитализм. Даже закамуфлированный в красивую обёртку "постиндустриализма".

2.6. К новому гуманному обществу

Новое гуманное общество можно было бы назвать и по-другому: «капитализм с человеческим лицом», «настоящий капитализм», «гуманный капитализм», «рыночный социализм», «демократический социализм», «социализм XXI века», или даже просто «гуманизм» (самое неудачное название, поскольку оно относится, скорее, не к общественному устройству, а к течению философской мысли или к направлению в культуре). Можно назвать его и «обществом социалистической конвергенции», отдавая должное блестящим идеям академика Андрея Дмитриевича Сахарова. В обширной социологической литературе встречаются все эти и другие названия. Но дело, конечно, не в названии, а в содержании.

Междисциплинарная общеэкономическая теория приходит к выводу, что ни одна из уже пройденных человечеством экономических формаций не оказалась идеальной с точки зрения оптимального соединения экономической эффективности с социальной справедливостью. Ни одна из пережитых человечеством формаций не обеспечила гармоничного сочетания интересов личности и общества. Ни одна из формаций не изжила войн, преступности, воровства и обмана, той или иной формы эксплуатации человека труда. Но возможно ли вообще «идеальное» общество? Наверно, нет. Но стремление к более прогрессивному устройству жизни общества и каждого человека – неистребимо.

Идея нового гуманного общества была выдвинута мной в середине 90-х годов. «Российская газета» по заданию Бориса Ельцина объявила летом 1996 года конкурс на российскую национальную объединяющую идею. Победителю конкурса было обещано солидное денежное вознаграждение. Я подготовил небольшую статью и послал в редакцию. Прежде всего, высказал мнение, что национальную объединяющую идею нельзя придумать за деньги. Такое не покупается и не продается. Чтобы национальная идея не испарилась вместе с гонораром её автору, чтобы она действительно работала на консолидацию общества, необходимо, чтобы она основывалась на глубоком понимании и использовании объективных законов общественного развития. В статье

подчеркивалось, что стране необходима серьезная корректировка социально-экономического курса. Отбросив прошлое, мы с водой выплеснули ребёнка. Ни одна развитая страна уже не живет в условиях экономического беспредела, в обстановке хаоса и анархии, без тех или иных форм планирования развития народного хозяйства, без разумного государственного регулирования цен и доходов. Это был призыв не к возврату в прошлое, а к осознанию реального положения, сложившегося в России. Далее в статье говорилось: «Нам нужна глубокая вера в силу человеческого разума, в его способность познать окружающий мир во всей его сложности. Нужна вера в действенность человеческой доброты и порядочности, вера в способность россиян устроить жизнь в своей стране истинно по-человечески. Такую жизнь, при которой люди проявляли бы свою энергию в созидательном труде, а не в стремлении оттолкнуть, обмануть или унизить ближнего, чтобы урвать лишний кусок от скудного общественного пирога». Статья была опубликована в «Российской газете» 17 сентября 1996 года. К сожалению, редакция придумала для неё неудачный заголовок. Что же касается конкурса, то он так и не был завершен.

Планомерное, всестороннее, бескризисное развитие в течение достаточно продолжительного времени объективно приведёт Россию к новому гуманному обществу. Оно впитает в себя лучшие черты исторического опыта, пережитого нашим народом. В отличие от советского социализма новое гуманное общество будет иметь политическую свободу, многообразие форм собственности, возможность заниматься предпринимательской деятельностью, свободу выбора профессии, свободу торговли, открытость внешнему миру и интегрированность в мировую экономику (разумную, не в ущерб национальной безопасности). В отличие от капитализма новое гуманное общество будет иметь плановую систему всестороннего и устойчивого развития народного хозяйства, без регулярных разрушительных экономических кризисов. Оно будет иметь открытую и неспекулятивную финансовую систему, социальную направленность политики, общественно приемлемую степень социального расслоения, надёжные средства обуздания коррупции и экономической преступности. В новом гуманном обществе будут предприятия различных форм собственности, будут экономическая свобода и возможность продуктивной предпринимательской деятельности. Но, в отличие от того, что мы имеем на сегодняшний

день, богатство будет зарабатываться умом и талантом, честным высококвалифицированным трудом и организаторскими способностями, а не добываться обманом, воровством, коррупцией, жульничеством, мошенничеством, имитацией реальной работы. В отличие от коммунизма, о котором мечтали Маркс и Энгельс и который так и не удалось построить, новое гуманное общество не будет "общественным самоуправлением". Равным образом, новое гуманное общество не будет и воплощением новомодных либеральных фантазий о гражданском обществе с безбрежной демократией. Обе эти концепции утопичны и в этом пункте на удивление сходятся.

Междисциплинарная общеэкономическая теория отвергает умозрительные доктрины о постепенном неизбежном отмирании государства как регулятора общественного развития. Новая теория приводит к выводу о непреходящей определяющей роли фактора государственной социально-экономической политики в общественном развитии. Это означает, что в общеисторическом процессе регулирующая роль государства не ослабевает, а усиливается. Вместе с этим изменяются регулирующие функции государства, повышаются его ответственность, эффективность и социальная направленность проводимой политики. Следует признать в равной мере ошибочными как коммунистическую доктрину о будущем общественном самоуправлении, так и либеральную мифологию о будущем гражданском обществе с безбрежной демократией. В новом гуманном обществе сохранится ключевая роль государства, но это будет новый тип государства, с обновлёнными конституционными функциями. В таком государстве удастся решить коренные проблемы нашего развития и главную из них - демографическую. В таком государстве удастся победить коррупцию. Она подобно раковой опухоли разъедает нашу жизнь, становится форменным национальным бедствием, реальным препятствием для дальнейшего социально-экономического развития. Главная опасность этого явления для нашей страны даже не во взятках как таковых. Главная опасность в том, что огромная многонациональная страна, к тому же обладающая колоссальным ракетно-ядерным потенциалом, продолжает вместо производительной экономической деятельности активно заниматься спекулятивным, а то и криминальным перераспределением материальных благ. Мы не Швейцария и не Дания. Такую Россию никто не накормит, она в таком виде никому не нужна. Даже если наши либералы будут

убаюкивать нас сказками о скором приходе в Россию очередной утопии в виде "постиндустриального рая".

2.7. Программа для России: стратегия и тактика

Жизнеспособность власти в демократическом обществе не совместима с разрывом между словом и делом, с расхождением между предвыборными обещаниями и реальными результатами. Часто это проявляется как противоречие между правильной стратегией и неумелой тактикой. «Хотели как лучше, а получилось как всегда», - это крылатое выражение Виктора Черномырдина вполне разъясняет суть вопроса.

К сожалению, об этом приходится вспоминать, когда сравниваешь обещания «Единой России» десять лет назад и полученные результаты. В манифесте партии «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу РФ 2003 года была провозглашена впечатляющая стратегия: «Мы утверждаем, что XXI век будет веком России. Мы стоим на пороге беспрецедентного роста национальной экономики, какого еще не знала мировая история. Российское чудо будет достигнуто усилиями объединившихся вокруг партии "Единая Россия" граждан, на основе максимального использования уникального интеллектуального потенциала страны и открытий, сделанных российскими учеными за последние годы. Через 15 лет, к 2017 году, Россия будет ведущей мировой державой. Мы займем достойное России место в мировой экономике и политике, весь мир будет с восхищением наблюдать развитие проснувшегося российского медведя». И далее следовала не менее впечатляющая «конкретная» программа.

До 2017 года ещё есть время. Но подведение промежуточных итогов производит неблагоприятное впечатление. Десятки миллионов россиян едва сводят концы с концами. В стране миллионы бомжей, нищих, проституток, алкоголиков, наркоманов, больных СПИДом. Велика преступность, количество заключенных сравнимо с таковым в СССР в период сталинских репрессий. До огромных размеров выросла армия чиновников – их ныне примерно втрое больше, чем было в СССР при Хрущеве. На взятки и подкуп должностных лиц ежегодно затрачиваются десятки миллионов долларов. При общем невысоком уровне жизни у нас с неимоверной скоростью плодятся миллионеры. Они платят самые низкие налоги (13%), в то время как на Западе прогрессивный налог на богатых доходит до 60% и выше.

Страна опустилась до уровня 30-х годов прошлого столетия по производству автомобилей, комбайнов, тракторов, вагонов, тканей и обуви. Практически полностью разрушены авиационная, радиоэлектронная, химическая отрасли. Лекарственные средства закупаются за рубежом или, в крайнем случае, производятся у нас из импортных субстанций. При попытках наладить в России производство персональных компьютеров и мобильных телефонов выяснилось, что делать это на мировом уровне страна уже неспособна. А ведь на компьютерах и мобильниках теперь основана практически вся реальная экономика, армия, банковская система, да и повседневная жизнь. Эта ситуация ставит страну в опасную зависимость от заграницы в обеспечении населения товарами самой первой необходимости.

Прошло уже больше двадцати лет с начала в России "радикальной экономической реформы", которая привела к колоссальному экономическому спаду, но страна и до настоящего времени не может от него оправиться. Продолжаются банкротства ещё недавно успешно работавших предприятий, а адекватной замены не видно. Становится всё очевиднее, что предпринятая в начале 90-х годов "радикальная экономическая реформа" была ошибкой. Затянувшееся многолетнее заблуждение о прогрессивности ультралиберального экономического эксперимента и до сих пор является источником бедствий для граждан и тормозом дальнейшего социально-экономического развития. Экономика во многих отношениях остается скорее спекулятивной, чем реальной. С уходом от плановой экономики нарушается сбалансированное развитие ключевых отраслей народного хозяйства. Нынешнее состояние энергетики не обеспечит необходимых темпов экономического роста. Неразвитость транспортной инфраструктуры сдерживает рост товарооборота между регионами. Стране фактически предстоит новая индустриализация, иначе просто не удастся сохранить обороноспособность и национальную безопасность.

Не принимается достаточных мер для замены изношенного оборудования в машиностроении, в энергетике, в строительстве, на транспорте, в жилищно-коммунальном хозяйстве. Серьёзную угрозу здоровью и жизни людей создаёт экономическая вседозволенность в условиях некомпетентности и безответственности. В практику внедряются неграмотные технические решения, нарушаются (или вообще отсутствуют) технологические регламенты. Продолжается неконтролируемое загрязнение окружающей среды. Не секрет, что "положительные" результаты анализов и экспертиз, разрешения,

лицензии и сертификаты можно просто купить. В образовании и науке идут негативные процессы снижения качества и имитации реальной работы. Отдельные достижения в этой сфере не отражают общего тяжёлого положения. Критерием успехов здесь, в конечном счёте, может быть только реальный рост социально-экономического потенциала страны. А пока что, несмотря на внушительную армию профессоров и академиков с их реальными или придуманными достижениями, страна никак не может выбраться из разряда отстающих. Повсеместно обостряется проблема нехватки квалифицированных кадров, разрушается преемственность их подготовки. Человеческий фактор всё чаще становится главной причиной аварий и катастроф.

Весьма опасна непрекращающаяся инфляция. Рост цен и тарифов по многим позициям опережает номинальное повышение доходов населения. Разрыв в доходах, и без того крайне высокий, продолжает усугубляться. Людям трудно планировать своё будущее, жизнь своих семей и будущее своих детей. Неуверенность в завтрашнем дне усугубляет демографическую проблему. Никакие финансовые вливания сами по себе, без оздоровления общей социально-экономической обстановки, не решат эту проблему. Ощущение несправедливости порождает социальную апатию, социальный протест, экстремизм. Во властные органы всех уровней проникли коррупция, необязательность, безответственность. Возрастает опасность спонтанных, плохо прогнозируемых социально-экономических процессов.

Как видим, за оставшееся до 2017 года время едва ли удастся хоть в малой степени приблизиться к выполнению не в меру амбициозной программы «Единой России» десятилетней давности. Многие склонны приписывать нынешние российские проблемы Владимиру Путину. Но их создал не Владимир Путин. Он принял страну на пороге нового тысячелетия в катастрофическом состоянии и сумел отодвинуть её от гибельной черты, от развала вслед за СССР. Если что-то и можно поставить ему в вину, так это то, что он не сумел до конца переломить инерцию деградации, порождённую пресловутой "радикальной экономической реформой", провозглашённой Горбачёвым и реализованной Ельциным. Да и как это быстро преодолеть? Разве что вернуть Иосифа Сталина с автоматом Калашникова наперевес. Владимир Путин остроумно ответил на как-то заданный ему вопрос о том, как быстро и

решительно преодолеть коррупцию: "Вешать надо, но это не наш метод!"

Тем не менее, сегодня совершенно очевидна необходимость корректировки стратегии и ужесточения тактики. В противном случае не только давние замыслы единороссов, но и нынешняя программа Владимира Путина, провозглашенная в его известных предвыборных статьях и последующих указах, останутся пустым звуком. А это уже опасно. Разочарование населения способно вызвать широкий социальный протест с далеко идущими и трудно прогнозируемыми последствиями. Более того, учитывая российский геополитический фактор, его влияние на сохранение мира и международной безопасности, нетрудно предугадать крайне негативное, если не катастрофическое обострение обстановки в случае любых внутрироссийских катаклизмов. Подобное развитие событий абсолютно недопустимо для огромной многонациональной страны, к тому же обязанной постоянно поддерживать в безопасном и боеспособном состоянии огромный ракетно-ядерный потенциал, доставшийся в наследство от СССР и до сих пор являющийся гарантом равновесия сил и стабильности в мире. В свою очередь, обороноспособность России зависит от состояния всей её экономики и социальной сферы. Отсюда предельно ясно, что выполнение предвыборной программы Владимира Путина – не вопрос выбора, а обязательное условие национальной безопасности России и сохранения мира в масштабах планеты. Необходимость корректировки социально-экономической политики аргументированно обоснована в интересной и содержательной книге [133] Сергея Михайловича Миронова, лидера партии «Справедливая Россия», а ранее – Председателя Совета Федерации (2001-2011).

2.8. Программа для России: темпы и качество экономического роста

В своем социально-экономическом развитии России предстоит детально проанализировать собственную историю, историю других наиболее развитых стран и взять на вооружение всё лучшее, не повторяя своих и чужих ошибок. Возможно ли это? Традиционные экономические учения ставят под сомнение такую возможность, объявляя это «беспочвенным фантазерством», «ненаучным подходом» или «эклектизмом». Междисциплинарная общеэкономическая теория утверждает, что это и возможно, и

необходимо. Рассмотрим вкратце основные факторы, за счет которых разным странам удавалось осуществить свои «экономические чудеса».

СССР. Вне всякого сомнения, наиболее грандиозным и впечатляющим на протяжении всей экономической истории является сталинское «экономическое чудо». Огромная страна строилась по четкому плану, как единый народнохозяйственный комплекс. Основой хозяйственного строительства стала индустриализация. Это было единственным выходом в условиях враждебного капиталистического окружения. Без этого не стало бы ни легкой промышленности, ни современных вооружений. Советский Союз продемонстрировал миру невиданную ранее модель оптимизации на уровне всего общества, включая воспитание, образование, медицинское обслуживание, национальную безопасность и всё остальное. Благодаря сталинским пятилеткам, страна накопила потенциал, который позволил одержать героическую победу в Великой Отечественной войне, освободить народы Европы от гитлеровского порабощения. В ходе войны было сделано, казалось бы, совершенно невозможное, потрясшее весь мир.

Советская страна за исторически короткий срок совершила грандиозный рывок от нуля до мощной державы, второй в мире после США. К числу впечатляющих успехов Советского Союза в то время относятся запуск первого спутника Земли, пуск атомной электростанции, первый полет сверхзвукового пассажирского самолета, а также ряд других технических достижений, в которых СССР опередил США. Важно отметить, что в такой важной отрасли, как создание электронно-вычислительной техники, советские разработки в то время не отставали по своим техническим данным от ЭВМ, созданных в США. Также не отставал существенно от уровня США в этот период и технический уровень таких отраслей промышленности, как электроэнергетика, черная металлургия, угольная промышленность, некоторые отрасли цветной металлургии. Наши критики «директивной экономики» того периода многого не учитывают. Из центра планировались лишь весьма общие направления. Предприятия на местах в сталинские времена обладали достаточно большой свободой, которую они потеряли при Хрущеве. Функционировал мощный кооперативный сектор, который обслуживал не только население, но и промышленность. Очень велика в то время была и ответственность руководителей

предприятий. Для достижения высоких темпов и качества экономического роста были максимально задействованы все факторы, включая различные виды мотивации труда, форсированную подготовку квалифицированных кадров, создание современных производственных фондов, использование отечественных и зарубежных достижений технологического прогресса, опору на богатые природные ресурсы огромной многонациональной страны. Создание мощного оборонного комплекса было локомотивом подъема сопряженных отраслей экономики.

США. Экономика США развивалась в более растянутые исторические сроки и не демонстрировала столь бурных рывков. Зато экономическая история этой страны продемонстрировала другое – необычайное многообразие социально-экономических форм на тех или иных исторических этапах, изменчивость и высокую приспособляемость к изменяющимся объективным условиям, сочетание традиционной американской индивидуальной предприимчивости и деловитости с целенаправленным развитием всего общества, способность современного капиталистического государства умело координировать и направлять экономическую деятельность государственного и частного секторов в русло общенациональных интересов. Всё это позволило Америке добиться наивысших конечных результатов в социально-экономическом развитии, стать самой богатой в мире страной с самым высоким уровнем развития науки и техники, с самым высоким общим уровнем жизни населения.

Экономическая история США полна драматических поворотов и крутых зигзагов. От экономического бума 20-х годов прошлого столетия, обусловленного «проеданием» денег, заработанных на военных поставках Первой мировой войны, страна перешла к краху 1929 года и Великой депрессии. Обанкротился период «laissez-faire», эпоха полного попустительства ничем не ограниченному предпринимательству и биржевой игре. Великая депрессия стала настоящим бедствием для Америки. И если бы не «новый курс» президента Франклина Делано Рузвельта, последствия для дикого американского капитализма были бы самыми плачевными. В этот сложный для страны период президент Рузвельт не побоялся, вопреки обвинениям в приверженности к «коммунизму» и «диктатуре», многое перенять у молодого советского государства в части планового управления развитием народного хозяйства. Умелое

применение плановых принципов, с учетом американской специфики, позволило преодолеть кризис и, тем самым, спасти американский капитализм от гибели в пламени социальной революции. Американская экономика была успешно преобразована из толпы беснующихся рыночных маньяков в более или менее упорядоченный народнохозяйственный комплекс. Капитализм остался капитализмом. Но это был уже другой капитализм, регулируемый путем своевременного государственного вмешательства. С начала второй мировой войны США, еще не будучи втянуты в войну, снабжали союзников всем необходимым. Война в Европе представляла собой гигантский рынок сбыта для американской военной продукции. Национальные расходы на оборону выросли с 1 млрд долларов в 1939 г. до 81 в 1945 г., составляя в этом году 82% расходной части бюджета и почти 40% выпуска промышленного производства. Безработица упала с 19% от работоспособного населения в 1938 г. до 1,9% в 1945 г., чему поспособствовал призыв в армию.

Американцы и в послевоенный период не раз возвращались к советскому опыту планирования. В частности, президент Джон Ф.Кеннеди, представляя свою экономическую программу, делал акцент на том, как «заставить экономику работать», постоянно возвращаясь к успехам плановой экономики СССР, который превосходил США по количеству ракет, лидировал в космосе и опережал Америку по темпам экономического роста. Президентский совет экономических консультантов во главе с выдающимся экономистом Полем Самуэльсоном состоял в большинстве своём из убежденных сторонников политики государственного регулирования экономики. Такая «стратегия государственных затрат» позволяла направлять ресурсы на необходимые социальные программы – профессиональное обучение, медицинское страхование и др. В дальнейшем Америка, при всей её демократии и рыночной экономике, сумела планомерно осуществить важнейшие общенациональные программы преодоления отставания от СССР в освоении космоса, борьбы с бедностью, вывода страны на передовые рубежи научно-технического прогресса. Последнее заслуживает более подробного рассмотрения.

Начиная с 60-х годов, темпы экономического роста в СССР постепенно замедлялись. Особенно неважно обстояли дела в сфере научно-технического прогресса. Отдельные крупные прорывы в оборонных отраслях и в освоении космоса не меняли общей негативной тенденции к застою. Страна стала отставать. На съездах

партии и пленумах ЦК регулярно ставились задачи типа "догнать и перегнать" США по производству продукции на душу населения, раздавались призывы к развитию науки и техники, провозглашался лозунг о необходимости превращения науки в "непосредственную производительную силу общества». Между тем, в США только за десять лет с 1955 по 1965 гг. научно-технический персонал увеличился вдвое. В 1964 году США затратили средств на научные исследования и технологические разработки в расчёте на душу населения примерно в 10 раз больше Англии, в 20 раз больше Германии и Франции, в 30 раз больше Японии, в 50 раз больше Канады и в 70 раз больше Италии. В 1964 году ассигнования на научные исследования и разработки в США составляли 3,4 % от ВНП, а в 1986 году сохранились на уровне около 3 %. И это при том, что ВНП за эти два десятилетия вырос примерно в 6 раз! В расчёте на душу населения ассигнования на науку выросли от 100 долларов в 1964 г. до 500 долларов в 1986 г. К середине 80-х общие затраты на развитие науки и техники в США превысили 100 миллиардов долларов. Решающий вклад в развитие американской науки и техники внесло государство. На федеральном уровне все эти годы разрабатывалась и осуществлялась общенациональная научно-техническая политика. Роль частного капитала, конечно, была велика, но не настолько, как это иногда пытаются представить. Благодаря такой целенаправленной научно-технической политике наука в США на деле превратилась в непосредственную производительную силу. Она стала одним из важнейших приоритетов государственно-монополистического капитализма. Периодом наиболее динамичного в американской истории роста социальных расходов стали 60-е и 70-е годы. Америка стала самой экономически развитой страной, с развитым частным сектором и сильным и мощным государственным сектором. По объёму промышленного производства, по уровню развития науки и техники США занимают первое место в мире. Нынешние американцы имеют самый высокий в мире средний уровень личного потребления.

С приходом к власти в США в 1981 году президента Рональда Рейгана начался отход от политики государственного «дирижизма» обратно к либеральной экономической политике. Этот период американской экономической истории получил название «рейганомики». С одной стороны, из памяти элиты стали истираться прошлые периоды экономического неблагополучия в США, а с

другой - появлялось все больше фактов экономического неблагополучия в СССР. Президент Рейган выступил с бескомпромиссной защитой принципов свободного рынка и конкуренции, сбалансированного бюджета и снижения налогов для поощрения предпринимательской активности. Экономическая программа Рейгана включала сокращение налогов на корпорации и личных подоходных налогов, ограничение роста правительственных расходов за счет сокращения социальных программ, дерегулирование предпринимательской деятельности и проведение жесткой кредитно-денежной политики с целью преодоления инфляции. Это стало стимулом к дальнейшему подъему экономики страны. Вместе с тем в 80-е годы проявились и негативные стороны «рейганомики». Дефицит государственного бюджета США достиг 150 млрд долларов, усилилось социальное расслоение в американском обществе. Стало утрачиваться провозглашенное Рейганом чувство «американской мечты». В 1990 году средняя часовая плата американских рабочих равнялась примерно 15 долларов, против 18 долларов в Дании, 21,5 долларов в ФРГ и 21,9 долларов в Швеции. После 1980 года США потеряли статус чистого кредитора, сохранявшийся с 1917 года. Вместо кредитора Америка превратилась в должника. В конце 80-х экономика США вступила в период замедления темпов роста. Начались кризисные явления в кредитно-денежной сфере. Фактором торможения экономического роста послужило и начавшееся сокращение военных расходов. Оно повлекло за собой падение производства в металлургической промышленности и строительстве. Острой экономической проблемой начала 90-х стал дефицит государственного бюджета и растущий государственный долг.

Главной задачей демократической администрации Билла Клинтона стало оздоровление экономики путем стимулирования инвестиций. Снова потребовалось использование государственного регулирования для поддержки НИОКР, развития государственной инфраструктуры, создания благоприятных условий для деятельности малого бизнеса, усиления роли государства в решении социальных проблем. За первые два года правления администрации Клинтона сократился уровень безработицы и инфляции, создано 6 млн новых рабочих мест, активизировались структуры бизнеса, снизился дефицит госбюджета, расширилась внешняя торговля. Но эти успехи не закрепились надолго. Они не стали доминантами и в период правления Джорджа Буша. Хотя Америка и поныне остается

сильнейшей мировой державой, её продолжают сотрясать финансово-экономические кризисы. Это наглядно продемонстрировал кризис 2008-2009 гг., когда лопнули «мыльные пузыри» кредитно-денежной сферы, оторванной от реальной экономики. Безудержная спекуляция и бессовестные финансовые махинации были и остаются хроническими болезнями американского капитализма. Стремлением хотя бы отчасти преодолеть эти недуги характеризуется внутренняя политика нынешнего президента Барака Обамы. Избрание его на второй срок произошло на фоне выхода из кризиса американской автомобильной промышленности, роста в сфере строительства, стабилизации и некоторого снижения безработицы. Благодаря стимулирующим мерам Федеральной Резервной Системы поддерживается в устойчивом состоянии финансовый сектор. По мнению ряда комментаторов, при Обаме государство стало слишком активно вмешиваться в экономику, и это приветствуется далеко не всеми. Тем не менее, всё говорит о том, что подобная политика государственного регулирования экономики и впредь будет продолжаться. Необходимость такой политики осознана большой частью американского общества, и это является важным стабилизирующим фактором современного американского капитализма.

Германия. Не подлежит сомнению тот факт, что предвоенная Германия при Адольфе Гитлере совершила быстрый экономический подъем. ВВП за период 1933-1939 гг. почти удвоился. Подъем экономики Третьего рейха и связанный с этим рост уровня жизни повергал в шок экономистов Чикагской школы и прочих теоретиков либерального толка. В 1939 году была побеждена безработица: количество безработных снизилось с 6 млн. до 400 тысяч. Вступающие в брак немцы получали беспроцентную ссуду в 1000 марок, за каждого ребенка списывали 25% ссуды, а начиная с третьего, платили единовременное вознаграждение 100 марок и ежемесячно 20 марок. Рождаемость выросла в полтора раза. Четырехлетний гитлеровский план развития имел целью создать самодостаточную экономику, способную выстоять в условиях военной блокады. Не подлежит сомнению и главная причина гитлеровского экономического рывка – беспрецедентно быстрая милитаризация экономики. В 1934-1939 гг. военные расходы составляли почти 60% бюджета. Тем не менее, рост немецкой экономики существенно уступал советскому экономическому росту.

Если ВВП Германии с 1933 по 1939 гг. (семь лет) вырос в 2,2 раза, то ВВП Советского Союза с 1928 по 1940 гг. (13 лет) увеличился почти в 6 раз. И это при том, что Германия получала щедрые иностранные инвестиции. Гитлера готовили к заветной цели – броску на Восток. Принадлежавшая Рокфеллеру «Стандарт Ойл» контролировала германскую нефтеперерабатывающую промышленность и производство синтетического бензина из угля. Банковскому дому Моргана принадлежала химическая промышленность в лице концерна «И.Г.Фарбениндустри». Через «Дженерал электрик» Морган контролировал германскую радио- и электротехническую промышленность. Генри Форд контролировал 100% акций концерна «Фольксваген». К моменту прихода Гитлера к власти под полным контролем американского финансового капитала находились 278 фирм и концернов, а также ключевые немецкие банки «Дойче банк», «Дрезднер банк» и другие. Американцы до конца войны не бомбили «свою собственность». Бизнес превыше всего!

Нельзя не сказать и о долговых обязательствах германской власти. Это в значительной степени обескровило экономику еще до начала войны. Вскоре после её начала были введены карточки почти на все продукты питания. Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что, как и в СССР, в гитлеровской Германии широко использовался подневольный труд заключенных. И хотя партия Гитлера объявила себя национал-социалистической немецкой рабочей партией, положение рабочих неуклонно ухудшалось. Рабочим запретили по своему усмотрению менять рабочие места. Был удлинен рабочий день до 12-14 часов. Была введена трудовая повинность для молодежи. Это был принудительный бесплатный труд. Профсоюзы и забастовки запрещались. За нарушение трудовой дисциплины вводилась уголовная ответственность. Предприниматели объявлялись «вождями» предприятий на основании закона «О порядке национального труда», принятого в 1934 году. В 1935 году был принят секретный закон «Об обороне империи», по которому немецкие фермеры объявлялись «солдатами продовольственного фронта» и им спускались жесткие планы – нормы сдачи сельскохозяйственной продукции по фиксированным ценам. Словом, высокие темпы роста гитлеровской Германии были замешаны на сочетании железной фашистской дисциплины с беспрецедентной милитаризацией страны, при щедрой иностранной помощи тех, кто жаждал руками Гитлера сокрушить ненавистный Советский Союз.

Весьма поучителен исторический опыт послевоенной Германии. Страна была в разрухе. В отличие от СССР, не было ни малейшей возможности восстановить страну своими силами. И здесь на выручку пришли американцы. Конечно, только для западноевропейских стран, включая ФРГ. И, что важно, на плановой основе. Это был известный план Маршалла. Он был выдвинут в 1947 году американским государственным секретарем Джорджем К.Маршаллом и вступил в действие в апреле 1948 года. Финансовая помощь Западной Германии по плану Маршалла осуществлялась одновременно с взиманием контрибуции (репарации) за причиненный Германией материальный ущерб странам-победительницам во Второй мировой войне. План Маршалла явился одной из наиболее успешных экономических программ в истории. Он был очень жестким – за выделенные ассигнования надо было отчитываться конкретными результатами. Были достигнуты все цели плана. Отрасли промышленности были реконструированы в короткие сроки и при сохранении традиционной национальной экономической политики стран-участниц. Экономика сравнительно быстро оправилась от разрушительных последствий войны. Европейские страны смогли расплатиться по внешним долгам. Был восстановлен и укреплён европейский средний класс – гарант политической стабильности и прогресса в развитой капиталистической системе.

Опыт послевоенной Западной Германии – хороший пример высоких темпов и качества экономического роста в демократической стране на основе разумного сочетания принципов свободной конкуренции и государственного регулирования. Осмысление этого опыта вылилось в неолиберальное направление западной экономической мысли, основателем которого стал глава фрейбургской экономической школы Вальтер Ойкен. Концепция Ойкена послужила основой социально-экономической доктрины неолиберализма, положенной в основу политики ФРГ. Её экономика, трактуемая как «социальное рыночное хозяйство», была провозглашена в качестве наиболее эффективной и гармоничной формой рыночной экономики в интересах всех членов общества. Такая экономика была противопоставлена как социализму, так и капитализму в виде специфического «германского пути» развития общества. Его кредо: «конкуренция насколько возможно, планирование насколько необходимо». В течение ряда лет неолиберализм был теоретической основой политики боннского правительства и правящей коалиции ХДС/ХСС. Преемственность

этому курсу сохранилась и в дальнейшем. Хорошо сказал об этой проблеме В.В.Леонтьев. По его образному определению, современную успешную экономику можно сравнить с яхтой в море: «Чтобы дела шли хорошо, нужен ветер – это заинтересованность. Руль – это государственное регулирование».

Япония. Прошло много десятилетий с тех пор, когда Япония из отсталой феодальной страны превратилась в мощную промышленную державу. Но и до сих пор экономисты и социологи продолжают осмысливать причины этого японского «экономического чуда». Оно и в самом деле столь же парадоксально, сколь поучительно. После Второй мировой войны Япония превратилась не просто в страну с развитой экономикой, но и стала главным конкурентом США на мировых рынках, признанным лидером научно-технического прогресса во многих перспективных направлениях. Что же подтолкнуло Японию к стремительному и всестороннему экономическому росту?

2 сентября 1945 г. Япония капитулировала. Страна оказалась под властью американской военщины, экономика была разрушена, процветала инфляция. Экономика возрождалась медленно, довоенный уровень производства был достигнут лишь к 1953 году. В этой обстановке был взят курс на демилитаризацию, демократизацию, переход от феодализма к полноценному современному капитализму. На смену прежним холдингам (дзайбацу) пришли независимые фирмы, было усовершенствовано антимонопольное законодательство, была проведена земельная реформа. Государство выкупало помещичьи земли и продавало их крестьянам, что позволило сформировать крестьянский сектор с частной собственностью на землю. Следующей стала бюджетная реформа 1950 года, введен единый валютный курс, отменен контроль над ценами, остановлена инфляция. Характерно, что и в Японии были активно использованы меры государственного регулирования в интересах формирования рыночной экономики. Широко применялось государственное планирование, правда, не командное, а индикативное. С 1955 года составлялись планы отраслевых приоритетов. Вначале упор делался на развитие базовых отраслей (черная металлургия, химическая промышленность, энергетика, судостроение), а уже позднее – на развитие автомобильной и нефтеперерабатывающей промышленности. В конце 60-х на первое

место выдвигается электроника и электронная техника, снискавшая популярность во всем мире.

Главным фактором японского «экономического чуда» стала опора на научно-технический прогресс. По затратам на науку Япония занимает второе место в мире после США. Наука в Японии тесно связана с промышленностью. Около 80% затрат на НИОКР берет на себя промышленность. Естественно, что главный упор делается на прикладные исследования и технологические разработки. В этой области Япония часто демонстрирует превосходство над США. Теоретические исследования в университетах, в основном, проводятся по заказам промышленности. Спрос со стороны экономики стимулирует подготовку высококвалифицированных научных кадров. Высшее образование ориентировано прежде всего на подготовку инженеров и других технических специалистов. И одной из главных причин столь быстрого и качественного развития японской экономики является помощь государства. Именно государство стало настоящим катализатором экономического роста и научно-технического прогресса.

Немаловажно, что Япония жадно впитывала опыт и научно-технические достижения других стран, в основном США. За двадцать лет с начала 50-х и до конца 70-х годов Япония приобрела около 35 тысяч патентов на иностранную технику и технологию на сумму примерно 11 млрд долларов. Сначала это была простая имитация, но постепенно она переросла в серьезную переработку исходной информации. Япония начала закупать лучшие американские образцы изделий или лицензии и создавать на этой основе новые, более совершенные и качественные продукты. Всячески поощрялся экспорт наукоемкой продукции и, прежде всего, электронной техники. Особое место в экономике страны заняла внешняя торговля. Япония постоянно ориентировалась не только на самые передовые технические потребности в современном мире, но и на их изменчивость, диверсифицированность. Недостаточная емкость внутреннего рынка (в отличие от США) заставляла страну искать новые рынки сбыта. Япония представляет собой яркий пример сочетания жесткого протекционизма с агрессивной экспортной политикой. Япония стала лидером в поставках на мировой рынок ряда высокотехнологичных продуктов — оптоволоконной связи, биотехнологии, роботов, электроники нового поколения, композиционных материалов и др. Развитие ресурсо- и трудосберегающих производств позволяет снижать

зависимость страны от импорта сырья и материалов. Сегодня Япония стремится размещать производство бытовой электроники, телерадиоаппаратуры и средств связи в других странах, а готовую продукцию затем ввозить к себе. В настоящее время объем импорта электронных компонентов и полуфабрикатов уже превосходит объем импорта железной руды или нефти.

Итак, после сокрушительного поражения во Второй мировой войне Японии удалось не просто «встать на ноги», но и догнать, а по некоторым показателям даже и перегнать страны с самой сильной экономикой в мире. Безусловно, существуют и недостатки такой системы. В Японии не так развито сельское хозяйство, имеет место большой уровень преступности, по неподтвержденным данным число самоубийств в Японии чуть ли не наивысшее в мире, не все в порядке с показателями социального благополучия, сложился низкий размер пенсий по старости, растет число разводов и прочее. Однако все это не является побочным эффектом «японского экономического чуда» - эти проблемы есть в каждой стране. Сельское хозяйство находится не в лучшем состоянии из-за неблагоприятного географического положения, разводы и большое число самоубийств - следствия особенностей менталитета японцев (их трудоголизм, коллективизм и самоотверженность). Почему-то Японию всегда сравнивают с развитыми западными странами. Но это не совсем корректно, хотя бы в силу географического положения Японии. Да, в Японии господствует капитализм и рыночные отношения, однако японский капитализм менее статичен, более социализирован, несет отпечаток феодальных пережитков, получивших в новых условиях новое качество, отличается большим развитием коллективистских, кооперативных начал. И, как во всех азиатских странах, роль государства в Японии выше, чем в развитых западных странах.

Недавно японская экономика испытала в буквальном смысле шок. Землетрясение 11 марта 2011 г. магнитудой 9,0 и последовавшее за ним цунами разрушили инфраструктуру северо-восточных районов Японии и вывели из строя систему охлаждения реакторов на АЭС "Фукусима-1", что привело к пожарам, нескольким взрывам и утечке радиации на этом предприятии. В результате стихийного бедствия погибли и пропали без вести не менее 23 тыс. человек, тысячи были эвакуированы с прилегающих к АЭС территорий. Ряд японских предприятий, в том числе автомобильные заводы, были вынуждены временно остановить свою работу. На этом фоне ВВП Японии

сократился в I квартале на 0,9%, а во II квартале - еще на 0,5%. На восстановление экономики японское правительство намерено потратить 160 млрд долларов, в очередной раз увеличив государственный долг, который на данный момент превышает 220% от ВВП (11 трлн долларов.). Правительство и всё общество принимают беспрецедентные меры для восстановления народного хозяйства. Можно надеяться, что традиционное трудолюбие, стремление к общей цели, самоотверженность и сила характера сделают своё дело, и нынешнее поколение станет свидетелем ещё одного японского «экономического чуда».

Китай. Эта страна заслуженно пользуется особым вниманием гуманитарного научного сообщества. Китай строит «социализм с китайской спецификой» - любопытный гибрид марксизма в обработке Мао Цзэдуна и неолиберализма в азиатском аспекте. Китай демонстрирует один из самых высоких темпов экономического роста в мире. В сущности, он уже стал великой державой и имеет хорошие шансы догнать США по общему экономическому потенциалу. Китайцы «спускают на тормозах» прежнюю командную экономику и при этом, в отличие от России, не допускают обвала из-за несинхронного ввода альтернативных заменителей. Похоже, подтверждается прогноз Арнольда Тойнби, сделанный в период его работы над знаменитой книгой [126]. По мнению Тойнби, китайцы ищут «средний путь», который удачно соединил бы «современный западный динамизм» с «традиционной китайской стабильностью». «Если коммунистический Китай сумеет одержать победу в этой социальной и экономической борьбе, он может преподнести миру дар, в котором нуждается и Китай, и всё человечество», - сказал Тойнби [126, с. 598].

Китай – огромная страна с численностью населения почти полтора миллиарда человек. В Китайской Народной Республике земля, её недра и промышленные предприятия принадлежат народу, и лишь малая часть по отношению к государственной собственности находится в руках частных владельцев, поэтому в Китае не существует крупных собственников, а основными классами являются крестьяне, рабочие, торговцы и интеллигенция. Экономика Китая подпитывается за счет больших запасов полезных ископаемых. На севере Китая сосредоточены крупнейшие в стране месторождения каменного угля и нефти. Месторождения цветных и редких металлов, крупнейшим из которых является месторождение вольфрама,

занимающее по своим размерам первое место в мире, расположены в пределах Южно-Китайского массива. Здесь также добывают сурьму, олово, ртуть, молибден, марганец, свинец, цинк, медь и др. Кроме того, в Китае находятся месторождения золота и других драгоценных металлов. Важную роль в экономике Китая играет промышленность. В настоящее время в Китае развиваются как традиционные отрасли промышленности - текстильная, угольная, черная металлургия, фосфорно-фаянсовое производство, так и новые отрасли - нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая, газовая, химическая, авиационная, космическая, электронная, машиностроение, приборостроение. Страна занимает ведущие позиции в мире по производству угля, цемента, минеральных удобрений, стали, электроэнергии. Характерными чертами китайского образа жизни являются высокая доля сбережения и накопления, экспортная ориентация экономики, традиционное отсутствие развитой демократии, устойчивость политической системы.

Многие годы КНР была верным другом и союзником СССР, пользовалась его экономической помощью, но после развенчания Хрущевым культа личности Сталина на XX Съезде КПСС отношения между двумя соседями капитально испортились. Лишь в последнее десятилетие они стали восстанавливаться и в настоящее время являются союзническими, хотя и не столь близкими, как прежде. Становление современного Китая относится к началу 90-х годов. Именно в это время начинается рост темпов экономического развития. Расширение частнопредпринимательского сектора, ориентированного на экспорт, способствует быстрой интеграции Китая в мировую экономику. С начала экономических реформ (1978 - 1997 гг.) валовой внутренний продукт этой страны увеличился в 5,7 раз, или на 9,6% в среднем в год. Это означает, что он удваивался с рекордной скоростью - каждые 7,5 лет! Чем объясняется китайское «экономическое чудо»? Гипотез много. Одно из главных объяснений состоит в том, что, как уже сказано выше, успехи китайской экономики обусловлены разумной моделью экономических реформ. В отличие от России с её «шоковой терапией», китайские реформы носили постепенный и продуманный характер. В то время как в России государство самоустранилось из экономики, в Китае государство сохранило контроль над экономикой. В России не нашлось своего Дэн Сяопина, под руководством которого китайцы творили экономические чудеса.

Постепенное и разумное расширение уровня экономической свободы под контролем государства сделало свое дело. Уже более двух десятилетий Китай является мировым лидером по устойчивости темпов роста ВВП. В 1991 - 2001 годах ВВП Китая возрос более чем в 5 раз и в 2002 году превысил 10 трлн. юаней (рост в текущих ценах в 30 раз по сравнению с 1978 годом). Высокие темпы роста ВВП достигнуты за счет эффективного сочетания принципов планового регулирования с рыночными методами на основе социалистической плановой экономики, в том числе централизованного определения темпов и пропорций развития народного хозяйства. В 2010 году ВВП по сравнению с 2001 годом увеличился вдвое. Таким образом, темпы роста экономики Китая за последние десять лет составляли в среднем около 10 % в год. Естественно, такой внушительный экономический рост привлекает внимание инвесторов. Ситуация в быстро развивающемся Китае мало напоминает российскую с её многолетними потугами в набившем оскомину «улучшении инвестиционного климата». В настоящее время Китай является членом ВТО и всё сильнее интегрируется в мировую экономику, что, впрочем, не мешает стране сохранять достаточную экономическую независимость и разумную осмотрительность. Китай не спешит втягиваться в финансово-экономические потрясения вместе со своими друзьями по международному сообществу.

Итак, Китай в начале XXI века является космической и ядерной державой. Построение рыночной экономики осуществляется в Китае под руководством коммунистической партии на основе пятилетних планов. Экономика сохраняет многоукладность. По совокупному ВВП страна постепенно приближается к США. Америка – крупнейший торговый партнер Китая. Своей торговой экспансией Китай «давит» даже Америку. И поскольку Китай входит в ВТО, с этой экспансией ничего нельзя поделать. С Россией у Китая теперь нормальные добрососедские отношения, расширяется объем торговли, налаживается политический диалог. Впрочем, России следовало бы не только дружить и торговать, но и побаиваться своего уже могучего и быстро растущего соседа. Во имя сохранения национальной безопасности России ни в коем случае не следует допускать экономического и военно-стратегического ослабления по сравнению с Китаем. Для более подробного ознакомления с социально-экономическим развитием Китая можно рекомендовать интересную книгу Роя Медведева [127].

Италия. Эта страна в своё время была союзником фашистской Германии во Второй мировой войне, потерпела поражение, была разрушена и довольно долго восстанавливалась, пользуясь планом Маршалла. В настоящее время Италия является достаточно благополучной в экономическом отношении страной. И о ней можно было бы специально не говорить, если бы не богатый и поучительный итальянский опыт подавления коррупции и мафии. В 1992-1993 гг. в Италии была проведена получившая всемирную известность операция «Чистые руки». Правительство вынуждено было пойти на такие неординарные меры, поскольку масштабы мафиозных преступлений достигли критической точки. В 1991 году было совершено более 700 убийств и 800 похищений, более 830 покушений и почти 900 случаев запугивания представителей местных властей. Жертвами коррупционеров стали многие работники следственных органов и представители прокуратуры.

Для проведения операции государством были задействованы все возможные инструменты борьбы с мафией. Одной из первых мер было назначение специального прокурора по борьбе с коррупцией, наделенного особыми полномочиями. В структуре исполнительной власти страны было создано специальное ведомство по борьбе с коррупцией штатной численностью до трех тысяч сотрудников. Кроме того, был принят закон о борьбе с мафией, который позволял спецслужбам инфильтрироваться в ряды преступников, облегчал проведение арестов и следствия, предусматривал ужесточение наказаний за подкуп политиков и разрешал амнистировать раскаявшихся преступников, давших важные для следствия показания. Были приняты поправки к уголовному и процессуальному кодексам, в законодательном порядке расширены права судебных и правоохранительных органов и спецслужб. В частности, следственным органам разрешили свободно допрашивать членов парламента, что сильно облегчило ход операции "Чистые руки". Именно поэтому глава комитета по борьбе с коррупцией Антонио Ди Пьетро, начавший кампанию, которая осложнила жизнь очень многим влиятельным людям, не был уволен и смог продолжить начатое. Вся информация о действиях против коррупционеров в официальном порядке предоставлялась в средства массовой информации. Для борьбы с мафией в ряд провинций страны были направлены воинские подразделения.

Итоги проведенной операции впечатляют. Под следствием оказалось около 20 тыс. человек. В поле зрения органов правосудия

кроме государственных чиновников попали также сотрудники таких известных итальянских компаний, как Fiat, Olivetti и др. Тюремные сроки получили более 500 политиков, в том числе бывший премьер-министр, пожизненный сенатор Джулио Андреотти и премьер-министр Беттино Кракси. Чтобы избежать обвинений, с государственной службы уволилось больше 80% чиновников. Осужденные коррупционеры получили не только тюремные сроки, к ним применяли хорошо известное в бывшем СССР и многих других странах наказание - конфискацию имущества. В экспроприированных у мафиози домах размещали государственные учреждения, в том числе больницы, суды, полицейские участки. На бутылках с вином, которое было изготовлено из выращенного на конфискованных землях винограда, демонстративно красовалась надпись: "Сделано на винограднике, отобранном у мафии". Деньги коррупционеров направляли в социальную сферу, сельское хозяйство и на другие нужды. Это был хорошо продуманный пиар-ход, который усилил общественную поддержку антикоррупционной кампании. Бывший глава итальянского комитета по борьбе с коррупцией Антонио Ди Пьетро, сыгравший ключевую роль в организации операции "Чистые руки", считает, что одних полицейских мер для борьбы с коррупцией недостаточно, нужна целенаправленная, последовательная государственная политика по борьбе с коррупцией. По его мнению, операция "Чистые руки" имела успех только потому, что к началу 1990-х годов народ устал от коррупции и с одобрением воспринимал чрезвычайные меры. Конечно, одна кампания не могла вытравить коррупцию окончательно. Но она разбудила пассивное общество и запустила механизм обновления и очищения. В настоящее время коррупция в Италии, конечно же, не исчезла, но масштабы ее и характер претерпели существенные изменения. Мафиозные явления в виде регулярных убийств судей и прокуроров отошли в прошлое, общая атмосфера в обществе изменилась к лучшему.

Швеция. «Шведский рыночный социализм» стал притчей во языцех у любителей превозносить западный образ жизни и выставлять его в качестве образца для подражания в противовес всему российскому. Термин «шведская модель» появился в конце 60-х годов, когда иностранные наблюдатели стали отмечать успешное сочетание в Швеции высоких темпов экономического роста с политикой обширных реформ на фоне относительной социальной бесконфликтности в обществе. Этот образ успешной и безмятежной

Швеции сильно контрастировал в то время с ростом социальных и политических конфликтов в других странах.

Шведская экономика имеет смешанный характер, сочетая рыночные отношения с государственным регулированием. Другая особенность – преобладание частной собственности в сфере производства и обобществление потребления. Ещё одна характерная черта – специфика отношений между трудом и капиталом на рынке труда. Важной особенностью является социальная направленность политики: достижение почти полной занятости и стремление к выравниванию доходов. В стране достигнут высокий уровень жизни у большинства населения. К числу специфических факторов, присущих Швеции, надо отнести неизменный внешнеполитический нейтралитет с 1814 г., неучастие в обеих мировых войнах, рекордное по продолжительности пребывание у власти социал-демократической рабочей партии, исторические традиции мирных способов перехода к новой формации, в частности, от феодализма к капитализму, длительные благоприятные и стабильные условия развития экономики, доминирование реформизма в рабочем движении, утвердившем эти принципы в своих отношениях с капиталом (их символом стали соглашения между руководством профсоюзов и предпринимателями в Сальтшебадене в 1938 г.), поиск компромиссов на основе учета интересов различных сторон, практика социального консенсуса.

Шведская модель исходит из положения, что децентрализованная рыночная система производства эффективна, государство не вмешивается в производственную деятельность фирм, а активная политика на рынке труда должна свести к минимуму социальные издержки рыночной экономики. Смысл состоит в максимальном росте производства частного сектора и как можно большем перераспределении государством части прибылей через налоговую систему в государственный сектор для повышения жизненного уровня народа, но без воздействия на основы производства. При этом упор делается на инфраструктурные элементы и коллективные денежные фонды. Это привело к очень большой роли государства в Швеции в распределении, потреблении и перераспределении национального дохода через налоги и государственные расходы, достигшие рекордных уровней. В реформистской идеологии такая деятельность получила название «функциональный социализм». Особенностями шведской модели являются, в частности, высокая степень ее институционализации, особенно в области регулирования

бюджетных расходов, и гибкость антикризисной государственной политики. Частный капитал при такой системе как бы освобождается от многих видов «непроизводительных» затрат. Такая система стимулирует использование большей части прибыли на расширенное накопление капитала, так как государство берет на себя преобладающую часть затрат на образование, здравоохранение, развитие инфраструктуры, научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки.

В Швеции действует прогрессивная система налогообложения. Ставка налога на прибыль корпораций установлена в размере 28%. Работодатель обязан выплачивать взносы в социальные фонды за своих работников в размере 33% от валовой заработной платы. Максимальная ставка подоходного налога составляет 57%. Доход от капитала облагается отдельно по ставке 30%.

Сингапур. Для полноты картины рассмотрим ещё Сингапур – маленькую страну, явившую миру настоящее «экономическое чудо». Республика Сингапур представляет собой город-государство площадью около 700 кв. км, с численностью населения около 5 млн человек (преимущественно китайцы). Расположен на островах в Юго-Восточной Азии. Всего полстолетия назад Сингапур был отсталым колониальным придатком, страной «третьего мира». Сегодня это успешная страна с развитой рыночной экономикой, с благоприятным инвестиционным климатом, с отсутствием коррупции и лояльной налоговой политикой. По уровню ВВП на душу населения Сингапур занимает третье место из 182 стран.

Отличительная черта Сингапура – демократия при диктатуре. Вот уж поистине невозможное возможно! Сингапур стал полностью независимым государством в августе 1965 года. Своими впечатляющими успехами страна обязана «диктатору» Ли Куан Ю, который в 1959-1990 годах был премьер-министром. За годы его правления страна, лишённая ресурсов (даже пресную воду и строительный песок импортировали из Малайзии), сумела решить многие внутренние проблемы и совершить головокружительный рывок к высокоразвитому государству с одним из самых высоких уровней жизни. Широко известен ответ Ли Куан Ю на вопрос о методах, с помощью которых ему удалось побороть коррупцию: «Начните с того, что посадите трёх своих друзей. Вы точно знаете за что, и они знают, за что!» Ли Куан Ю начал борьбу с коррупцией

путём упрощения толкования законодательства. Были убраны все двусмысленные моменты и лазейки. Судьям многократно увеличили зарплату, на должности взяли наиболее талантливых частных адвокатов. Почти поголовно был заменён весь состав полиции. Чиновникам значительно подняли зарплаты и одновременно создали органы по борьбе с коррупцией, подчиняющиеся лично Ли Куан Ю. Ряд министров и даже родственников «диктатора», уличённых в коррупции, получили тюремные сроки. Насаждалась система верховенства права и равенство всех перед законом.

В Сингапуре, как и в ряде других азиатских стран (Корея, Тайвань, Малайзия, Таиланд и Индонезия), была разгромлена и запрещена коммунистическая партия, поскольку её идеи были бы губительны для формирующихся новых рыночных отношений и возникновения класса собственников. Долгие годы в сингапурском парламенте был только один оппозиционный депутат. Вместо политического поприща населению была предоставлена возможность проявить себя в различных сферах бизнеса. Сегодня сингапурское общество живет по очень строгим законам. В стране царит свобода вероисповедания, но запрещены азартные игры. Личные свободы граждан ограничены, и в то же время здесь самый низкий уровень преступности в мире.

Стратегию экономического развития Ли Куан Ю построил вокруг идеи ухода в непроизводственную сферу и превращения Сингапура в торгово-финансовый центр Юго-Восточной Азии, а также привлечения иностранных инвесторов путём создания заманчивого пакета условий для международных компаний. Процитируем самого Ли Куан Ю: «Мы не просто приветствовали каждого инвестора, мы просто из шкуры вон лезли, чтобы помочь ему начать у нас производство». Такая политика принесла свои плоды. Усилиями американских корпораций был заложен фундамент масштабной высокотехнологичной промышленности Сингапура. Взяв ориентацию на Запад, правительство реформировало систему образования. Огромные суммы были затрачены на обучение сингапурских студентов в лучших университетах мира. Особое внимание было уделено изучению английского языка (в роли международного) и информатики. С внедрением информационных технологий связаны едва ли не главные перспективы развития государства. Сингапур входит в первую десятку стран по применению компьютеров из расчета на 1000 жителей. Благосостояние страны основано на

судоходстве, туризме, электронной промышленности и роли одного из международных торгово-финансовых центров.

Результаты экономической политики руководства страны ошеломляют. По размерам грузооборота (около 200 млн. тонн) морской порт Сингапур уступает только Роттердаму, а по судообороту (45.000 судов в год) он находится на первом месте в мире. Здесь размещаются нефтяные буровые платформы и супертанкеры тоннажем до 500 тыс. тонн. Как центр нефтепереработки (суммарной мощностью 50 млн. тонн) Сингапур уступает только Хьюстону и Роттердаму. Одна из главных отраслей промышленности Сингапура - электроника и электротехника (персональные компьютеры, большие интегральные схемы, периферийные системы, оборудование автоматизированного проектирования, средства связи, прочее). Почти 80% экспорта электроники составляют изделия производственного назначения и только 20% бытового. Валютная биржа Сингапура входит в десятку крупнейших валютных бирж мира с объемом операций на десятки млрд. долларов. Кроме того, страна превращается в крупный центр иностранного туризма (более 5 млн. туристов в год). Существенная часть успехов Сингапура достигается за счет привлечения в страну иностранных инвестиций посредством льготного налогообложения. Действующие ставки одни из самых низких в мире, с массой налоговых освобождений и довольно высокими порогами дохода для начисления. Например, для развития бизнеса на первые три года деятельности установлено ежегодное налоговое освобождение на сумму равную 60.000 долларов США. При этом на следующие 60.000 прибыли начисляется лишь 50% от налоговой ставки. А для физических лиц первые 12.000 (в эквиваленте американской валюты) дохода налогом вообще не облагаются. Для отдельных высокотехнологичных иностранных компаний, занятых в научно-исследовательской и проектной работе, действуют особые льготы, включая 10-летнее освобождение от налогов.

Теперь можно перейти и к **России.** «Почему только теперь? – раздраженно спросит иной читатель? - Зачем понадобились предыдущие тексты о других странах?» Вопрос резонный, и надо ответить. Междисциплинарная общеэкономическая теория требует всестороннего комплексного, системного подхода при анализе экономических процессов. Сложные процессы в России нельзя понять без анализа как собственного исторического опыта, так и

исторического опыта других стран. Важен учёт всех социально-экономических факторов, определяющих темпы и качество экономического роста. Важно проследить влияние исторических, географических, социальных, национальных особенностей. Необходима полная и объективная картина. Без этого нельзя решать вопрос о возможности использования тех или иных фрагментов мирового опыта на почве российской специфики.

Например, пригоден ли для огромной России опыт крохотного Сингапура? На первый взгляд, ответ однозначно отрицательный. Что общего между маленькой, тропической, мононациональной страной, к тому же почти не имеющей ни собственных природных ресурсов, ни серьезного промышленного потенциала, ни оборонного комплекса, и огромной многонациональной Россией с её разнообразием климатических условий, с богатыми природными ресурсами, с крупной промышленностью и советским ракетно-ядерным наследством? Вопрос в том, что разумная и твердая политика сингапурского руководства сделала возможным беспрецедентный экономический рост, в то время как российские политические катаклизмы привели к столь же феноменальному экономическому упадку. Здесь есть над чем подумать.

Возможен ли в России «социализм» по шведскому сценарию? Это и до сих пор остается заветной мечтой многих наших ультралибералов из числа перевоспитавшихся ортодоксальных коммунистов. Первым делом они попытались в начале 90-х одним махом предельно либерализовать прежнюю советскую экономику. Но вместо шведской либеральной экономики получился российский бардак. Вместо шведской социальной бесконфликтности возникло дикое социальное расслоение, обнищание большинства при невиданном обогащении кучки нуворишей. Может быть, теперь применить шведскую систему прогрессивного налогообложения? Вот об этом и впрямь следовало бы подумать.

Есть ли что-либо полезное для России из итальянского опыта? Несомненно. Речь идет о борьбе с коррупцией. Конечно, в России дело не дошло до наиболее одиозных проявлений итальянской мафиозности. Но наша коррупция не менее опасна, так как буквально пронизала весь общественный организм сверху донизу. Сегодня коррупция в России является серьёзным препятствием для быстрого и качественного экономического роста. Поэтому совсем не лишне подумать о проведении российского варианта итальянской операции «Чистые руки».

В настоящее время уже мало у кого возникают сомнения в том, что российская перестройка уступает по эффективности и результативности китайской. Высокие темпы и качество экономического роста в Китае достигнуты за счет эффективного сочетания принципов планового регулирования с рыночными методами, в том числе за счет централизованного определения темпов и пропорций развития народного хозяйства. Бездумная ликвидация в постсоветской России плановой системы вместо её совершенствования – одна из самых больших ошибок наших реформаторов. Несомненно, следовало бы серьезно подумать об исправлении этой ошибки.

Тема оптимального сочетания свободного рыночного развития с планированием и государственным регулированием красной нитью проходит сквозь экономическую историю и многих других стран. Нигде не было такой безответственной и непродуманной «радикальной экономической реформы», как в перестроечной России. Лицемерные рассуждения российской либеральной элиты о «болезненной, но необходимой экономической реформе» и до сих пор мешают дать правдивую и нелицеприятную оценку этого ультралиберального эксперимента, осуществленного с привычной для этой публики большевистской решительностью, которую она же так убежденно отвергает. Планомерное осуществление важнейших общенациональных программ является характерной приметой экономического развития и США, и Германии, и Японии. Демократия и рыночная экономика в этих странах не мешают проведению твердой и последовательной государственной экономической политики. Это должно стать уроком для тех, кто не устает твердить о необходимости дальнейшего ухода государства из российской экономики. «Нет государства – нет проблемы», - вот их логика. Она ничем не отличается от логики реформаторов 90-х: «Нет планирования – нет проблемы». Развалить вместо того, чтобы совершенствовать – вот нехитрый принцип, до сих пор владеющий умами тех, кто оказывает влияние на экономическую политику российского руководства. История ничему не учит этих людей!

В широком историческом плане можно согласиться с констатацией директора Института экономики РАН Руслана Семеновича Гринберга: «Если в начале прошлого столетия страна сделала ставку на достижение идеала справедливости, пренебрегая свободой, то за десять лет до его окончания элита новоиспеченной постсоветской России бросилась в другую крайность –

абсолютизацию свободы при полном забвении справедливости…Сегодня стало совершенно очевидно, что увлечение ложно понятой концепцией экономической свободы способно порождать эффекты, прямо противоположные ожидаемым, и тем самым серьезно противодействовать оздоровлению ситуации в стране» [134].

Вообще, приходится ставить вопрос шире: готова ли нынешняя Россия к демократии? Учёные мужи – философы, социологи, политологи – активно демонстрируют свою эрудицию. В ход идут цитаты из В.Ленина, Г.Плеханова, П.Струве, С.Соловьёва, В.Ключевского, Р.Пайпса и т. д. Единого мнения нет. Комментарии демонстрируют полную разноголосицу. Даже западные социологи, ранее не допускавшие и мысли об альтернативах демократии, ныне меняют тон. В книге [128] читаем: «Лучшее функционирование экономики многих авторитарных государств может вселить сомнения в том, что демократия является лучшей формой правления. Опросы, которые мы использовали, свидетельствуют, что многие жители Восточной Азии придают большее значение хорошему управлению, включая рост уровня жизни, чем демократии. Согласно опросам, даже во многих устойчивых демократических государствах растет недовольство нынешней работой демократических правительств…» (с. 82).

Интересна некоторая эволюция во взглядах на демократию у Евгения Ясина, в демократической ориентации которого никто не сомневается. Процитируем полностью его монолог на эту тему: «Каждый из нас в обычной жизни не раз сталкивался с ситуацией, когда, например, в ходе спора люди никак не могут прийти к согласию – уж слишком противоречивы их интересы. И тогда приходила мысль: пусть кто-то один примет решение за всех и покончит с этим занудством. Или: пусть каждый действует на свой страх и риск, а там посмотрим. В других случаях достичь согласия мешают не только различия интересов, но и невежество, предрассудки, эмоции. Бывает, какой-то краснобай увлекает демагогией участников собрания и они перестают руководствоваться рациональными доводами. Таким образом, не факт, что согласованное решение достижимо или будет наилучшим. Зачастую оптимальным оказывается решение авторитетного специалиста (профессионала, технократа). То есть демократическому по процедуре решению противостоит то, что я бы назвал преимуществом технократии. Очевидно, что в определенных случаях

целесообразны не коллективные, а единоличные решения умного и авторитетного профессионала или группы экспертов. Точно так же не только при неосведомленности заинтересованных сторон, но и при столкновении их интересов зачастую наиболее эффективно проявляет себя единая воля к достижению той или иной цели. Для этого кто-то наделяется правом принуждения, устанавливается подчинение, субординация. Я назвал бы это преимуществом единоначалия, однозначно признаваемого, например, в армии. Также можно считать преимуществом бюрократии» [129]. Ну, уж если Ясин заговорил на таком языке, значит положение действительно серьезное.

Вообще-то, прежде чем отвечать на поставленный судьбоносный вопрос, участникам дискуссий не мешало бы уточнить, что они понимают под "демократией". У нас была "советская демократия", когда мы все "единодушно" голосовали за решения партии и правительства. Была у нас и ельцинская "демократия", которая сродни беспределу, хаосу и анархии. От обеих этих "демократий" страна уже ушла. К чему же она идёт? Ответ на этот вопрос решается не в ожесточённых спорах и бесплодных дискуссиях, а на основе серьёзных научных исследований. В частности, на него пытается ответить и междисциплинарная общеэкономическая теория. Обратимся к реалиям нашей повседневной российской жизни.

Возьмём набившую оскомину проблему ЖКХ. Лопаются ржавые трубы в домах, грязные и вонючие подъезды стали обыденностью, люди и автомобили проваливаются в ямы на дорогах, обрушение крыш и ледяных глыб калечит и убивает прохожих...Список можно продолжать. И при этом безответственные и нечестные управляющие компании безнаказанно дерут деньги с жильцов, живут припеваючи в обстановке полной бесконтрольности. А как же иначе, по закону власти не имеют права вмешиваться в их "хозяйственную деятельность". Они создавались с благой целью поощрения частной инициативы и развития конкуренции. Во имя этой "демократической" цели разрушили прежние ДЭЗ и РЭУ, которые хоть и плохо, но что-то делали. Хотели, как лучше, а получилось, как всегда. Население стонет, жалуется, выходит на акции протеста, требует наведения элементарного порядка. А власть слушает да ест. Она не спешит исправлять явные глупости в нашем сверхдемократическом жилищном законодательстве. Власть упорно твердит, что спасение утопающих - дело рук самих утопающих: проблемы ЖКХ - это проблемы самого населения. А как же иначе, ведь у нас "демократия", у нас теперь снижение роли зловредного государства!

Или взять проблему дикого социального расслоения в нынешнем российском обществе. Есть горстка миллиардеров и миллионеров, которая процветает несмотря ни на какие кризисы. И есть миллионы остальных граждан. Пенсии едва покрывают прожиточный минимум. Профессор вуза зарабатывает меньше, чем уборщица в богатой фирме. А что же власть? Она и здесь кивает на демократию: кто лучше работает, тот больше и получает! Трудно придумать более лицемерное и издевательское отношение.

Неважно обстоят дела и в образовании. Нам приводят положительные примеры. Что же, они есть. Но в целом обстановка удручающая. При весьма многочисленной армии профессоров и академиков с их реальными или придуманными достижениями страна никак не может выбраться из разряда отстающих. Вал безграмотности нарастает, и это начинается ещё со школы. Повсеместно обостряется проблема нехватки квалифицированных кадров, разрушается преемственность их подготовки. Человеческий фактор всё чаще становится главной причиной аварий и катастроф. Возник опасный порочный круг: нехватка квалифицированных учителей порождает безграмотность учеников, последняя приводит к безграмотности будущих учителей и т.д. За последние 20 лет Россия потеряла сотни тысяч учёных. Особенно опасна возрастающая нехватка учёных среднего возраста. Подготовка таких учёных занимает 5-10 лет после окончания вуза. Быстро заполнить эту нишу, даже влив в науку крупные денежные суммы, невозможно. Здесь требуется планомерная и продолжительная работа. Необходимы срочные меры и по восстановлению прикладной науки. Она развалена, а без неё невозможны разработка и внедрение отечественных наукоёмких технологических процессов. Положение в науке усугубляется ещё и развалом отечественной экспериментальной базы для научных исследований.

А всё ли благополучно в нашем здравоохранении? Нынешняя причудливая, не подконтрольная властям смесь бесплатных и платных медицинских услуг порождает многочисленные злоупотребления. Качество диагностики и лечения остаётся на низком уровне. Не хватает медицинских учреждений и квалифицированного персонала. В нынешней системе медицинского страхования многие лечебные процедуры и лекарственные средства остаются недоступными. Все те, кто богат, предпочитают лечиться и рожать детей за рубежом. По итогам опросов общественного мнения от половины до двух третей россиян считают, что не могут получить

хорошее медицинское обслуживание и не удовлетворены системой здравоохранения в России.

Серьёзные претензии можно предъявить нашей статистике. Надо трезво оценивать обстановку. Не надо врать. Официальная пропаганда заявляет, что сейчас всё у нас в порядке. Страна уже победила кризис, побеждает терроризм, успешно борется с коррупцией. Угодливые властям средства массовой информации любят внушать гражданам, что мы семимильными шагами движемся вперед по пути инноваций и модернизации, что нас теперь уважают во всем мире. По их заявлениям, неуклонно растёт благосостояние граждан и падает бедность. Если их послушать, то получается, что мы чуть ли не решили демографическую проблему, мужчины и женщины активно рожают детей, а вымирание России приснопамятных 90-х годов уже закончилось. Иного мнения придерживаются многие западные аналитики. Известный американский экономист Роберт Шапиро в своей книге "Матрица будущего" без обиняков заявил, что, по его мнению, Россию ждёт печальное будущее. "Россия - бедная страна со стремительно стареющим населением и неэффективной экономикой. Ныне производительность труда российских рабочих ниже, чем у рабочих в Ботсване", - пишет автор. Не кто-нибудь, а вице-президент США Джо Байден выступил с резкой критикой в адрес России. Он заявил, что её экономика "выдыхается", и это заставит Москву пойти на уступки Западу по ключевым вопросам национальной безопасности, в частности, отказаться от попыток главенствовать на постсоветском пространстве и согласиться на значительное сокращение ядерного потенциала. В "Вашингтон Таймс" часто печатаются статьи, утверждающие, что государство, пришедшее на смену могущественному СССР, погружается в смертоносный демографический и социально-экономический омут. По мнению западных аналитиков, к середине XXI века население России сократится до 100 миллионов человек, а к 2080 году - до 52 миллионов.

Можно по-разному относиться к столь мрачным прогнозам. Возможно, они тенденциозны и преувеличены. Тем более важно самим говорить людям правду. А она и в самом деле безрадостна. Коррупция, как раковая опухоль, разъедает Россию. Разумеется, коррупция существует не только в России. Но в высокоразвитых западных странах коррупция каким-то образом уживается с высокой производительностью труда, с научно-техническим прогрессом, с

общим довольно высоким уровнем жизни. Иными словами, "западная" коррупция не столь велика по масштабам и имеет место на фоне относительного экономического благополучия. Иное положение в России. У нас коррупция, в сущности, уже подменяет собой продуктивную экономическую деятельность. Она тормозит восстановление и развитие отечественного производства, всего народного хозяйства, без чего такая страна, как Россия, жить не сможет. Поэтому для нашей страны коррупция смертельно опасна. Совершенно очевидно, что борьбу с этим злом, о котором много и правильно говорят, надо начинать с чиновников самого высокого ранга. Не имеют права высокие начальники подавать всему населению пример коррупционного поведения! Но этого мало. Необходимо пересматривать на предмет антикорруп-ционности всё наше законодательство, принятое в 90-е годы и действующее до сих пор. Без этой трудной, но необходимой меры мы так и будем заниматься сизифовым трудом - одной рукой плодить экономические преступления, а другой рукой бороться с ними.

Само собой разумеется, что в этом неспокойном мире необходимо постоянное обеспечение обороноспособности и национальной безопасности России, поддержание на современном уровне вооружения и боевой техники. Именно здесь аккумулируется развитие практически всех отраслей экономики, а значит и решение всех наших проблем. Если вдуматься, то приходишь к выводу, что нет в стране ни одной отрасли, ни одной экономической сферы, которая прямо или косвенно не влияла бы на состояние нашей обороноспособности. Из этого следует, что без воссоздания на новой основе системы государственного планирования и контроля за развитием народного хозяйства нечего и думать о решении комплекса проблем, стоящих перед страной. Как может современная сложная экономика устойчиво и сбалансированно развиваться без плана, без координации экономической деятельности государственного и частного секторов, без направления усилий всех хозяйствующих субъектов в русло общенациональных интересов? Ведь даже муравьи, строя муравейник, инстинктивно согласовывают свои действия! Во времена Великой депрессии 30-х годов минувшего века американцы многое позаимствовали у советской системы планирования. Это позволило им превратить свою кризисную экономику из толпы беснующихся рыночных маньяков в более или менее упорядоченную систему. А у нас в начале 90-х

вместо того, чтобы совершенствовать нашу систему планирования, полностью уничтожили её, в одночасье оставив народное хозяйство без плана, без рынка и вообще без всякого управления! Важно уже сейчас выстраивать оптимальную стратегию планомерного, устойчивого, всестороннего, бескризисного развития страны. И делать это с учётом и нынешних рыночных реалий, и разумного встраивания в мировую экономику. Задача очень непростая, но абсолютно необходимая.

Можно и дальше называть множество вопиющих социальных перекосов нынешней российской рыночной демократии. Люди устали обращаться в местные и федеральные органы власти. Безответственность, безнаказанность, нечестность, равнодушие, отчаянная погоня за наживой, а подчас откровенное самодурство - всё это атрибуты нашей нынешней "демократии". И что интересно, при этом не утихают назойливые требования дальнейшей либерализации всего и вся. Включая требование возврата к прежней системе выборности губернаторов. В ход идут звонкие речи о "доверии народу", о его способности выбирать "самых достойных" и т.д. Как будто ещё совсем недавно наше уважаемое население не навыбирало безответственных говорунов и респектабельных жуликов с хорошо подвешенными языками. Навыбирало, а затем разводило руками и проливало слёзы по поводу неудачного выбора. Не поможет и система отзыва губернаторов. Как говорится в украинской пословице, "пока солнце взойдёт, роса очи выест". Пока отзовут плохого губернатора и выберут нового, прольётся много народных слёз. Это - тоже изнанка нынешней российской демократии. Новому президенту Путину не следует спешить с внедрением этих бездумных новаций. Более того, надо подумать и об усилении контроля над выбором мэров.

Каков же вывод из сказанного? Он очень простой. Предоставим "продвинутым" учёным мужам философствовать и пустословить о готовности или неготовности России к демократии. Сегодня единственный способ навести хотя бы элементарный порядок и учесть многочисленные нарекания граждан – это употребить власть. Чего и хочу пожелать нашему президенту. Перед ним со всей отчётливостью встаёт историческая дилемма. Либо он исправит глупые законы, откорректирует социально-экономическую политику, заставит толстосумов думать об интересах страны, приструнит безответственных чиновников, создаст безотказно действующую

систему учёта и контроля за исполнением справедливых пожеланий граждан - и создаст тем самым реальную базу для поступательного развития страны. Либо он не воспользуется своим президентским сроком для наведения порядка и не оправдает надежд миллионов избирателей. Во втором случае вопрос о демократии в России вообще потеряет актуальность. Страна либо сгорит в пламени новой революции, либо потеряет национальную независимость и будет фактически завоёвана либо просто развалится вслед за СССР. А скорее всего - скатится к чрезвычайщине, тоталитаризму и диктатуре. К той системе, по сравнению с которой сталинские времена покажутся сущим раем.

В связи со сказанным полезно вспомнить советский опыт, но не застойных времен, а более ранний. За годы пятилеток молодая советская страна сумела из нуля превратиться в мощную промышленную державу. При минимальной заграничной помощи, без рыночной экономики и без «привлекательного инвестиционного климата». Мне возразят – тогда была мобилизационная политика, была диктатура, были репрессии, были нарушения законности. Да, это было. Сейчас в этом нет нужды. Пока нет. Пока можно и без этого навести порядок, путем совершенствования государственного управления и законодательной базы. И это надо делать решительно, без колебаний и промедлений. Это особенно важно для укрепления обороноспособности страны. На расширенном заседании Совета Безопасности в конце августа 2012 г. президент Владимир Путин заявил: "Оборонке" нужен мощный технологический прорыв, как в 30-е годы прошлого века". Хорошо сказано! Нужен именно прорыв, как в советские 30-е годы. Это автоматически повлечёт за собой ускоренное развитие всех сопряжённых отраслей, обеспечивающих "оборонку" всем необходимым. Необходимо восстановление и развитие отечественных производств в металлургии, машиностроении, авиастроении, автомобилестроении, химии и других. Оборонный комплекс - это и энергетика, инфраструктура, средства информатизации, квалифицированные кадры. Это и строительство жилья, производство обмундирования и продуктов питания, производство отечественных лекарственных средств и многое другое. По существу, речь идёт о придании мощного импульса всей экономике. В свою очередь, это невозможно без повышения ответственности, без укрепления порядка и дисциплины во всех сферах экономической деятельности. Это и обеспечит высокие темпы и качество экономического роста. Это сделает

возможным устойчивое, всестороннее, бескризисное развитие России на долговременную перспективу.

2.9. Программа для России: принципы оптимальной политики

Великий русский поэт Фёдор Тютчев 28 ноября 1866 года написал своё знаменитое четверостишие:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

В наше время эти слова как никогда актуальны, но и требуют переосмысления. Россия и в самом деле уникальная страна. Россия - крупнейшая по территории страна в мире. Разнообразие климатических условий и всё, что отсюда вытекает - это "особенная стать" России. Россия - страна многонациональная, поэтому национальный фактор всегда играл и играет большую роль. Уникальность России во многом обусловлена и её богатыми природными ресурсами. Они оказались палкой о двух концах. С одной стороны, это бесценное богатство, создающее потенциальную возможность для процветания страны. А с другой - это приманка для того, чтобы жить за счёт экспорта своих энергетических богатств, не прикладывая особых усилий для развития собственной перерабатывающей промышленности, для создания конкурентоспособного отечественного производства. Продолжение бездумного обмена своих ресурсов на всё заграничное - крайне опасная тенденция для будущего страны. России как никакой другой стране пришлось много воевать, отстаивая свободу и независимость. Это были тяжелейшие периоды нашей истории. Они потребовали неимоверных усилий народов нашей страны, полной мобилизации всех сил и ресурсов, жёсткого государственного управления. Лозунг "всё для фронта, всё для победы" слишком долго определял всю жизнь огромной страны, не позволял ей сконцентрировать внимание на внутренних проблемах повышения жизненного уровня населения. Разразившаяся во второй половине минувшего столетия холодная война между двумя сверхдержавами, СССР и США, продолжала высасывать из народного хозяйства огромные средства.

Горбачёвская перестройка и последующие события принесли стране окончание холодной войны, политическую свободу, открытость внешнему миру, возможность интеграции в мировую экономическую систему. Но одновременно с этим распался СССР, произошёл колоссальный экономический обвал, наступила эпоха дикого капитализма, обострились социальные проблемы. Вдобавок, все эти события происходили в стране, буквально начинённой военными и гражданскими ядерными объектами! Поддержание на должном уровне обороноспособности страны требует бесперебойной работы многих отраслей промышленности. Между тем, фактически произошла деиндустриализация страны в условиях отсутствия централизованного планирования и координации экономической деятельности этих отраслей. Огромная страна всё больше впадает в опасную унизительную зависимость от заграницы, даже в том, что касается жизненно важных потребительских товаров. Во всём этом, как и во многом другом - уникальность исторической ситуации, в которой оказалась нынешняя Россия.

Для дальнейшего успешного развития мало просто верить в Россию. Пора, наконец, понять её умом. Понять умом Россию - это окинуть незамутнённым взором всю нашу многострадальную и героическую историю, понять её объективные законы. Это значит взглянуть на нашу историю без эмоциональных всплесков, истерических всхлипываний, неумеренных восхвалений и оголтелой ненависти, преувеличений и умолчаний, грубых искажений и односторонних трактовок в пользу тех или иных общественных групп. Понять умом Россию - это понять, что при всех наших бедах гуманные устремления человечества всегда были и остаются столбовой дорогой истории. Честные люди понимают это подсознательно, на уровне человеческого инстинкта. И не надо обвинять народ в глупости и отсталости, в непонимании прелестей демократии и либерализма. Надо разобраться, почему нынешняя элита, при её очевидной склонности к бахвальству, так и не преуспела в реальном созидании и продолжает жить за счёт тех достижений нашего советского прошлого, которое она так энергично охаивает. Понять умом Россию можно лишь на основе серьёзных научных исследований, учитывающих всю сложность и многообразие современного общественного производства. Чтобы понять умом Россию, надо прекратить толочь воду в ступе устаревших и однобоких представлений, вычитанных в западных экономических учебниках.

Великий русский историк Сергей Михайлович Соловьев в своём фундаментальном научном труде "История России с древнейших времён" отметил: "Великое наше народное несчастие - это неумеренность во власти; не умеют наши люди ни в чем меры держать, не могут средним путем ходить, но все по окраинам и пропастям блуждают. То у нас правительство вконец распущено, господствует своеволие, безнарядье, то уже чересчур твердо, строго и свирепо". Ныне, в XXI веке, пора бы России научиться ходить «средним путем». Междисциплинарная общеэкономическая теория доказывает определяющую роль фактора мотивации труда в социально-экономическом развитии. «Умеренность во власти» - это умение находить оптимальный баланс между властью и свободой, умение использовать в политике все виды мотивации: интерес, убеждение, принуждение. В наше сложное время для достижения реальных результатов бесполезно просто уговаривать. Приходится и заинтересовывать, и убеждать, и принуждать. В этом разумном балансе – основа оптимальной политики.

Междисциплинарная общеэкономическая теория определяет оптимальную политику как комплекс мер, обеспечивающих повышение темпов и качества экономического роста. Оптимальная политика выстраивается на основе тщательного всестороннего анализа текущего состояния социально-экономической системы. При этом обязателен учет прошлого исторического опыта, как позитивного, так и негативного. Исключаются необоснованные забегания и рывки «вперед», предпринимаемые безоглядными политическими сверхоптимистами и авантюристами, равно как и импульсивные возвраты «назад» под влиянием паникерства политических ретроградов. Необходимость оптимальной политики выстрадана историческим опытом России за последние 100 лет и должна стать её политическим императивом на обозримую перспективу. В новом гуманном обществе главной ценностью станет конкретный человек с его активной жизненной позицией и созидательным потенциалом. Президент России Владимир Путин совершенно правильно отметил: «Вокруг задачи развития человеческого потенциала России мы должны выстроить нашу социальную, экономическую, миграционную, гуманитарную, культурно-просветительскую, экологическую, законодательную политику. И не на период от «выборов до выборов», а на долгосрочную, в полном смысле - историческую перспективу».

Государственное строительство и эффективность власти. Статус социального государства, провозглашенный в российской конституции, уже давно вступил в противоречие с реальной действительностью. Дикий капитализм 90-х годов никак не напоминал социальное государство. Такое положение сохраняется и до сих пор. Разговоры с высоких трибун о «нормальном капитализме» для России не вносят ясности. Стране необходимо действительно социальное государство, и это следует отразить в конституции. Стране необходимо социальное государство, которое обеспечивает национальную безопасность во всех её аспектах, планирует и реализует всестороннее социально-экономическое развитие страны, регулирует функционирование рынка путём координации деятельности государственного и частного секторов в общенациональных интересах, реализует в качестве главного приоритета повышение уровня жизни большинства населения, предотвращает недопустимо высокую степень социального расслоения, гарантирует основные демократические свободы и законные права личности, способствует превращению науки и культуры в факторы, определяющие дальнейшее общественное развитие.

Особой заботой государства должно стать предотвращение антиобщественного использования достижений науки и техники. В мире стремительно разворачивается новый виток научно-технической революции. Применение нанотехнологий в биологии и медицине, создание новых наноматериалов и новых источников энергии, всевозможные наноразмерные устройства - всё это способно принести огромную пользу человечеству, но и причинить непоправимый вред. Создание молекулярных нанокомпьютеров откроет человечеству невиданные, поистине фантастические возможности. Человек научится вживлять эти сверхминиатюрные устройства в свои ткани и органы. Начнётся широкое внедрение в организм датчиков и других приборов. Реальные очертания приобретёт создание "искусственного интеллекта". Будущий ***homo sapiens*** будет качественно отличаться от нынешнего за счёт симбиоза с молекулярной электроникой, с другими продуктами высоких технологий, с интернетом. Для будущего человека станет доступна вся информация, накопленная предками, её полностью оцифруют. В его распоряжении окажутся неограниченные резервы памяти, мощные технологии вычислений и обработки данных, более надёжные оценки и прогнозы. Новые технологии можно будет

использовать для коррекции психики, ограничения агрессии, блокирования боли, мобилизации сил. Не исключено, что, достигнув такого уровня, человек даже захочет и сумеет решить проблему своего бессмертия. Будущее человечества будет решающим образом зависеть от того, в чьи руки попадут плоды научно-технической революции. Уже разрабатывается концепция будущих "нановойн", создаются новые виды "нанооружия". Легко представить себе, что произойдёт, если эти научные достижения окажутся в руках безудержных эгоистов или безответственных политиканов!

В социальном российском государстве следует осуществить всё необходимое для обеспечения благосостояния и безопасности граждан, налаживания социального партнерства, искоренения коррупции, усовершенствования судебной системы, реализации эффективной национальной политики, военного строительства и поддержания в безопасном и боеготовом состоянии оборонного комплекса, проведения гибкой внешней политики в долговременных интересах страны. Экстремистские поползновения должны быть пресечены. На пути к прогрессу Россия больше не имеет права скатываться ни к хаосу и анархии, ни к тоталитаризму и диктатуре. Долговременным интересам страны отвечает только политика планомерного, всестороннего, устойчивого, бескризисного развития на протяжении продолжительного периода.

Функционирование демократии в России невозможно без сильной, дееспособной, компетентной власти, действующей на основе закона в интересах избирающего её большинства населения. Однако сегодня состояние власти на всех уровнях — от федерального до местного — вызывает справедливое недовольство граждан. Государственный аппарат по-прежнему остается закрытой корпорацией чиновников, озабоченных собственным благополучием, а не интересами людей. Политическая воля руководства страны нередко остается нереализованной вследствие низкого уровня исполнительской дисциплины. Многочисленные случаи противоправного передела собственности, мздоимства и административного произвола подрывают доверие к государственной власти и ведут к отчуждению от нее населения. Государственная администрация должна стоять над коммерческими интересами любых предпринимательских групп и держать дистанцию между собой и крупным бизнесом. Необходимо обеспечить четкое законодательное закрепление компетенции, функций и обязанностей исполнительной власти, порядок ее подотчетности обществу. Эффективность власти — это грамотное

распределение полномочий, оперативное принятие правильных решений и безусловное их исполнение.

Жизнь требует устранить отчужденность власти от народа. С этой целью необходимо ликвидировать чрезмерные привилегии членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы (особый порядок медицинского, санаторно-курортного, бытового и пенсионного обеспечения и другие). Отменить статус неприкосновенности членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы. Разработать кодекс административного поведения госслужащего, обязывающий чиновника работать объективно, беспристрастно, открыто, выслушивать все стороны и объяснять логику решения. Предусмотреть увольнение государственных служащих, систематически вызывающих нарекания со стороны людей. Обеспечить доступность для граждан информации о расходовании средств региональных и местных бюджетов путем размещения сведений о них в СМИ и в Интернете. На деле обеспечить открытость работы всех ветвей власти. Широко использовать Интернет для оперативного диалога населения с государственной администрацией, политиками и общественными деятелями, в том числе обеспечить свободный доступ населения к сведениям о работе официальных лиц.

В последние годы получила распространение на самом высоком уровне методика оценки эффективности действия региональных властей по сложным математическим формулам на основе системы многочисленных показателей. В итоге получаются некие обобщенные коэффициенты, в соответствии с которыми регионам выделяются финансовые преференции. Едва ли подобная формалистика, при всей ее кажущейся объективности, уместна для реальной оценки положения дел в регионе и эффективности работы его руководителей. Главным критерием должно служить изучение общественного мнения, причем для этого можно использовать ту же систему показателей, дополнив ее после широкого обсуждения с общественностью.

Часто поднимается вопрос о многопартийности в современном российском обществе. Конечно, в современном демократическом государстве должна существовать реальная политическая жизнь. В современном мире нет беспартийной демократии. Но не следует преувеличивать и фетишизировать роль многопартийности. Она не является непременным институтом гражданского общества. Чрезмерная многочисленность партий может быть и бесполезна, и

вредна. Практика образования партии при очень небольшом числе её членов обычно обосновывается тезисом типа «гении всегда в меньшинстве». Да, гении всегда в меньшинстве, но не все, кто в меньшинстве – гении! Среди меньшинства много крикунов и демагогов с гипертрофированным честолюбием и демагогическими наклонностями, а то и просто жуликов с респектабельной внешностью, сугубо корыстными намерениями и хорошо подвешенными языками. Формальное соблюдение кристальной чистоты выборов ещё не гарантирует, что к власти придут действительно достойные люди. В истории немало примеров, когда народ избирает тех, кто затем ввергает общество в пучину бедствий. Вспомним хотя бы вполне демократический приход к власти Адольфа Гитлера и исторические последствия этого события для Германии, России и всей Европы.

Те, кто сегодня ратует за безбрежную многопартийность, забывают, что демократия – это власть народа, а не какой-то одной или нескольких партий. Любая партия стремится к власти и, получив её, стремится навязать свои взгляды всему народу. Но народ – не совокупность партий. Народу нужна нормальная жизнь и благосостояние в настоящем и будущем, нужна возможность надежно планировать жизнь своих семей, будущее своих детей и внуков. Поэтому большинство предпочитает голосовать не за новоявленных «гениев», а за тех, кто имеет многолетний опыт эффективной государственной деятельности. По большому счету будущее народа зависит не от толкотни многочисленных партий и пафосной риторики их лидеров, а от способности народа сплотиться для достижения общей исторической цели. Сбережение и развитие России – вот главная цель. Она может быть достигнута только при условии планомерного, всестороннего, устойчивого, бескризисного развития страны в течение достаточно продолжительного времени.

Демографическая политика. Некоторые сочтут неуместным разговор о демографической политике не где-нибудь в конце, а в самом начале, рядом с государственным строительством. И напрасно. Сбережение российского народа – главная задача государства, особенно в настоящее время, когда ситуация в этой сфере вызывает серьезную тревогу. По прогнозу Центра демографии и экологии человека ИНП РАН в случае неэффективной демографической политики российского руководства численность населения страны к 2100 году может сократиться до 64 миллионов человек, т.е. более чем

вдвое. Это, в целом, не расходится с оценками многих зарубежных экспертов. Годы «радикальной экономической реформы» в России ознаменовались демографической катастрофой. За период 1987-1997 гг. ежегодная рождаемость упала с 17 до 8 человек (в расчете на 1000 жителей), а смертность увеличилась с 11 до 15 человек. Это очень серьезно. Для выправления ситуации необходимы значительный рост рождаемости и существенное снижение смертности. Предлагаемый в качестве панацеи приток мигрантов сам по себе не только не выправит ситуацию, но и может стать источником социальной напряженности и межнациональных конфликтов. Меры правительства – закон о материнском капитале и увеличение «детских» пособий – недостаточны. Проблема может быть решена только путем мобилизации всех усилий, кропотливой работы во всех сферах жизни, на всех уровнях управления. Она носит комплексный и системный характер. В ней, как в зеркале, отражаются все беды нынешней российской действительности. По результатам социологических исследований, для рождения и воспитания детей у россиян не хватает уверенности в завтрашнем дне. Чтобы смело рожать детей, россияне должны сознавать, что они и их семьи будут иметь благоустроенное жилье и достаток, что их дети будут иметь возможность получить нормальное образование, что им будет обеспечено доступное и качественное лечение в случае болезни, что они уверенно смогут строить свою жизнь в благополучном и стабильном обществе.

В стране неуклонно возрастает доля пожилых в структуре населения, а меры по предупреждению и нейтрализации негативных последствий фактически не принимаются. Возросшее количество престарелых людей создает трудности для здравоохранения и социальных служб, требует дополнительного финансирования, разработки единого плана развития социальной сферы страны, с учетом интересов и насущных потребностей регионов. В связи с недостаточным финансированием с лицами предпенсионного и раннего пенсионного возраста в крайне малых объемах ведется физкультурно-оздоровительная, профилактико-реабилитационная и просветительская работа по вопросам психологических и физиологических особенностей, геронтологии, гендерных различий, профилактике заболеваемости и раннего старения, возможностях укрепления и реабилитации при конкретных заболеваниях. Пора прекратить относиться к пожилым людям как к непременно немощным и больным. Генеральная Ассамблея ООН

высоко оценивает вклад, который вносят пожилые люди в жизнь общества. Всеобщая декларация прав человека ставит цель сделать полноценной жизнь лиц пожилого возраста. Прекращение трудовой деятельности в связи с выходом на пенсию, особенно для тех, кто имеет высокий трудовой потенциал и способен продолжать продуктивную профессиональную деятельность, является мощным стрессовым фактором. Возможность самореализации в труде служит необходимым условием продления активной жизни и здорового старения. Проблемы преодоления безработицы молодых людей, которым требуются благоприятные условия, чтобы пополнить рабочую силу, тесно взаимосвязаны с политикой в области выхода на пенсию по старости. Беда пожилых ещё и в том, что в семьях, особенно расширенных, часто возникают проблемные ситуации, наблюдаются факты физического или психологического, прямого или косвенного насилия над пожилыми. В настоящее время традиционная установка на попечение о пожилых родственниках в семье меняется вследствие разных причин, из которых чаще всего встречается возрастание издержек семьи. Степень ответственности семьи за предоставление традиционного ухода и удовлетворение потребностей стареющих людей уменьшается параллельно с увеличением нагрузки на традиционных опекунов (как правило, женщин). Государство тратит громадные средства на развитие нанотехнологий, военной техники, а осуществление специальных мер, направленных на обеспечение безопасности и удобства пожилых людей в домах и квартирах, на улицах и в транспорте, оставляет желать лучшего. Жилье для пожилых людей следует рассматривать как нечто большее, чем просто крыша над головой, нужно учитывать его психологическое и социальное значение. Обеспечение необходимыми в быту приспособлениями способствует сохранению у пожилых людей, в первую очередь инвалидов, способности к самообслуживанию и возможности жить в своем доме в привычных условиях. В старости сужается круг общения, невосполнимой становится утрата - друзья и знакомые уходят из жизни, а группы по интересам, самопомощи и взаимопомощи, общественные объединения, локально организованные сообщества, включая религиозные организации, недостаточно развиты. Дома культуры, библиотеки, театры, музеи, концертные залы, кинотеатры - являются для пожилого населения важнейшими источниками поддержания контактов с культурными ценностями, но выход на пенсию

ограничивает возможности пожилых людей нашей страны в пользовании услугами этих учреждений.

Непоправимый вред здоровью населения наносят наркотики, неумеренное потребление спиртного и табачных изделий. Россия спивается. Отсутствие запретов ведёт к разложению общества, грозит стране самоуничтожением. Лицемерная забота наших либералов о свободе и демократии типа "пусть люди сами решают, гробить ли себя и как - посредством наркотиков, алкоголя, табака..." - это не что иное, как несусветная глупость. Этот внешне привлекательный тезис был бы уместен в некоем идеальном, процветающем демократическом обществе. Но он совершенно неуместен в нынешней России, переполненной проблемами и тяготами. Власть, которая во имя популизма не принимает необходимых жёстких мер по избавлению страны от губительных пороков, проявляет элементарную недальновидность и безответственность. По данным социологических опросов, уже 60% россиян ставят на первое место проблему распространения наркотиков, оставляя позади даже бедность и терроризм. У нас много любителей краснобайствовать насчёт "культурного употребления только очень качественного алкоголя, французского вина или коньяка хорошей выдержки, выкуривая при этом дорогую сигару в своё удовольствие". Подумать только, элита учит народ, как надо пить и курить! Всем этим элитарным пропагандистам "культурного" спаивания россиян давно следовало бы указать на их неприглядную роль. Они подают плохой пример большинству населения, разлагают наше общество. Очевидно, "сухой закон" в России нереален и ненужен. Но необходимо резко ограничить потребление винно-водочных и табачных изделий. Введение этих ограничений должно сопровождаться упреждающими мерами по пресечению контрабанды, употребления суррогатов, возникновения нелегальных рынков. Нелегальная торговля спиртным и табачными изделиями, равно как и любая торговля наркотиками, должны наказываться самым жестоким образом. Только такими мерами можно, в конце концов, остановить угрозу превращения России в страну пьяных дебилов, обитающих на рыночном кладбище.

Междисциплинарная общеэкономическая теория рассматривает выращивание и воспитание детей как разновидность труда, как родительский труд. На него распространяются все закономерности трудового процесса. "Продукцией" родительского труда являются молодые граждане страны. Их количество и качество зависят от тех

же социально-экономических факторов, что и любой трудовой процесс. Среди этих факторов - мотивация труда, численность рабочей силы (родителей), средства труда (инфраструктура), жизненные ресурсы и т.д. Все факторы взаимосвязаны. Ни один из них нельзя игнорировать: без любого из них родительский труд становится невозможным, а следовательно, становится невозможным существование и развитие общества. При игнорировании какого-либо из факторов родительского труда неизбежно возникает демографический порочный круг: снижение численности населения ведёт к замедлению экономического роста, а это замедление, в силу обратной связи, усугубляет демографическую ситуацию. Как показывает исследование, нынешняя демографическая проблема в России должна рассматриваться, в первую очередь, как кризис мотивации родительского труда. Переведём эту научную формулировку на более понятный язык: в нынешней социально-экономической ситуации многие россияне просто не хотят растить и воспитывать детей! Не хотят, считая это для себя непосильным или обременительным делом. Предотвратить такое гибельное для страны развитие событий может только своевременная и решительная государственная политика, предусматривающая весь комплекс необходимых мер, а не только точечные финансовые вливания.

Представляется недопустимым конъюнктурное противопоставление одних мер другим, преувеличение значения одних мер и игнорирование других. Речь должна идти о выстраивании единой комплексной системы исчерпывающих мер для решения демографической проблемы. Например, некоторым узколобым экономистам трудно понять, какая связь между демографической проблемой и некоторыми "чисто экономическими" вопросами. Например, какая связь между демографическим кризисом и нынешним диким социальным расслоением. Ведь рожают и богатые, и бедные, а в бедных семьях часто бывает больше детей, чем в богатых, - с учёным апломбом рассуждают некоторые. На этом основании делается "научный" вывод о слабом влиянии социального расслоения на состояние демографической ситуации. Междисциплинарная общеэкономическая теория отвергает такой примитивный подход. Она прямо включает социальные, психологические, нравственные, этические аспекты в сферу экономической деятельности. Может ли возникнуть желание рожать и воспитывать детей в семье, если мать и отец заранее знают, что их детям уготована бедность; что им придётся учить своих детей

унижаться и подхалимствовать перед богатыми ради элементарного выживания; что им придётся внушать своим детям стереотип безнравственности и поклонения культу наживы любой ценой; что в этом мире всё продаётся и покупается, а важнее денег нет ничего на свете. Если мать и отец - порядочные люди, то они едва ли проникнутся в такой обстановке горячим желанием решать демографическую проблему, сколько бы красивых слов и горячих призывов не раздавалось в их адрес. Даже материнский капитал и детские пособия могут не подействовать. С другой стороны, и богатые семьи далеко не всегда спешат обзаводиться детьми, предпочитая роскошную жизнь и личную свободу повседневной заботе о детях. Как видно из сказанного, российское государство обязано рассматривать демографическую проблему в качестве важнейшего приоритета своей политики.

Экономическая политика. Надо быть объективным. Нельзя не видеть и того хорошего, что внесло в нашу жизнь перестроечное двадцатипятилетие. Разрядка в международных отношениях, исчезновение вечного страха перед возможностью начала ядерной войны. Свобода творчества и возможность предпринимательской деятельности, отсутствие политических репрессий, широкие возможности выбора профессии, свобода торговли. Широкие связи с внешним миром, возможность зарубежных поездок. Возможность учёбы, работы и отдыха за границей. Разнообразие продуктов питания, одежды, обуви, всевозможных услуг для населения. Совершенные модели импортных автомобилей, великолепная бытовая техника. Новейшие средства связи и информации. Компьютеры, мобильные телефоны и интернет. О многом из этого советские люди не могли и мечтать, и нынешние россияне отнюдь не желают с этим расставаться. Но беда в том, что мы слишком многим обязаны не своим усилиям, а импорту. Все эти блага свалились на нас благодаря исчезновению «железного занавеса», открытости страны, свободе торговли, либерализации цен. Всё это мы покупаем за валюту. Нам постоянно нужна валюта, много валюты. И, когда снижаются цены на нефть или начинаются катаклизмы на мировых финансовых рынках, это напрямую затрагивает нас. Пока нас ещё выручает валютная заначка, но в долгосрочной перспективе она перестанет быть волшебной палочкой-выручалочкой. Неизбежно придётся работать самим. И чем быстрее это будет осознано, тем лучше.

Экономическая политика должна быть в первую очередь направлена на восстановление и развитие отечественного производства, разрушенного бездумными реформациями 90-х годов. России необходима новая индустриализация. Огромная, многонациональная и ракетно-ядерная страна должна быть в состоянии кормить, одевать, обувать себя самостоятельно. Необходимо ликвидировать опасную и позорную зависимость от заграницы в обеспечении населения жизненно важными товарами. Это не означает изоляции страны от мировой экономической системы. Разумная интеграция в мировую экономику, рациональная внешняя торговля и взаимовыгодное международное сотрудничество – составные части оптимальной экономической политики. Но интеграция не должна быть чрезмерной, не должна приводить к потере национальной безопасности. В этом аспекте следует рассматривать и членство России в ВТО. Восстановление и развитие отечественного производства необходимо вести в плановом порядке, вовлекая предприятия всех форм собственности, на основе бюджетных и внебюджетных средств, с привлечением иностранных инвесторов (в том числе – под твердые государственные гарантии), с созданием совместных предприятий, преимущественно на российской территории.

Важной составной частью экономической политики является политика в сфере технических новшеств. Это отдельная большая тема. Здесь же следует подчеркнуть один существенный момент. Едва ли разумно увлекаться модными рассуждениями о «новой экономике», «инновационной экономике», «умной экономике», «экономике знаний» и так далее в том же духе. В этих рассуждениях много пустозвонства и маниловщины. Хороши далеко не любые инновации. При более внимательном рассмотрении сплошь и рядом выясняется никчемность многих из них, а то и вредоносность и даже опасность. Сегодня надо вытаскивать наше хозяйство из трясины, применяя при этом только те инновации, которые гарантируют увеличение выпуска и повышение качества изделий, создание новой, действительно необходимой россиянам продукции.

Большое общественное значение имеет экономическая профилактика. Известно, что легче предупредить болезнь, чем её лечить. Это в полной мере относится и к экономике, особенно к нынешней российской. Необходимы действенные меры по предотвращению аварий и катастроф. В производство внедряются безграмотные и безответственные решения. Часто отсутствуют

технологические регламенты на проектирование, строительство и эксплуатацию сложных объектов. Ухудшается экологическая обстановка. «Положительные» заключения, лицензии и сертификаты качества можно просто купить. Обостряется проблема нехватки квалифицированных кадров во всех отраслях. Человеческий фактор все чаще становится причиной аварий и катастроф. Ситуация усугубляется притоком неквалифицированных мигрантов. Настоящим бедствием стали коррупция и недисциплинированность среди чиновников, равно как и обман, необязательность и жульничество в среде предпринимателей.

В такой обстановке едва ли оправданны и своевременны назойливые призывы к «презумпции невиновности предпринимателей». Звучит красиво, но далеко не безобидно для общества. Эта юридическая норма должна применяться к предпринимателям не меньше, но и не больше, чем ко всем гражданам. Предпринимательская деятельность почти всегда несёт в себе риски антиобщественного поведения во имя личной выгоды. Поощряя компетентных и ответственных предпринимателей, следует в неменьшей степени ставить заслон ретивым неумехам и мошенникам. Опыт 90-х годов убедительно продемонстрировал всю пагубность безоглядной и гипертрофированной «экономической свободы» на современной российской почве, и не следует к этому возвращаться.

Инфляция и конкуренция с российской спецификой. Инфляция стала хроническим недугом российской экономики. Рост цен «съедает» весьма скромное повышение доходов и является серьезным препятствием на пути к повышению жизненного уровня большинства населения. Обсуждая проблему инфляции, некоторые экономисты утверждают, что с ростом цен вообще не нужно бороться, достаточно компенсационных выплат населению. Такая точка зрения напоминает позицию больного, который не желает лечиться, ограничивается симптоматическими средствами и загоняет болезнь вглубь. Другие видят в качестве главной причины инфляции совокупность монетарных факторов. Третьи считают, что инфляция - это не российское явление и занесена к нам из-за рубежа. Перечень мнений можно продолжать. Но всё это частности. Важно понимать, насколько изменилось содержание традиционных понятий инфляции и конкуренции в сложных условиях современной экономики. Более того, необходимо учитывать, что в нынешней России эти явления

имеют свои особенности. Наша реальная жизнь сильно отличается от того, чему продолжают учить традиционные экономические теории.

Следует осознать, что в основе российской инфляции и до сих пор лежат последствия "шоковой терапии" начала и середины 90-х годов. В одночасье стало возможным зарабатывать не путём выпуска реальной продукции, а путём повышения цен при свёртывании производства. В тотально монополизированной советской экономике цены удерживались в приказном порядке. В либеральной экономике при свободном ценообразовании ограничителем цен служит конкуренция. И вот первый ограничитель исчез, а второй не появился. Экономика оказалась и без плана, и без рынка. Это и явилось причиной стагфляции начала 90-х. Этот всплеск спекулятивной мотивации оказался настолько сильным, что инерция этого психологического фактора сохраняется до сих пор. Предпочитают идти по линии наименьшего сопротивления: ведь повышать цены куда проще, чем наращивать выпуск, совершенствовать технологию, заботиться о качестве продукции. Возникла и до сих пор раскручивается инфляционная спираль зарплата-цены. Этот порочный круг усугубляется зависимостью страны от импорта. Открытость экономики оказалась палкой о двух концах: с одной стороны, она избавила страну от тотального дефицита на период обвального спада производства, а с другой - стала тормозом на пути восстановления и развития отечественного производства. В этом аспекте всплеск инфляции частично объясняется ростом объёма денежной массы, за которым не успевает рост предложения отечественных товаров, а дорожающее импортное продовольствие лишь подливает масла в огонь. Сдерживание инфляции по традиции предлагается путем всемерного ограничения денежной массы в виде денежных доходов населения и бюджетных ассигнований на развитие экономики. Необходимость сохранения низкого уровня заработной платы в бюджетном секторе и такого же уровня пенсий на протяжении многих лет обосновывается угрозой роста инфляции. В то же время в рыночном секторе, не подвластном правительству, высокие темпы роста зарплаты сохраняются и даже растут сверх всякой меры.

Повышенное внимание к монетарной составляющей инфляции говорит об укоренившейся в сознании веры в монетаристские способы регулирования рынка. В российской действительности бездумное следование монетаристским догмам уже дорого обошлось населению и экономике. Повышение мировых цен на продовольствие,

спровоцированное тем, что при нынешнем уровне цен на нефть значительные объемы сельскохозяйственного сырья стали использоваться для производства моторного топлива, потребовало от многих стран введения регулирования цен в тех или иных масштабах. Меры по регулированию цен вводятся во всех странах по мере необходимости, то есть в тех случаях, когда товарные ресурсы не покрывают нормальный спрос, а рост цен влечет за собой нежелательные последствия в виде роста социальной напряженности или раскрутки инфляции в смежных сферах производства. Конечно, самым надёжным средством борьбы с инфляцией в нынешней России является восстановление и развитие отечественного производства, увеличение предложения нашей собственной продукции на товарных рынках, продажа её населению по доступным ценам. Но на это требуется время. Кроме того, этот процесс сам по себе не пойдёт или пойдёт крайне медленно. Ему мешают последствия спада производства, разбалансированность между отраслями после отказа от централизованного планирования, рецидивы модной "дезинтеграции", изношенность оборудования, несовершенство технологий, неразвитость инфраструктуры, усугубляющаяся нехватка компетентных кадров, высокий уровень экономической преступности и многие другие негативные факторы, накопившиеся за годы "радикальной экономической реформы". В этой обстановке необходимы и административные меры по сдерживанию цен. Рыночная экономика России не должна быть стихийной и спекулятивной. Она должна стать регулируемой, производительной и социально ориентированной.

Едва ли не главной идеей фикс российских реформаторов было и остается преувеличение роли конкуренции как двигателя экономического развития. Они все время оглядываются на Запад, где это действительно так. Но не мешало бы нашим реформаторам трезво взглянуть на структуру советской промышленности, доставшейся им в наследство. Совершенно очевидно, что добросовестная конкуренция возможна лишь при условии реальной множественности предприятий, производящих однотипную продукцию. Такая ситуация имела место лишь на советском розничном рынке. Что же касается советской промышленности, то она строилась по единому плану и представляла собою, в сущности, единый народнохозяйственный комплекс. Искусственное насаждение конкуренции в такой ситуации означало лишь одно – разрыв сложившихся хозяйственных связей, разрушение крупных промышленных комплексов. До какой же степени тупости и невежества надо было докатиться, чтобы

насильственно разрушать промышленный комплекс России под видом «демонополизации», «дезинтеграции», «дерегулирования», «разгосударствления» и т.п. Но реформаторы пошли на это, и это стало одной из причин катастрофического спада промышленного производства.

Бесконечные упования на конкуренцию прикрывают профессиональную несостоятельность многих ортодоксальных рыночников и чиновников на ответственных постах в экономических ведомствах. Они и до сих пор насаждают конкуренцию даже там, где она неуместна и вредна. Для оценки обанкротившейся идеи разделения системы электроснабжения на монопольные и конкурентные области даже невозможно подобрать корректное выражение. Остается радоваться, что у наших рыночных энтузиастов ещё не дошли руки до аналогичной "дезинтеграции" газовой отрасли. Другой пример - утверждения о том, что конкуренция позволит решить проблемы ЖКХ. Конкуренция полезна и востребована лишь при оказании частными предпринимателями несложных ремонтных услуг в квартирах. Но по большому счету конкуренция в сфере ЖКХ – обман обывателя, маскирующий уход государства от обязательств в сфере жизнеобеспечения. Состояние отрасли определяют котельные, водопроводные станции и станции водоочистки, которые были и останутся безальтернативными, как и инженерные сети. Вместо планомерного приведения мощностей коммунальных предприятий в работоспособное состояние подбрасывают населению мифическое право выбора управляющей компании.

Примечательно, что неумеренные любители конкуренции не выговаривают слово «специализация», которая является антиподом примитивно воспринимаемой конкуренции. Однако именно специализация в сочетании с концентрацией производства является залогом успеха в завоевании лидирующего положения на современном рынке. В первую очередь это относится к высокотехнологичным отраслям производства, выходящим на глобальный рынок. Конечно, в современной рыночной экономике ценообразование и конкуренция по-прежнему взаимосвязаны. Но давно ушли в прошлое времена полного господства благотворной свободной конкуренции, этого честного соревнования товаропроизводителей, двигателя экономической эффективности и научно-технического прогресса. Такая конкуренция осталась лишь на бумаге в экономико-математических моделях, с помощью которых студентов учат экономической теории. В реальной жизни

конкуренция, не утратив своей былой роли, приобрела совершенно новые черты, часто выходящие на первый план. Концентрация производства способствует монополизму. В любом экономическом учебнике можно прочитать о вреде монополизма, который стремится прибрать к рукам весь рынок, задушить экономическую свободу, повысить цены, воспрепятствовать научно-техническому прогрессу. Справедливо подчёркивается необходимость и важность антимонопольного законодательства. Всё это так. Но в наше время явление монополизма тоже претерпело эволюцию.

Следует отметить как минимум две важные особенности современной экономики, которые часто не воспринимаются или игнорируются нашими экономистами ультралиберального толка. Во-первых, в наше время крупное предприятие совсем не обязательно является злонамеренным монополистом со всеми его пороками. В одном из лучших отечественных учебников по рыночной экономике [137] приводится в качестве примера корпорация ИБМ, которая является признанным лидером мирового производства элементов компьютерных и информационных технологий. Подчёркивается, что эта компания уже многие годы наращивает (а не сокращает) производство, постоянно совершенствует (а не ухудшает) качество изделий, находится на передовых рубежах научно-технического прогресса (а не препятствует ему), гибко маневрирует ценами (а не старается сохранить их монопольно высокими). Авторы делают важный вывод: "ИБМ и подобные ей корпорации едва ли можно считать монополиями" [137, стр. 261].
В другом популярном, переведенном с английского, учебнике также высказывается немало интересного о современном понимании конкуренции и монополии [31]. Авторы, отдавая должное конкуренции как стимулу материального интереса и экономического роста, в то же время отмечают многие её негативные черты в условиях современного высокотехнологичного производства. Обращается внимание на то, что современная конкуренция слишком часто оборачивается крайней степенью эгоизма. Подчёркивается, что в нынешнюю эпоху "достижение максимальной эффективности производства на основе применения новейшей технологии часто требует существования небольшого числа крупных фирм, а не большого числа мелких" [31, стр. 88-89]. Авторы пишут и о том, что у конкурентной экономики со временем выявились такие недостатки, как расточительность использования ресурсов в погоне за немедленной прибылью, экономическая неэффективность, резкое

неравенство доходов, систематические нарушения рыночного механизма, неустойчивость.

Современной конкуренции присуще стремление не столько к состязательности, сколько к монополизму. Это важное изменение производственных отношений современного капитализма впервые отметил ещё Джеймс Гэлбрейт в середине минувшего века. Он справедливо утверждал, что в результате концентрации производства современный капитализм утратил прежнюю способность к саморегулированию через механизм взаимодействия спроса и предложения на основе классической рыночной конкуренции. На смену свободной конкуренции пришло новое экономическое явление, которое Гэлбрейт назвал "уравновешивающей силой". Эту теорию он развил в своей книге "Американский капитализм: концепция уравновешивающей силы" [111]. Согласно этой теории, в современной экономике сформировался "коллективный монополист" покупателей. Ему противостоит коллективный монополист продавцов. Их интересы противоположны: продавцы хотят дороже продать, покупатели - дешевле купить. Силы обеих сторон уравновешиваются путём соглашения. Процесс такого уравновешивания выступает, согласно Гэлбрейту, регулятором производственных отношений современного капитализма. Конечно, эту теорию Гэлбрейта не следует возводить в абсолют. Трудно установить "китайскую стену" между совокупным продавцом и совокупным покупателем. В реальной жизни всегда бывает так, что продавцы одних товаров являются покупателями других. Тем не менее, эта теория в современных условиях нынешней России приобретает актуальность. "Перетягивание каната" между продавцами и покупателями всё чаще проявляется со всей очевидностью. Стремление "коллективной монополии" продавцов повышать цены у нас называют "сговором". Арбитром в этом жёстком ценовом противостоянии обязано выступать государство в лице федеральной и региональных властей. Для этого необходима соответствующая законодательная основа. Надо более активно применять и уже существующий федеральный закон «О защите конкуренции». Сегодня главная цель этого закона должна состоять в противодействии необоснованному завышению цен как индивидуальными, так и коллективными монополистами.

Борьба с коррупцией. Коррупция в стране получила широкое распространение. Она есть и в других странах, но в нынешней России

она особенно опасна. Она уже фактически подменяет собой реальную продуктивную деятельность и стала серьезным препятствием на пути экономического роста. Без решительных и системных мер коррупцию не преодолеть. Важно подчеркнуть - здесь недопустимы ни промедление, ни массовые репрессии: промедление ввергнет страну в разряд слаборазвитых, а массовые репрессии возвратят страну во времена сталинского ГУЛАГа.

Почему-то принято считать, что коррупция - это болезнь чиновничества. Что касается бизнеса, то его обычно считают непременно честным. Постоянно говорят о необходимости защищать бизнес от коррумпированных чиновников. Вот очистим бизнес от нечистых на руку чиновников, и дела у нас пойдут хорошо. Вот уменьшим роль зловредного государства в экономике, и дела пойдут ещё лучше. Возникнет "благоприятный инвестиционный климат" - идея фикс наших либералов. Но как возник наш российский бизнес? В 1991 году в результате ваучерной приватизации собственность захватили директора и госчиновники. Из опекунов народного добра они превратили себя в собственников. Падение советской власти многие использовали в целях личного обогащения. Целые состояния были сделаны в период "шоковой терапии". Ваучерная приватизация была не чем иным, как более упорядоченным процессом передачи собственности в руки номенклатуры и организованной преступности. С каждым витком приватизации коррупция усиливалась, ибо никаких механизмов контроля над обвальной приватизацией не было. Затем начался этап липовых аукционов, захвата заводов, подкупа чиновников, подлога документов и ряда других мер для того, чтобы захватить производственный сектор экономики. Этот бандитский захват подавался как реформа, как переход к рыночной экономике. Большего кощунства не придумать. Дележ советских заводов между монополистами без всякого закона, путем мафиозных разборок, заказных убийств и взяток, никак нельзя назвать переходом к рыночной экономике. Коррупция стала главным элементом процесса приватизации. Создалась беспрецедентная ситуация. Новоявленные владельцы средств производства стремились не к тому, чтобы усилить своё производство, а к тому, чтобы как можно скорее выкачать из него всё, даже если это приведёт к его разруше-нию. Сколько ужасающих примеров по всей России, как растащили, разворовали, распродали целые заводы, пароходства, институты и другое добро!

Захват средств производства коррумпированной номенклатурой стал национальной катастрофой для России. Это привело к деиндустриализации страны и обнищанию народа, к ослаблению её обороноспособности. За прошедшие с тех пор 20 лет, конечно, социально-экономическая ситуация улучшилась. Но сильно ли поменялся менталитет наших толстосумов? Много ли у нас фордов, ротшильдов, гейтсов - созидателей реальной экономики? Много ли у нас высокоэффективных частных собственников, налаживающих отечественное производство, разрабатывающих и внедряющих новые технологии, повышающих качество продукции? Они есть, но их мало. Наша экономика, к сожалению, в значительной мере остаётся спекулятивной, а подчас и криминальной. Коррупция процветает и среди чиновничества, и в среде бизнеса. Система "откатов" получила повсеместное распространение. И бороться с этим злом надо системно и комплексно. Не обойтись без серьёзного пересмотра коррупционного законодательства, принятого в 90-е годы и действующего до сих пор. Пока этого не произойдёт, мы так и будем заниматься «сизифовым трудом» - одной рукой плодить экономические преступления, а другой - бороться с ними.

Необходим ряд новых законов. Надо вводить прогрессивную шкалу налогообложения. Надо вводить закон, делающий возможным изъятие стратегически важных предприятий у неэффективных и недобросовестных собственников. Нужен закон о регулировании оплаты труда в Российской Федерации с тем, чтобы оплата труда первых лиц на предприятии любой формы собственности была привязана к средней зарплате на этом предприятии. Надо вводить обязательные декларации об источниках доходов при покупке предметов роскоши и других товаров очень высокой стоимости. Надо пересматривать закон о предприятиях и предпринимательской деятельности, вводить уголовную ответственность за лжепредпринимательство. Следует ввести в цивилизованные законодательные рамки понятие коммерческой и банковской тайны, чтобы эта тайна перестала быть прикрытием бессовестных махинаций, способом незаконного обогащения. Необходимо усилить административную и уголовную ответственность за взяточничество, причем в первую очередь среди высокопоставленных чиновников, а уж затем спускаться на бытовой уровень, ибо высокопоставленные чиновники не имеют права подавать пример коррупционного поведения рядовым гражданам. Гражданское

общество должно проникнуться важностью этой проблемы, настойчиво требовать у власти конкретных мер по её решению, с отчётами о результатах этой работы. Меры по борьбе с коррупцией должны объективно и широко освещаться в средствах массовой информации. Следует усовершенствовать избирательную систему, чтобы к власти на всех уровнях приходили честные и неподкупные люди, для которых судьба страны и её народа были бы важнее собственного кармана.

Социальная политика. Социальные расходы государства за последние годы выросли. Но положение нельзя признать удовлетворительным. Официальная статистика дает вполне благополучные цифры по безработице. На деле ситуация хуже. Многие недовольны своей работой и зарплатой, нет перспектив для карьерного роста. Плохо с трудоустройством выпускников высших учебных заведений. Прием на работу сплошь и рядом осуществляется на основе родства, кумовства и знакомства. При этом уровень образования, способности и деловые качества отходят на задний план, и это является одной из серьезных причин низких темпов и качества экономического роста. Недопустимо велика дифференциация доходов. При огромном богатстве немногих, слишком многие живут более чем скромно, а часто и за чертой бедности. Уровень доходов часто не связан с реальной пользой для общества и не способствует формированию заинтересовывающей мотивации к труду. Учителя, врачи, ученые, работники культуры получают недопустимо мало на фоне многих других профессий. Существующая пенсионная система неэффективна и не дает уверенности в будущем. Прибавка к пенсиям «съедается» опережающим ростом цен. Много говорят о необходимости особой пенсионной системы для среднего класса, предполагающей развитие «накопительного компонента». Эффективность такой политики сомнительна. Пенсии должны выплачиваться в твердом и достаточном размере из бюджета. А дополнительные средства представители среднего класса в состоянии накопить самостоятельно.

В целом, социальное государство - а Россия по конституции является именно таким государством - обязано гораздо больше внимания уделять социальной политике. Меры социальной поддержки населения должны быть достаточными, понятными и надежными. Они должны обеспечить уверенность каждого

гражданина в завтрашнем дне. Как уже говорилось, эта уверенность – главное условие решения демографической проблемы. Необходимы меры для значительного увеличения бюджетных ассигнований на социальную политику. Дополнительные средства на эти цели следует искать в рациональном перераспределении доходов от богатых к бедным путем прогрессивного налогообложения. Пора прекратить верить традиционному либеральному брюзжанию насчет вредоносности принципа «отнять и поделить». Да, именно так, надо перераспределять доходы. Это делается в большинстве развитых стран, в том числе и в тех, которые не провозгласили себя по конституции социальными государствами. А уж в России это и подавно необходимо сделать.

Аграрная политика. Россия издавна и по сию пору – аграрная страна. Но именно сельское хозяйство было и остается слабым местом России. В советское время индивидуальные крестьянские хозяйства были фактически разрушены и заменены колхозами и совхозами. Как показало время, это не стало полноценной заменой. Конечно, это позволило осуществить механизацию на крупных посевных площадях, но оплата труда и материальная заинтересованность сельских тружеников были на крайне низком уровне. В постперестроечной России, наоборот, упор сделали на индивидуальные фермерские хозяйства, основательно разрушив колхозы и совхозы. Но это не привело к созданию современного цивилизованного класса фермеров, с их разнообразной техникой для самых разных сельхозработ, с высокой заинтересовывающей мотивацией и обустроенным сельским бытом. В сущности, жизненно важная для России аграрная проблема не решена и до настоящего времени. Попытка в 90-е годы перевести сельское хозяйство на чисто рыночные отношения закончилась провалом.

Сельское хозяйство — это не просто отрасль экономики. Это треть населения нашей страны. Аграрный сектор не может быть только бизнесом. Это важное государственное дело. Необходимо перейти от «помощи» сельскому хозяйству к государственной аграрной политике. Основой сельскохозяйственного производства должны стать вертикально интегрированные агропромышленные, перерабатывающие и торговые производственные комплексы. Наряду с этим необходимо всячески поддерживать индивидуальные (фермерские) хозяйства, в том числе путем предоставления крестьянским хозяйствам льготных государственных кредитов,

бесплатной выдачи земли в собственность для ведения хозяйства и индивидуальной застройки, отмены налогов на первые годы становления хозяйства. Особое внимание следует уделить созданию и развитию отечественного производства малой сельскохозяйственной техники для механизации труда фермеров, с продажей её по доступным ценам. Ввести государственное регулирование цен на горючесмазочные материалы, сельхозтехнику, запчасти, минеральные удобрения.

Необходимо создавать льготные условия для желающих переехать из городов в села для постоянного проживания и работы. Это будет способствовать снижению безработицы, решению проблемы моногородов, привлечению в село грамотных специалистов и квалифицированной рабочей силы. Предоставлять земельные участки, выдавать ссуды на обустройство, помогать в обеспечении необходимыми материалами, осуществлять в плановом порядке строительство сельских школ, поликлиник и больниц, культурных учреждений. Финансировать и развивать сельскохозяйственную науку, образование, осуществлять переподготовку кадров, внедрять в практику результаты научных исследований. Увеличить бюджетные ассигнования на строительство дорог в сельской местности. Форсировать электрификацию и газификацию села. Организовать беспрепятственную и неспекулятивную доставку сельхозпродукции от производителей к потребителям, законодательно регулировать деятельность торговых посредников, убрать лишних посредников.

Членство России в ВТО ни в коем случае не должно стать препятствием для развития отечественного сельскохозяйственного производства. Ввоз в страну импортной сельхозпродукции должен применяться лишь в случае непредвиденной необходимости (природные катаклизмы) или той продукции, которая по климатическим условиям не может быть произведена в России. При планировании экспорта сельхозпродукции - учитывать необходимость первоочередного насыщения внутреннего рынка, с продажей сельхозтоваров населению по доступным неспекулятивным ценам. При осуществлении земельной политики – соблюдать принципы законности при вовлечении земли в коммерческий оборот, сохранять земли для нужд сельскохозяйственного производства, создавать действенные стимулы для заселения обезлюдевших аграрных территорий. Пресекать спекуляцию землей. Разбюрократизировать, покончить с волокитой и злоупотреблениями во всем, что касается садово-дачных участков. Избавить их

владельцев от утомительной и унизительной беготни за многочисленными справками, от произвола чиновников.

Кредитно-денежная и налоговая политика. Нынешние финансовые институты не соответствуют принципам социального государства. Непомерно велико и продолжает увеличиваться число банков. Центробанк не принимает достаточных мер по их санации и предотвращению антиобщественной, сугубо корыстной и спекулятивной деятельности. Коммерческая и банковская «тайна» продолжает оставаться инструментом незаконного обогащения и финансовых махинаций. Цены и тарифы неуклонно растут. Попытки их регулирования не дают ощутимых результатов. Борьба с инфляцией скорее декларируется, чем осуществляется. Государство не применяет необходимых административных мер по ограничению неоправданного роста цен, хотя это давно делается в других странах. Антиинфляционные ограничения денежной эмиссии не всегда оправданны. Признавая необходимость стабилизационного фонда, следует признать и необходимость корректировки механизма его размещения и использования в интересах страны.

Непомерно велик отток капиталов из страны. Плохо стимулируется приток прямых иностранных инвестиций в отечественное производство. Не осуществляется государственный контроль над целевым использованием этих инвестиций, почти не используются государственные гарантии своевременного их освоения с выгодой для инвесторов, во многих случаях средства просто разбазариваются или уворовываются. Это не способствует созданию «благоприятного инвестиционного климата», этой притчи во языцех наших либеральных оракулов, за которую они продолжают неуклонно сражаться с настойчивостью, заслуживающей лучшего применения.

Вопреки статистике, реальная собираемость налогов оставляет желать лучшего. Необходимы более решительные меры в борьбе с уклонением от уплаты налогов и налоговым мошенничеством. Ныне действующую «плоскую» шкалу налогообложения доходов по ставке 13% следует заменить на прогрессивную. Ссылки на несвоевременность такой меры несостоятельны. Надо использовать опыт других стран, где прогрессивное налогообложение доходов давно и нормально работает. Речь идет именно о доходах, а не об имуществе. Что касается последнего, то и его следует обложить прогрессивным налогом. Но из перечня налогооблагаемого

имущества следует исключить квартиры, давно приватизированные гражданами, для которых прогрессивный налог может оказаться несправедливым и непосильным.

В последнее время наблюдаются ощутимые колебания валютного курса рубля, с отчетливой тенденцией к его обесценению. Этому негативному процессу способствуют снижение мировых цен на нефть, а также давление западных санкций на российскую экономику в условиях недоразвитости отечественного производства и необходимости закупок за рубежом многих товаров повседневного и долговременного спроса. Центральный Банк пытается сдерживать обесценение рубля путем массированных валютных интервенций. Но этот прием работает все хуже и хуже, требуя расходования значительных валютных резервов. Исправить положение пытаются по-прежнему сугубо рыночными методами. Планируют вообще отказаться от регулирования курса рубля, перейти к плавающему курсу. На что надеются, трудно сказать. Плавающий курс хорошо работает в условиях всесторонне развитой реальной экономики. Так было бы и в России при высокоразвитом отечественном производстве разнообразных товаров и насыщении ими рыночного спроса. В нынешних условиях такая либеральная мера, скорее всего, приведет к резкому подорожанию импортных товаров, включая бытовую технику и лекарственные средства. В сложном положении окажутся и предприятия, закупающие импортное сырье, оборудование и комплектующие. Не исключено и заметное обесценение рублевых вкладов населения. Во избежание нарастающего недовольства основной массы населения придется прибегнуть к нерыночным, административным мерам по сдерживанию обесценения рубля. Не лучше ли своевременно отказаться от авантюрных либеральных затей наших банкиров? Конечно, главной стабилизирующей мерой в сфере кредитно-денежной политики является ускоренное импортозамещение, освобождение нашей реальной экономики от фатальной долларовой зависимости. Проблема импортозамещения будет подробнее рассмотрена ниже.

Жилищная политика. В социальном государстве, каковым по конституции является Россия, нельзя отдавать жилищную проблему во власть рыночной стихии. Необходимо государственное регулирование цен на жильё. Не допускать выселения должников по квартплате без судебного решения. Запретить коммерческую «точечную» застройку без согласия жителей близлежащих домов.

Запретить жилищное строительство без надлежащей инфраструктуры. Разработать и реализовать государственную программу массового строительства социального жилья. Необходима система государственных мер по льготному обеспечению жильём малообеспеченных граждан, по расселению из аварийного и ветхого жилья, по охране прав престарелых одиноких людей, давно проживающих в больших квартирах.

Серьезной корректировки требует система управления жилищно-коммунальным хозяйством. Грубой ошибкой стало самоустранение государства из этой сферы. На плечи небогатых российских квартиросъемщиков государство взвалило неподъемный груз. Бесплатная приватизация жилья не изменила ситуации. Давно пора признать, что ЖКХ в целом является естественной монополией. Конкуренция возможна и целесообразна лишь при оказании жильцам несложных ремонтных услуг. Всё остальное требует ответственного и грамотного управления при оперативном контроле со стороны региональной власти. Создание частных управляющих компаний и наделение их правами полностью самостоятельных хозяйствующих субъектов лишь усугубило проблемы и внесло неуправляемость в сферу ЖКХ. Самостоятельная хозяйственная деятельность сплошь и рядом подменяется бездеятельностью, обманом и наглым вымогательством денег у жильцов за неоказываемые услуги. Надо исправить эту ситуацию. Если уж не полный возврат сферы ЖКХ под государственное управление, то, по крайней мере, законное право региональных властей влиять на их деятельность, пресекать безобразия. Законодательно установить максимально допустимую долю расходов населения на оплату жилых помещений и коммунальных услуг не выше 10% от совокупного дохода семьи. Предельно упростить и дебюрократизировать процедуру получения жилищных субсидий. Узаконить государственный контроль над тарифами в сфере ЖКХ, усилить ответственность за нарушение этого законодательства вплоть до введения уголовной ответственности.

Здравоохранение. Продолжает ухудшаться качество медицинских услуг. Пациенты недовольны ошибочной диагностикой, неэффективным лечением, дорогими лекарствами. Низка квалификация многих врачей и медсестер. Много недостатков в организации медицинского обслуживания. Отечественная фармацевтическая промышленность фактически разрушена, жизненно важные лекарственные средства приходится завозить из-за границы.

Низка ответственность каждого человека за состояние своего здоровья. Сегодня 80% людей не занимаются физкультурой или спортом, 65% регулярно употребляют крепкие спиртные напитки или курят, 60% проходят медицинские обследования только в случае болезни. Не уделяется должного внимания профилактике заболеваний. Слишком много медицинских услуг стали платными, и эта плата неуклонно растет. Формально бесплатные медицинские услуги сплошь и рядом недоступны из-за больших очередей.

Государство обязано навести порядок в здравоохранении. Не исключая платности высококвалифицированных медицинских услуг, в социальном российском государстве следует не на словах, а на деле обеспечить бесплатное медицинское обслуживание для большинства населения по важнейшим жизненным показаниям. Необходимо повышать ответственность врачей за достоверность диагностики и эффективность лечения. Усилить административную и ввести уголовную ответственность за систематические и грубые медицинские ошибки, равно как и за злостную халатность, невнимание и бездушное отношение к пациентам. Значительно повысить требования к медицинским вузам в подготовке высококвалифицированных специалистов. Ввести в образовательные программы вузов более продолжительную и содержательную практику в медицинских учреждениях для получения диплома врача.

Развитие широко рекламируемых «кластеров» для выпуска лекарственных средств из привозных импортных субстанций не решает проблемы российского здравоохранения, закрепляет зависимость страны от заграницы в этой жизненно важной сфере. Необходимо восстанавливать и развивать отечественную химическую промышленность для производства собственных лекарственных субстанций. В школьном образовании следует сделать химию обязательным предметом, как это было в советское время. Ввести в вузах дополнительные новые специальности по фармацевтике и биохимии, усилить их связь с теоретической и практической медициной. Повысить требования к диссертациям на соискание ученых степеней химических и медицинских наук, обращая особое внимание на их новизну и практическое значение. Разработать и реализовать систему мер по периодической переподготовке врачей и подтверждению их квалификации в практической работе. Систематически повышать зарплату врачей и медсестер всех специальностей, не допуская дискриминации.

Наука и образование. Неблагополучное положение в сфере науки и образования было рассмотрено в моей статье [138]. Об этом же говорилось и в моем письме в редакцию «Российской газеты» [139]. С тех пор положение не только не улучшилось, а заметно ухудшилось. Академия Наук окончательно превратилась в пристанище для престарелых ученых, которые скорее занимаются бесконечным продолжением своих докторских диссертаций, чем новыми актуальными научными направлениями. Многие академические институты фактически остались лишь на бумаге: ни о новом серьезном вкладе в фундаментальную науку, ни о связи с практикой нет и речи. Конечно, есть и приятные исключения, но они не меняют общего безрадостного положения. Более того, многие академики научились изощренно втирать очки и выпрашивать деньги у государства. В обстановке клановости и бесконтрольности происходят уж совсем возмутительные вещи. Широкое распространение получил откровенный плагиат. Тиражируют статьи и даже «изобретения», лишь слегка изменив заголовки и тексты своих прежних работ. Плодят недобросовестных кандидатов и докторов наук. Более того, не гнушаются переводом на русский зарубежных работ и отправкой их в печать под своим именем в слегка измененном виде. Такого маразма наша наука ещё не знала!

Не лучше положение и в образовании. Продолжается снижение его качества. В вузы приходят абитуриенты с «эмбриональным» уровнем развития. Требовательность вузовских преподавателей резко понизилась с переводом вузов на «подушевую» систему финансирования. Теперь отчисление тупиц и бездельников накладно для вуза – от числа студентов зависит его финансирование. Качество чтения лекций и проведения практических занятий резко ухудшилось по причине непрофессионализма многих преподавателей. Низкая заработная плата выталкивает из вузов молодых перспективных специалистов. Взяточничество в вузах приобретает новые изощренные формы. Ученые советы вузов продолжают по инерции и с помощью накатанной схемы плодить армию кандидатов и докторов наук низкого качества. Результативность работы вузовского ученого продолжают оценивать по количеству опубликованных статей и по числу подготовленных кандидатов. Качественная сторона при этом не учитывается. При таком положении не вызывает удивления тот факт, что отечественные вузы столь низко котируются в мировом образовательном сообществе.

И вот новое руководство министерства начало делать что-то реальное по исправлению этого безобразного положения. И что тут началось! Вопли «оскорбленных» академиков. Массовые протесты ректоров против признания их вузов неэффективными. Умело организованные массовые протесты студентов в защиту «родных» вузов. Поездки в Москву глав регионов, чьи дети и дети их родных и знакомых никак не смогут обойтись без «своих» вузов. Громогласные спекуляции политиков, зарабатывающих политические дивиденды не недовольстве новым министром. И, конечно, выступления в Государственной Думе с требованиями немедленной отставки «антинародного» министра. Не хотят понять, что дело не в личности министра, а в объективно неудовлетворительном состоянии науки и образования в стране. Если в ближайшие годы власть не предпримет кардинальных мер для улучшения ситуации в науке и образовании, Россия всерьез и надолго скатится в разряд слаборазвитых стран.

Молодежная политика. Сегодня молодежь в большинстве своем сталкивается с серьезными жизненными трудностями: платное образование, очереди и невнимательное отношение в поликлиниках, сложности с трудоустройством, отсутствие собственного жилья и др. Брошенная на произвол судьбы молодежь – серьезная опасность для будущего страны. Невозможность реализовать себя, найти свое место в жизни приводит к росту насилия, преступности, алкоголизма, наркомании. Как уже говорилось, неясность и непредсказуемость жизненных перспектив создает угрозу обострения демографической проблемы. Невнимательное отношение государства к проблемам молодежи не может быть оправдано никакими рыночными преобразованиями.

Мотивация к труду подрывается многочисленными примерами продвижения молодых по образовательной и карьерной лестнице не по способностям, знаниям и прилежанию, а по родству, кумовству, знакомству. В такой обстановке у многих опускаются руки, подрывается вера в справедливость, возникают протест и экстремистские настроения. Плохой пример для молодежи подают коррупция, воровство, мошенничество, жульничество, имитация реальной работы среди взрослых и с виду респектабельных граждан. При виде этого у молодых возникает неверие в собственную дееспособность и убеждение в том, что для жизненного успеха необходим не столько честный и умелый труд, сколько ловкачество, приспособленчество, неуемная жажда личной выгоды любым

способом. Это подпитывает почву для роста преступности. Отсюда логически вытекает и нежелание работать над своим интеллектуальным уровнем, получать действительно качественное образование. Такая обстановка растления молодежи недопустима в государстве, объявляющем себя социальным. Необходима государственная программа по молодежной политике, способная коренным образом переломить ситуацию в этой сфере, жизненно важной для будущего страны.

Импортозамещение как актуальная задача промышленной, аграрной и научно-технической политики. Современное разделение труда в мире устроено таким образом, что у стран нет необходимости производить полную линейку всех товаров, а заодно и всего оборудования с комплектующими к нему. А с экономической точки зрения это просто бессмысленно. Например, США не очень беспокоятся, что находятся в товарной зависимости от Китая (как и многие другие страны), так как Китай находится от США в технологической зависимости. Мир полон взаимных зависимостей, и компании конкурируют уже не на внутренних рынках, а на мировом. У каждой страны есть своя ниша в мировом разделении труда, секторы, в которых она конкурентоспособна. Остальную продукцию страны импортируют и не видят в этом ничего зазорного. Сама потребность в импортозамещении в условиях глобального мира может возникнуть только в том случае, если страна готовится к самоизоляции. Бывший СССР, несмотря на капиталистическое окружение, не пренебрегал взаимовыгодными торговыми связями с Западом, но они были весьма ограниченными. Постперестроечная Россия, в условиях перехода к рыночной экономике и свободной торговли, активно интегрируется в мировую экономическую систему, и это – объективно необходимый и во многом полезный процесс для нашей страны. Благодаря импорту стране удалось пережить трудности, обусловленные резким экономическим спадом 90-х годов. Но эта интеграция обернулась и негативными последствиями. Она оказала плохую услугу отечественному производителю – резко ослаблены или вообще утрачены многие, особенно сложные в технологическом отношении наукоемкие отрасли.

Речи о необходимости поддержки отечественного производителя, введения мер протекционизма и замещения иностранной продукции звучали всегда. Особенно настойчивыми они стали в момент присоединения России к ВТО. Чаще всего об этом говорили

экономисты левой ориентации. Конечно, неоднократно о том же говорили и президент, и руководители правительства. Но касалось это в основном стратегически важных отраслей, таких как авиа- и судостроение, что нашло свое отражение в майских указах Владимира Путина в 2012 году. Но на практике до серьезного импортозамещения дело не доходило. Теперь, после обострения отношений с Европой и США и введения санкций в связи с событиями на Украине и российской политикой в этой сфере, необходимость импортозамещения приобретает особое значение. Оно становится актуальной задачей промышленной, аграрной и научно-технической политики. О фактическом курсе на импортозамещение объявил В.В.Путин в мае 2014 года на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме. Президент поставил задачу перевооружения всех предприятий и переоценку всех производственных фондов страны. «Стране нужна научно-техническая революция», - сказал президент. Вторя ему, премьер-министр Д.А.Медведев назвал импортозамещение одним из приоритетных направлений политики, так как, по его словам, страна «слишком подсела на импортную иголку». По его мнению, Россия может и должна производить широкий спектр товаров. Традиционной нишей России в международном разделении труда является добыча и продажа полезных ископаемых. Сохраняя ее, наша страна в создавшейся обстановке должна обрести экономическую самодостаточность и независимость от западных санкций.

Прежде всего, импортозамещение должно обеспечить для страны возможность надежного обеспечения населения жизненно важными товарами, в первую очередь – продовольственными. Что касается пищевой продукции, то здесь есть определенные достижения: к настоящему времени производство хлебобулочных и кондитерских изделий, а также безалкогольных напитков практически полностью перенесено в Россию. Последовательно сокращается импорт мясной продукции. На рынке готовых мясных изделий доля российского производства превышает 90%. Удовлетворительными темпами развивается российское овощеводство. Стало заметно доминировать и отечественное производство сахара. При этих явно положительных тенденциях введение Россией ответных мер на западные санкции может приводить к дефициту некоторых продовольственных товаров или росту цен на них. Во избежание таких спекулятивных тенденций требуются не только экономические, но и административные меры. Правильным решением стала передача этих мер с федерального

уровня на региональный. Конечно, в регионах больше возможностей наладить контроль за состоянием снабжения населения продовольственными товарами и динамикой цен на них.

Переходя к промышленной продукции, следует отметить позитивные сдвиги в отечественной металлургии: в производстве труб большого диаметра, автомобильного листа, рельсов и др. Развивается производство российской железнодорожной техники. В последние советские годы по дорогам СССР ходили почти исключительно рижские электропоезда. В настоящее время в России разработаны и запущены в серийное производство отечественные электропоезда различных моделей. Ранее не производились в России и дизель-поезда. Их завозили из Венгрии, Румынии, Латвии. Теперь Россия не только ушла от импорта дизель-поездов, но наладила их собственное производство и перешла к их экспорту. Налажено и российское производство пассажирских электровозов. Этого производства не было в СССР, электровозы закупали в Чехословакии, ФРГ и Франции. Теперь есть свое производство, причем не только электровозов, но и пассажирских вагонов дальнего следования.

Довольно высокого уровня достигла в СССР нефтехимия и химическая промышленность. Работали крупные нефтехимические комбинаты. Их основу, как правило, составляли крупнотоннажные установки пиролиза бензина, этана, пропана и других видов углеводородного сырья. На этих установках ежегодно производили сотни тысяч тонн этилена, пропилена, бутиленов и пр. В свою очередь, полимеризацией этилена и пропилена получали пластмассы (полиэтилен, полипропилен), а также производили различные виды синтетического каучука. Большим достижением было создание советского производства изопренового каучука, почти по всем характеристикам заменяющего натуральный. С начала 90-х годов эти производства стали деградировать, а производство изопренового каучука практически исчезло – с массовым импортом автомобилей с готовыми шинами из натурального каучука отечественное производство стало ненужным. Что касается полипропилена, то до 2012 года его производство оставалось дефицитным. В 2013 г. в Омске состоялся пуск завода по производству полипропилена мощностью 180 тыс. тонн в год. Завод выпускает импортозамещающую продукцию, которую можно использовать для производства строительных и отделочных материалов, труб и других изделий для нужд ЖКХ. Затем вступил в работу завод «Тобольск-Полимер» в Тюменской области, который вошел в тройку

крупнейших мировых производств полипропилена. Это дает России шанс превратиться из импортера в экспортера полипропилена.

Значительно хуже обстоит дело с производством отечественных лекарственных средств. Слишком большое количество жизненно важных лекарств до сих пор закупается по импорту. В конце 2010 года правительство одобрило федеральную целевую программу по развитию фармацевтической и медицинской промышленности. Программа рассчитана на 10 лет. Предполагается, что к 2015 году 90% стратегических лекарств, 90% жизненно важных средств будет производиться в России. В апреле 2014 года в Рязанской области открылся биотехнологический комплекс «ФОРТ». Он рассчитан на ежегодное производство 40 млн. доз вакцин против гриппа, 20 млн. доз других противовирусных вакцин, 100 млн. доз белковых препаратов и 500 млн. доз других биопрепаратов. По имеющимся планам «ФОРТ» обеспечит полный цикл производства указанных препаратов, начиная с субстанций. Но открытие этого, пусть и важного, предприятия отнюдь не решает проблему производства субстанций для отечественных лекарственных средств. Для решения проблемы необходимо снова вернуться к состоянию нынешней химической промышленности, капитально развaленной за годы ельцинских «реформ».

Автору настоящей книги, химику по основной профессии, хорошо знакома эта проблема. Не вдаваясь в детали, малоинтересные для большинства читателей этой книги, поясним суть проблемы лишь на одном примере. Одно из самых важных лекарственных средств – знакомый всем аспирин. Его химическое название – ацетилсалициловая кислота. Промышленное получение аспирина включает ряд последовательных стадий: получение кумола из бензола и пропилена; получение фенола из кумола; получение фенолята натрия из фенола и щелочи; превращение фенолята натрия через две стадии в салициловую кислоту и, наконец, превращение салициловой кислоты в аспирин путем взаимодействия с уксусным ангидридом. Последний тоже еще нужно получить: самый распространенный метод – высокотемпературное окисление кислородом воздуха углеводородной фракции парафинов C_4-C_6, с последующим превращением полученной уксусной кислоты в ее ангидрид. Не приводя здесь химических формул и схем, ограничимся перечислением исходных веществ, необходимых для производства аспирина: бензол, пропилен, уксусный ангидрид, а также вспомогательные реагенты и катализаторы (серная и соляная

кислоты, натриевая щелочь, углекислота). Но на этом список не заканчивается, поскольку каждое из перечисленных веществ тоже нужно получать. Бензол выделяют из нефтяных фракций или из побочных продуктов коксохимического производства, о пропилене и уксусном ангидриде уже было сказано, а остальные вещества тоже являются продуктами соответствующих химических производств. Таким образом, для промышленного производства отечественного аспирина необходима скоординированная работа многих химических производств. Но ведь это аспирин – один из самых простых по химическому строению лекарственных средств! Что же говорить о более сложных лекарственных субстанциях? Для производства каждой из них требуются десятки видов химического сырья, вспомогательных материалов, а также система обезвреживания вредных отходов, образующихся в процессах синтеза целевых продуктов. И многие такие лекарственные средства производились в СССР на базе развитой химической отрасли. С ее развалом производство отечественных субстанций приказало долго жить. Таким образом, пока что все разговоры о восстановлении отечественной лекарственной отрасли сводятся, главным образом, к «сборке» готовых лекарственных форм из импортных субстанций. Для производства лекарств из нуля, включая субстанции, необходимо полномасштабное восстановление и развитие отечественной химической промышленности.

Переходим к другим отраслям. Авиационная и ракетная техника были предметом гордости советской промышленности. В целом удалось сохранить прежние позиции, а в чем-то и продвинуться вперед. Но слабым местом здесь остается зависимость России от иностранных поставщиков электроники и других средств управления, связи и информатизации. В последние годы в России наблюдается импортозамещение на рынке автомобилей. Оно в значительной степени сводится к «промсборке» - производству иномарок в России. Но и это уже прогресс, хотя задача создания отечественного автомобиля, превосходящего по своим качествам лучшие мировые образцы, остается в повестке дня. Основная трудность здесь та же, о чем говорилось выше – необходимость создания отечественных производств комплектующих, а значит и материалов для их производства. Примерно такое же положение и в отечественном судостроении.

Ввод в работу в 2013 году новой бумагоделательной машины «Илим» в Коряжме обеспечит производство офисной бумаги

мощностью свыше 150 тыс. тонн в год. Работа по импортозамещению в производстве бумаги продолжается. В 2013 году в Саранске началось строительство первого в России крупного завода по производству оптоволокна. Этот проект рассчитан на импортозамещение до 30%. Значительное импортозамещение по современным упаковочным материалам ожидается от производственной деятельности компании «Уралпластик-Н» в Свердловской области.

Что касается российской микроэлектроники, то надо прямо сказать, что проблема импортозамещения здесь является весьма сложной. Страна не изготавливает собственных компьютеров, мобильных телефонов и многих других средств связи и информатизации, которые мы в избытке завозим из-за границы и на которых основано функционирование оборонно-промышленного комплекса, банковской системы, промышленных предприятий образования и науки, да и просто обычная жизнь множества россиян, которые к этому уже привыкли и не хотят с этим расставаться. Развитию собственной электронной отрасли в России мешают низкая производственная и управленческая культура, недостаточное развитие отраслевой инфраструктуры, административные барьеры и недостатки правовой базы, высокие цены и большие сроки поставок комплектующих, консерватизм и отсталость системы подготовки специалистов с высшим и средним образованием для этой отрасли. Сборка готовых изделий из импортных комплектующих – сама по себе достаточно сложная задача, которую предстоит в первую очередь решить в ходе импортозамещения. Если же говорить о полном импортозамещении, т.е. об отечественном производстве комплектующих, то решение этой проблемы упирается в необходимость восстановления ряда развалленных в 90-е годы сопряженных отраслей, в том числе – химической промышленности для производства собственных химических материалов микроэлектроники. Учитывая, что микроэлектроника стала жизненно важной отраслью российской экономики, к ее воссозданию следует, без всякого преувеличения, отнестись не менее серьезно, чем в свое время к созданию атомного оружия и ракетно-ядерного щита страны. Это должно стать одной из самых важных задач государства при активном вовлечении и частного бизнеса. Имеющаяся «Стратегия развития электронной отрасли России до 2025 г.» неконкретна и не может рассматриваться как серьезный документ. Необходима специальная государственная программа с четким поэтапным планом

и жестким контролем за достижением конкретных результатов. Хочется подчеркнуть важную мысль: совсем необязательно изготавливать в России абсолютно все для такой сложной отрасли, как микроэлектроника. Многое, как и в настоящее время, можно продолжать закупать в Китае, Южной Корее или Финляндии. Но абсолютно необходимо избавить страну от перспективы фатальной безысходности на случай обострения международной обстановки или колебаний мировой финансовой конъюнктуры. Должны работать научно-производственные комплексы, способные при необходимости выдать в сжатые сроки все необходимые данные для широкомасштабного развертывания отечественного производства по всем без исключения параметрам. Эти же комплексы должны вести и продвигать на рынок новые перспективные разработки, превосходящие мировой уровень. Они же должны возглавить и подготовку полноценных научно-технических кадров для этой отрасли.

Приведенный краткий обзор показывает, что серьезная работа по импортозамещению требует серьезной перестройки и активизации научно-технической политики. Речь идет о воссоздании и развитии капитально разваленной прикладной науки. При этом едва ли разумно и дальновидно реанимировать в полном объеме прежние отраслевые институты. Многие из них были довольно слабы в отношении научных кадров и в значительной степени оторваны как от академической науки, так и от реальных нужд промышленности. В настоящее время наиболее перспективна такая форма взаимодействия науки с производством, как научно-производственные комплексы или даже еще шире – научно-образовательно-производственные комплексы. Такая форма оптимальным образом способна соединить научные достижения с внедрением их в производство и с подготовкой высококвалифицированных кадров инженеров, техников и рабочих для грамотной эксплуатации новых производств.

Имеющиеся к настоящему времени около шести десятков государственных научных центров можно по тематической направленности условно разделить на две группы: дисциплинарные и предметные. Первые – это те, которые функционируют в какой-то определенной научной области, подобно академическим институтам. Например, к ним можно отнести такие центры, как ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательский физико-химический институт имени Л.Я. Карпова (Москва), Центральный научно-исследова-тельский институт химии и механики (Москва),

Российский научный центр "Прикладная химия" (Санкт-Петербург), Государственный ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательский институт химии и технологии элементоорганических соединений (Москва) и др. Конечно, в каждом из них занимаются разработкой новых технологий и новых видов продукции, но эта работа представляется недостаточно целенаправленной. Более адекватной представляется вторая группа центров, в которых целенаправленно разрабатываются новые виды продукции для решения именно проблемы импортозамещения. Среди них такие центры, как Центральный институт авиационного моторостроения имени П.И. Баранова (Москва), Научно-исследовательский институт атомных реакторов (Димитровград, Ульяновская область), Государственный научно-исследовательский институт теплоэнергетического приборостроения (Москва), Центральный научно-исследовательский и опытно-конструкторский институт робототехники и технической кибернетики (Санкт-Петербург) и др. Перечень этой группы центров следовало бы расширить применительно к номенклатуре товаров и изделий, подлежащих импортозамещению.

В основу научно-технической политики импортозамещения должен быть положен простой и очевидный принцип: не должно быть ни одного жизненно важного вида продукции, по которому Россия оставалась бы жестко привязана к импорту и, следовательно, сохраняла бы опасную зависимость от заграницы. Это не означает, что все это непременно и постоянно должно производиться в России. В условиях разумной интеграции страны в мировую экономическую систему нет необходимости держаться за «натуральное хозяйство». Можно и нужно закупать за рубежом те виды продукции, которые в каждый конкретный период времени по тем или иным причинам нецелесообразно производить в России, а также те виды продукции, которые значительно превосходят отечественные товары по качеству. Но такое положение не должно закреплять фатальную невозможность производить эти товары в России. Научно-производственные комплексы должны быть в состоянии в любой момент предоставить государству или частному бизнесу все необходимые данные для быстрого развертывания отечественного производства необходимой продукции. Они же должны постоянно работать над усовершенствованием этой продукции и созданием новых видов продукции, превосходящих зарубежные аналоги или вообще не выпускаемых за рубежом. Они же обязаны активно участвовать в

продвижении своих передовых разработок на отечественные и зарубежные рынки. Каждая такая разработка должна сопровождаться созданием технологических регламентов, норм и инструкций, подлежащих обязательному соблюдению для обеспечения надежной и безопасной эксплуатации новых изделий или технологий на практике. В ходе каждой разработки должны готовиться кадры специалистов, необходимых для дальнейшего сопровождения разработки в ходе ее промышленного использования.

Внешняя политика и обороноспособность страны. События, связанные с ситуацией на Украине, действия России в связи с новыми обстоятельствами, реакция стран Запада на российскую позицию – все это с новой силой высветило основные черты международной обстановки. В отличие от эпохи холодной войны с СССР, американская администрация не считает нынешнюю Россию равным себе соперником. Нас пытаются вернуть в статус подконтрольной территории, как это было в первое десятилетие после распада СССР. Нас рассматривают в качестве взбунтовавшейся колонии, которую надо наказать, а желательно расчленить и навсегда усмирить. Америка считает нынешнюю Россию нежизнеспособной в условиях предпринимаемых против нее экономических санкций, впрочем, переоценивая степень своего влияния. События на Украине США пытаются использовать как инструмент для достижения своих антироссийских целей, мобилизуя для этого и другие страны. Лицемерно призывая Россию к невмешательству в украинский кризис, США преследуют далеко идущие цели: дать возможность киевской хунте подавить сопротивление на Юго-Востоке страны, надежно овладеть внутриполитической ситуацией, войти сначала в ЕС а затем и в НАТО, создав тем самым опасный натовский форпост на южной границе России. Киевские политики уверены в том, что напуганная санкциями Россия будет бесперебойно поставлять Украине газ на их условиях. Они шантажируют Россию угрозами полностью перекрыть снабжение Крыма всеми видами ресурсов. Ситуация сложная. В этой обстановке России необходима прежде всего выдержка. Открытое введение войск на территорию Украины опасно далеко идущими негативными последствиями. Его следует предпринять лишь в случае крайней необходимости. Более предпочтителен вариант успешных действий самих украинцев на

Юго-Востоке страны, с перспективой позитивного изменения обстановки во всей Украине.

Конечно, как уже отмечалось, Россия не сможет противостоять давлению Запада и проводить независимую внешнюю политику, если не восстановит экономическую самодостаточность и независимость от западных санкций. В то же время, необходимая экономическая самодостаточность России не означает самоизоляции и восстановления прежнего «железного занавеса». Объективный процесс глобализации и интеграции мировых рынков никто не отменял, и он делает свое дело. Междисциплинарная общеэкономическая теория определяет основное противоречие нашей эпохи как противоречие между обострением глобальных проблем и разъединением людей перед лицом общей опасности. Нынешний мир переживает тяжёлые времена. Нарастают глобальные угрозы. Нехватка продовольствия, проблемы с энергоресурсами, истощение запасов полезных ископаемых, глобальное изменение климата, загрязнение воздуха, подъём уровня мирового океана, разрушение озонового слоя атмосферы, сокращение и поражение лесных массивов, эрозия почвы, расширение пустынь, умирание озёр, уменьшение запасов подземных вод, угроза ликвидации существующих видов животных и растений, возникновение новых свалок для токсичных отходов и отравление ими грунтовых вод - всё это реальности, которые создают угрозу сохранения жизни на Земле. По всему миру насчитываются уже миллионы беженцев. Неконтролируемая миграция представляет реальную опасность для политической стабильности и сохранения мира. Международный терроризм - лишь следствие обостряющихся глобальных проблем. С ним не справиться только военными мерами. Применение силы оправдано лишь в контексте широкой и скоординированной политики в рамках Организации Объединённых Наций.

Эта организация должна стать более дееспособной. Перед ООН ныне встаёт труднейшая историческая задача, от решения которой как никогда прежде зависит само существование человечества. Необходимо организовать поворот мирового общественного сознания от безудержного эгоизма к разумному самоограничению, от безразличия к помощи, от конкуренции к координации, от конфронтации к сотрудничеству. Человечество не сможет выжить, если не научится действовать по согласованному разумному плану. Нужны крупные международные проекты: гуманитарные, научно-

технические, социально-экономические. Россия может и должна быть сильной и самостоятельной. Она может и должна играть более активную организующую роль в коллективном процессе, направленном на выживание и развитие человечества.

Следует и дальше укреплять нашу обороноспособность. Поддержание на высоком уровне оборонного потенциала - это не возврат к периоду холодной войны. Это необходимая составная часть миролюбивой внешней политики в нынешних условиях и, что очень важно, реальный рычаг для подъёма всей российской экономики. Но при всём этом важно использовать любую возможность для налаживания партнёрства и конструктивного сотрудничества с США, особенно в научно-технической области и глобальной политике. Не менее важно поддерживать добрососедские отношения с нашим великим соседом Китаем. В свое время Китай многое перенял у Советского Союза. Теперь пришла очередь и России взять все рациональное из внутренней и внешней политики Китая, этой великой страны, демонстрирующей высокие темпы развития. И, конечно, важно сохранять и развивать мирные и взаимовыгодные отношения с западноевропейскими странами. В этом особенно может помочь экономическое взаимодействие. При всех разногласиях, Европа заинтересована в России как стабильном и надежном поставщике энергоресурсов, а Россия заинтересована в научно-техническом сотрудничестве с высокоразвитыми европейскими странами.

В настоящее время Россия прилагает большие усилия для налаживания политического и экономического сотрудничества на постсоветском пространстве. И это не навязчивая идея и не прихоть российского руководства, а жизненная необходимость. Распад СССР явился величайшей геополитической катастрофой XX века. Народное хозяйство СССР было, в сущности, единым народнохозяйственным комплексом. Это важнейшее обстоятельство было проигнорировано теми, кто развалил СССР. Удельный вес ввоза в потреблении Украины до 1993 года составлял в целом около 20%. При этом ввоз нефти достигал 90%, газа - 73%, лесоматериалов - 93%, хлопка - 100%. Из-за развала СССР экономическое положение "самостийной" Украины резко ухудшилось. Сложным оно остаётся и в настоящее время. Периодически возобновляющиеся споры и ценовые столкновения с "Газпромом" не сулят ничего хорошего. Стремление Украины в ЕС и НАТО создаёт серьёзные предпосылки для ещё большего осложнения ситуации. Судьба русского населения Украины

может оказаться под угрозой. Республики Закавказья были монополистами в производстве многих видов продукции. В Грузии было сосредоточено всё союзное производство нефтепроводных бесшовных труб и две трети насосно-компрессорных труб. Азербайджан производил четверть нефтепромыслового оборудования. Кроме того, там были уникальные производства, снабжавшие весь Союз, например, единственное производство пропиленгликоля для нужд лакокрасочной промышленности. Армения обеспечивала весь общесоюзный выпуск алюминиевой фольги, хлоропренового каучука, муравьиной и пропионовой кислот для пищевой промышленности, ацетатного жгута для сигаретных фильтров, более половины генераторов мощностью от 0,5 до 100 киловатт. Перерыв в поставках этих видов продукции вызвал сбои в работе многих российских предприятий. Республики Прибалтики были монопольными союзными производителями пассажирских вагонов для электро- и дизель-поездов, траншейных цепных экскаваторов, агрегатов для приготовления травяной муки, комплексов оборудования для приготовления рассыпных кормов. Здесь производилось три четверти машин для строительно-отделочных работ, 100% магнитол, более половины телефонных аппаратов.

Кардинальным решением проблемы интеграции было бы создание на базе СНГ не декоративного, а подлинно союзного государства. Как показывает опыт, надежды на СНГ в его нынешнем виде весьма призрачны. Предвижу гневные возражения. Поднимется крик, что призываю, "кормить наших младших братьев" в то время, когда у России собственных дел по горло. Ответ таким оппонентам один: давно пора понять, что только на пути реальной интеграции можно надёжно обеспечить нашу собственную безопасность и защитить русских в ближнем зарубежье. Самое главное и действительно серьёзное возражение сводится к простому вопросу: как? Разве пойдут на реальное объединение бывшие союзные республики, вкусившие прелести свободы и независимости? Конечно, речь не может идти о какой-то одномоментной акции. Это должен быть достаточно длительный процесс. Воссоединение может происходить только на основе свободного волеизъявления народов. Глупо говорить о воссоздании унитарного государства. Реальным может быть создание на базе СНГ нового федеративного государства - Стратегического Союза Суверенных Республик (СССР).

Как следует из предлагаемого наименования, такой Союз должен преследовать стратегические цели всестороннего развития и безопасности всех его членов на длительную перспективу. Единое экономическое пространство, с ликвидацией ценовых конфликтов, с восстановлением необоснованно прерванных и созданием новых хозяйственных связей. Общая оборона от внешней агрессии. Взаимопомощь и поддержка во всех аспектах. Обеспечение прав коренного населения и национальных меньшинств. Восстановление культурного, научного, информационного обмена. Всё это и многое другое - реальные ценности и преимущества интеграции. И это нисколько не помешало бы взаимовыгодному сотрудничеству суверенных республик с другими государствами, в том числе - со странами НАТО. Для этого союзные органы могли бы выработать соответствующие конституционные нормы, приемлемые для каждой суверенной республики и для всего Союза. Можно быть уверенным в том, что и теперь, через два десятилетия, население стран СНГ приветствовало бы реальную интеграцию.
Другое дело - некоторые политики и представители национальных элит. Многим и так прекрасно живётся. Они вполне освоились со своим положением и не хотят даже в малом поступиться своими эгоистическими интересами. Но неумолимые реалии всё равно заставят их пойти на это. В противном случае им на смену придут другие люди, более здравомыслящие и дальновидные. Внешняя политика России на постсоветском пространстве должна стать более волевой, гибкой и целенаправленной. Усилия президента Путина в этом направлении заслуживают одобрения и поддержки.

Сейчас много говорят о поиске объединяющей национальной идеи для России. Как уже отмечалось, этот поиск берет начало от середины 90-х годов, и эта инициатива принадлежит Борису Ельцину. Автору настоящей книги довелось участвовать в конкурсе, объявленном по этому поводу «Российской газетой». И теперь, через два десятилетия, хочу снова повторить: объединяющую национальную идею России специально изобретать не надо, она очевидна. Это – создание сильной, свободной, процветающей и уважаемой в мире России. Такой России, в которой будут жить зажиточные, образованные, трудолюбивые, честные, граждане, наделенные чувством ответственности за себя и за свою страну граждане. Такой России, которая станет примером для других народов и интеллектуальным лидером человечества в деле

совместного преодоления глобальных угроз, в борьбе человечества за выживание и развитие на Земле.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:
ответы на основные вопросы моих читателей

Пользуясь возможностью, хочу ответить на некоторые замечания и вопросы читателей моих книг. Многие спрашивают, где можно ознакомиться с моей книгой «К общеэкономической теории через взаимодействие наук». Эта книга была издана небольшим тиражом в 1995 году, в интернете не размещалась, в продажу не поступала и была разослана в дар библиотекам, научным институтам, вузам, общественным организациям и отдельным лицам. Перечень библиотек приведен ниже в приложении. Впрочем, теперь, после появления настоящей книги, предыдущая книга теряет актуальность. В настоящей книге изложены основы междисциплинарной общеэкономической теории, причем анализ событий доведен до наших дней.

Читатели отмечают, что моя общеэкономическая теория является междисциплинарной и насыщена математическим аппаратом. Признаются, что она уже своим подходом резко отличается от традиционных экономических теорий и в силу этого трудна для усвоения экономистами, социологами, политологами. Что на это ответить? В наше время наиболее серьезные результаты и открытия делаются на стыке наук. Действительно, для глубокого понимания этой новой теории требуется широкое образование в ряде научных дисциплин. У меня на самообразование ушли десятилетия. Но для понимания логики моего мышления, основных выводов и прогнозов таких больших усилий не требуется. Теория изложена лаконично и достаточно ясно, и это читатели тоже отмечают в своих письмах и комментариях.

Интересно отношение читателей к тому обстоятельству, что я являюсь химиком, а не профессиональным экономистом, социологом или политологом. Некоторые иронизируют, а то и просто высказывают неприятие на том основании, что, как говорится в известной басне Крылова, «беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». Что ж, прав великий баснописец. Но нет правил без исключений. История знает немало примеров высоких достижений творческих личностей, которые увлеклись другой областью, выходящей за рамки их основной специальности. Врач

Чехов стал великим русским писателем, а химик Бородин – великим русским композитором. Да и основателем классической политической экономии стал естествоиспытатель Уильям Петти. В таком «обновлении» научных увлечений есть позитивный момент: можно взглянуть на традиционные проблемы свежим взглядом, конечно, при обязательном условии адекватного дополнительного образования или самообразования. Есть и другой важный момент. Политическая экономия – одна из самых важных наук. Ее результаты, выводы и прогнозы касаются судеб стран и народов. И для независимого, беспристрастного исследования здесь нужны люди, чье положение и благополучие не зависят от того, какие результаты и выводы они обнародуют. Для штатного экономиста или социолога это почти невозможная ситуация. Для автора настоящей книги это стало возможным. Он имел счастливую возможность много лет работать над важнейшей проблемой, не оглядываясь на то, что, по выражению Грибоедова, «скажет княгиня Марья Алексеевна». Кстати, Грибоедов был не профессиональным писателем, а дипломатом и по совместительству автором единственной книги «Горе от ума», сделавшей его гениальным писателем и драматургом.

Некоторые интересуются, почему я такой «закрытый» - не устраиваю презентаций, не участвую в конференциях, симпозиумах и «круглых столах», редко публикуюсь в открытой печати. Ответ простой. Я отношусь к этой своей работе слишком серьезно, чтобы разменивать ее на дешевую популярность и ставить под угрозу саму возможность ее продолжения. Нет у меня ни тщеславия, ни коммерческого интереса. Судьба предоставила мне возможность вот уже многие десятилетия сопоставлять выводы и прогнозы междисциплинарной общеэкономической теории с общественной практикой, с жизнью. Это единственная возможность проверить достоверность новой гуманитарной теории в отличие от естественно-научных теорий, где можно поставить эксперимент. Впрочем, я много выступаю в интернете. У него есть неоспоримые преимущества перед бумажными материалами: быстрота публикации, отсутствие рецензирования, неограниченный тираж, возможность оперативно отвечать на замечания и вопросы, вести диалоги. Это очень помогает в моей работе.

Спрашивают, почему в моих книгах много цитат и ссылок. Некоторые считают это недостатком. Не могу согласиться. Мои книги – не беллетристика, а научные труды. А в научных трудах принято цитировать и ссылаться. Считается неприличным выдавать чужие мысли за свои. Если согласен – изволь сослаться, не согласен – то же самое. На научной преемственности основано все развитие

науки. Надо четко отделять свой вклад в науку от того, что было сделано предшественниками. Некоторые предпочитают дать в конце своей книги общий список использованной литературы, без ссылок в тексте. В этом случае читателю остается только гадать, действительно ли автор использовал эти источники или привел их перечень просто для «солидности» своего произведения. В целом читатели с пониманием относятся к моей манере изложения. В одном из комментариев в мой адрес говорится: «Автор как бы ведет читателя сквозь лабиринт верных, неверных и наполовину верных мнений, высказанных за долгую историю политической экономии. Он показывает свое отношение к ним и таким способом выстраивает единственно правильную линию». Конечно, слишком сильно сказано. Не претендую на истину в последней инстанции, но стремлюсь все-таки докопаться до сути дела и соблюдать при этом элементарную научную добросовестность.

Обычно стараюсь избегать полемики, и об этом тоже бывают вопросы в читательских письмах. Каждый вправе высказывать свою точку зрения. Ожесточенная полемика – довольно непродуктивное занятие. Пусть не покажется странным, но мне не слишком нравится избитое мнение «в спорах рождается истина». Во многих спорах, при всем их накале, истина так и не рождается. Более того, для установления истины спор отнюдь не является обязательным условием. Думается, научная истина рождается все же не в споре, а в серьезном научном исследовании. Леонардо да Винчи, этот величайший гений всех времен и народов, в своем трактате «Об истинной и ложной науке» сказал: «И поистине всегда там, где недостает разумных доводов, там их заменяет крик, чего не случается с вещами достоверными. Вот почему мы скажем, что там, где кричат, там истинной науки нет, ибо истина имеет одно единственное решение, и когда оно оглашено, спор прекращается навсегда». Прекрасно сказано!

Есть и такие читатели, которые обвиняют меня в нескромности. «Скромнее надо быть, а не претендовать подобно Марксу на создание общеэкономической теории», - с праведным гневом написал мне один известный экономист. Что на это ответить? Конечно, скромность украшает человека. Но если бы ученые были слишком скромны, они не делали бы изобретений и открытий! Путем отказа от пустословия, от излишней полемики и от заимствования чужих результатов мне удается до предела сократить объем моих книг. Один из читателей моей первой книги прислал такой комментарий: «Эта небольшая и очень скромно изданная книга гораздо интереснее и содержательнее многих толстых и роскошных томов!» Я благодарен этому читателю

за то, что он оценил мое нежелание писать очередной фолиант. Их уже столько накопилось за долгую историю политической экономии! И настоящую книгу тоже постарался сделать достаточно лаконичной.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание.
2. Маршалл А. Принципы политической экономии. Пер. с англ. – М.: Прогресс, т. 1, 1983; т. 2, 1984; т. 3, 1984.
3. Политическая экономия: учебник для вузов / Медведев В.А., Абалкин Л.И., Ожерельев О.И. и др. – М.: Политиздат, 1990.
4. Абалкин Л.И. Экономические законы социализма. – М.: Наука, 1971.
5. Жамс Э. История экономической мысли XX века. Пер. с франц. – М.: Изд. иностр. лит-ры, 1959.
6. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981.
7. Бернал Дж. Наука в истории общества. Пер. с англ. – М.: Изд. иностр. лит-ры, 1956.
8. Леонтьев Василий. Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика. Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990.
9. Леонардо да Винчи. Избранные естественно-научные произведения. – М.: Изд. АН СССР, 1955.
10. Моисеев Н.Н. Человек, среда, общество (проблемы формализованного описания). – М.: Наука, 1982.
11. Аллен Р. Математическая экономия. Пер. с англ. – М.: Изд. Иностр. лит-ры, 1963.
12. Иванилов Ю.П., Лотов А.В. Математические модели в экономике. – М.: Наука, 1979.
13. Лотов А.В. Введение в экономико-математическое моделирование. – М.: Наука, 1984.
14. Петров А.А., Поспелов И.Г. Системный анализ развивающейся экономики. «Известия АН СССР. Техническая кибернетика», 1979, № 2, с. 18-27; № 3, с. 28-38; № 4, с. 11-23; № 5, с. 13-24.
15. Математическое моделирование. Процессы в сложных экономических и экологических системах. – М.: Наука, 1986.
16. Гранберг А.Г. Математические модели социалистической экономики. – М.: Экономика, 1978.
17. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1968.
18. Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. – М.: Соцэкгиз, 1960.

19. Мартино Дж. Технологическое прогнозирование. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1977.
20. Базаров В.А. К методологии изучения денежной эмиссии. «Вестник Социалистической Академии», 1923, книга 4, с. 28-100.
21. Базаров В.А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. – М.-Л.: Госиздательство, 1927.
22. Щукарев А.Н. Термодинамика и кинетика общественных процессов. «Наука и техника» (Одесса), 1925, № 5-6, с. 12-30.
23. Прокопович Г.А. Механические модели кинетики химических процессов. «Украинский химический журнал», 1926, т.2, № 2, с. 81-104.
24. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989.
25. Новиков Н.Б. 1000 аналогий, изменивших науку (новый взгляд на гениальность). – М.: Институт психологии РАН, 2010.
26. Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962.
27. Тюрго А.Р.Ж. Избранные экономические произведения. – М.: Соцэкгиз, 1961.
28. Рикардо Д. Сочинения, т. 1, М.: Госполитиздат, 1955.
29. Милль Дж. С. Основы политической экономии. В 3-х томах. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980.
30. Шумпетер Й. Теория экономического развития (исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1982.
31. Макконелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. В 2-х томах. Пер. с англ. – М.: Республика, 1992.
32. Бусленко Н.П. Моделирование сложных систем. – М.: Наука, 1968.
33. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. В 2-х томах. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1985.
34. Фельдблюм В.Ш. К общеэкономической теории через взаимодействие наук. – Ярославль: Типография Ярославского государственного технического университета, 1995.
35. Денисон Э. Исследование различий в темпах экономического роста. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1971.
36. Браун М. Теория и измерение технического прогресса. Пер. с англ. – М.: Статистика, 1971.
37. Платонов Ю.П. Психология коллективной деятельности. – Л.: Изд. ЛГУ, 1990.
38. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1978.
39. Drucker P.F. The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. – New York: Harper and Row Publishers, 1968.
40. G.C.Means. The Corporate Revolution in America (Economic Reality vs. Economic Theory). - New York – London, 1964, p. 72.

41. Экономическая энциклопедия. – М.: 1979, т. 3, с. 188.
42. Чангли И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. – М.: Наука, 1973.
43. Тёкеи Ф. К истории общественных формаций. Пер. с венг. – М.: Прогресс, 1975.
44. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
45. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. – New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1973.
46. Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. – New York: The Viking Press, 1970.
47. Ellul J. The Technological Society (Translated from the French by J. Wilkinson). – New York: Vintage Books, 1964.
48. Drucker P.F. The New Society: The Anatomy of Industrial Order. – New York: Harper and Row Publishers, 1962.
49. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1976.
50. Юмашев А.И. Рабовладельческий способ производства. – М., 1957.
51. Genovese E.D. The Political Economy of Slavery. Studies in the Economy and Society of the Slave South. – London: Mac Gibbon and Kee, 1966.
52. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. – Санкт-Петербург: Типография АО «Слово», 1909.
53. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. Пер. с англ. – М.: Изд. иностр. лит-ры, 1959.
54. Хаберлер Г. Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний. Пер. с англ. – М.: Изд. иностр. лит-ры, 1960.
55. Phillips A.W. Stabilisation Policy in a Closed Economy. «Economic Journal», 1954, № 64, p. 290-293.
56. Эйнштейн А. Почему социализм? «Коммунист», 1989, № 17, с. 96-100.
57. Branson W.H. Macroeconomic Theory and Policy. – New York: Harper and Row Publishers., Inc., 1972.
58. Bronfenbrenner M. Income Distribution Theory. – Chicago: MacMillan, 1971.
59. Davidson P. Theories of Aggregate Income Distribution. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1959.
60. Weintraub S. An Approach to the Theory of Income Distribution. – Philadelphia: Chilton Company, 1958.
61. Rothschild K.W. The Theory of Wages. – Oxford: Basil Blackwell, 1954.
62. Лилли С. Люди, машины, история. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1970.
63. Fourastie J. La Grande Metamorphose du XX Siècle. – Paris: Presses Universitaires de France, 1961.
64. Хайек Ф.А.,фон. Дорога к рабству. Пер. с англ. – М.: Экономика, 1992.
65. Friedman M. Capitalism and Freedom. – Chicago, London: Phoenix Books. The University of Chicago Press, 1963.

66. Clark J. M. Economic Institutions and Human Welfare. – New York: Alfred A. Knopf, 1957.
67. Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. Third Edition. – New York, Hagerstown, San Francisco, London: Harper Colophon Books (Harper and Row, Publishers), 1975.
68. Eucken W. Die Grundlagen der Nationalökonomie. – Berlin, Göttingen, Heidelberg: Springer-Verlag, 1950.
69. Erhard L. Wohlstand für alle. – Düsseldorf: Econ-Verlag GMBH, 1957.
70. Erhard L. Deutsche Wirtschaftspolitik: Der Weg der Socialen Markwirtschaft. – Düsseldorf, Wien: Econ; Frankfurt/Main: Knapp, 1962.
71. Schiller K. Der Ökonom und die Gesellschaft (Das freiheitliche und das soziale Element in der modernen Wirtschaftspolitik). – Stuttgart: Gustav Fischer Verlag, 1964.
72. Bohm F. Wirtschaftsordnung und Staatsverfassung. – Tubingen: J.-C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1975.
73. Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь. – М.: Дело, 1993.
74. Means G.C. Pricing Power and the Public Interest. – New York: Harper and Brothers Publishers, 1962.
75. Барак Обама. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты. – Санкт-Петербург: Изд. «Азбука», 2008.
76. Katzell R.A., Bienstock P., Faerstein P.H. A Guide to Worker Productivity Experiments in the United States 1971-75. – New York: New York University Press, 1977.
77. Davis L.E., Cherns A.B., and accotiates. The Quality of Working Life. Volume one. Problems, Prospects and the State of the Art. – New York: The Free Press, 1975.
78. Klein L. New Forms of Work Organization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
79. Glaser E.M. Productivity Gains through Worklife Improvements. – New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1976.
80. Макарова И.К. Управление человеческими ресурсами в российских организациях. – М.: Владос, 2002.
81. Соболевская А.А. Изощренный механизм эксплуатации. – М.: Экономика, 1988.
82. Гэлбрейт Дж. К., Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988.
83. Тоффлер Элвин. Третья волна. Пер. с англ. – М.: Изд. АСТ, 2010.
84. Карпович О.Г. Экономическая преступность в США – М.: Изд. «Юнити-Дана», 2013.
85. Льюис Майкл. Большая игра на понижение. Тайные пружины финансовой катастрофы. Пер. с англ. – М.: Изд. «Альпина Паблишер», 2011.

86. Бодрийяр Жан. Общество потребления. Пер. с франц. – М.: Республика, 2006.
87. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. – М.: Изд. АСТ, 2003.
88. Кампфнер Д. Свобода на продажу. Пер. с англ. – М.: Изд. АСТ, 2012.
89. Эйнштейн А. Почему социализм? «Коммунист», 1989, № 17, с. 96-100.
90. Зиновьев Александр. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. – М.: Центрополиграф, 1994.
91. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Госполитиздат, 1952.
92. Политическая экономия: учебник. Том 2. Социализм – первая фаза коммунистического способа производства / Румянцев А.М., Козлов Г.А., Волков М.И. и др. – М.: Политиздат, 1980.
93. Саркисян Г.С. Основной экономический закон социализма. – М.: Экономика, 1975.
94. Шаталин С.С. Принципы и проблемы оптимального планирования народного хозяйства. – М.: 1971.
95. Еремин Ю.Е. О противоречиях между производством и потребностями. – М.: Изд. МГУ, 1968.
96. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания 1955 года. – М.: Наука, 1990.
97. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
98. Два взгляда из-за рубежа: переводы. – М.: Политиздат, 1990.
99. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. – М.: Интер-Версо, 1990.
100. Введение в марксистское обществоведение. / Ф.М.Бурлацкий и др. – М.: Политиздат, 1989, стр. 198.
101. Drucker P.F. The New Society: The Anatomy of Industrial Order. – New York: Harper and Row Publishers, 1962.
102. http://akademik-sakharov.narod.ru/links.html
103. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1988.
104. Егор Гайдар. Государство и эволюция. – М.: Изд. Евразия, 1995.
105. Егор Гайдар. Гибель империи: уроки для современной России. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (Росспэн), 2006.
106. Сорос Д. Советская система: путь к открытому обществу. Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991.
107. Владислав Фельдблюм. Вторжение в незыблемое (путь химика в политическую экономию). – Ярославль: Изд. «Еще не поздно!» ООО НТЦ «Рубеж», 2007.
108. Тэтчер Маргарет. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. Пер. с англ. – М.: Изд. «Альпина Паблишер», 2003.

109. Ясин Е.Г. Новая эпоха – старые тревоги: Экономическая политика. – М.: Новое издательство, 2004.
110. Джордж Сорос. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. Пер. с англ. – М.: 2001.
111. Galbraith J.K. American Capitalism. The Concept of Countervailing Power. – Boston, Houghton Mifflin Co., 1952.
112. Studies in the Quantity Theory of Money / Ed. by Milton Friedman at al. – Chicago: The University of Chicago Press, 1956.
113. Friedman M. Essays in Positive Economics. – Chicago, London, 1966.
114. Петраков Н.Я. Кибернетические проблемы управления экономикой. – М.: Наука, 1974, с. 132-135.
115. Wolf R.D, Resnick S.A. Economics: Marxian versus Neoclassical. – Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press, 1987.
116. http://vibory.viperson.ru/main.php?IH=9069&ID=456504
117. Сборник: "Реформы глазами российских и американских ученых", под редакцией акад. О.Т. Богомолова. – М.: 1996.
118. Фромм Эрих. Бегство от свободы. Пер. с англ. – М.: Изд. АСТ, 2009.
119. Zbignew Brzezinski. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the Twenty First Century. – New York, 1993.
120. Ignacio Ramonet. Geopolitique du Chaos. – Paris, 1997.
121. Alain Touraine. Pourrons-nous vivre ensemble? – Paris, 1997.
122. Kissinger H.A. Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. – New York – London, 2001.
123. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. Пер. с англ. – М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003.
124. Wallerstein Emmanuel. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. – New York, 2003.
125. Brzezinski Zb. The Chaos. Global Domination or Global Leadership? – New York, 2004.
126. Тойнби А.Дж. Постижение истории. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991.
127. Медведев Р. Подъем Китая. – М.: Астрель, 2012.
128. Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. Пер. с англ. - М.: Изд. «Европа», 2009.
129. Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. – 2-е изд., расшир. и доп. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012.
130. Шарп Джин. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / 2-е изд., испр. Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2012.
131. Грэхем Лорен. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. Пер. с англ. – М.: Изд. «Манн, Иванов и Фербер», 2014.
132. Лебон Густав. Психология народов и масс. Пер. с франц. – М.: Изд. «Академический проект», 2011.

133. Миронов С.М. Обгон по левому краю. Уроки политической борьбы. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012.
134. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012.
135. http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf
136. http://svop.ru/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B/strategy-xxi/9997/
137. А.Я.Лившиц, И.Н.Никулина и др. Введение в рыночную экономику. – М.: Высшая школа, 1995.
138. В.Ш.Фельдблюм. О положении в науке и образовании. «Ректор вуза», 2009, № 10, с. 36-37.
139. Владислав Фельдблюм. Свобода невыбора (письмо в редакцию). – «Российская газета (Федеральный выпуск)» № 5440 от 28 марта 2011 г. http://www.rg.ru/2011/03/28/letter.html

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абалкин Л.И. 10, 105
Абрамович Р.А. 143
Базаров В.А. 19, 20, 21
Байбаков Н.К. 118
Белл Д. 60, 215, 216, 217
Бем Ф. 82
Бердяев Н.А. 107
Березовский Б.А. 154
Бернал Дж. 13, 46
Бертло М. 49
Бжезинский Зб. 60, 205, 206, 207
Бодрийяр Ж. 74
Бор Нильс 4, 53
Брежнев Л.И. 167
Бройль де 4, 53
Буаст П.
Бутлеров А.М. 48
Буш Дж. младший 87
Буш Дж. старший 86
Валлерстайн Э. 206
Вальрас Л. 15
Вернадский В.И. 12
Гайдар Е.Т. 128, 129, 131, 139
Гейзенберг В. 4, 53
Герцберг Ф. 38, 39
Гонтмахер Е.Ш. 157, 159, 160, 167
Горбачев М.С. 86, 96, 123, 124, 125, 130, 165, 174, 175
Госсен Г. 15
Грибоедов А.С. 299
Гринберг Р.С. 247
Гусинский В.А. 154
Гэлбрейт Дж. 60, 72, 73, 74, 97, 98, 99, 132, 142, 180, 217, 273
Денисон Э. 31, 39, 40
Джевонс У. 15, 24
Джонсон Л. 85
Дирак 4
Дмитриев В.К. 15
Друкер П. 52, 60, 83, 91, 92, 119, 180

Дэн Сяопин 211, 238
Ельцин Б.Н. 86, 128, 130, 137, 151, 152, 153, 168, 175, 218, 219, 297
Еремин Ю.Е.
Жамс Э. 11, 18
Жид А. 115
Зиновьев А. 103
Зубков В.А. 156
Интрилигейтор М. 149
Кампанелла Т. 208
Кампфнер Дж. 101
Канторович Л.В. 15, 16
Караганов С.А. 198
Картер Дж. 86
Касьянов М.М. 153, 155
Кейнс Дж.М. 47, 69, 74, 78, 86, 112, 180
Кеннеди Д. 228
Кенэ Ф. 18, 24
Кириенко С.В. 153
Киссинджер Г. 205
Кларк Дж. 79, 80
Клинтон Б. 87, 206, 230
Кольбе Г. 49
Кондратьев Н.Д. 21, 180
Коперник Н. 48
Королев С.П. 49
Косыгин А.Н. 118
Кржижановский Г.М. 117
Купманс Т. 15
Курчатов И.В. 49
Ленин В.И. 10, 35, 114, 115, 117, 122, 181, 209, 216, 248
Леонардо да Винчи 14
Леонтьев В.В. 14, 15, 16, 17, 25, 26, 29, 82, 126, 180, 234
Ли Куан Ю. 243, 244
Ломоносов М.В. 48
Максвелл Дж. 48
Мао Цзэдун 234
Маркс Карл 9, 10, 15, 18, 22, 26, 27, 36, 37, 39, 41, 44, 45, 55, 57, 59, 61, 62, 67, 75, 76, 77, 78, 80, 81, 101, 104, 106, 109, 110, 111, 112, 114, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 203, 207, 208, 217, 221, 300
Маршалл Альфред 10, 11, 19, 24, 26, 29, 58, 66, 94, 112, 120, 164, 179, 180
Маршалл Дж. 85, 233
Маслоу А. 39
Медведев В.А. 10
Медведев Д.А. 156, 157, 167, 170, 171, 286

Медведев Рой 239
Менделеев Д.И. 33, 49
Меншуткин Н.А. 49
Меньшиков С. 97
Милль Джон Стюарт 24
Минс Г. 4, 53, 83, 84, 180
Миронов С.М. 225
Мор Томас 208
Нейман Дж. фон 15
Немчинов В.С. 15, 16
Никсон Р. 72, 85
Новожилов В.В. 15, 16
Ньютон И. 48
Обама Б. 87, 88, 89, 90, 91, 176, 231
Ойкен В. 81, 82, 233
Оуэн Р. 208
Парето В. 15
Петраков Н.Я. 134
Петров А.А. 16
Петти У. 36
Пигу А. 29, 119
Платон 208
Плеханов Г.В. 248
Порошенко П.А. 173
Примаков Е.М. 153
Прокопович Г.А. 21
Путин В.В. 130, 143, 153, 154, 155, 156, 157, 167, 168, 170, 171, 173, 175, 177, 178, 189, 224, 225, 254, 257, 286, 297
Рамоне И. 205
Рейган Р. 86, 229, 230
Риккардо Давид 24
Ростоу У. 58, 59, 60, 61
Рузвельт Франклин Делано 70, 71, 72, 84, 88, 227
Рыжков Н.И. 127
Самуэльсон П. 15, 180, 228
Сантаяна Дж. 50
Сахаров А.Д. 116, 123, 124, 219
Селигмен Б. 17, 38, 74
Сен-Симон А. 208
Смит Адам 24, 36
Соловьев С.М. 257
Солоу Р. 15
Сорос Дж. 131, 149, 204
Софокл 67

Сталин И.В. 104, 114, 115, 178, 209, 224, 238
Стиглиц Дж. 149, 206
Текеи Ф. 58
Тинберген Я. 15
Тойнби А. 47, 237
Тоффлер Э. 61
Трумэн Г. 84
Туган-Барановский М.И. 69, 70
Турен А. 205
Тэтчер М. 131, 177, 203, 204
Тюрго А.-Р.-Ж. 24, 66
Фейхтвангер Л. 115
Флобер Г. 7
Форд Дж. 86
Фрадков М.Е. 155, 156
Фридман М. 69, 78, 79, 101, 133
Фурастье Ж. 95
Фурье Ш. 208
Хайек Ф. фон 78
Хантингтон С. 100
Хикс Д. 15
Ходорковский М.Б. 154
Хрущев Н.С. 113, 174, 213, 222, 238
Чангли И. 55
Черномырдин В.С. 139, 149, 222
Шаталин С.С. 105
Шиллер К. 82
Шредингер Э. 22, 33
Шумпетер Й. 24, 26, 80, 81, 180
Щукарев А.Н. 20, 21, 22
Эджуорт Ф. 15
Эйзенхауэр Д. 85
Эйнштейн А. 74, 103
Энгельс Фридрих 9, 10, 11, 14, 15, 18, 39, 57, 67, 73, 74, 75, 78, 80, 104, 107, 109, 110, 111, 112, 114, 116, 181, 187, 203, 207, 208, 221
Эрроу К. 15
Эрхард Л. 82
Юргенс И.Ю. 157, 159, 160, 167
Явлинский Г.А. 165
Яковлев А.Н. 174
Янукович В.Ф. 173
Ясин Е.Г. 122, 123, 248, 249

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ
адресатов, которым была выслана в дар книга:
В.Ш. Фельдблюм.
«К общеэкономической теории через взаимодействие наук» - Ярославль, типография Ярославского государственного технического университета, 1995 г.

1. Российская книжная палата (Москва)
2. Российская государственная библиотека (Москва)
3. Государственная публичная научно-техническая библиотека (Москва)
4. Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
5. Всероссийский институт научной и технической информации (Москва)
6. Институт научной информации по общественным наукам (Москва)
7. Всероссийский научно-технический информационный центр (Москва)
8. Библиотека Московского государственного социального университета (Москва)
9. Библиотека Российского государственного гуманитарного университета (Москва)
10. Библиотека экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва)
11. Библиотека Санкт-Петербургского государственного университета
12. Библиотека Российской экономической академии им. Г.В.Плеханова (Москва)
13. Библиотека Горбачев фонда (Москва)
14. Библиотека Института проблем рынка (Москва)
15. Библиотека Центрального экономико-математического института (Москва)
16. Библиотека Института экономики РАН (Москва)
17. Научная библиотека им. А.М.Горького при МГУ (Москва)
18. Государственная научно-педагогическая библиотека им. К.Д.Ушинского (Москва)
19. Фундаментальная научная библиотека Научно-исследовательского конъюнктурного института (Москва)
20. Библиотека Института социально-политических исследований РАН (Москва)
21. Библиотека Московского государственного социального университета (Москва)
22. Библиотека Академии труда и социальных отношений (Москва)
23. Научная библиотека профсоюзов (Москва)
24. Государственная общественно-политическая библиотека (Москва)
25. Библиотека социально-экономического университета (Москва)
26. Библиотека Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва)
27. Библиотека Института международных экономических и политических исследований РАН (Москва)
28. Библиотека Института психологии РАН (Москва)
29. Библиотека Высшей школы экономики (Москва)
30. Библиотека Института проблем переходного периода (Москва)

31. Библиотека Государственной академии управления (Москва)
32. Библиотека Военной Академии Генерального штаба РФ (Москва)
33. Библиотека Военной Академии им. М.В.Фрунзе (Москва)
34. Библиотека Военной Академии им. Ф.Э.Дзержинского (Москва)
35. Библиотека Военной Академии химической защиты им. Маршала С.К.Тимошенко (Москва)
36. Библиотека Военно-воздушной Академии им. Ю.А.Гагарина (Монино, Московской области)
37. Парламентская библиотека (Москва)
38. Библиотека Совета Федерации РФ (Москва)
39. Аналитический центр при Президенте РФ (Москва)
40. Экономическое управление Администрации Президента РФ (Москва)
41. Экспертный Совет при Правительстве РФ (Москва)
42. Центр экономической конъюнктуры при Правительстве РФ (Москва)
43. Библиотека Ярославского государственного университета им. Демидова (Ярославль)
44. Библиотека Ярославского государственного технического университета (Ярославль)
45. Библиотека Ярославского государственного педагогического университета (Ярославль)
46. Библиотека Ярославской государственной сельскохозяйственной академии (Ярославль)
47. Библиотека Ярославской государственной медицинской академии (Ярославль)
48. Библиотека ОАО НИИ «Ярсинтез» (Ярославль)
49. Ярославская областная библиотека им. Н.А.Некрасова (Ярославль)
50. Ярославская городская библиотека им. М.Ю.Лермонтова (Ярославль)
51. Администрация Ярославской области – Управление экономики и прогнозирования (Ярославль)
52. Библиотека Самарского государственного университета (Самара)
53. Библиотека Томского государственного университета (Томск)
54. Библиотека Омского государственного университета (Омск)
55. Библиотека Красноярского государственного университета (Красноярск)
56. Библиотека Новосибирского государственного университета (Новосибирск)
57. Библиотека Удмуртского государственного университета (Ижевск)
58. Библиотека Пермского государственного университета (Пермь)
59. Библиотека Тульского государственного университета (Тула)
60. Библиотека Иркутского государственного университета (Иркутск)
61. Библиотека Иркутской государственной экономической академии (Иркутск)
62. Библиотека Дагестанского государственного университета (Махачкала)
63. Библиотека Воронежского государственного университета (Воронеж)
64. Библиотека Волгоградского государственного университета (Волгоград)
65. Библиотека Кемеровского государственного университета (Кемерово)
66. Библиотека Амурского государственного университета (Благовещенск)
67. Библиотека Алтайского государственного университета (Барнаул)

68. Библиотека Башкирского государственного университета (Уфа)
69. Библиотека Кубанского государственного университета (Краснодар)
70. Библиотека Тамбовского государственного университета (Тамбов)
71. Библиотека Тверского государственного университета (Тверь)
72. Библиотека Ульяновского государственного университета (Ульяновск)
73. Библиотека Ивановского государственного технического университета (Иваново)
74. Библиотека Мурманского государственного технического университета (Мурманск)
75. Библиотека Калининградского государственного технического университета (Калининград)
76. Библиотека Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)
77. Екатеринбургская государственная публичная библиотека (Екатеринбург)
78. Государственная библиотека имени В.И.Ленина республики Беларусь (Минск)
79. Ростовская-на-Дону государственная научная библиотека имени Карла Маркса (Ростов-на-Дону)
80. Пермская государственная областная научная библиотека им. А.М. Горького (Пермь)
81. Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского Отделения РАН (Новосибирск)
82. Библиотека Института экономики СО РАН (Новосибирск)
83. Библиотека Конгресса США (Вашингтон, США)
84. Библиотека Франклина Делано Рузвельта (Нью-Йорк, США)
85. Библиотека Стокгольмского международного исследовательского института Мира (СИПРИ), Стокгольм, Швеция
86. Библиотека Гарвардского университета (Кембридж, Массачусетс, США)
87. Библиотека Массачусетского технологического института (Кембридж, США)
88. Библиотека Национального бюро экономических исследований (Кембридж, США)
89. Библиотека Оксфордского университета (Оксфорд, Англия)
90. Библиотека университета Амстердама (Амстердам, Нидерланды)
91. Библиотека университета Пэйзли (Шотландия)
92. Библиотека имени Карла Маркса (Лондон, Англия)
93. Библиотека Лондонской школы экономики (Лондон, Англия)
94. Библиотека Кнессета (Иерусалим, Израиль)
95. Библиотека Берлинского технического университета (Берлин, Германия)
96. Библиотека университета Трира (Трир, Германия)
97. Библиотека университета Париж-1 (Сорбонна), Франция
98. Библиотека Австрийской Академии Наук (Вена, Австрия)
99. Библиотека Организации Объединённых Наций (Женева, Швейцария)
100. Библиотека университета Гаваны (Куба)

ОБ АВТОРЕ

Владислав Шуньевич Фельдблюм, доктор химических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Родился в 1935 г. Окончил Ярославский технологический институт (ныне Ярославский государственный технический университет - ЯГТУ). В 1958-1995 гг. работал в ярославском Научно-исследователь-ском институте мономеров для синтетического каучука (НИИМСК), ныне ОАО НИИ «Ярсинтез». В течение 35 лет (1960-1995) заведовал крупной научно-исследовательской лабораторией. В последующие 18 лет (1996-2013) работал профессором кафедры общей и физической химии Ярославского государственного технического университета.

В начале 60-х открыл новые гомогенные катализаторы, позволяющие проводить низкотемпературную димеризацию олефинов (при комнатной температуре и атмосферном давлении). Это пионерское изобретение было защищено авторскими свидетельствами СССР и запатентовано в Англии, Франции, Италии, Германии и др. Руководил многими актуальными технологическими разработками, осуществлял научную координацию исследований с участием специалистов различного профиля. Среди этих разработок – новые способы получения изопрена и бутадиена, новые катализаторы и процессы синтеза олефинов и циклоолефинов, процессы селективного гидрирования, изомеризации, диспропорционирования (метатезиса) и др. Особенно перспективна разработка новой гибкой непрерывной технологии взаимного превращения различных непредельных углеводородов, проверенная не только в лаборатории, но и в полузаводском масштабе. Эта технология открывает возможность расширения

сырьевой базы производства важных химических продуктов, вплоть до перевода его в будущем на «безнефтяную» сырьевую основу.

Под его научным руководством разработана и реализована на практике технология получения таких ценных химических продуктов, как циклопентадиен, циклопентен, циклооктен, этилиденнорборнен, эпоксиоктен, триметилсилилпропин, эсперон, кетамин и др. Среди новых продуктов – мономеры для полимерных материалов с ценными свойствами, синтетические душистые вещества, эффективные лекарственные средства, химикаты для применения в специальной технике и т.д. Эти разработки выполнялись в творческом сотрудничестве с академическими и отраслевыми институтами, вузами, промышленными предприятиями, проектными организациями. Является автором или соавтором 100 изобретений, 12 книг, более 150 научных статей, научно-технических отчётов, технологических регламентов и других научных трудов. Подготовил 15 кандидатов химических и технических наук. Имеет награды, премии на престижных конкурсах и пр.

Одновременно, в течение почти 40 лет, разрабатывал современную, междисциплинарную общеэкономическую теорию. Всё это время интенсивно занимался самообразованием: изучал политическую экономию и производственную экономику, высшую и вычислительную математику, историю, философию, психологию. Результаты этих междисциплинарных исследований обобщены в его книгах «К общеэкономической теории через взаимодействие наук» (1995) и «Вторжение в незыблемое: путь химика в политическую экономию» (2007). Активно выступает в интернете в качестве экономиста, философа, социолога и политического комментатора. К настоящему времени область научных интересов профессора Фельдблюма значительно расширилась. В неё входят исследования на стыке наук, аналогия природных и общественных процессов, применение математических методов в гуманитарных науках, создание междисциплинарной общеэкономической теории.

Отзывы и замечания о книге
присылать автору по электронной почте:
vladislav_feldbl@mail.ru
08061935@mail.ru

Научное издание

Владислав Фельдблюм

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ДЕЙСТВИИ

Издательско-полиграфический комплекс «Индиго»
150049 г. Ярославль, ул. Свободы, 97

Подписано в печать 12.11.2014.
Печ. л. 19. Заказ 973. Тираж 100.

Отпечатано в типографии Ярославского государственного
технического университета
г. Ярославль, ул. Советская, 14 а, тел. 30-56-63.